Восточная Европа в древности и средневековье

XXVII

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА

XXVII Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Москва, 15–17 апреля 2015 г.

Материалы конференции

Москва
2015

ББК 63.3
В 782

Конференция проводится при поддержке РГНФ
проект № 15-01-14010

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Т.М. Калинина (ответственный секретарь)
к.и.н. А.С. Щавелев (ответственный секретарь)
д.и.н. Т.В. Гимон
к.и.н. Г.В. Глазырина
д.и.н. Т.Н. Джаксон
д.и.н. И.Г. Коновалова
д.и.н. А.В. Назаренко
д.и.н. А.В. Подосинов
д.и.н. Л.В. Столярова

ISBN 978-5-94067-432-0
В 782

© Институт всеобщей истории РАН 2015 г.
© Коллектив авторов 2015 г.

С.Ю. Агишев

НОРВЕГИЯ: ОДАЛЬ КОРОЛЯ ИЛИ ЕГО ЛЕН?

Отличительной чертой имущественных отношений в средневековой Норвегии было существование права одаля. В историографии его характеризуют как особое привилегированное право собственности, как своеобразную точку отсчета в шкале полноты владельческих прав как таковых (Гуревич 1977. С. 42–83; Kleven 2004. S. 45–112; Агишев 2004. С. 167–168, 197, 232). Но проблема отношения королевской власти к одалю рассматривалась лишь в отдельных аспектах. В частности, внимание привлек пассаж о так называемом «отнятии одаля» конунгом Харальдом Прекрасноволосым (Bull 1920. S. 481–492; Гуревич 1956; Krag 1989. S. 288–302; библиография: Krag 2002. S. 381–394). Удалось ли преемникам легендарного объединителя Норвегии сделать страну своим одалем? Как сочетались между собой дискурс имущественный и потестарный?

Норвежское средневековое законодательство регулировало владельческие права государя, но ни в одном из нормативных текстов право одаля короля на территорию государства не оговорено. Имелись ли у верховной власти механизмы имущественного присвоения себе подвластных земель?

Наличие права одаля порождало неотъемлемые права-обязанности индивида. Правда, законодательство XII–XIII вв. уже предусматривало в отдельных случаях отторжение у провинившегося *земель одаля*. Тем не менее оно не лишало его *этого права* потенциально, в чем также проявился распад некогда единого феномена. Вместе с этим возникла возможность закрепления статуса собственника особого рода за отдельным индивидуумом вне зависимости от его реального взаимоотношения с объектом собственности. Данная коллизия предоставляла возможность распространять владельческий статус конкретной личности на приобретаемую ей собственность; правда, в случае с одалем речь шла только о земельных владениях (Гуревич 1977. С. 56–58; Агишев 2004. С. 197, 219). Данная рецепция права одаля была отчасти использована королевской властью для укрепления ее позиций в, так сказать, имущественном разрезе.

Актуализировать право одаля в контексте утверждения особых владельческих отношений короля с территорией государства заставили обстоятельства, в которых короли из новой «династии Сверрира» были вынуждены доказывать свою легитимность, фактически не являясь законными наследниками королевского титула. Так, «партия ярла Эрлинга», пришедшая к власти в начале 1160-х годов, усадив на трон сына всемогущего временщика – Магнуса Эрлингссона (1161–1184), не нуждалась в манипуляции правом одаля в свою пользу. Тем не менее в норвежском областном законодательстве, кодифицированном как раз в царствование Магнуса Эрлингссона, встречаются пассажи, которые указывают на то, что имущественный дискурс в отношении обладания королем своей страной как материальным объектом был не чужд тогдашнему правосознанию. Общим местом при определении наказания преступнику, совершившему проступок, за который не предусматривалось возмещения, стала формула «scal hann fara or landeign (lande) konongs várs» – букв. «он должен покинуть землю, которой владеет наш король» (Eithun 1994. S. 36, 43–52 ff.). Термин *eignir* всегда обозначает земельные владения, на которые право одаля не распространяется. Магнусу Эрлингссону доставало легитимности, чтобы не вторгаться в область традиционных земельных правоотношений. Кроме того, церковная коронация, новый принцип престолонаследия были нужны, чтобы придать персоне короля особую сакральность, отделив его от всех прочих смертных, тогда как придание ему статуса одальсманна могло низвести государя до уровня простолюдина.

Представителям «династии Сверрира» как раз не хватало не только сакральной (церковная коронация Сверрира была проведена почти с применением насилия к епископам, оказавшимся в плену у короля), но и материальной связи с норвежскими землями. Авторитет и сила Сверрира давали возможность не манипулировать правом одаля: традиционным в легитимистской риторике Сверрира было обращение к «законам святого короля Олава». Но вот его внуку, королю Хакону Хаконарсону, для доказательства законности своей власти пришлось апеллировать не только к наследственному, но одновременно и к имущественному праву.

В обширном тексте «Саги о Хаконе Хаконарсоне» термин «одаль» встречается лишь четыре раза, но возникает в центральных для развития сюжета моментах. Так, для трёндов принципиально, что король Инги II, в отличие от своего брата ярла Хакона Шального, имеет собственно трёндское происхождение и «рожден с правом на одаль» (Mundt 1977. S. 2). Король Хакон IV на Государственном собрании в Бергене 1223 г. заявляет, что Норвегия является наследством, доставшимся ему от отца, а он сам, согласно новому и старому праву, является «законным одальсманном Норвегии» (Ibid. S. 53). Так впервые норвежский король заявил свои владельческие права на страну как на свой одаль, но в устах автора саги – Стурлы, сына Торда – это должно восприниматься почти как обвинение в узурпации никогда не принадлежавшего королю права. Далее мысль о том, что Норвегия – одаль короля, вкладывается в уши государя его приближенными в самом начале 1237 г., когда заговор ярла Скули с целью приобрести себе норвежский престол стал набирать обороты. Сторонники короля призывают государя быть решительным, поскольку тот больше не должен упускать из рук «своего одаля и земельных владений» (Ibid. S. 95). Одновременно сторонники ярла Скули также заверяют своего патрона в законности его притязаний на королевский титул, который он должен получить, равно как и «свой одаль и земельные владения» (Ibid. S. 102). Как видно, различия прав на земельную собственность терминологически прослеживаются и в саге. Положения имущественного права, касающиеся одаля, становятся принципиальными аргументами в конфликте, достигшем своей высшей точки и угрожавшем вновь поставить страну на грань гражданской войны.

«Земский закон» («Ландслов») Магнуса Исправителя Законов не называет Норвегию одалем короля. Однако имущественные права государя упоминаются там в контексте темы престолонаследия. Один из пассажей, комментируя права тех представителей королевской фамилии, которые не имели права на престол, имплицитно определяет три категории земель, в отношении которых у государя имелись имущественные права (NgL II 1848. S. 28–29).

Первую составляли те, что принадлежали королевскому роду. Ими король мог распоряжаться подобно любому собст-

веннику как глава своего рода. С точки зрения наследственного права и требования давности владения король мог считаться одальсманном, хотя таковым он нигде в отношении своих собственных земель не назван. Во вторую входили те, что принадлежали королевству. Формально этими землями король только управлял, а собственником их была корона, утеря которой лишала короля какого бы то ни было права на них. К третьей категории относились земли в распоряжении которыми было «отказано» королю государством. Ими являлись лены, передававшиеся кому-либо государем в кормление, и которые затем должны быть возвращены назад в казну. Тем самым реализовывалось право короля как верховного правителя на пользование и/или распоряжение землями королевства; однако собственником этих земель он не становился.

В результате нормативной установкой стало представление о государственной собственности, которое, как видится, развилось из осмысления феномена альменнинга в раскрытии того механизма, посредством которого любой субъект права мог реализовать в отношении этих земель свои имущественные права. Имелись они и у короля, который распоряжался этим фондом с целью организации обороны страны от внешних нападений. Право распоряжения альменнингом вырастало из традиционных обязанностей конунга, но не актуализировало его права как собственника.

Другой вариант реализации королем себя в этом качестве был испробован в рамках феодального права. Тяготясь властью всесильного ярла Эрлинга Кривого, фактически управлявшего государством в малолетство своего сына короля Магнуса Эрлингссона, архиепископ Эйстейн задумал изменить соотношение сил в стране и вознести персону короля на недосягаемую высоту. Юному монарху навязывался более тесный союз с церковью, призванный ослабить позиции светской власти, воплощенной фактически в ярле Эрлинге, в пользу носителя меча власти духовной. С этой целью архиепископ Эйстейн инспирировал ритуал добровольного поднесения норвежской короны, которой малолетний государь был увенчан в 1161 г. самим Магнусом Эрлингссоном Олаву Святому (NgL I 1846. S. 442–444). Магнус Эрлингссон как бы расставался с полученной им

короной, а Олав Святой получал предмет, задействованный в церемонии церковной коронации, тем самым сам как бы принимая в ней участие и становясь коронованным монархом.

Отныне корона Норвегии должна постоянно находиться на раке с мощами Олава Святого, теперь она принадлежит только ему. Корона становится самостоятельным институтом верховной власти и фактически отчуждается у короля и ритуально, и как материальный объект, как атрибут, манифестирующий его исключительное положение во властной иерархии. Это исключительное положение занимает только Олав Святой, воистину становясь «вечным королем Норвегии», каковым он впервые назван в латинской «Истории Норвегии», также созданной в церковных кругах (Ekrem 2003. S. 86). Также *навечно* Олаву Святому отходит и само королевство, становясь тем самым его доменом.

Встречный акт в случае заключения подобного контракта заключался в передаче Олавом Святым Норвегии в лен юному королю. Именно в этом символическом акте Норвегия обретает свое территориальное единство, будучи помыслена как единое целое. Вместе с тем король потенциально приобретал права держателя домена своего сеньора, а страна превращалась в феодальное срочное держание короля. Запрещение в последующем акта субфеодации с тем, чтобы не допустить появления у кого-либо вассалов, не подчиненных непосредственно королю, выглядит вполне логичным. Но живущий король – сам лишь только держатель, а не собственник страны, который только и мог распоряжаться своей собственностью. Примечательно, что по той же логике в Норвегии была законодательно запрещена субаренда, т.е. вторичная передача арендатором земли, взятой им самим внаем (NgL II 1848. S. 107–108).

Земли королевства принадлежали только короне, которая в подлунном мире представляла и воплощала небесного покровителя государства и его сеньора. Правящий норвежский король мог передать своему леннику только отдельные функции, которые принадлежали ему самому, но не земли, собственником которых он отныне не являлся. В имущественном отношении это были функции только пользователя, а даже не распорядителя. Поэтому узурпация части территории страны являла собой акт

высшего посягновения, нарушение правопорядка, каковому, в силу своей должности, король обязан был препятствовать. Ленные отношения в Норвегии не допускали сопряжения земельного держания с политической властью, что препятствовало установлению частной юрисдикции.

Документа, который фиксировал бы подобную сделку Олава Святого с другим норвежским королем, кроме Магнуса Эрлингссона, не существует. Однако наличие в документах более поздней поры упоминаний о королевских присягах Олаву Святому позволяют предположить, что в определенном смысле вассальные отношения здравствующего норвежского монарха с его небесным сеньором постоянно актуализировались.

Источники и литература

Агишев С.Ю. Эволюция форм собственности и семейной организации в средневековой Норвегии (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

Гуревич А.Я. Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 2.

Bull E. Sagaenes beretning om Harald Hårfagres tilegnelse av odelen // [Norsk] Historisk Tidskrift. 1920. B. 4. S. 481–492.

Eithun – De eldre Gulatingsloven / Utg. B. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994.

Ekrem – Historia Norwegie / Ed. I. Ekrem, L.B. Mortensen. Copenhagen, 2003.

Kleven H.I. Odelsretten. Bare en levning fra ættesamfunnet? Oslo, 2004.

Krag C. Myten om Hårfagreættens odel // [Norsk] Historisk Tidskrift. 2002. Bd. 81. S. 381–394.

Krag C. Norge som odel i Harald Hårfagres ætt // [Norsk] Historisk Tidskrift. 1989. Bd. 68. S. 288–302.

Mundt – Hákonar saga Hákonarsonar / Utg. M. Mundt. Oslo, 1977.

NgL – Norges gamle Love indtil 1387 / Utg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846. Bd. 1; 1848. Bd. 2.

Н.А. Алексеенко

ТЕРРИТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ТАВРИКЕ ПО НАХОДКАМ МОЛИВДОВУЛОВ ИМПЕРСКИХ ЧИНОВНИКОВ И ПРИДВОРНЫХ АРИСТОКРАТОВ

Как известно, источники лишь в редких случаях называют подконтрольные Византийской империи территории Таврического полуострова. В абсолютном большинстве из этих случаев упоминаются лишь какие-то конкретные центры или отдельные области. Выявлению вероятных границ византийских земель в регионе, как нам представляется, в определенной мере могут способствовать находки печатей византийских чиновников и представителей столичного или провинциального нобилитета, отправлявших служебную или частную корреспонденцию местным адресатам. Обнаружение в последнее время всё новых и новых пунктов получения такой корреспонденции в самых разных частях Таврики в известной мере показывает те реальные территории, к которым, так или иначе, проявляла интерес византийская администрация, а также двор и клир. Печати чиновников – безусловное свидетельство существования неких местных функционеров, осуществлявших контакты с центральными или региональными административными службами, что, в свою очередь, означает включение рассматриваемого района в сферу интересов империи и предусматривает соответствующий контроль со стороны чиновничьего аппарата. Печати аристократов – очевидный показатель частных связей местного нобилитета со столичными аристократическими кругами. Впрочем, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что печати аристократов далеко не всегда отражают какие-то личные контакты. Нередко их появление может быть связано с выполнением тех или иных государственных миссий. В качестве одного из таких примеров можно привести печати вестарха Георгия Кедрина, находку которых на Балканах (Румыния, Болгария, Сербия) и в Крыму (Херсон, Судак) связывают либо со сбором информации для известного исторического сочинения Кедрина, либо с исполнением им императорского дипломатического поручения (Šandrov-

skaja 1993. P. 85–98; 1995. P. 153–161; Баранов, Степанова 1997. С. 83–87; Stepanova 1999. P. 47–58; Stepanova 2003. P. 123–130; Степанова 2005. С. 540–541; Йорданов 2006. С. 308).

Кроме того, новые находки печатей не только очерчивают ареал распространения византийской корреспонденции или показывают характер чиновничьих интересов к тому или иному району, но и, надо полагать, подсказывают новые места, которые в будущем могут принести новые важные и ценные археологические открытия.

Традиционно происхождение и находки византийских печатей в Крыму связывали с Херсоном (Соколова 1991. С. 201–213; 1992. С. 191–203). Однако это далеко не единственное место на полуострове, где находят моливдовулы. Давно уже известны печати апоэпарха (?) Стефана VII–VIII вв., стратига Фракии Варды (?) первой половины IX в., магистра Стилиана конца X в. из Партенита (Панченко 1906. С. 160–164) и моливдовул нотария Дмитрия конца VIII – первой половины IX в. из урочища Ласпи (Паршина, Мыц 1977. С. 368–369).

Концентрация печатей фиксируется в византийской Сугдее, где они не только охватывают значительный хронологический период, с VI по XI в., но и представляют достаточно широкий спектр городских корреспондентов (Степанова 2005. С. 537–545; Булгакова 2008. С. 296–330).

В последнее время начали находить печати и на Мангупе. Отсюда происходят моливдовулы логофета Дорофея VII в., архонта Херсона Григория первой половины IX в., а также печати X–XII вв. (Герцен, Алексеенко 2003. С. 59–65; Алексеенко 2011. С. 121–135).

Эти находки – явное свидетельство того, что территория горного Крыма не была в стороне от интересов византийской администрации в Таврике. И, как нам представляется, это подтверждают находки печатей на поселениях, расположенных как у подножья Мангупа, так и на других участках крымских предгорий. Это печати патера полиса Херсона (?) второй половины VI в. из Адым-Чокракской долины (Алексеенко 2008. С. 79–89), ипата Феофилакта VII–VIII вв. из Сюйреньского укрепления (Алексеенко 2011. С. 124–125, № 4, рис. 4), архонта Херсона Григоры первой половины IX в. из окрестностей деревни Хол-

мовка, расположенной недалеко от Эски-Кермена (Там же. С. 124, № 3, рис. 3).

Более того, моливдовулы пост-юстиниановской эпохи, найденные на территории Мангупа и Сюйреньского укрепления, свидетельствуют, что здесь, очевидно, находились какие-то представители местных властей, которым и была адресована соответствующая корреспонденция.

Все чаще и чаще стали появляться моливдовулы и за стенами византийского Херсона, на его сельскохозяйственной хоре. Среди них – печати Георгия из района Балаклавы VII–VIII вв., ипата Зоила из района балки Матюшенко VIII в., диойкита Халдии Михаила первой половины IX в. из района балки Бермана и архонтов Херсона первой половины IX в. из района мыса Фиолент (Там же. С. 130–131, № 9–10) и, наконец, катепана Херсона Никифора Алана 1080-х годов из района Мекензевых гор на северной стороне Севастополя (Алексеенко, Цепков 2012. С. 7–17).

Новые находки печатей фиксируются и на южном берегу Крыма. В последние годы здесь стали известны моливдовулы архонта Херсона и спафарокандидата первой полвины IX в. из раскопок одного из монастырских комплексов в окрестностях горы Аю-Даг и храма на поселении Демерджи I (Алексеенко 2011. С. 126–127, № 5–6). Сюда можно добавить район Симеиза, где не так давно были обнаружены печать Иоанна Комнина – сына севастократора Исаака и племянника императора Алексея I Комнина, которая датируется 1081–1118 гг. (Алексеенко 2013. С. 405–414), и моливдовул Георгия второй половины XII в. из района села Оползневое, где находился один из средневековых замков Биюк-Исар (не издан).

Еще одним регионом, где византийское присутствие прослеживается еще с раннего средневековья, является восточная оконечность Таврики – территория Боспора.

Пусть пока еще немногочисленные, находки моливдовулов VII–VIII вв. на территории Керчи свидетельствуют об очевидных контактах боспорских чиновников с имперской администрацией. Один из таких примеров – печать Максима с монограммой имени, ранга или должности владельца (Алексеенко 2011. С. 128, № 7), найденная на склоне горы Митридат. Из довоенных раскопок (до 1941 г.) в Керчи или ее окрестностях происхо-

дит второй экземпляр моливдовула турмарха Готии Льва конца X в. (Алексеенко 2006. С. 564–570), а из коллекции Н.П. Лихачёва – найденный в Керчи моливдовул Михаила Псидлиана, одного из византийских аристократов XI в. (Лихачёв 1991. С. 108, табл. LXIII, 15).

Безусловную заинтересованность империи в Таврике, на наш взгляд, показывают и обнаруженные здесь буллы знатных придворных сановников, хотя и не дающие нам новых пунктов получения корреспонденции. Среди них севасты Михаил Синадин и Константин Ксир, патрикий Никифор Диабатин, куропалат Никифор Вотаниат, дука Григорий Куркуас и целый ряд других вельмож, не указавших на печатях свои ранги.

Тем не менее появление посланий представителей высших аристократических кругов в главных таврических центрах или в ближайших к ним поселениях, крепостях или замках – очевидное свидетельство тесных контактов столичного или провинциального нобилитета с местными властями и знатью, равно как и подтверждение их территориальной принадлежности византийскому государству.

Таким образом, памятники сфрагистики, обнаруживаемые в самых разных районах Таврики, не только подтверждают данные письменных источников о существовании реальных византийских владений в юго-западном и восточном Крыму, но и в известной степени уточняют границы этих территорий за счет новых мест получения имперской корреспонденции.

Литература

Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Т. 12 (2). С. 564–570.

Алексеенко Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // АДСВ. 2008. Т. 38. С. 79–89.

Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Т. 40. С. 121–135.

Алексеенко Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. 2013. Т. 18. С. 405–414.

Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХС. 2012. Т. 17. С. 7–17.

Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. С. 83–87.
Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // ССб. 2008. Вып. 3. С. 296–330.
Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2003. Т. 33. С. 59–65.
Йорданов И. Новооткрит моливдовул на вестарха Георги Кедрин датиран в последната четвърт на XI век // Известия на историческия музей Шумен. Шумен, 2006. Кн. 8. С. 302–308.
Лихачёв Н.П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991.
Панченко Б.А. Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. СПб., 1906. Вып. 18. С. 160–164.
Паршина Е.А., Мыц В.Л. Исследования в урочище Ласпи // АО 1977. М., 1977. С. 368–369.
Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 201–213.
Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 191–203.
Степанова Е.В. Печати из Судака // ССб. 2005. Вып. 2. С. 537–545.
Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–98.
Šandrovskaja V. Die neuen Funde den byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4. P. 153–161.
Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6. P. 47–58.
Stepanova E. New finds from Sudak // SBS. München; Leipzig, 2003. Vol. 8. P. 123–130.

Д.Е. Алимов

ФРАНКСКИЙ ДУКАТ ИЛИ СЛАВЯНСКОЕ ВОЖДЕСТВО? ХОРВАТСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ В КОНТЕКСТЕ КАРОЛИНГСКОГО «RENOVATIO IMPERII ROMANI»

В конце VIII в. земли бывшей римской провинции Далмации, к тому времени уже давно населенные славянами, вошли в непосредственное соприкосновение с Франкским государством, которое включило в свой состав полуостров Истрия, находившийся прежде под властью Византии. Несмотря на наличие в

источниках относительно подробной информации о ходе войн франков с аварами, которым в какой-то степени могли быть подвластны и далматинские славяне, а также о столкновениях франков с Византией, пытавшейся сохранить свой контроль над городами далматинского побережья, обстоятельства, при которых произошло подчинение хинтерланда Далмации Карлу Великому, остаются неясными. Прибытие в 805 г. в резиденцию Карла в Тьонвиль (Диденхофен) с дарами для императора дукса Павла и епископа Доната из Задара, центра византийских владений на побережье, свидетельствует о том, что подчинение франкам хинтерланда стало к тому времени свершившимся фактом. Итоги длительного франко-византийского противостояния в регионе были закреплены заключенным в 812 г. Аахенским миром, согласно которому Византия сохраняла за собой власть над Задаром и остальными прибрежными городами, а также островами Кварнерского архипелага, в том время как весь населенный славянами хинтерланд оказывался под франкским контролем (Goldstein 1992. S. 156–157).

Результаты археологических раскопок показывают, что ок. 800 г. на территории Далмации появляются воинские захоронения, в которых обильно представлены предметы франкского оружия и воинского снаряжения (мечи, навершия копий, боевые ножи, стремена) раннего каролингского периода. Судя по характеру известного некрополя Црквина в Бискупии под Книном, где в погребениях внутри церкви, построенной в начале IX в., были обнаружены поражающие своей роскошью предметы воинского снаряжения, здесь хоронили представителей правящего слоя хорватской политии. Картографирование мест нахождения артефактов, аналогичных книнским, показывает, что под контролем Книна в это время уже находились: участок побережья Адриатики, где на основе урбанистической традиции античной Эноны стал оформляться еще один важный хорватский центр – Нин, а также область Равни Котари, прежде тяготевшая к Задару, и район реки Цетины (Milošević 2000. S. 116, 123–125).

С наличием франкской воинской экипировки в захоронениях хорватской элиты, а также с отсутствием в источниках информации о военных операциях франков в хинтерланде Далмации хорошо согласуется не раз высказывавшееся в историографии

предположение о том, что хорваты были союзниками франков в их войнах с аварами и византийцами. В связи с этим занятие хорватами участков прибрежной зоны Далмации, где еще проживали романцы, логично связывать с расширением сферы франкской администрации, возглавлявшейся фриульским маркграфом (Budak 1997. S. 15–16). Основным свидетельством того, что появление франков в Далмации было фактором, способствовавшим военной экспансии хорватов, является сообщение «Анналов королевства франков» о прибытии в 817 г. ко двору Людовика Благочестивого в Аахен византийского посла Никифора с целью обсудить возникший в Далмации территориальный конфликт между славянами и романцами (Алимов 2010. С. 144–145).

Предположение о территориальной экспансии первоначального хорватского политического организма, санкционированной франками, позволяет понять, почему Борна, первый засвидетельствованный во франкских источниках местный правитель, который сначала обозначается в тексте «Анналов королевства франков» как вождь «племени» гудусканов (*dux Guduscanorum*), впоследствии выступает как исключительно территориальный правитель – «дукс Далмации» (*dux Dalmatiae*) и «дукс Далмации и Либурнии» (*dux Dalmatiae atque Liburniae*). Мы не знаем, где находилось ядро владений Борны, однако учитывая вышеназванные археологические материалы, логичнее всего считать таким ядром именно округу Книна. То, что Борна при этом не именуется во франкских источниках правителем хорватов (*dux Chroatorum*), а в качестве его гентильного титула приводится титул правителя гудусканов – племени, очевидно, населявшего район Гацка, расположенный далеко к северо-западу от Книна, не может не удивлять. В качестве гипотетического объяснения может быть выдвинут тезис, что хорватская этническая идентичность, складывавшаяся на социальной, а не на территориальной основе (как это, по всей вероятности, было в случае с гудусканами – жителями Гацки), еще не воспринималась в это время в рамках франкского этнического дискурса как гентильная, т.е. идентичность особой этнополитической единицы. Однако в любом случае последующая территориальная легитимации власти Борны показывает, что с точки зрения франков

гораздо более значимым, чем какая бы то ни была гентильная легитимация, был его статус правителя Далмации и Либурнии, т.е. областей, оформившихся как особые территориальные единицы еще во времена Римской империи. Такое видение ситуации, как и стоявшая за ним реальная политика франкских властей, очевидно, поощрявших территориальную экспансию книнского вождя, полностью вписывались в идеологический дискурс «renovatio imperii Romani» и связанные с ним политические практики.

В связи с этим было бы важно ответить на вопрос, существовали ли ранее в пределах дуката Борны, т.е. в пределах политико-административного образования, которое франки именовали «Далмацией и Либурнией», какие-либо конкурировавшие с Книном политические центры. Иными словами, была ли территориальная конфигурация дуката Борны лишь результатом возрождения территориальных единиц времен Римской империи при возможной опоре на остатки античной инфраструктуры (крепости, дороги и т.п.) или она также отражала результат успешного соперничества воинской элиты Книна с какими-либо соседними политическими организмами уровня небольших вождеств? Индикатором существования таких вождеств могли бы быть связанные с ними «племенные» идентичности. Показательно, однако, что за исключением общности гудусканов, очевидно, занимавших периферийное положение по отношению к ядру хорватских владений в районе Книна, в пределах территории не только дуката Борны, но и позднейшей «архонтии Хорватии» в границах, очерченных в трактате императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), не зафиксировано никаких иных гентильных идентичностей, кроме хорватской. Археологические данные также не дают оснований говорить о наличии на данной территории каких-либо соперничавших друг с другом политических центров.

Правда, в историографии в качестве первичных единиц социально-политической интеграции южных славян нередко рассматривались жупании и/или жупы, фигурирующие в источниках X–XIV вв. в качестве территориальных сегментов ряда южнославянских политических организмов, включая Хорватию. Однако исследования показали, что многие, если даже не все

одиннадцать жупаний – административных единиц «архонтии Хорватии», перечисленных в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», в территориальном отношении в большей или меньшей степени совпадали с церковными округами или иными территориально-административными единицами, существовавшими в позднеантичной Далмации. Кроме того, многое указывает, что важным элементом пространственной организации не только жупаний, но и более мелких территориальных единиц – жуп, было античное сельскохозяйственное имение – *villa rustica*, подготовленное для земледелия пространство которого продолжало активно использоваться в раннее средневековье (Smiljanić 1995). Наличие уже обрабатывавшихся автохтонным населением земель было важным фактором формирования жуп не только в Хорватии, но и в других южнославянских землях (Мргић 2008. С. 48–49). Какой же облик политической организации мог отвечать жупному устройству? Наиболее вероятным представляется такой вариант социально-политических отношений, при котором надлокальная интеграция не приводила к формированию территориально очерченных политий, существование которых предполагало бы наличие выраженных иерархических структур во главе с вождями. Речь могла идти о такой модели социально-политической организации, которая в прежней историографии не вполне адекватно именовалась «племенным союзом», а в настоящее время под влиянием соответствующих антропологических концепций все чаще именуется гетерархией. Все указывает на то, что хорватская полития обрела свою территориальную конфигурацию не столько в результате процесса борьбы между конкурирующими политическими центрами, сколько в силу интеграции данного пространства в рамках масштабного франкского проекта «renovatio imperii».

Литература

Алимов Д.Е. Хорваты и горы: к вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 2 (8). С. 135–160.

Мргић Ј. Северна Босна 13–16. век. Београд, 2008.

Budak N. Croats between Franks and Byzantium // Hortus Artium Medievalium. Zagreb; Motovun, 1997. Vol. 3. P. 15–22.

Goldstein I. Bizant na Jadranu. Zagreb, 1992.
Milošević A. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 106–139.
Smiljanić F. Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 178–192.

Д.Ю. Арапов

МУСУЛЬМАНСКАЯ БУХАРА И ЕЕ МЕСТО В ЖИЗНИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Важнейшим элементом истории восточного Средневековья стало образование такого социокультурного феномена, как мусульманский мир. В ходе его формирования на Ближнем Востоке вырос ряд сакральных (Мекка, Кербела, Неджеф) и политических (Дамаск, Багдад, Каир) центров. Авторитет культовых мест являлся и является неизменным, они остаются духовными точками опоры (ядрами) исламской цивилизации. Значение ближневосточных политических центров могло то увеличиваться, то уменьшаться в зависимости от целого ряда внутренних и внешних факторов. Данное правило аналогично действовало и в периферийных регионах мусульманской ойкумены, в том числе в исламской Центральной Азии.

Попробуем проследить проявление подобных процессов на примере домонгольской Бухары. Следует учитывать, что в источниках и литературе данное название могло означать: 1) собственно город в низовьях реки Зеравшан; 2) охватывавшую его оазисную округу. Выделим некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные стороны бухарской домонгольской действительности.

Бухара – место общения оседлого и кочевого миров. Оседлое население раннесредневековой Бухары было в большинстве своем ираноязычным. Его состав постоянно пополнялся приходившим из «степи» тюркоязычным компонентом. Основой бухарской экономики являлось высокоразвитое ирригационное земледелие. Область обеспечивала себя всеми необходимыми продуктами и повседневными изделиями. Здесь выращивались различные зерновые культуры, хлопок, рис, виноград, плоды

шелкопряда и др. Бухарский оазис находился в постоянном контакте с окружавшей его «степью». Конечно, далеко не всегда отношения бухарцев и кочевников носили мирный характер. Следует, однако, учитывать, что несмотря на все конфликты, между ними всегда существовал обмен. Бухарские земледельцы поставляли кочевникам хлеб, взамен они получали мясо, шерсть, кожи и другие необходимые им продукты скотоводческого степного хозяйства.

Бухара – важный ремесленный и торговый центр. В раннесредневековой Бухаре сложились и процветали такие ремёсла, как ткачество из хлопка и шелка, золотое шитье, изготовление поливной керамики и др. Судя по всему, ремесленники были привязаны к определенным кварталам (махалля) Бухары. Важную роль в жизни Бухары всегда играли высокоразвитые внутренняя торговля и разнообразные промыслы (чайханы, выпечка лепешек, приготовление плова, сладостей и др.). Мелкотоварный оборот во многом поддерживал существование значительной части небогатых бухарцев.

Бухара и ее значение в международной транзитной торговле. В бухарском оазисе издревле пересекались важнейшие сухопутные артерии Азии. Здесь разделялись два направления Великого Шелкового пути, с севера и юга огибавшие Каспийское море. Из Бухары торговые караваны шли на север в Хорезм и далее в Восточную Европу, на юг – в Афганистан и Индию, на восток – в Сибирь. Многие бухарцы занимались обслуживанием транзитной торговли. В городе существовали удобные караван-сараи, производился инвентарь для транспортировки грузов, в частности знаменитые вьючные ящики. Профессия караван-баши (руководителя караванов) в Бухаре всегда высоко почиталась.

Бухара как центр сакральной жизни Центральной Азии. Само название «Бухара» связывается с конфессиональной историей региона. Этимологию названия города обычно привязывают к санскритскому слову «вихара» – монастырь. Здесь в середине I тыс. н.э. (времени основания города), видимо, существовала какая-то буддийская обитель. В доисламское время в Бухаре преобладала местная разновидность зороастризма. Кроме того, тут бытовали и другие культы. Так, в юго-восточной части

города находилось капище поклонников Луны, на месте которого в XII в. была построена существующая и ныне мечеть Магоки-Аттари. После арабского завоевания в 709 г. в области постепенно утвердился ислам суннитского толка. Город являлся базой отрядов «гази» – вооруженных проповедников «магометанства». К XIII в. Бухара стала центром мусульманского просвещения и богословской учености. Среди дошедших до нас памятников мусульманской архитектуры домонгольского времени следует выделить самый высокий бухарский минарет Калян (1127 г.). На рубеже XII–XIII вв. значение ислама в жизни Бухары особенно возросло. Это проявилось в том, что власть в городе находилась в руках высших мусульманских авторитетов (садров).

Бухара – важный политический центр Туркестана. В доарабское время в условиях политической раздробленности Бухара управлялась местными правителями – бухар-худатами. Попав в состав Арабского халифата, Бухара стала важным региональным центром в восточной части мусульманского мира. В то время все бухарские государи и правители признавали политическую власть (пока она реально существовала) и духовный авторитет халифов. Вершиной подъема политического авторитета домонгольской Бухары стала эпоха правления династии Саманидов (IX–X вв.). Саманиды подчинили себе значительную часть территории Центральной Азии и сделали Бухару своей столицей. В городе возник ряд ведомств (диванов) по управлению страной, важную роль стали играть саманидские чиновники («ахл-е калям»). Особую роль сыграло правление умелого и жесткого государя Исмаила Самани (874–907), которого можно считать одним из самых значительных политиков в истории Средней Азии. С его именем связано появление выдающегося памятника мусульманского зодчества – бухарского мавзолея Саманидов (X в.). В последующий период домонгольской истории Востока при Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах Бухара продолжала играть заметную, но уже не первостепенную роль. После монгольского разорения в феврале 1220 г. город долго и трудно возрождался. Ведущую позицию в жизни региона Бухара снова заняла со второй половины XVI в. Она стала столицей Бухарского ханства и оставалась ею вплоть до упразднения бухарской монархии в 1920 г.

Таким образом, можно считать, что Бухара являлась одним из ключевых элементов (своего рода ядер) в жизни домонгольской Центральной Азии. Следует учитывать то, что наряду с Бухарой ведущими городами региона тогда выступали Самарканд, Мерв и Ургенч. В изучении истории этих центров наряду с письменными источниками широко используются археологические материалы, поскольку их территория, разоренная монголами, затем не застраивалась и доступна исследователям. В отличие от них существующая бухарская застройка делает крайне затруднительным изучение культурных слоев домонгольской Бухары, сведения же письменных источников, к сожалению, довольно ограничены. Поэтому представляется, что серьезное исследование бухарского раннего средневековья станет возможным лишь с появлением новых технологий изучения материальной культуры домонгольского Туркестана.

Ю.А. Артамонов

СТАНОВЛЕНИЕ МОНАСТЫРСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА РУСИ: ВОЛОСТИ И СЕЛА

Основные источники материального обеспечения древнерусских монастырей были обозначены уже в дореволюционной историографии. Летописные известия, агиографические и актовые тексты позволили установить, что часть потребностей общежитийных обителей удовлетворялась трудом самих иноков, занимавшихся ремесленным и сельскохозяйственным производством; часть средств поступала от мирян в виде натуральных, денежных и земельных пожертвований. Последние стали залогом неуклонного возрастания роли монастырей в социально-политической жизни страны. Вероятно, поэтому проблема становления церковного землевладения неизменно привлекает внимание исследователей.

Одним из первых к истории сложения и развития «недвижимых имуществ» церкви обратился В.А. Милютин. Появление монастырской земельной собственности он отнес ко времени киевского княжения Изяслава Ярославича (1054–1078, с пере-

рывами). Основанием послужили показания Киево-Печерского патерика, а точнее, читающегося в его составе Жития Феодосия Печерского. Именно в этом агиографическом сочинении, принадлежащем перу Нестора, содержится ряд наиболее ранних упоминаний о монастырских селах. Из текста Жития следует, что Печерский монастырь обзавелся собственными селами в игуменство Феодосия (1061–1074) благодаря состоятельным покровителям из числа князей и бояр.

В.А. Милютин обратил внимание и на уникальное сообщение Ипатьевской летописи о княжеских пожертвованиях в пользу Киево-Печерской обители, которое читается в статье 6666 (1158) г.:

> Том же лѣ*т*(*е*) преставис(я) бл(а)ж(е)ная княгини Глѣбовая Всеславича, дочи Ярополча Изяславича. Сѣдѣвши по кн(я)зи своемъ вдовою лѣ*т* 40, а всихъ лѣ*т* и о*т* р(о)ж(е)ства 80 и 4 лѣ*т*... Си бо бл(а)ж(е)ная княгини велику имѣяше любовъ съ кн(я)зе*м* своимъ къ с(вя)теи Б(огороди)ци и къ о*т*цю Федосью, ревнующи о*т*цю своему Ярополку. Сии бо Ярополкъ вда всю жизнь свою Небльскую волость и Дерьвьскую и Лучьскую и около Киева. Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота. А по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по свое*м* животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью и все да и до повоя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492–493).

Сообщение о вкладе князя Ярополка Изяславича (ум. 1086), где упомянуты сразу четыре волости – Небльская, Деревская, Луческая и «около Киева», исследователь рассматривал как «достоверное доказательство» развития монастырского землевладения на Руси (Милютин 1859. С. 25–26). Так же оценивали это пожалование Макарий (Булгаков), Е.Е. Голубинский, Б.Д. Греков, С.В. Юшков, М.Н. Тихомиров и др.

Иной взгляд на проблему высказал И.Я. Фроянов, который отметил, что церковное землевладение на Руси в XI–XII вв. было развито сравнительно слабо. Наличие сел у епископских кафедр и монастырей отрицать, конечно, нельзя, но необходимо иметь в виду, что «земельный фонд» тогда еще не был основой их благополучия. Критикуя предшественников, Фроянов указывал, что вклад Ярополка не был сопряжен с передачей Печерскому монастырю права владения землей. Термин «жизнь», ко-

торым летопись определяет княжеское пожалование, по мнению исследователя, означал «владение в смысле кормленной единицы». Поэтому сообщение статьи 6666 (1158) г. о волостях Ярополка нужно понимать «как уступку права сбора доходов с них» (Фроянов 1999. С. 197).

В работах последних лет высказывается мнение, что рассказ о вкладе Ярополка не вполне точно передает содержание самого пожалования. Две из четырех упомянутых в летописи волостей – Луческая и Деревская – во второй половине XII в. стали самостоятельными княжениями. А значит, нужно полагать, что либо эти земли были впоследствии отняты у монастыря, либо Ярополк передал обители не сами волости, а «собственные доменциальные села, находившиеся на территории этих волостей» (О.М. Рапов, М.Б. Свердлов, А.П. Толочко, А.В. Шеков).

Таким образом, по вопросу о содержании пожалования Ярополка Киево-Печерскому монастырю к настоящему времени в историографии существуют три точки зрения. Согласно первой, поддержанной большинством исследователей, вклад представлял собой передачу обители четырех волостей в качестве земельной собственности. Согласно второй, печеряне получили только право сбора даней с этих территорий. И, наконец, согласно третьей, речь должна идти о передаче монастырю не волостей, а только некоторого количества сел, в них расположенных.

Анализ источников показывает, что «жизнь» (вопреки мнению И.Я. Фроянова) – это недвижимая собственность феодала, объектами которой могли быть дворы, села, города и даже волости. Наиболее подходящим эквивалентом летописной «жизни» может служить понятие «домен». Установлено, что доменциальные владения Ярополка находились на землях, подконтрольных Владимиру-Волынскому, Турову и Киеву.

Вклад Ярополка не предполагал отчуждения земли в пользу монастыря. Как, впрочем, не предполагал он и передачи обители права взимания дани с княжеских волостей. Речь может идти только о пожаловании монастырю части от собираемых с княжеских владений доходов – десятины. Согласно «Уставу князя Владимира о десятинных, судах и людях церковных», отчисления должны были производиться «из домов на всякое лето десятое от всякого стада и от всякого жита». Дополнительным аргу-

ментом в пользу справедливости данной точки зрении может служить посмертная похвала Ярополку, читающаяся в летописи под 6594 (1086) г. На всем протяжении ПВЛ это единственный княжеский некролог, в котором говорится о выплате десятины.

Таким образом, вклад Ярополка представлял собой вполне традиционный для Древней Руси способ обеспечения церкви. Поэтому есть основания полагать, что объектами монастырского землевладения в период его формирования (вторая половина XI в.) выступали исключительно села.

Литература

Милютин В.А. О недвижимых имуществах духовенства в России // ЧОИДР. 1859. Кн. 4. С. 1–118.

Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

В.А. Арутюнова-Фиданян

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИМЕСА: ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (IX–XI вв.)*

Историко-географические представления о территориях на рубеже цивилизаций известны с древности: эллинский, эллинистический мир и варварская периферия, лимитрофы Римской и Византийской империй, границы европейских и азиатских государств в Средние века и Новое время. Лимес, лимитрофы, зоны контакта, фронтиры, – все эти термины употребляются как синонимы в исследованиях проблем межцивилизационных диалогов, особенно популярных в последние десятилетия. Однако при огромном количестве монографий, статей, конференций и конгрессов концептуальные работы о причинах возникновения той или иной пограничной модели достаточно редки, а методология, понятийный аппарат и, в особенности, терминология мало разработаны.

В море литературы о восточных границах Византии подавляющее большинство работ посвящено фактической стороне экспансии Византии на Восток, чаще всего при элиминировании географического и этнического субстрата политических, эконо-

мических и культурных контактов, от которых и зависело многообразие пограничных моделей в византийских лимитрофах.

Противостояние Арабского халифата и Византийской империи в течение трех веков превратило границу между ними из моста в барьер, и византийская реконкиста второй половины IX – начала X в. взломала особую административную единицу халифата – зону пограничных укреплений (*иклим-ас-сугур*) в Месопотамии, Сирии и Киликии.

Организация византийского восточного лимеса в этот период – крепости с гарнизонами и их командирами – проходит в рамках бинарной оппозиции «мы–они», «цивилизация–варварство», известной с античности и сводящей к минимуму возможность преобразования зоны военных (иногда торговых) контактов в совместную общественную модель.

Пограничную структуру начала византийской реконкисты в Малой Азии можно обозначить неологизмом «фронтир», в особенности если учесть их общие генетические корни. Классический фронтир эпохи колонизации и глобализации – это мобильная граница между цивилизацией и варварством, а присвоение территорий и, соответственно, конструирование пограничного пространства обеспечивается присваивающей стороной.

В конце IX в. на арабо-византийском лимесе появляются малые «армянские» или «акритские» фемы: крепости и города с округой, во главе которых стоят в основном армянские полководцы – союзники, а затем вассалы империи. Эти небольшие военно-административные округа достаточно быстро исчезают, входя в крупные пограничные фемы Византии (Каппадокия, Месопотамия, Севастия и др.).

В период движения империи на земли Центральной Армении (середина X – середина XI в.) византийские фемы исчезают и как модель пограничной структуры, а позднее и как единицы социально-административного устройства восточных провинций Византии. Появляется новая модель, генетически восходящая к федеративной системе армянских политических образований, – хора (греч. Χώρα, арм. *ашхар*). Армения и Византия много столетий находились в общем культурном пространстве, и задолго до начала экспансии империи на армянские территории возникают главные составляющие новой общественной модели:

политические, правовые и, прежде всего, идеологические. Византийские императоры вводят армянских владетелей в систему «духовных» и «семейных» связей – в «сыновья» и «друзья» византийского императора. А стремление армянских историографов видеть армянские земли в орбите византийского политического влияния логично сочетается с включением византийских идеологических ценностей в общественно-политическую теорию армянского общества. При этом возникает позитивный образ Византии – великого христианского государства, естественного союзника в борьбе с мусульманским миром и законного сюзерена Армянского царства.

Армяно-византийские лимитрофы X–XI вв. – это общая территория и государственность, взаимодействие этносов и культур, где магистральные социокультурные процессы определяются синтезом армянских и византийских общественных, политических и хозяйственных институтов и форм идеологии. Появляется новая структура – синтезная контактная зона, результат взаимопроникновения культур.

Возникновение синтезных контактных зон обусловлено, прежде всего, длительным сосуществованием стран и народов в едином пространстве при подвижности политических границ и прозрачности культурных, т.е. этносы и государства, составляющие общую контактную зону, должны принадлежать близким цивилизационным типам (в византийско-арабских или византийско-тюркских лимитрофах, например, хора не возникает).

Хора – это структура, спонтанно образующаяся на стыке государственных, политических, военных, дипломатических, экономических, идеологических и конфессиональных взаимодействий. Синтезные феномены отличаются большой устойчивостью и определяют последующие пути развития культур взаимодействующих сторон и их участие в процессах мировой истории.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что модели пограничного пространства Византийской империи на Востоке прошли с конца IX до середины XI в. ряд трансформаций от лимеса-фронтира через структуры малых (акритских) и больших (ромейских) фем до синтезной контактной зоны – хоры.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта «Трансграничные взаимодейст-

вия и контактные зоны в Восточной Европе (античный и средневековый опыт)» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

О.В. Ауров

«GALLIARUM TERRA, ALTRIX PERFIDIAE»: ПРИГРАНИЧЬЕ В «ИСТОРИИ КОРОЛЯ ВАМБЫ» ЮЛИАНА ТОЛЕДСКОГО

Доклад посвящен исследованию образа приграничья в «Истории короля Вамбы», написанной после 673 г. толедским епископом Юлианом (680 – ок. 693). Формально предметом описания в «Истории» являются события мятежа дукса Павла, происшедшего в 672–673 гг. и направленного против Вамбы, правителя Толедского королевства вестготов (672–680). На деле, однако, Юлиан создал сочинение четко выраженного идеологического характера, целью которого являлось возвеличение королевской власти, призванной обеспечить мир и стабильность в государстве, а также церкви как гаранта легитимности этой власти. На значение «Истории» как важнейшего источника о формировании новой политической идентичности на территории бывших испанских провинций Западной империи достаточно давно указывалось в литературе (Дж.Н. Хиллгард, С. Тейе, С. Мартен, Л. Гарсия Морено, Р. Коллинз, Дж. Вуд и др.). Однако эта проблема отличается значительной сложностью и многогранностью, и один из ее аспектов – образ приграничной территории – до настоящего времени не являлся объектом специального исследования. О нем и идет речь в докладе.

Структурно сочинение Юлиана подразделяется на четыре части, по существу являющиеся отдельными текстами, объединенными лишь общей связью с событиями 672–673 гг. Первая из них – письмо мятежного дукса Павла, дерзко вызывающего на бой законного короля готов – Вамбу. Вторая – собственно «История» как таковая, содержащая развернутый рассказ о событиях – от смерти короля готов Рецесвинта (Рекцесвинта) (649–672) и провозглашения королем Вамбы до возникновения мятежа в Нарбоннской Галлии/Септимании и его подавления войсками Вамбы. Третья часть – «Инвектива скромного истори-

ка против мятежной Галлии» – представляет наибольший интерес в контексте настоящего доклада, т.к. специально посвящена риторической характеристике приграничной провинции Нарбоннская Галлия (франкские авторы упорно именуют ее Септиманией). Четвертая, заключительная часть содержит оригинальный текст приговора, вынесенного предводителям мятежников после подавления движения, и не принадлежит перу Юлиана, но сознательно включена им в свой текст.

В докладе на основе данных «Истории», а также других источников (сочинений Плиния Старшего, Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Сисебута, Григория Турского, военного закона короля Вамбы [LI. IX.2.8] и др.) доказывается, что негативный образ Нарбоннской Галлии/Септимании формировался параллельно процессу политической консолидации позднего (Толедского) королевства вестготов. По мере развития этого процесса, начало которого следует отнести к рубежу VI–VII вв., ко времени появления «Истории королей готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, ранее мало связанные между собой римские провинции, составлявшие диоцез Испания, постепенно начинали осознаваться как единое целое.

Ключевой предпосылкой для возникновения такого рода представлений стала утрата вестготами большей части их галльских владений в начале VI в. после тяжелейшего поражения от франков в битве при Вуайе (Пуатье) (506/7 г.). Тогда новые политические центры королевства сместились южнее Пиренеев. Однако для завершения этого процесса понадобились не только десятилетия привыкания к новой геополитической ситуации, но и сознательная и последовательная деятельность представителей римской интеллектуальной элиты, прежде всего – Исидора Севильского и его учеников и преемников.

В своей «Laus Spaniae» («Похвале Испании»), введении к «Истории готов», севильский епископ впервые выразил понимание земель южнее Пиренеев как единого королевства, управляемого королями готов. Всеми риторическими средствами, находившимися в его распоряжении, Исидор воспел Испанию – «прекрасную, священную, всегда счастливую своими правителями, мать народов», создав не только позитивный, но и крайне целостный образ, не существовавший ранее. Следует подчерк-

нуть, что и у античных, и у раннесредневековых авторов Испания (показательно, что в большинстве случаев это слово использовалось во множественном числе: *Hispaniae*, *Spaniae*) оставалась лишь географическим регионом, весьма разнородным в этнокультурном плане. Соответственно и собирательное «испанцы» (*Hispani*) не имело этнического содержания, а обозначало лишь жителей одной из частей Европы, объединенной исключительно естественными, но не административными границами.

Юлиан, последний видный представитель исидоровой традиции, в своей «Истории» не только развил это представление, но и придал ему новое качество. В его сочинении *Hispania* (*Spania*) – территория, управляемая законным «благочестивым правителем» Вамбой, населенная его верными поданным (*Hispani*, или практически синонимичное им *Gothi*), объединяемыми преданностью своему королю, основанной на религиозном благочестии, – проследовательно противопоставляется «кормилице измены» – Нарбоннской Галлии. Во главе последней стоит «король-мятежник» (*rex tyrannus*), а его подчиненные – «франки» (*Franci*) и «галлы» (*Galli*) – проявляют вероломство, поскольку развращены пагубным «союзом с иудеями». Именно склонность к вероломству и рассматривается в «Инвективе» как главная причина мятежа 672 г., который Юлиан уподобляет смертельной болезни. Таким образом, в дополнение к позитивному образу «Испании», основы которого были заложены в сочинениях Исидора Севильского, возникает классический «образ чужого» – негативный имидж Нарбоннской Галлии, призванный консолидировать испанский социум под властью законного короля.

В завершение замечу, что литературная деятельность Юлиана имела тем большее значение, что в реальности этот социум раздирался многочисленными противоречиями социального, регионального и конфессионального характера. Как это обычно и бывает, пропаганде следовало восполнять то, чего не хватало в политической реальности. И Юлиан Толедский делал это всеми доступными для него средствами.

Источники

Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano / Ed. W. Levison // MGH. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae et Lipsiae, 1910. T. 5. P. 486–535.

Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum. Hannoverae, 1951. (MGH. Scriptores rerum Merovingicarum; T. 1, pars 1).
[Iohannis Biclarensis]. Chronicon // Juan de Biclaro, obispo de Gerona: Su vida y su obra / Introd., texto crit., com. por J. Campos. Madrid, 1960. P. 75–100.
Isidori episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Vandalorum Svevorumque // Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla. / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodriguez Alonso. Leon, 1975. P. 163–321.
Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. W.M. Lindsay. Oxonii, 1911.
Liber Iudiciorum // Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer. Hannoverae et Lipsiae, 1902. (MGH. Legum Sectio I; T. 1).
C. Plinius Maior. Naturalis Historiae libri XXXVII / Ed. K. Mayhoff. Leipzig, 1892–1909.

Литература

Collins R. Visigothic Spain, 409–711. Malden (Ma.) etc., 2004.
Costa Silveira V. da. Reflexões acerca da unificação do Reino Visigodo à luz de Isidoro de Sevilha // Anais do XIX Encontro Regional de História: Poder, Violência e Exclusão. São Paulo, 2008.
Díaz y Díaz M.C. De Isidoro al siglo XI. Ocho estudios sobre la vida literaria peninsular. Barcelona, 1976.
Duhamel-Amado C. Poids de l'aristocratie d'origine wisigothique et genèse de la noblesse septimanienne // L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique: Colloque international du C.N.R.S. tenu à la Fondation Singer-Polignac (Paris, 14–16 Mai 1990). Madrid, 1992. P. 81–100.
García Moreno L. Building an Ethnic Identity for a New Gothic and Roman Nobility: Córdoba, 615 A.D. // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World. Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity. Burlington; L., 2011. P. 271–281.
Hillgarth J.N. St. Julian of Toledo in the Middle Ages // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1958. Vol. 21, N 1/2. P. 7–26.
Hillgarth J.N. Historiograhpy in Visigothic Spain // Settimane di studio del centro italiano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 261–312.
Martin C. La géographie du pouvoir dans l'Espagne visigothique. Lille, 2003.
Ripoll López G. Las relaciones entre la Peninsula Ibérica y la Septimania entre los siglos V y VIII, según los hallazgos arqueológicos // L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique: Colloque international du C.N.R.S. tenu à la Fondation Singer-Polignac (Paris, 14–16 Mai 1990). Madrid, 1992. P. 285–302.

Rucquoi A. Les Wisigoths fondement de la "nation Espagne" // Ibid. P. 341–352.
Saitta B. I visigothi negli "Historiarum Libri" di Gregorio di Tours // Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 75–101.
Teillet S. Des goths à la nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. P., 1984.
Teillet S. L'Histoire Wambae est-elle une oeuvre de circonstance? // Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos. Madrid, 1986. P. 415–424.
Wood J. The Politics of Identity in Visigothic Spain. Religion and Power in the Histories of Isidore of Seville. Leiden; Boston, 2012.

О.Б. Бубенок

СВЕДЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ АЛАНИИ В X–XII вв.

В свое время Ю.А. Кулаковский отметил, что до первой половины X в. северокавказская Алания находилась в политической зависимости от хазар. Поэтому сведения об этом периоде в истории аланов не нашли достаточного освещения в письменных источниках (1899. С. 49–54). Но уже в середине X в. северокавказская Алания, по мнению многих исследователей, обрела политическую независимость. Основаниям для этого, стали, например, извлечения из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», где утверждается, что правитель аланов проводит вполне самостоятельную, зачастую антихазарскую политику (1991. С. 50–53). Что же касается периода распада аланского политического союза, то исследователи вполне справедливо считают, что это произошло на рубеже XII–XIII вв. Основанием для этого стали сообщения епископа Феодора и венгерского миссионера Юлиана, которые посетили Аланию в начале XIII в. (Кулаковский 1898. С. 11–27; Аннинский 1940. С. 78–79). Однако сведения о границах Алании в X–XII вв. ограничены и отличаются противоречивостью. Особенно спорным является определение западной границы Алании в период ее расцвета.

У современных исследователей на этот счет нет единства. Так, А.В. Гадло, опираясь на данные археологии, письменных источников и фольклора, считал, что в отмеченный период западная граница аланского государства не заходила далее течения р. Кубани (1994. С. 160–177). Аналогичного мнения придерживается В.А. Кузнецов, который, в соответствии данными Константина Багрянородного, склонен утверждать, что «западная граница Алании находилась восточнее Нижнего и Среднего Прикубанья, занятого адыгским массивом» (1984. С. 142). Археологические раскопки и данные других письменных источников позволили исследователю также уточнить локализацию границы: «она могла проходить, скорее всего, по течению Большой Лабы» (Там же. С. 143). Необходимо отметить, что прикубанская локализация западной границы Алании устраивала многих исследователей. Однако И.Г. Коновалова, анализируя сообщения ал-Идриси (XII в.) о топонимах на восточном побережье Черного моря, обратила внимание на название страны *ал-Ланиййа*, локализованной там. Это позволило исследовательнице сделать в комментариях иной вывод: «Судя по приведенным сообщениям об Алании, ал-Идриси располагал данными главным образом о ее приморской части» (Коновалова 2006. С. 216).

Следовательно, для того, чтобы выяснить, где действительно проходила в X–XII вв. западная граница Алании, имеет смысл в хронологической последовательности рассмотреть информацию письменных источников об этом, начиная с позднехазарского времени.

Одним из первых информаторов является Мас'уди, живший в первой половине X в. Он помещает народ *al-lan* между Сариром на востоке и кашаками-адыгами на западе. При этом он отмечает: «За царством аланов находится народ, называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским (Византийским) морем» (Минорский 1963. С. 204–206). Как видим, при хазарах владения аланов не доходили до Черного моря.

Аналогичную информацию содержит Пространная редакция письма хазарского царя Иосифа, где дан перечень народов Восточного Причерноморья, среди которых упомянуты аланы и обитатели страны Каса – касоги. Из документа также следует, что

владения аланов не доходили до Черного моря (Коковцов 1932. С. 100–102).

Ситуация не изменилась и в середине X в., когда Алания получила политическую независимость. Так, в сообщении Константина Багрянородного не содержится четких сведений о территории Алании, ибо он сообщает, что Алания граничит с девятью «климатами» Хазарии и властитель Алании может преграждать хазарам путь к Саркелу, в «климаты» и в Херсон (1991. С. 51–53). Далее Константин пишет, что расстояние от печенегов, обитавших в междуречье Днепра и Дона, до Алании равно шести дням пути (Там же. С. 156–157). В заключение он отмечает: «Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания» (Там же. С. 173–174). И если под «Касахией», «Зихией» и «Папагией» можно видеть владения адыгов в Восточном Причерноморье, то под «Аланией» следует подразумевать территорию, находившуюся на север от Кавказского хребта.

Однако уже в конце X в. неизвестный фарсоязычный автор трактата «Худуд ал-'Алам» локализовал западную границу владений аланов на берегу Черного моря: «Касек – город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы...» (Худуд ал-'Алем 1930. С. 31, табл. 38а). Как видим, к концу X в. аланы захватили приморское поселение Касек. Не исключено, что такая локализация западной границы Алании либо может представлять собой конъектуру составителя трактата, либо автор «Худуд ал-'Алам» действительно учел изменения политических границ, имевшие место после падения Хазарского каганата.

В пользу последнего могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, Новгородская V летопись под 1029 (6537) г. сообщает о походе князя Ярослава против аланов-ясов: «Ярослав ходи на ясы и взять их» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 116). Примечательно, что об этом событии упоминает лишь одна летопись. Поэтому проблематично говорить о походе Ярослава в Центральное Предкавказье. А.В. Гадло считал, что Ярослав подавлял вблизи от Тмутаракани восстание местных касогов и хазар, которых поддержали соседи-ясы (1994. С. 93–94).

О том, что часть аланов-асов могла находиться на восточном побережье Черного моря, свидетельствует информация мусульманского географа XII в. ал-Идриси, согласно которой на восточном берегу Черного моря (Нитас) южнее земли *ал-Хазарийа*, которая находилась вблизи Матрахи, простирались с юга на север «земля Ашкала» и «земля Ланиййа» (*ал-Ланиййа*) (Коновалова 2006. С. 108). Далее в описании 6 секции 6 климата, где речь идет о маршруте от Трапезунда до городов Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, ал-Идриси отмечает недалеко от загадочной реки *Русиййу* города *Ашкисийа*, *Ашкала*, *Астарбийа* и *Ал-Ланийа*, населенные купцами (Там же. С. 118). Как видим, на восточном побережье Черного моря были расположены четыре города, в состав названий которых входят термины, которые напоминают этнонимы *ас (аш)* и *алан*, служащие для обозначения аланов.

Отметим топоним *Ашкисийа*, который А.П. Новосельцев предлагал сопоставить с наименованием аланского города *Касек*, упоминаемого в «Худуд ал-'Алам» (1969. С. 135). И.Г. Коновалова в своих комментариях указала и на другие объяснения этого названия, а также на то, что источник данной информации для ал-Идриси установить весьма проблематично (2006. С. 216–217). Однако не исключено, что название города *Ашкисийа* существовало и во времена ал-Идриси в XII в. и может содержать в себе два этнонима для обозначения аланов-асов и адыгов-касогов – *ас-касог*. По крайней мере, мусульманский географ начала XIV в. Абу-л-Фида упомянул там аналогичный топоним – Аркашийа (Aboulféda 1840. P. 203–204).

Что же касается упомянутой ал-Идриси «земли Ланийа» вблизи Матрахи, то данная информация перекликается с сообщением «Худуд ал-'Алам» о приморском городе Касек «в стране алан». Поэтому есть основания считать, что сообщение ал-Идриси отражало реалии более раннего времени.

Однако аланы могли проживать в отмеченном районе и в начале XIII в. Так, в «Аланском послании» епископа Феодора сообщается, что его отец из Боспора отправился «в другую страну, более обширную и более суровую... остался там среди самого небольшого числа Алан» (Кулаковский 1898. С. 20). Исходя из тек-

ста. «Письма» получается, что эти аланы проживали в начале XIII в. по-соседству, т.е. в Восточном Причерноморье.

Таким образом, анализ сведений письменных источников позволяет представить события в такой последовательности. Как свидетельствует Константин Багрянородный, в середине X в. образовалось независимое политическое объединение Алания, западная граница которого не заходила на запад от нижнего и среднего течения Кубани. После падения Хазарского каганата в 965 г. для правителей Алании появились новые возможности для расширения своих владений. По данным «Худуд ал-'Алам» и других источников, к концу X в. аланы захватили поселения касогов и отодвинули свои западные границы к черноморскому побережью. В этот же период на землях Таманского полуострова образовалось новое Тмутараканское княжество. Между аланами и Русью назревал конфликт за контроль над землями касогов. По данным Новгородской V летописи, во время похода киевского князя Ярослава в 1029 г. состоялось сражение, закончившееся поражением аланов. После этого аланы вынуждены были покинуть земли касогов и уйти за Кубань, но при этом, как свидетельствует ал-Идриси, они сумели сохранить на черноморском побережье свои поселения, которые стали их торговыми факториями.

Литература

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М., 1940. Т. 3.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. 1898. Т. 21.

Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.

Новосельцев А.П. К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2.

Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
Aboulféda. Géographie. Texte Arabe. P., 1840.

Е.В. Вдовченков

ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ И ПЕРИФЕРИЯ В САРМАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Потестарные структуры и отношения сарматов могут быть реконструированы на основе анализа письменных и археологических источников. Первые дают лишь отрывочные, случайные сведения, и потому исследователи неизбежно обращаются к археологическим материалам. Сарматы (под которыми мы понимаем господствовавших в западной части степей Евразии ираноязычных номадов III в. до н.э. – IV в. н.э.) – типичные кочевники степной зоны. В своем развитии, судя по всему, они не дошли до государственной стадии, поэтому властные отношения у них характеризуются как потестарные. Концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов указывает на решающее значение для политической организации кочевников взаимоотношений с внешним миром развитых цивилизаций (Крадин 2007). Феномен экзоэксплуатации отражен в археологических памятниках – курганных могильниках сарматов, что и позволяет его исследовать.

Археологические критерии политической власти. Для выявления центров власти необходимо выделить погребения вождей, военных предводителей и знати. Для этого используют следующие критерии: богатство, статус, используемые при сооружении погребения трудозатраты.

Богатство может быть определено по наличию золотых и серебряных изделий, импортов (особое значение имеет металлическая и стеклянная посуда), количеству погребального инвентаря.

Статус определяется по некоторым предметам: оружию, роскошным диадемам, поясам, браслетам, исполненным из золота и драгоценных камней. Значимым социальным маркером в

позднесарматское время, видимо, являлся обычай деформации головы. Кстати, способы получения статусных предметов сарматами не так важны – важно зафиксировать их наличие в археологическом комплексе. Как они попали к сарматам – в качестве трофеев, дани, как дипломатические дары или результат торговли – в контексте этого исследования имеет второстепенное значение. В любом случае это результат успешной экзополитарной деятельности и политического влияния.

Тип погребального сооружения тоже весьма важен для выявления статусных погребений. Следует обращать внимание на основные погребения в курганах. В раннесарматское время при совершении впускных погребений в курганы роль центрального погребения играла могила с заплечиками, обычно единственная в кургане. Именно в этих погребениях с заплечиками часто встречаются котлы и другие металлические сосуды, богатый инвентарь.

Популярный критерий при определении погребений элиты – трудозатраты. Принято считать, что на протяжении раннего железного века значимость этого критерия уменьшается – возможно, в связи с регулярными ограблениями курганов. Огромные царские курганы, как у скифов, в сарматское время не фиксируются. Поэтому возникло мнение, что в сарматское время не было особой корреляции между статусностью погребения и размером погребального сооружения. Однако последние исследования С.А. Яценко показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматской культуры бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, бóльшую группу курганов Яценко называет условно «царскими», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015). Следует обращать внимание также на очень глубокие погребения, масштабные камеры катакомб и т.п.

Еще один перспективный источник при выделении комплексов аристократии – тамги. Эта тема (тамги как маркер аристократии) еще практически не исследована. Следует обратить внимание на так называемые царские тамги Боспора. Их появление связывают с сарматизацией Боспора и династическими связями правящей верхушки с сарматскими племенами (Шаров 2013). Комплексы, где встречаются тамги, близкие царским там-

гам Боспора, закономерно привлекают к себе внимание. Они могут принадлежать влиятельным кланам. Также следует обратить внимание на тамги в богатых погребениях, на статусных вещах, конской упряжи, оружии. Любопытно сопоставить эту информацию с материалами «энциклопедий тамг» – размещением на разных предметах (особенно плитах) серий тамгообразных знаков. По мнению С.А. Яценко, помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных и политических акций. Характерно наличие так называемых царских тамг на этих энциклопедиях, что позволяет предположить участие боспорских царей или, скорее, их представителей в этих акциях. Следует обратить внимание на место тамги на плите. Центральное место должно было отводиться тамгам самых сильных кланов. Порядок нанесения, размер и место тамги на плите может говорить о влиянии клана, владевшего этой тамгой.

Элитные комплексы с обилием импортов принадлежат аристократии и говорят о возможных политических центрах. Яркий пример – это низовья Дона, где в первых веках н.э. располагались самые богатые памятники сарматской культуры. Для раннесарматского времени местом концентрации богатых погребений было Прикубанье.

Следует обратить также внимание на места концентрации погребений в курганных могильниках. Мы можем связать такие места (находящиеся, по всей видимости, поблизости от мест зимовок) с племенными группировками. Например, в бассейне Нижнего Дона мы можем выделить четыре района концентрации погребений: 1) устье Дона, 2) междуречье и низовья Сала и Маныча, 3) среднее течение Сала и район к югу от нынешнего Цимлянского водохранилища, 4) бассейн реки Иловли. Особенно важно наличие элитных комплексов в районах концентрации памятников. Богатые комплексы в могильнике могут говорить о существовании своей элиты, что является аргументом в пользу политической самостоятельности данной группировки, в то время как присутствие в нем только рядовых памятников может быть свидетельством того, что это население являлось зависимой частью какой-либо политии.

Места концентрации политической власти не всегда могут быть идентифицированы по комплексам с оружием. Для номадов типична ситуация поголовной вооруженности – реалии кочевого быта заставляли каждого пастуха быть воином. Так, оружие часто встречается в раннесарматских комплексах. Но в ряде случаев наличие комплексов с оружием дает основания исследователям говорить о наличии дружин. Однако надо с осторожностью относиться к таким определениям – в большинстве случаев дефиниция «дружинное погребение» может быть заменена определением «погребение с оружием». Дружины были довольно редки – в большинстве случаев для сообщества сарматов дружина была избыточна, поскольку традиционная форма военной организации оставалось вполне эффективной. Следует также обратить внимание на тот момент, что одиночное погребение с оружием никак не говорит о существовании дружины, поскольку дружина – это социальное явление. О принадлежности погребенного к дружине должен говорить культурный и реконструируемый социальный контекст погребального комплекса.

На сегодняшний день из всех могильников сарматских племен на огромной территории их проживания от Западного Казахстана до Венгрии выявлены всего три, в которых погребенные были поголовно вооружены: 1) Чертовицкий I в верховьях Дона (I – начало II в. н.э.); 2) цепочка некрополей «Золотого кладбища» на правобережье Средней Кубани (середина I – конец II в. н.э.); 3) маленький некрополь в Новых Бедражах (Молдова, рубеж II–III вв. н.э.) (Яценко, Вдовченков 2015).

Далеко не всегда представители дружин были аристократами. Видимо, их участники образовывали особую социальную прослойку, вероятно – не замкнутую: иначе пополнение подобных небольших отрядов представляло бы серьезную проблему. Дружина самим фактом своего существования говорит о наличии политического центра. Однако она не обязательно находилась в этом центре. Дружины были тесно связаны с оседлой периферией, которая давала ресурсы для их существования.

Зависимая периферия. Проблема периферии очень важна для исследования потестарных отношений сарматов. Периферия – зависимые политически от сарматов общества. Рассматривая оседлую периферию сарматского мира, следует обратить вни-

мание на важность поселений, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзоэксплуатации требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

В качестве классического примера зависимой периферии выступают меотские поселения Подонья и Прикубанья. Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя). С.А. Яценко выдвинул предположение о существовании в среднесарматское время системы двойного подчинения меотов Нижнего Подонья – Боспору и сарматам (Яценко 2009). На мой взгляд, возможен и другой вариант, при котором каждое крупное городище (Кобяково, Темерницкое) имело свою систему отношений с разными группировками номадов и с Боспором. Меотские поселения в этой ситуации играли важную роль. Они были зависимы от номадов, но, находясь под крылом сильных родов, могли получать немалую выгоду от сельскохозяйственного производства и торговли. Интересны находки кладов золотых монет на правобережных городищах донских меотов (Безуглов 2001. С. 86), которые говорят о серьезном политическом значении меотских городищ и их определенной самостоятельности. С этой точки зрения взгляд на меотские поселения Нижнего Дона как на хору Танаиса неоправдан – они отличались культурно, и, видимо, были вписаны в иной политический и экономический контекст, нежели Танаис.

Археологически меотские поселения выглядят намного представительнее, чем сарматские курганные некрополи, но, судя по всему, зависели от сарматов. В этом известный парадокс археологических источников – номады, не оставившие практически ничего, кроме курганов, были самой грозной силой в степи. И хотя оседлое население было довольно многочисленным, военный потенциал и мобилизационные возможности у сарматов были выше. В этом плане, кстати, любопытно сравнить меотские поселения левобережья и правобережья Кубани I–II вв. н.э. На левобережных могильниках мы видим погребения хорошо вооруженных воинов-меотов, в то время как на правобережье им

противостояли кочевники, оставившие Золотое кладбище. Видимо, граница сарматских владений проходила по р. Кубань, и левобережные меоты старались сохранить свою независимость.

Кочевая периферия сарматских объединений тоже может быть определена археологически. Здесь мы уже упоминали районы концентрации могильников без ярко выраженных элитных погребений как возможную периферию. Другая возможность связана с сосуществованием в одном районе памятников двух культурных групп, одна из которых явно доминирует. Такой случай приводит В.П. Глебов на примере памятников раннесарматской и среднесарматской культуры в Подонье I в. н.э. (Глебов 2006. С. 60).

Таким образом, археология позволяет нам увидеть потестарные центры сарматов, реконструировать некоторые элементы системы властных отношений. Исходя из современного понимания потестарного развития кочевнического общества, мы можем предположить существование у сарматов таких форм политий, как вторичное племя, вождество, кочевая империя.

Литература

Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Глебов В.П. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Волгоград, 2006. Вып. 1.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.

Шаров О.В. Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // Stratum plus. 2013. № 5.

Яценко С.А. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2009. Кн. 3. С. 283–312.

Яценко С.А. Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н.э. // Российский археологический ежегодник. 2015. Вып. 5 (в печати).

Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Умение. Понимание. 2015. № 1 (в печати).

А.Ю. Виноградов

КОНЕЦ БОСПОРА И СМЕНА ЭР: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ТЕРРИТОРИИ И ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ КОЙНЕ В IV–XIII вв.

Боспорское царство было уникальной территориальной структурой: его владения по обе стороны Керченского пролива были примерно равновелики и равноценны, причем, несмотря на готские и гуннские нашествия, такая ситуация сохранялась до самого конца V в. Точная дата перехода территории Боспорского царства под прямой контроль Византии неизвестна. Прокопий (О войнах. I, 12) сообщает, что «жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть василевса Юстина», т.е. это произошло незадолго до экспедиции патрикия Прова, имевшей место ок. 526 г. (PLRE. Vol. 2. P. 912). К этому моменту европейский Боспор уже контролировался частично гуннами, и Боспорского царства, возможно, уже не существовало. На более раннюю дату присоединения Боспора к империи может указывать упоминание епископской кафедры в Фанагории под 519 г. (Fedalto 1996. P. 391–392), прежде неизвестной. В любом случае, присоединение Боспора к империи имело место после 516 г., когда воцарился Юстин I.

Terminus post quem помогают нам определить надписи, датированные по боспорской эре. Самая поздняя такая надпись относится к 497/98 г. (Виноградов 1998. С. 243–244, № 6): это керченское надгробие некоего Кириака, сына Леонтиска. На азиатском Боспоре последние такие примеры – это владельческая надпись боспорского комита Савага (Там же. С. 239–240, № 4; согласно любезному указанию А.В. Пьянкова, она, вопреки первоиздателю, происходит не со средней Кубани, а с побережья Азовского моря) и стихотворная эпитафия Евферия из Фанагории 481 г. (см.: Розанова 1941. С. 256, рис. 6). Комит Саваг известен нам также по надписи фиасотов из Гермонассы (473/74 или 483/84 г.? – Виноградов 1998. С. 238–239), своему надгробию 491 г. (Там же. С. 240, № 5) и строительной надписи боспорского царя Тиберия Юлия Дойптуна (Там же). Вопреки Ю.Г. Виноградову в строках 9–10 нет двойной датировки по 6

индикту и 779 году боспорской эры: в строке 10 ясно читается слово μαγίστορ, вариант более распространенного μαΐστωρ, обозначавшего мастера или начальника чего-либо (Trapp 1994, s.v.). Следовательно, надпись царя Дойптуна датируется временем после 479 г. (в 478 г. Саваг назван еще просто комитом, а здесь – первым среди комитов) и до 491 г. Итак, последнее упоминание боспорского царя относится к 479–491 гг., а последняя датированная по боспорской эре надпись – к 497/98 г., что отстоит совсем недалеко от 516–526 гг. – времени, когда Боспор контролировали гунны.

На смену локальной боспорской эре в местных надписях приходит византийская датировка по индиктам. Первый точно датированный пример – это надпись Юстиниана из Гермонассы, датированная 11-м индиктом (Латышев 1896. С. 98–105, № 98), т.е. 533, 548 (вероятнее всего) или 563 гг. В дальнейшем именно такая датировка будет характерна для обоих берегов пролива: первый точно датированный пример на европейском Боспоре – эпитафия Кириака 767 г. (Там же. С. 93–95, № 93), а на азиатском берегу, после двух императорских надписей (см. выше и ниже) – надгробие Идония VI–VII вв. (Там же. С. 110–11, № 101c). Однако совсем не обязательно, что такая смена датировок была резкой: текст керченского надгробия Феодора (Блаватский 1956. С. 117) заканчивается датировкой по 2-му индикту, но загадочная дельта после имени, после которой утрачен еще один знак, может быть как сокращением для обозначения диакона, так и датировкой по 804 году боспорской эры (507/8 г. от Рождества Христова).

Конец старой эры и, очевидно, старой династии связан с глубокими переменами, происшедшими на Боспоре в VI в. Прерывается не только старая традиция датировки, но и боспорская эпиграфическая традиция вообще: помимо двух официальных надписей из Гермонассы (см. выше и ниже) для VI в. мы знаем только одно керченское посвящение (Шкорпил 1912. С. 21, № 11). Этот разрыв может быть связан и со сменой населения: согласно Иоанну Малале (Chronographia 431) в 528 г. в Керчи был поставлен трибун с италийским гарнизоном. Не исключено, что и упоминаемый в гермонасской надписи 589/90 г. (Латышев 1896. С. 105–109, № 99) дукс Евпатерий идентичен Евпатерию,

дуксу Сардинии в 598/99 г. (PLRE. Vol. 3. P. 463). В гермонасской надписи, поставленной от лица императора Маврикия (чье имя позднее, очевидно, при Фоке было подвергнуто *damnatio memoriae*; ср.: Grégoire 1929, № 111: Эфес, 585 г.), пережитки старой боспорской традиции прослеживаются в использовании древней плиты с Никами и тамгами и в псевдо-этимологической форме Βοοσπόρῳ (ср.: КБН. № 838).

Гермонасский Евпатерий назван в надписи стратилатом и дуксом Херсона. Из этого видно, что борьба Боспора и Херсона за первенство среди византийских владений в Северном Причерноморье, складывавшаяся сперва в пользу первого (так, в 536 г. иерарх Боспора уже имеет статус митрополита), заканчивается к концу VI в. победой последнего (а Боспорский иерарх к середине VII в. вернулся в статус архиепископа; подробнее см.: Виноградов 2013). Характерно, что шрифт единственной мраморной надписи VI в. из Керчи (Шкорпил 1912. С. 21, № 11) ближе всего к шрифту именно херсонских надписей (например: IOSPE I^2. 623). Меняется, как мы видим, и само название Пантикапея: у Иоанна Малалы (Chronographia. 431) в описании событий 528 г. Βόσπορος – это уже не область, а город, где происходит «обмен между ромеями и гуннами».

Датировка по индикту и по императору встречается на Боспоре до конца VI в. (гермонасская надпись Маврикия 589/90 г.). Однако уже к концу следующего столетия в боспорских надписях вырабатывается новая уникальная датировка: утвердившаяся в Византии в этом веке эра «от сотворения мира» получает на Боспоре очень раннее распространение в эпиграфике (сравнимое только с Афинами) и главное – собственное, уникальное имя – «от Адама». В византийской эпиграфике такое обозначение крайне редко и не встречается нигде раньше конца XII в. (Stylianou 1960. P. 98). Первая такая надпись, керченская, датируется 691/92 г., а последняя, происходящая из Партенита, но составленная «монахом Николаем из Воспора» – 906 г. (Виноградов 2008). Таким образом, оказывается, что на Боспоре в конце VII – начале X в. имеется свой особый датировочный принцип (на азиатском берегу, правда, надписи с такой датировкой не найдены). Датировка по годам «от Адама», возникшая на Боспоре под имперским влиянием в конце VII в., закрепилась

здесь как своеобразный маркер местной идентичности в эпоху хазарского владычества над городом (надписи 767 и 819 гг.) и ненадолго задержалась после нового перехода Боспора под власть империи (надписи 884 и 906 гг.), уступив затем место традиционной средневизантийской датировке «от Сотворения мира» (первый пример – надпись 912 [?] г. с Таманского полуострова: Виноградов 2006. С. 295–96, № 5), причем тогда же, когда и в Херсоне (915 г.: Латышев 1908. С. 29–30, № 23). При этом она распространяется на обоих берегах Керченского пролива и существует там до позднего Средневековья (см. надпись 1392 г. из Анапы; год в первоиздании [Новичихин 2006] прочтен неверно), но чаще всего никак специально не обозначается.

Итак, мы видим, как, несмотря на резкие сломы традиции (в начале VI, в конце VII и в середине IX – начале X в.), на Боспоре вновь и вновь вырабатывается эпиграфическое датировочное «койне», которое распространяется на обоих берегах пролива, что подчеркивает культурное единство данного региона. При этом в боспорских надписях византийского периода иногда встречаются попытки возврата к местным «древностям» (см. выше, а также поздневизантийскую эпитафию иерея Константина, не просто выполненную на надгробии 308 г. [КБН. № 1051], а прямо подражающую ему в форме букв).

Литература

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1953 г. // КСИИМК. 1956. Т. 63. С. 109–123.

Виноградов А.Ю. Греческие христианские надписи из Северного Причерноморья в коллекции ГИМ // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековье. Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. (Тр. ГИМ; Вып. 159). С. 289–297.

Виноградов А.Ю. Первый эпиграфист, «год от Адама» и воспорский Апостолейон. История феодосийской колонны // Образ Византии: Сб. ст. в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 67–72.

Виноградов А.Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1. С. 40–58.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 15–41.
Новичихин А.М. Каменный крест с греческой надписью из Анапы // XXIV Крупновские чтения. Тезисы докл. Нальчик, 2006 [переизд.: Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 944–945. (Мат-лы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; 8)].
Розанова Н.П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова // СА. Т. 7. 1941. С. 247–257.
Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. 1912. Вып. 45. С. 9–22.
Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Padua, 1996. Vol. 1–2.
Grégoire H. Inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineur. P., 1929.
Stylianou A. & J. Donors and Dedicatory Inscriptions, Supplicants and Supplications in the Painted Churches of Cyprus // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. 1960. Bd. 9. S. 97–128.
Trapp E. u.a. Lexikon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9.–12. Jahrhunderts. Wien, 1994–. (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik; 6).

Ю.А. Виноградов

ПОГРЕБЕНИЯ ЭЛИТЫ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО: К ВЫДЕЛЕНИЮ ЦЕНТРОВ КОНЦЕНТРАЦИИ И ПЕРИФЕРИИ

Почти все боспорские (элитные) курганы были раскопаны в XIX в., и следует считать, что многие сделанные тогда открытия стали важнейшим вкладом российской археологии в мировую науку о классических древностях. С сожалением приходится признать, что сейчас они находятся на периферии научных интересов отечественных ученых.

Исследователи традиционно пытаются вычленить из числа этих памятников погребальные комплексы, которые в большей или меньшей степени несут местные, варварские черты в обряде и сопровождающем инвентаре. На этом пути имеются немалые успехи (см.: Ростовцев 1925; Гайдукевич 1949; Цветаева 1957), но они все-таки не охватывают всей совокупности проблем, связанных с изучением боспорских курганов. Если же оценить раз-

витие культуры боспоркой элиты на протяжении ее тысячелетней истории, т.е. с момента греческой колонизации Боспора (VI в. до н.э.) до падения Боспорского государства (V в. н.э.), то некоторые из таких проблем могут быть обозначены вполне отчетливо. Попытаемся проиллюстрировать их, опираясь на периодизацию истории Боспора.

1. Период освоения греками Боспора (первая четверть VI – начало V в. до н.э.). Прежде всего, никаких элитных погребальных памятников, относящихся непосредственно ко времени колонизации, или шире – к VI в. до н.э., мы не знаем. Конечно, этот факт отнюдь не означает, что греческая аристократия не играла особой роли в освоении берегов Керченского пролива. Ее роль, как представляется, была весьма существенной. Если судить по материалам Пантикапея, самые ранние курганы появляются здесь не ранее начала V в. до н.э. (Цветаева 1957. С. 232). Насыпи этих курганов не отличаются большими размерами, а погребальный инвентарь не очень богат. Они представляются вполне греческими.

2. Период от прихода к власти Археанактидов (480/79 г. до н.э.) до создания государства Спартокидов (рубеж V–IV вв. до н.э.) связан с весьма важными переменами. Очевидно, что ближе к середине V в. в окрестностях греческих городов появляются сравнительно богатые курганы, наиболее существенной особенностью которых является наличие варварских черт: погребения коней, наличие оружия, нашивных на одежду золотых бляшек, предметов, орнаментированных в скифском зверином стиле. Такие курганы раскопаны под Пантикапеем, Нимфеем, Фанагорией, Кепами и на мысе Тузла (Виноградов 2005. С. 245 и сл.). Тип погребального сооружения везде одинаков – грунтовая яма со стенками, обложенными камнем или сырцовым кирпичом, перекрытая деревянными плахами. Все названные центры в этом отношении представляются приблизительно равноценными, за исключением Нимфея, где курганов с варварскими чертами особенно много (Силантьева 1959).

3. Время расцвета Боспорского государства в IV в. до н.э. в высшей степени своеобразно. В окрестностях Пантикапея тогда формируется аристократический курганный некрополь Юз-Оба. По соседству с городом возводятся такие грандиозные погре-

бальные памятники, как Баксинский, Царский, Золотой курганы. Наиболее показательный тип гробницы этого времени – каменный склеп с ложным, уступчатым сводом, распространившийся на Боспоре, скорее всего, под фракийским влиянием. Уступы перекрытий в некоторых склепах гладко стесывались, отчего они приобретали вид ложной арки; в некрополе Юз-Оба известна и одна настоящая арка. В этом же некрополе имеется единственная на Боспоре катакомба Острого кургана – самая большая по площади боспорская гробница IV в. до н.э. (Виноградов 2014а).

Под Нимфеем, Кепами, на Тузле элитные курганы больше не возводились. Некрополь Фанагории отличается весьма любопытными особенностями. Несмотря на богатство комплексов Малой и Большой Близниц, следует признать, что вторая столица стала уступать первой. В этом отношении можно обратить внимание еще на два археологических факта. Во-первых, сравнительно недавно под Фанагорией был открыт круглый каменный склеп с уступчатым перекрытием (Кузнецов 2004); он посвоему копирует склеп Золотого кургана под Керчью, но в уменьшенном виде. Во-вторых, в 1869 г. был обнаружен склеп с четырехугольной камерой и круглым сводом, аналогичный Царскому (Виноградов 2012. С. 103), но и он весьма скромен по своим размерам. В общем, складывается впечатление, что фанагорийской элите в это время «позволялось» строить гробницы, которые по плану не отличались от пантикапейских, но уступали им по размерам.

С созданием централизованной, монархической державы Спартокидов элита Боспора, как можно полагать, предпочитала проживать и совершать захоронения в Пантикапее. Здесь же сосредоточены погребальные памятники, свидетельствующие о тесных связях Боспора с Великой Скифией (Куль-Оба, курган Патиниоти, курган на землях Мирзы Кекуватского и др.).

Великая Скифия не пережила рубежа IV–III вв. до н.э., но кризисные явления в ней, надо думать, проявились ранее. На Боспоре о них тоже можно судить, в частности, на примере некрополя Юз-Оба, верхняя хронологическая граница которого приходится приблизительно на то же время. Насыпи поздних курганов имеют небольшие размеры, а погребальный инвентарь становится скромнее. Самый яркий памятник этого времени –

курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. Погребение здесь было совершено в простой грунтовой яме, а находки позволяют судить об усилении меото-сарматских влияний (Бутягин, Виноградов 2014).

4. Период, охватывающий III–II вв. до н.э., имеет явное своеобразие. Былому величию пантикапейской элиты как будто приходит конец. Наиболее показательными памятниками этого времени являются склепы македонского типа; они имеют камеру, состоящую из двух частей, и арочное перекрытие. Как представляется, такие склепы распространились на Боспоре в результате усилившегося влияния Македонии, вероятно, через Фракию. Самые яркие гробницы такого рода открыты на азиатской стороне: склепы Васюринской горы, Артюховского кургана и др. (Виноградов 2014б). На Керченском полуострове известен один склеп македонского типа, или, от силы, два.

Склепы с уступчатым перекрытием в это время продолжали возводиться, но их конструкция была трансформирована в связи с новыми культурными влияниями – фасады приобрели архитектурную отделку, погребальная камера стала делиться на две части, стены и свод порой расписывались (Виноградов 2013). Хрестоматийно известные памятники такого рода – Тарасовские курганы под Анапой. Под Пантикапеем мы знаем всего один памятник с уступчатым сводом – знаменитый склеп Пигмеев.

В общем, столица Боспора и в целом европейский Боспор уступают азиатской стороне по великолепию погребальных памятников. Невольно возникает вопрос, где же находятся захоронения боспорских царей III–II вв. до н.э.?

5. Митридатовское и постмитридатовское время (конец II – I в. до н.э.) почти не оставило элитных погребальных памятников. Назову только Ахтанизовский клад и погребение воина около Титоровки. Оба комплекса находятся на Таманском полуострове.

Постмитридатовское время можно охарактеризовать комплексом, открытым на мысе Ак-Бурун в 1874 г. Остатки кремации здесь находились в двух бронзовых сосудах, один которых них содержал весьма любопытный набор предметов, включая золотую фибулу типа Алезия (Бутягин, Виноградов 2014). Этот

памятник можно рассматривать как знак усиливавшегося римского влияния.

6. Период нового расцвета Боспорского государства в I–III вв. н.э. является наименее изученным в интересующем нас аспекте, хотя элитные памятники здесь достаточно многочисленны и разнообразны. Начать следует с погребальных памятников, в комплекс которых входили скульптурные украшения – Львиный курган и курган с двумя статуями на Глинище (1850 г.). К ним примыкает склеп, вырубленный на Карантинном мысу (городище Мирмекий), в котором был обнаружен уникальный для Северного Причерноморья аттический мраморный саркофаг конца II в. н.э. (Саверкина 1962).

Огромный научный интерес, конечно, представляет погребение с золотой маской (1837 г.). Оно очень наглядно характеризует своеобразие культуры боспорской правящей элиты этого времени (см.: Тайна золотой маски 2009).

Не менее показательны расписные склепы и катакомбы, сосредоточенные, в основном, в Пантикапее (Ростовцев 1913–1914). Расписной склеп открыт также в Анапе (Алексеева 2010. С. 497 и сл.). Показательно, что под Фанагорией нет ни одной подобной гробницы, более того – там не обнаружено ни единого памятника первых веков н.э., который можно было бы признать элитным. Пантикапейская аристократия, как можно считать, на этом этапе вернула свое лидирующее положение.

Таковой в общих чертах представляется картина территориального распространения погребальных памятников боспорской аристократии на протяжении нескольких веков. Как видим, эта картина не проста, и пока мы не всегда можем с уверенностью судить, с чем были связаны все обозначенные изменения. В этом отношении культура боспорской элиты, безусловно, заслуживает большего внимания со стороны современных ученых.

Литература

Алексеева Е.М. Горгиппия // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1. С. 470–509.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь; Керчь, 2014. Т. 2: Курганы на мысе Ак-Бурун.

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь; Керчь, 2012. (БИ; 27).
Виноградов Ю.А. Уступчатые склепы III в. до н.э. на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013.
Виноградов Ю.А. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 2014. Вып. 30. (а)
Виноградов Ю.А. О склепах македонского типа на Боспоре // Там же. (б)
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004. Вып. 14.
Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913–1914.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Саверкина И.И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. 1962. Т. 2.
Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
Тайна золотой маски. СПб., 2009.
Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56.

А.П. Воскресенский

РОЛЬ СКИФСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV в. до н.э. И ПРОБЛЕМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПАНТИКАПЕЯ

Продолжительный период политической стабильности и мира в Боспорском царстве, характеризовавшийся экономическим расцветом и интенсификацией боспоро-скифских контактов, во второй половине IV в. до н.э. был прерван двумя войнами с участием скифов.

О первой войне, при Перисаде I (349–310 гг. до н.э.), сообщает Демосфен в речи против Формиона (ок. 328 г. до н.э.). Он пишет, что торговец Формион прибыл на Боспор и, «увидев, что на Боспоре дела плохи *из-за возникшей у Перисада войны со*

скифами и большой застой в сбыте товара, который он вез, он оказался в совершенно безвыходном положении...» (Dem. XXXIV. 8). (Ранее предлагался перевод «из-за… войны *со скифским царем*» [см.: Латышев 1893–1906, пер. П.И. Прозорова с доп. В.В. Латышева], однако слова «царь» в греческом тексте нет, на «царя» только косвенно может указывать единственное число: τὸν Σκύθην. Более вероятно, что единственное число здесь употреблено в собирательном значении.).

Возникает вопрос: какие скифы имеются в виду? Идет ли речь о кочевых скифах степей Крыма и Нижнего Поднепровья или же о скифах-земледельцах, начавших оседать на Керченском полуострове, в том числе на хоре Боспорского царства?

Существует также гипотеза, что противниками Перисада были скифы Подонья, военные действия шли в районе Елизаветовского городища (Молев 1994. С. 40) и эта война была частью экспансионистской политики Перисада I в Подонье, т.е. он был ее инициатором. Однако этому противоречат данные археологии. Во-первых, со второй половины IV до начала III в. до н.э. функционирует первая из двух обнаруженных на территории Елизаветовского городища боспорских колоний (Марченко, Житников, Копылов 2000. С. 70, 250). Это свидетельствует о заинтересованности Перисада в освоении этого региона, но чисто торговом, а не политическом. Во-вторых, в том случае, если бы война с боспорцами все-таки произошла, скифы, скорее всего, разграбили и разрушили бы этот греческий анклав в своем городище, но следов пожаров и разрушений на территории поселения не найдено (Марченко 1990. С. 133; Марченко, Житников, Копылов 2000. С. 252).

Если война Перисада I со скифами действительно имела резонанс в экономической жизни Боспора, то описание Демосфеном трудностей, с которыми столкнулся Формион, может пролить свет на последствия этого конфликта и локализацию его участников. У Формиона возникли проблемы со сбытом товара. О сходных проблемах в то время на боспорском рынке говорится в комедии Менандра «Самиянка» в связи с плаванием туда афинского купца Демеи, который был вынужден вскоре вернуться из этой неудачной торговой экспедиции (Маринович, Кошеленко 1998. С. 92). Как известно, афинские товары, приво-

зимые на Боспор, часто обменивались на зерно, ведь Боспорское царство было главным экспортером хлеба в Афины (Dem. XX. 22). Следовательно, можно предположить, что война вызвала кризис поставок зерна на рынок, возможно, как раз из-за того, что воевать пришлось с оседлыми скифами, от которых эти поставки и зависели, тем более что применительно к последней трети IV в. до н.э. археологически прослеживаются следы разрушений на скифских селищах и городищах Боспорской хоры Восточного Крыма (Масленников 1999. С. 184).

Более обширными сведениями мы обладаем о другой войне второй половины IV в. до н.э. на Боспоре, а именно о междоусобной войне сыновей Перисада I, в которой также непосредственное участие принимали скифы. Подробный рассказ о ней сохранился у Диодора (Diod. XX. 22. 4). Диодор пишет, что после смерти Перисада (ок. 310/9 г. до н.э.) его сыновья Евмел, Сатир и Притан подняли войну из-за власти. Боспорский престол унаследовал от отца старший сын Сатир. Его брат Евмел стал оспаривать его власть, заручившись поддержкой «некоторых из соседних варварских народов».

Очень важны сведения Диодора о составе и численности войск, т.к. именно они говорят о той роли, которую играли местные племена в этой войне. Войско Сатира насчитывало, по Диодору, около 34 000 человек, из них 2000 – греческие наемники, 2000 – фракийские наемники, остальное же войско составляли союзные скифы «в количестве двадцати тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников». На стороне Евмела сражались войска варварского, вероятнее всего, сарматского (согласно конъектуре Ἀριφάρνης ὁ τῶν Σιρακῶν βασιλεύς – «Арифарн, царь сираков», предложенной К. Мюллером, т.к. сираки – сарматское племя; подробнее см.: Десятчиков 1977. С. 46; Виноградов 2005. С. 278–280), царя Арифарна: 20 000 конницы и 22 000 пехоты.

Несмотря на то, что численность войск, в первую очередь варваров, скорее всего, была Диодором преувеличена, соотношения между враждующими сторонами и частями войск в составе каждой из них, в целом, могут соответствовать действительности, а если так, то скифы играли решающую роль в войске Сатира. Также представляется весьма значимым, что скифы были не наемниками, а союзниками, и находились под командо-

ванием Сатира. У Евмела же главным предводителем войска был Арифарн, а он сам командовал только на одном из флангов.

Несмотря на успешный для Сатира ход военных действий, он погиб во время этой войны, а принявший власть после него младший брат Притан был убит в Пантикапее. Пришедший к власти Евмел весьма жестоко расправился со всеми приближенными и ближайшими родственниками своих братьев. Из их сыновей выжил только сын Сатира Перисад, который нашел укрытие у скифского царя Агара (Diod. XX. 24). Этот факт свидетельствует, что скифы и их правители до самого конца междоусобной войны сыновей Перисада I были приверженцами его старшего сына и законного наследника Сатира. Но почему?

Стоит задуматься о том, что сулил для скифов приход к власти Евмела. Своей победой он практически полностью был обязан поддержке со стороны варваров, которые дважды были мобилизованы для отпора войскам его братьев (Diod. XX. 22–24). Следовательно, Евмел должен был как-то отплатить варварам за военную помощь и, вероятно, учитывать в дальнейшем в своей политике их интересы. Согласно наиболее обоснованной версии, союзником Евмела было сарматское племя сираков. Сарматы – главные противники скифов в борьбе за степные территории, и после распада Великой Скифии они оказывали на них всё большее давление. Оказавшись побежденными в междоусобной войне на Боспоре, скифы начали отходить на второй план во внешней ориентации Боспорского царства. Иными словами, выступая на стороне Сатира, скифы воевали с противостоявшей им варварской группировкой за положение в боспорской политике и экономике.

На рубеже IV–III вв. до н.э. в военно-политических контактах Боспорского царства со скифами наступает сложный период. Две войны прервали продолжительный период мира между ними. Евмел, пришедший к власти после этих войн и процарствовавший всего 6 лет, возможно, стал зачинателем совершенно новой эпохи в истории Боспора, когда скифы уже перестали играть столь важную роль, как прежде, но всё большее значение приобретало усиливавшееся племя сарматов.

Предприняв неудачную попытку расширить территорию своих кочевий за счет хоры Боспорского царства, где жили их

соплеменники, скифы пошли на союз с Сатиром и потерпели поражение от сарматов как от союзников Евмела.

Также о жестоком разорении Скифии сарматами сообщает Диодор: «сарматы... поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43–46). Окончательно степная Скифия перестала существовать в первой трети III в. до н.э. Это выразилось в прекращении возведения скифских курганов, запустении Елизаветовского и Каменского городищ. Тогда же археологически фиксируются серьезные разрушения на хоре Боспора, Херсонеса и Ольвии (Виноградов, Щеглов 1990. С. 361). Всё это было «делом рук» сарматов, которые теперь стали главной силой в Северном Причерноморье, а следовательно, наиболее важным соседом Боспорского царства.

Библиография

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.

Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.

Латышев В.В. Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis, или Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. В 2 т. в 5 вып. СПб., 1893–1906.

Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Куда и зачем плавал Демея? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1998.

Марченко К.К. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.

Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГ, 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999.

Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994.

Н.А. Ганина

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ И ВЛАДЕНИИ НА РЮГЕНЕ*

1. В первые века н.э. Рюген, по данным археологии и письменных источников, был заселен восточными германцами. Тацит подчеркивает особенности становления власти в этом регионе: «За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям» (Germ. 44). Упоминание «островных ругов» в древнеанглийском «Видсиде», восходящем к эпохе Великого переселения народов, также содержит указание на племенного вождя: «Casere weold Creacum / ond Cælic Finnum / Hagena Holmrygum / ond Heoden Glommum» («Кесарь правил греками, а Кэлик финнами, Хагена островными ругами, а Хеоден гломмами») (Widsið. 20–21). Др.-англ. *waldan*, как и его параллели в других древнегерманских языках, имеет значение «владеть, распоряжаться (землей, домом и пр.)» и восходит к индоевропейскому понятию о власти как владении, ср. тох. *A walo* «царь», др.-рус. *володети*.

Иордан после перечисления группы племен, которую заключают «руги, арохи, рании», также указывает на верховную власть у ругов: «королем над ними был Родвульф», который «презрев свое королевство, укрылся под защиту Теодориха, короля готов, и нашел то, что искал» (Get. 24). После переселения ругов в Паннонию, на Балканы и в северную Нижнюю Австрию (Норик) в 430-х годах были известны и другие вожди ругов, которые в источниках именовались королями (*reges*): ср. *Flacciteus* и его сыновья *Feletheus* и *Fewa* в «Житии св. Северина» (Житие св. Северина 1998). Примечательно, что примерно в 430 г. в Нижней Австрии возникает «страна ругов» – *Rugiland*, что буквально воспроизводит старое название скандинавской прародины ругов – *Rogaland*, но в восточногерманской огласовке. В Нижней Австрии были найдены монеты с именами королей ругов. Эти факты говорят о том, что руги имели развитые

представления о власти и владении, которые они сохранили и после переселения в другие области Западной Европы и реализовали в новой обстановке.

2. Уход восточных германцев с Рюгена был массовым, но данные археологии свидетельствуют, что там оставалось какое-то прежнее население и славяне, заселившие Рюген во второй половине VII в., мирно с ним сосуществовали. Верховная власть у рюгенских славян имела сакральную основу. По сообщению Гельмольда Босауского, руяне (раны, руны) «занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное же делят между собой» (Chron. Slav. I, 36; Гельмольд 1963. С. 100). Идея сакральной основы власти рюгенских славян служит обоснованием значения острова во всем балтийском регионе: руяне – «самое сильное среди славян племя, единственное, которое имеет короля [*rex*]. Без их решения не может быть совершено ни одно общественное дело. Их боятся так по причине особого расположения к ним богов или, скорее, идолов, которых они окружают гораздо большим почетом, чем другие славяне»[1] (Chron. Slav. I, 20; Гельмольд 1963. С. 37–38). Рюгенские славяне осознавали свое государственное устройство как издревле установленную теократию (см.: Ганина 2010).

3. Становление славянской княжеской династии на Рюгене происходит в условиях завоевания острова датским королем Вальдемаром I и христианизации Рюгена. До христианизации и перехода Рюгена в вассальную зависимость от Дании рюгенские князья именуются в хрониках *rex* «король», после этого – *princeps* «князь» (то же обозначение в княжеских грамотах), однако эти наименования призваны обозначить положение Рюгена как датского лена, а не принизить статус князя. Вопрос о княже-

ской власти, династии, «правящем доме» встает на Рюгене только в эту эпоху.

В качестве родоначальника славянской династии, правившей Рюгеном до 1325 г., рассматривается Ратислав (Ратце; 1105–1141). Источники фиксируют случаи одновременного правления двух князей – братьев или отца и сына. Решение о подчинении Дании и принятии христианства приняли сыновья Ратислава, князья Яромар и Тетислав. При этом Гельмольд, в соответствии с германскими представлениями о единоличной власти, особо подчеркивает роль одного из князей: «Князем же у руян был в это время благородный муж Яромир, который, услышав о почитании истинного Бога… с охотой принял крещение, приказывая всем своим также обновиться с ним через Святое Крещение... Он привлек… народ к обращению в новую веру отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким» (Chron. Slav. II, 12; Гельмольд 1963. С. 236). В определенной мере это связано и с особенностями личности Яромара I (? – 1217/18). Он уже в 1164 г. упоминается у Гельмольда как человек благородного происхождения, а Саксон Грамматик под 1181 г. сообщает, что король Фридрих льстил Яромару, называя его королем. Эти свидетельства позволяют наблюдать становление новых понятий о власти на Рюгене.

При этом на протяжении всего правления славянской княжеской династии отмечаются реликты исконных представлений о недифференцированном характере власти князей. После кончины Яромара I власть должна была перейти к его старшему сыну Барнуте (? – 1237), и считается, что он правил с 1218 по 1221 г., однако хронист-современник Генрих Ливонский уже в 1219 г. называет Вицлава, младшего брата Барнуты, «princeps», да и в грамотах Барнута обозначается как «господин», «сын князя Яромара» и владелец поместья Гристов (Scheil 1953. S. 4). Яромар и Тетислав правили вместе, папская булла 1249 г. адресована отцу и сыну, князьям Вицлаву I и Яромару II, их преемник Вицлав II упоминает в грамотах своего брата наряду с собой как лицо, выпускающее грамоту, а иногда как советчика или свидетеля. В 1294 г. к княжеской грамоте печать приложили Вицлав II и его сын, в 1296 г. Вицлав II упоминает в грамоте себя и двух своих сыновей. И наконец, Вицлав II передает в заве-

щании власть обоим сыновьям, Самбору и Вицлаву III (Steffen 1963. S. 48). Интересно, что они не были единственными сыновьями Вицлава II, в семье было 4 сына и 4 дочери. Как решались конкретные вопросы передачи власти, неизвестно, однако рюгенская династия во все периоды своей истории правила мирно.

4. Несмотря на географическое положение Рюгена (Северная Германия), рюгенские князья никогда не были вассалами Священной Римской империи, Рюген был леном Дании. Такое положение, безусловно, отражает важность морских связей на Балтике в средние века. Рюгенские князья были обязаны являться на съезды ко двору датских королей и выступать на стороне Дании в военных походах (Hamann 1953). Это требовало от правящего князя значительных средств, в связи с чем есть основания полагать, что не всякий из членов рода готов был взять на себя на эти обязанности и расходы, благодаря чему естественным образом формировался круг правящих лиц.

Последние рюгенские князья имели тесные связи не только с Данией, но и с Норвегией. Дочь Вицлава II Эуфемия вышла замуж за норвежского герцога Хакона и с восхождением Хакона на престол стала королевой Норвегии. Вицлав II скончался 29 декабря 1302 г. у дочери и зятя в Осло, куда приехал в гости на Рождество, и был там похоронен.

Последним князем Рюгена был Вицлав III, вошедший в историю немецкой литературы как миннезингер. Его сын Яромар, еще в детстве помолвленный с Беатрикс, дочерью Генриха, герцога Мекленбургского, умер 25 мая 1325 г., а Вицлав – 8 ноября того же года. Род князей Рюгена пресекся. К власти пришел померанский герцог Вартислав IV, племянник Вицлава, но померанские герцоги не были вассалами Дании, и датский король Кристоф II оспорил власть Вартислава. В борьбе за рюгенское наследство не смогли победить ни тот, ни другой, потому что Кристоф II был изгнан из Дании по внутриполитическим причинам, а Вартислав скончался 1 августа 1326 г., оставив наследниками несовершеннолетних сыновей. Поскольку Кристоф II нашел убежище в Мекленбурге, его союзником стал герцог Мекленбургский Генрих II, который в итоге и получил власть над Рюгеном, но не благодаря победам, а в результате выкупа в

размере 31 000 марок серебром и брака со вдовой Вицлава III, Агнес (дочерью графа Гунтера Линдов-Руппинского) (Wichert 2009. S. 24). Так окончательно оформились связи Рюгена и Северной Германии, сложившиеся в XIII в. в результате духовных и культурных взаимоотношений, нижненемецкой колонизации и торговли.

Примечания

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНГФ (проект № 13-04-00024, «Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев»).

[1] Согласно указанию Л.В. Разумовской, в этом контексте Гельмольд цитирует Адама Бременского («Деяния архиепископов Гамбургской церкви», IV: 1).

Литература

Ганина Н.А. Мифология власти у рюгенских славян // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. XXV конф. памяти В.Д. Королюка: Сб. тезисов. М., 2010. С. 35–40.

Гельмольд. Славянская хроника / Пер. с лат. и прим. Л.В. Разумовской. М., 1963.

Житие св. Северина / Пер. с лат. А.И. Донченко. СПб., 1998.

Тацит, Корнелий. Соч. М., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича.

Hamann C. Die Beziehungen Rügens zu Dänemark von 1168 bis zum Aussterben der einheimischen rügischen Dynastie 1325 (Inaugural.-Diss). Greifswald, 1933.

Scheil U. Genealogie der Fürsten von Rügen. Greifswald, 1945.

Steffen W. Kulturgeschichte von Rügen bis 1815. Köln; Graz, 1963. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Pommern; 5.5).

Wichert S., Petrick F. Rügens Mittelalter und Frühe Neuzeit. 1168–1648. Putbus, 2009.

Н.Ю. Гвоздецкая

МОНАСТЫРЬ-ОСТРОВ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА В ВОСПРИЯТИИ БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ»)*

Тема монастырей занимает одно из центральных мест в историческом нарративе Беды Достопочтенного, нортумбрийского монаха, который в деталях обрисовал церковную жизнь эпохи крещения Англии. Образ монастыря-острова присутствует в «Церковной истории народа англов» (731 г.) и в прямом, и в переносном смысле. Первый английский монастырь на родине Беды, в Нортумбрии, был основан на острове Линдисфарн у ее северо-восточного побережья и унаследовал монастырские традиции острова Ионы (Ии), представлявшего собой форпост ирландского монашества на северо-западе Британии. Островное положение имели и другие обители, окруженные реками и болотами. Ранние английские монастыри могли также восприниматься как «островки» христианской веры в светской среде новокрещеных англо-саксов, частично сохранявших языческие обычаи и представления. И в прямом, и в переносном смысле «островное» положение монастыря предполагало не только обособленность, но и контакты. Остров Линдисфарн находился недалеко от королевской резиденции, и во время отливов дважды в день соединялся с землей, так что его первый епископ св. Айдан имел возможность заниматься проповеднической деятельностью, в чем ему помогал король Освальд. Расположенный у северных пределов Нортумбрии, монастырь Линдисфарн способствовал распространению на север миссионерской деятельности и политического влияния англо-саксонских вождей. Территориальная отделенность монастыря служила гарантией его духовного обособления, но не означала изолированности от мира. Англо-саксонские монастыри составляли нечто вроде «архипелага» новых территориальных центров, служивших рождению английской идентичности задолго до рождения единой Англии. Роль монастырей, даже самых уединенных, в политике англо-

саксонских королей явственно прослеживается в тексте «Церковной истории народа англов».

Связь монастыря с определенной королевской династией становится особенно заметной, когда Беда переходит к повествованию о прославлении короля Освальда, погибшего в битве от руки мерсийского вождя-язычника Пенды. В центре рассказа – «чудеса и знамения, случившиеся, когда кости короля были найдены и перенесены» в монастырь Барденей (ныне Бардни) в провинции Линдсей (Беда 2001. С. 83). Вместе с тем сквозь благочестивый рассказ просматриваются важные детали политической ситуации того времени.

Перенесение мощей, по Беде, было осуществлено «усилиями Осфриды, королевы Мерсии, которая была дочерью Освиу, брата Освальда, правившего после него» (Там же. С. 83). Беда объясняет ее решение тем, что Бардни «был весьма любим и почитаем королевой и ее мужем Эдильредом» (Там же. С. 83). Думается, что есть основание усмотреть здесь и другие мотивы. За личной заинтересованностью Осфриды скрывался, возможно, политический расчет ее супруга. Когда Эдильред (Этельред) стал королем Мерсии, в Нортумбрии правил брат Осфриды Эгберт. За четыре года правления Этельреда их отношения обострились до крайности, о чем свидетельствует битва, упоминаемая в Англо-Саксонской хронике под 679 г. Прославление вновь обретенных останков Освальда мерсийским королевским домом вскоре после прихода Этельреда к власти могло быть направлено на улучшение отношений между Мерсией и Нортумбрией – по-видимому, не увенчавшееся успехом.

Вместе с тем «реверанс» Мерсии в сторону Нортумбрии, осуществленный при посредстве Осфриды, мог преследовать и иную цель – закрепить власть мерсийского короля в пограничных областях. Провинция Линдсей неоднократно служила предметом территориальных споров. В VI в. она была завоевана прибывшими с континента англами и управлялась собственной династией, возводившей свое начало к богу Водену. Позже за Линдсей вели борьбу Нортумбрия и Мерсия, пока в 664 г. собор в Витби (Стренескальке) не признал эту область владением Мерсии. Труд Беды позволяет расслышать отголоски борьбы, в которой орудием королевской политики выступали также миссионеры и монастыри. Незадолго до восшествия Этельреда на

престол король Нортумбрии Эгберт, несмотря на решение собора в Витби, завоевал Линдсей, а в 678 г. поставил там своего епископа (Там же. С. 125). Таким образом, Осфрида и ее супруг, отправившие повозку с мощами Освальда в Бардни, действовали на чужой территории. Возможно, сам этот шаг и был ответом на незаконный захват Линдсея Эгфридом.

Любопытно, однако, что насельники Бардни не пожелали открыть ворота перед повозкой, несмотря на почитание их монастыря королевской четой Мерсии. И вовсе не потому, что боялись гнева нового владыки, но исключительно по причине нелюбви к самому Освальду: «Они знали, что Освальд был святым, но преследовали его своей ненавистью даже после смерти, поскольку он был родом из другой провинции и некогда завоевал их» (Там же. С. 84).

Отказ обитателей Линдсея принять мощи их нортумбрийского завоевателя Освальда, доставленные в монастырь по приказу мерсийской королевы, свидетельствует о том, что они не желали подчиняться ни Мерсии, ни Нортумбрии, и вполне сознавали связь прославления Освальда с политическими амбициями соседствующих владык. Впрочем, согласно Беде, поднявшийся над мощами той же ночью столп света заставил братию «возблагодарить Господа за то, что эти мощи прибыли к ним» (Там же. С. 84). Для Беды завоевательная политика Освальда компенсировалась и возвышалась его богоугодной деятельностью. В «Церковной истории» культ св. Освальда представлен не столько как инструмент прославления той или иной династии, сколько как средство единения англов «лучами исцеляющего света» его святости (Там же. С. 85). Средоточием и законным хранителем этой святости выступает монастырь, значимость которого, таким образом, не сводится Бедой к месту упокоения королевских фамилий.

Указанный момент становится еще более явным в дальнейшем повествовании, когда Беда возвращается к правлению короля Освиу, брата Освальда. Рассказ о злодейском предательстве, которое совершил Освиу в начале правления по отношению к своему соправителю Освину, завершается словами: «Позже там во искупление этого злодеяния был построен монастырь, где ежедневно возносятся молитвы Господу за упокой души обоих королей, убитого и того, кто приказал его убить» (Там же. С. 87).

Король Освин у Беды – не просто жертва, но христианский мученик. Важно, однако, что монастырь был построен не только ради вечной хвалы в адрес Освина, но и ради спасения души его убийцы, короля Освиу. Интересно, что в данном случае основание монастыря выступает также средством примирения двух враждовавших королевских династий Нортумбрии – династии Эдвина, родственника Освина, и династии Освальда, брата Освиу. Монастырь был выстроен по просьбе королевы Энфледы, жены Освиу и дочери Эдвина (Там же. С. 99). Энфледа, таким образом, пеклась не только о спасении репутации своего царствующего супруга, но и о прославлении династии своего отца, которую оттеснил от власти Освальд.

«Королевская тема» в рассказе о первых англо-саксонских монастырях весьма важна для Беды. Она позволяет ему раскрыть механизм приобщения «народа англов» к новой вере. Характерен в этом отношении эпизод правления короля восточных англов Сигберта, который, оставив по собственной воле трон, «ушел в монастырь, им же основанный, принял постриг и стал воевать ради стяжания вечного царства» (Там же. С. 91). Пример Сигберта, которого нельзя назвать ни нормой, ни даже идеалом светского правителя, задает для Беды ту необычайно высокую планку, которой измеряется смысл королевской власти в условиях христианизации. Следование евангельским заповедям ведет к переосмыслению обязанностей вождя – «воевать ради стяжания вечного царства». Формула героического поведения сохраняется, наполняясь новым смыслом. Монастырь оказывается не просто местом проявления святости или замаливания грехов, но местом формирования нового типа лидера, который ведет свой народ в Царствие Небесное.

Примечание

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 13-04-00024 («Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев»).

Источник

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Фёдоров. СПб., 2001.

Т.В. Гимон

«РОСПИСЬ ПЛЕМЕН» («TRIBAL HIDAGE») И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛО-САКСОНСКИХ КОРОЛЕВСТВ*

«Роспись племен» («Tribal Hidage»)[1] – краткий, но необыкновенно важный источник по истории Англо-Саксонской Англии. Этот текст, несмотря на все связанные с ним загадки и неясности, позволяет взглянуть на территориальную структуру политических образований на очень ранней стадии развития государственности.

«Роспись» известна в трех редакциях. Редакция А сохранилась в сборнике первой половины XI в., среди других справочных и познавательных материалов; редакция В известна только по книге Г. Спелмана 1626 г.; редакция С представлена шестью списками XIII–XIV вв. в составе юридических сборников. Эти три текста независимо друг от друга восходят к общему архетипу, который, соответственно, должен датироваться не позднее начала XI в. Редакция А дает текст на древнеанглийском языке; редакции В и С – на латыни; архетип был древнеанглийским (Dumville 1989б. P. 225–230; Featherstone 2001. P. 23–27).

«Роспись» представляет собой перечисление 34-х англосаксонских областей (королевств? племенных общностей?) к югу от р. Хамбер (т.е. кроме Нортумбрии) с указанием их размера в гайдах[2]. В редакции А (и, наверное, в архетипе) пункты перечня представляют собой собирательные названия жителей той или иной местности (в родительном падеже множественного числа), за которыми следует количество гайд (например: «Eastsexena syofon þusend hyda» – «[У] восточных саксов семь тысяч гайд»).

В «Росписи» перечислены как совсем небольшие области (некоторые даже не поддаются уверенной локализации), так и такие королевства, как Мерсия, Уэссекс, Кент и т.д. Центром «ментальной карты» создателя перечня была Мерсия (Featherstone 2001. P. 27, 29): «Роспись» начинают «Мерсийские земли... которые первоначально называли Мерсией» (30 000 гайд – видимо, историческое ядро Мерсии в среднем течении р. Трент). Затем следуют небольшие области на ее периферии (от 300 до

7000 гайд каждая). В конце перечня названы несколько больших королевств, расположенных к востоку и югу от Мерсии: Восточная Англия (30 000 гайд), Эссекс (7000), Кент (15 000), Сассекс (7000) и Уэссекс (100 000). В редакции А есть также две суммарные цифры: для первых 19-ти областей (66 100 гайд) и для всего списка (242 700 гайд[3]).

О времени, месте, обстоятельствах и цели создания «Росписи племен» высказывались самые разные предположения. Большинство исследователей, исходя из содержания перечня, считают, что он был написан в Мерсии, но по-разному его датируют. С. Харт относит «Роспись» к правлению мерсийского короля Оффы (757–796) (Hart 1971. P. 133, 157). Согласно У. Дэвис, наиболее вероятным временем составления реестра являются 670–680-е годы (Davies, Vierck 1974. Bd. 8. S. 226–227; с этим согласна: Yorke 1990. P. 10). Д. Дамвилл тоже датирует «Роспись» VII в.: уверенно – между 635 и 680 гг., а в этих пределах – предположительно концом 60-х – началом 70-х годов (Dumville 1989a. P. 132–133). П. Фидерстоун полагает, что «Роспись» была составлена в конце IX в. в Мерсии, уже зависимой от Уэссекса, возможно – с использованием более раннего мерсийского перечня конца VII в. (Featherstone 2001. P. 29–31). Высказывалось и мнение, что перечень был составлен не в Мерсии, а Нортумбрии, в период гегемонии последней, поскольку король Мерсии якобы не мог взимать дань с ядра собственного королевства (Brooks 2000. P. 62; Higham 1995. P. 74–111; в последней работе перечень датируется 625–626 гг.).

На мой взгляд, несомненно, что «Роспись» была составлена в Мерсии, поскольку именно она является центральной областью, с которой начинается обзор. Как справедливо пишет П. Фидерстоун, даже если «Роспись» – это реестр податей (в чем, однако, не может быть уверенности), в ней должно было упоминаться ядро политического образования, с которого его король, наверное, подать всё же взимал (Featherstone 2001. P. 29). Гипотеза самого Фидерстоуна о позднем происхождении «Росписи» тоже неубедительна: в центре внимания стоит явно не Уэссекс, и нет никакого намека на территории, контролировавшиеся скандинавами (Фидерстоун усматривает таковой в словах «которые первоначально называли Мерсией», но это очень спорное прочтение).

Таким образом, «Роспись» была составлена в Мерсии, скорее

всего – между серединой VII в. (принятие христианства) и второй четвертью IX в. (утрата Мерсией гегемонии). Более точная датировка может быть исключительно гипотетичной (ср.: Keynes 1995. P. 24). Мне представляется, что некоторые соображения могут быть выдвинуты в пользу даты, более ранней, чем 770–780-е годы, когда мерсийский король Оффа лишил королевского статуса правителей Хвикке, Сассекса и Кента, сделав тем самым шаг к большей централизации и унификации своей державы.

Некоторые исследователи пытаются выделить в «Росписи» разновременные слои (Kirby 1991. P. 9–11; Higham 1995. P. 83–92, 99; Featherstone 2001. P. 31; Yorke 2001. P. 20; Blair 2014. P. 475), однако такие предположения не могут не быть сверхгипотетичными. Единственное, на что здесь можно опереться, это промежуточный итог, подведенный после перечисления первых 19-ти областей. Можно было бы предположить, что первоначально перечень включал 19 областей, а затем были добавлены еще 15. Однако если нанести их на карту, то получится, что некоторые из 15-ти находятся ближе к историческому ядру Мерсии, чем иные из 19-ти. Поэтому трудно себе представить, что два итога «Росписи» отражают два этапа территориальной экспансии Мерсии. И наоборот, как целое (без учета промежуточного итога) перечень выглядит достаточно логичным (ср.: Davies, Vierck 1974. S. 226).

Не вполне ясно и назначение «Росписи». Чаще всего предполагают, что это податный список: число гайд означает размер дани, которая взимается с каждой из областей (Stenton 1943. P. 294; Davies, Vierck 1974. S. 225; Hart 1977. P. 44; Loyn 1984. P. 7, 34; Gelling 1989. P. 191; Higham 1995. P. 74–75, 92, 94, 99; и др.). Речь может идти не только о дани, но и, к примеру, о расчете численности населения для набора войска (ср.: Featherstone 2001. P. 23, 27, 29–30)[4]. Наконец, вполне возможно и то, что «Роспись» вообще не являлась административным документом, но была составлена из ученого интереса – подобно многочисленным средневековым каталогам и суммам (Keynes 1995. P. 24–25). Однако даже если верно последнее, само исчисление размера областей в гайдах, конечно, связано с данью и повинностями. Следовательно, даже если документ как таковой создавался не с практической целью, он все равно отражает полити-

ческие реалии времени его составления.

Как представляется, следующие выводы могут быть сделаны на основании «Росписи» с достаточной степенью уверенности.

1) Территориальные единицы обозначались и, вероятно, воспринимались как совокупности их жителей («Восточные саксы» и т.п.; эти наименования могли восходить к эпохе до формирования больших королевств: Hamerow 2005. P. 280–283).

2) Размер (относительный вес) каждой территориальной единицы оценивался количественно – в гайдах. Вероятно, эти размеры были на момент создания «Росписи» «общедоступным знанием» (Kirby 1991. P. 10; Keynes 1995. P. 25) – ср. определение размеров некоторых территорий в «фамилиях», т.е., очевидно, гайдах, у Беды Достопочтенного. Есть все основания думать, что оценка областей в гайдах была не отвлеченным знанием, но имела прямое отношение к взиманию дани и/или к набору войска.

3) Размер областей, перечисленных в «Росписи», очень сильно разнится (от 300 до 30 000 гайд, если не считать Уэссекса с его 100 000 гайд), а значит – территориальная структура еще не была унифицирована. Одни регионы представляли собой сравнительно крупные и монолитные политические образования (историческое ядро Мерсии, Восточная Англия, Хвикке и т.п.), а другие состояли из небольших областей/групп населения, сохранявших свою идентичность. К сожалению, очень трудно сказать, насколько велика была их автономия на момент создания «Росписи». В некоторых из крупных областей (Линдси, Хвикке, не говоря уже о пяти последних в списке) источники фиксируют собственные королевские династии; Беда также упоминает князя (*princeps*) Южного Гюрве (600 гайд), женившегося на представительнице королевского рода Восточной Англии (см.: Kirby 1991. P. 10–12; Featherstone 2001. P. 28–31). Для большинства мелких и средних областей у нас нет подобных данных. Однако их перечисление в одном ряду с Мерсией, Линдси, Эссексом и т.п. заставляет думать, что эти области представляли собой (хотя бы в недалеком прошлом) автономные политические единицы (ср.: Featherstone 2001. P. 28–29).

4) На момент создания «Росписи» Мерсия состояла как бы из трех поясов, очевидно, имевших разный статус и в разной степени интегрированных в единое королевство:

– историческое ядро Мерсии (30 000 гайд);

– области (от 300 до 7000 гайд), располагавшиеся вокруг этого исторического ядра и уже прочно подпавшие под власть Мерсии (назовем это «внешней Мерсией» – всего 54 600 гайд);

– королевства, не входившие в состав Мерсии, но или находившиеся от нее в зависимости, или являвшиеся объектом ее притязаний (иначе почему они – в отличие от Нортумбрии – перечислены в «Росписи»?): Восточная Англия, Эссекс, Кент, Сассекс, Уэссекс (от 7000 до 100 000 гайд, в сумме 159 000 гайд)[5].

5) Второй пояс представляет наибольший интерес и одновременно наиболее сложен для анализа. Именно в нем находятся все мелкие области (по 300, 600 и т.д. гайд), хотя есть и крупные (Линдси, Хвикке и др. – по 7000 гайд). При этом наиболее мелкие (из тех, что поддаются локализации) сосредоточены в основном в двух регионах. Во-первых, это территория между историческим ядром Мерсии и Восточной Англией (которые, заметим, равновелики – по 30 000 гайд) – очевидно, буферная зона, для которой естественным было долгое сохранение дробного политического деления (Dumville 1989a. P. 132). Кроме того, это в значительной степени болотистый край, что также должно было способствовать сохранению автономии мелких «племен». Во-вторых, несколько областей среднего размера (1200–5000 гайд) локализуются в бассейне Темзы, к югу от исторической Мерсии, т.е. опять-таки в буферной зоне между ней и Уэссексом (а также, возможно, другими королевствами юго-востока Англии, а с другой стороны – и Хвикке). Отсюда видно, что небольшие области, расположенные в пограничных зонах между крупными королевствами, дольше сохраняли свою идентичность.

Примечания

* Доклад подготовлен в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»).

[1] См. публикации текста: Dumville 1989б. P. 227 (редакция A); The defence of Wessex 1996. P. 18–23 (редакция C с разночтениями по другим редакциям). Историко-географические комментарии к «Росписи»: Hart 1971; Davies, Vierck 1974. S. 227–241.

[2] Гайда (англ. *hide*, д.-а. *hyda*) – единица измерения земли, реальный размер которой мог довольно существенно варьироваться. Первоначально гайда – это землевладение одной свободной семьи, однако

впоследствии в гайдах выражались те или иные повинности (о проблемах, связанных с этим понятием, см.: Charles-Edwards 1972).

[3] При пересчете получается немного больше – 244 100 гайд.

[4] Ср. также «Роспись бургов» («Burghal Hidage») – документ конца IX или начала X в., в котором определяется, сколько гайд земли закреплено за той или иной крепостью с целью набора там людей для ее строительства и обороны (The defense of Wessex 1996).

[5] Эту относительно стройную картину «портит» отождествление *Wihtgara* с островом Уайт (у южного побережья Англии, с конца VII в. под властью Уэссекса: Hart 1977. P. 146–147). Однако оно не является общепринятым, тем более что в «Росписи» размер *Wihtgara* – 600 гайд, а Беда определяет размер о. Уайт как 1200 фамилий (Kirby 1991. P. 10).

Литература

Blair J. The Tribal Hidage // The Whiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 473–475.

Brooks N. The Formation of the Mercian Kingdom // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 61–78 (впервые опубл. в 1989 г.).

Charles-Edwards T. Kinship, status and the origin of the hide // Past and present. 1956. N 56. P. 3–33.

Davies W., Vierck H. The Contexts of Tribal Hidage: Social Aggregates and Settlement Patterns // Frühmittelalterliche Studien. B.; N.Y., 1974. Bd. 8. S. 223–293.

The defence of Wessex: The Burghal Hidage and Anglo-Saxon fortifications / Ed. D. Hill, A.R. Rumble. Manchester; N.Y., 1996.

Dumville D. Essex, Middle Anglia, and the expansion of Mercia in the South-East Midlands // The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms. L.; N.Y., 1989. P. 123–140. (а)

Dumville D. The Tribal Hidage: an introduction to its texts and their history // Ibid. P. 225–230. (б)

Featherstone P. The Tribal Hidage and the Ealdormen of Mercia // Mercia: An Anglo-Saxon kingdom in Europe. L.; N.Y., 2001. P. 23–34.

Gelling M. The early history of western Mercia // The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms. L.; N.Y., 1989. P. 184–201.

Hamerow H. The earliest Anglo-Saxon kingdoms // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2005. Vol. 1: *c.* 500 – *c.* 700. P. 263–288.

Hart C. The Tribal Hidage // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. 1971. Vol. 21. P. 133–157.

Hart C. The Kingdom of Mercia // Mercian Studies. Leicester, 1977. P. 43–61.

Higham N.J. An English Empire: Bede and the early Anglo-Saxon Kings. Manchester; N.Y., 1995.

Keynes S. England, 700–900 // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 1995. Vol. 2: c. 700–c. 900. P. 18–42.
Kirby D.P. The Earliest English Kings. L.; Boston; Sydney; Wellington, 1991.
Loyn H.R. The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford (Cal.), 1984.
Stenton F.M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1943.
Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England. L.; N.Y., 1990.
Yorke B. The Origins of Mercia // Mercia: An Anglo-Saxon kingdom in Europe. L.; N.Y., 2001. P. 13–22.

Г.В. Глазырина

«КАК ЦЕРКОВЬ В СКАЛЬХОЛЬТЕ СТАЛА СИЛЬНОЙ И МОГУЩЕСТВЕННОЙ»

В отличие от момента принятия христианства в Исландии в 999/1000 г., описанного в целом ряде письменных памятников (важнейшим из которых, безусловно, является «Книга об исландцах» Ари Торгильссона), ранняя история становления церкви на острове практически не нашла отражения и реконструируется по отдельным разрозненным сведениям. Особую сложность представляет изучение источников материального обеспечения церкви и первичного приобретения ею земли.

Общую картину помогает отчасти восстановить небольшой, написанный на исландском языке в первом десятилетии XIII в. текст, названный его автором «Hungrvaka» («Пробуждающая [духовный] голод», далее: *Hung.*). Он посвящен истории Скальхольта – расположенного в южной четверти Исландии хутора, который во второй половине XI в. стал резиденцией исландских епископов и важным христианским центром. Основная задача, которую автор текста поставил перед собой, – рассказать о том, «как церковь в Скальхольте стала сильной и могущественной, а также о мудрости тех людей, кто ее поддерживал» (*Hung.* Bls. 4). Излагая события в хронологической последовательности, автор повествует о деятельности первых пяти епископов в южном диоцезе Исландии: Ислейва Гицурарсона (1055–1080), Гицура Ислейвссона (1082–1118), Торлака Рунольфссона (1118–1133), Магнуса Эйнарссона (1134–1148) и Клэнга Торстейнссона (1152–1176). Он дает персональную характеристику каждому из

них, уточняет их происхождение и положение в общественной иерархии, подробно рассказывает о посвящении в сан, перечисляет их личные достоинства и заслуги, упоминает об их взаимоотношениях с людьми, детально описывает обстоятельства смерти. Несмотря на стереотипность биографических описаний, отмеченную исследователями (см.: Кравченко 2012), приводимые автором сведения о той деятельности епископов, которая позволила им расширить или обогатить Скальхольт, позволяют судить о происходивших там переменах, которые, в свою очередь, явились отражением изменений, происходивших в стране. Мы остановимся на начальном этапе преобразования родового хутора Скальхольт в церковное владение, в основном завершившегося в первых десятилетиях XII в.

Автор *Hung.* начинает свой рассказ со времени основания Скальхольта Тейтом Кетильбьярнарсоном, которое, судя по тексту (*Hung.* Bls. 5), относится к середине X в. Сын Тейта Гицур Белый, сыгравший активную роль в принятии христианства в Исландии (см.: Íslendingabók. Bls. 52–54; Глазырина 2014), стал жить на хуторе после смерти своего отца. Вскоре после объявления на Альтинге 999/1000 г. христианства официальной религией в Исландии Гицур построил в Скальхольте церковь (возможно, в 1001 г.; см.: Orri Vésteinsson 2000. P. 38). И в этом он следовал примеру многих могущественных вождей того времени: около полутора десятков церквей появилось в разных частях страны сразу после крещения (Ibid.).

Третий брак Гицура Белого, взявшего в жены Тордис, дочь годи Тородда из Хьялли с юго-западного побережья, был многодетным. Среди всех своих детей Гицур выделил сына Ислейва и сам отвез его учиться в монастырь в Херфорде в Саксонии. С континента Ислейв вернулся в Исландию уже священником и стал проводить службы в церкви Скальхольта. Когда умер Гицур Белый, его похоронили в этой церкви.

Отцовский хутор перешел во владение Ислейва (*Hung.* Bls. 7). Вскоре после того, как он вернулся из своего второго путешествия в континентальную Европу, где бременским архиепископом Адальбертом был посвящен в епископы-миссионеры без диоцеза (ок. 1056 г.), Ислейв делает Скальхольт своей резиденцией, а современниками хутор, вероятно, начинает восприниматься как полуофициальный престол епископа Исландии. Для формиро-

вания такой оценки был особенно важен тот факт, что в местной церкви был погребен епископ-миссионер Коль, который проповедовал на острове во время епископата Ислейва (очевидно, что он не может быть соотнесен с тем епископом Колем, который упомянут в «Книге об исландцах»: Íslendingabók. Bls. 54; его деятельность пришлась, вероятно, на 1020-е гг.). Автор *Hung.* утверждает, что с захоронением в Скальхольте «человека знатного происхождения» эта церковь может «по праву называться духовной матерью всех других освященных домов в Исландии» (*Hung.* Bls. 9).

Скальхольт становится местом притяжения для верующих, и его хозяевам уже непросто всем оказывать гостеприимство. Оценивая финансовое состояние хутора, автор *Hung.* отмечает: «У епископа Ислейва был нелегкий [для содержания] хутор из-за денег; средства были малы, а ищущих гостеприимства – множество, и потому доставлял ему этот хутор беспокойство» (*Hung.* Bls. 9). Однако не только «ищущие гостеприимства» стекались в Скальхольт. Епископ, который, по оценке автора, был «очень образован» (*Hung.* Bls. 6), организовал здесь школу. «Многие люди отдали ему своих сыновей для обучения, и затем они становились хорошими клириками, а двое стали епископами: Коль из Вика на востоке в Норвегии и епископ Йон из Холара» (*Hung.* Bls. 9). Пришедших к епископу людей необходимо было обеспечить питанием, а также определить на ночлег, для чего, вероятно, выделялась часть территории самого Скальхольта либо арендовались участки на расположенных поблизости хуторах. На каких условиях велось обучение в школе, свидетельств не сохранилось. Можно полагать, что даже если плата и взималась, она была невелика. Другие доходы Ислейва, появившиеся после перевода Скальхольта в категорию *стадиров* (церковных дворов, землей которых стала владеть церковь, а хутор, как и ранее, принадлежал частному лицу), были, очевидно, также скудны и не покрывали всех расходов.

Не вполне ясно, какая часть земли и построек Скальхольта являлась в это время церковной собственностью. К этой категории можно безусловно отнести лишь само здание церкви. Это ясно из описанного в *Hung.* случая специфического использования внутреннего пространства храма. Рассказывается, что когда во время мессы на Альтинге епископ Ислейв плохо себя почув-

ствовал и его доставили на хутор, то ложе ему было устроено прямо в церкви. Успев высказать свои пожелания относительно выбора нового епископа, Ислейв скончался и был похоронен в церкви подле епископа Коля. Епископ, продолжая исполнять свои пастырские обязанности, счел необходимым провести свои последние часы не в той части хутора, где он проживал со своей семьей, а в церкви, т.е. на «официальной», безусловно принадлежавшей церкви территории усадьбы.

Тема церковной собственности находит свое развитие в рассказе *Hung.* о втором исландском епископе – сыне Ислейва Гицуре. Родившийся и проведший детство в Скальхольте, он до кончины отца жил со своей женой на хуторе Хоф в Вапнафьорде и, очевидно, был священником в хуторской церкви. Став епископом и перебравшись в Скальхольт, он, однако, не смог там распоряжаться всей хуторской землей, «потому что Далла, его мать, захотела жить на своей части земли, пока жива» (*Hung.* Bls. 16). Лишь со смертью Даллы Гицур смог передать землю церкви в Скальхольте, который был им объявлен официальной резиденцией исландских епископов (подробно об этом рассказал Ари Мудрый; см.: Íslendingabók. Bls. 56). К этому времени там было выстроено новое здание храма тридцати локтей в длину. Церковь посвящена была св. апостолу Петру. Сообщается, что епископ Гицур передал церкви и множество других даров, «как землей, так и движимым имуществом» (Ibid.). И все же автор *Hung.* считает необходимым еще раз напомнить о распределении сфер ответственности в Скальхольте и о тех изменениях, которые произошли с течением времени: «Стейнунн Торгримсдоттир (супруга Гицура. – *Г.Г.*) управляла домашним хозяйством в Скальхольте внутри дома, тогда как епископ Гицур правил резиденцией; а Далла – при жизни епископа Ислейва» (*Hung.* Bls. 17)».

На упрочение финансового положения Скальхольта существенно повлияло введение в Исландии церковной десятины. В *Hung.* приводится значительно более развернутый, чем в «Книге об исландцах» (Íslendingabók. Bls. 56), рассказ о том, кто и как разрабатывал основные положения этого налога, излагающий его суть. Собранное, пишет автор, будет делиться на четыре части: «одна часть пойдет в руки епископа, вторая – церкви, священники получат третью часть, бедные – четвертую часть»

(Ibid.). Хотя автор *Hung.* подчеркивает особую важность налога, введенного Гицуром, для поддержания, в первую очередь, немощных и неимущих, из текста можно понять, насколько существенно, на его взгляд, значение десятины для процветания Скальхольта. В частности, рассказав об образовании второго диоцеза в Холаре на севере Исландии (в 1106 г.), епископом которого стал священник Йон Эгмундарсон, автор затрагивает вопрос о подсчете Гицуром свободных землевладельцев, которые платили тинговый сбор. Особая важность этих сведений заключалась в том, что таким образом определялся круг людей в каждой четверти Исландии, с которых взималась десятина:

«Епископ Гицур повелел сосчитать всех землевладельцев в Исландии, тех, кто должен был платить налог на поездку на тинг; их число составило семь сотен (имеется в виду «длинная сотня», т.е. 120 человек. – *Г.Г.*) в четверти Восточных фьордов, но десять сотен в четверти южан, девять сотен у людей в Западных фьордах, но в четверти северян – двенадцать сотен, и это была самая богатая [четверть], по справедливым подсчетам» (*Hung.* Bls. 18).

Тема сбора налога далее в тексте не развивается. Однако если рассмотреть сведения о выпадении части доходов южного диоцеза в контексте основной задачи, сформулированной для себя автором, – рассказать о постепенном повышении благосостояния Скальхольта, – то можно предположить, что в скрытой форме здесь высказано сожаление об утраченных для епископства финансовых возможностях. Хотя приводимые в источнике цифры убеждают, что даже после основания северного епископства и передачи ему десятины, собираемой с землевладельцев Северной четверти, доходы, которые получал южный диоцез с трех оставшихся в сфере его влияния четвертей Исландии (Восточной, Южной и Западной), продолжали оставаться значительными.

Источники и литература

Глазырина 2014 – *Глазырина Г.В.* Противостояние язычников и христиан накануне альтинга 999/1000 г. // ВЕДС. М., 2014. Т. XXVI. С. 75–81.

Кравченко 2012 – *Кравченко И.А.* Церковные иерархи в политической жизни Исландии середины XI – начала XIII в. // Средние века. 2012. Вып. 73 (1–2). С. 253–263.

Grønlie 2006 – Ísledingabók. Kristni saga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Tr. by S. Grønlie. London, 2006.

Hung. – Hungrvaka / Ásdís Egilsdóttir gaf út // Biskupa sögur. Reykjavík, 2002. B. II. Bls. 1–46. (Íslenzk fornrit. XVI).

Íslendingabók – Íslendingabók. The Book of Icelanders by Ari Thorgilsson / Ed. and transl. with an Introductory Essay and Notes by Halldór Hermansson. Ithaca; New York, 1930. P. 47–58.

Orri Vésteinsson 2000 – *Orri Vésteinsson.* The Christianization of Iceland. Priests, Power, and Social Change. 1000–1300. Oxford, 2000.

А.В. Григорьев

ГРАНИЦЫ ЗЕМЛИ СЕВЕРЯН В X – НАЧАЛЕ XI в.

Определение границ «племенных» объединений является необходимым условием изучения того, как формировалось Древнерусское государство. Территория одного из крупнейших таких объединений – Северская земля – имеет достаточно определенные пределы. Но границы этого образования существенно менялись со временем.

Период X – начала XI в. (от появления Древнерусского государства до полного включения в его состав Северской земли) освещен письменными источниками весьма скупо. В русских летописях после сообщения о походе Олега на северян и участия северян в походе на Константинополь в 907 г. какие-либо записи об их землях исчезают вплоть до 1024 г. В середине X в. северяне фигурирует в византийских и хазарских текстах, сведения которых противоречивы. Византийский император Константин VII Багрянородный называет северян «пактиотами» Руси (Константин 1989. С. 50), а хазарский каган Иосиф относит эти земли к своим владениям (Коковцов 1932. С. 98). Поэтому главным источником для определения границ Северской земли в этот период остаются данные археологии.

Попытки определить пределы Севера предпринимались со второй половины XIX в. В работах П.В. Голубовского (1881) и Д.И. Багалея (1882. С. 11–32) они реконструировались исключи-

тельно на основе письменных и топографических данных. Д.Я. Самоквасов впервые попробовал использовать археологические материалы (1908. С. 23–27).

В обобщающих работах А.Н. Насонова и Б.А. Рыбакова наибольшее внимание уделяется западной границе Северской земли, в контексте ее соотношения с землей полян и «Русской землей» (Насонов 1951. Карта между с. 32 и 33; Рыбаков 1982. С. 65, 71; ср. такой же подход: Русанова 1966). Попытка рассмотреть наиболее сложные для идентификации западную и северо-восточную границы была предпринята А.К. Зайцевым (1975. С. 21–30).

Основной, во многом объективной проблемой большинства названных работ была недостаточная разработанность хронологии памятников. Это относится и к самым последним исследованиям (Щавелев, Фетисов 2014). Учитывая, что процессы в период становления Русского государства проходили весьма быстро, отсутствие сколько-либо дробной хронологии приводило к значительным искажениям в реконструкциях.

На сегодняшний день имеется достаточно оснований для уточнения датировок памятников как самих северян, так и сопредельных территорий. Теперь даже наиболее дискуссионная *западная граница* северянской земли определяется достаточно надежно. Для памятников северян и Руси X – начала XI в. характерны две четко различаемые археологические культуры: *роменская* и *древнерусская*. Границы между ними вполне очевидны. Так, в Подесенье зона распространения древнерусских памятников ограничена устьем р. Снов; выше по течению р. Десны памятников интересующего нас времени не выявлено на протяжении пятидесяти километров (Григорьев 1993. С. 98–99; 2000. С. 202). Интересно отметить, что именно на этом отрезке располагается Сосницкое ополье, крайне благоприятное для земледелия. От устья р. Мены, выше по Десне и Сейму идет зона сплошного распространения памятников роменского типа. Соответственно, проводить здесь границу Руси нет ни малейших оснований.

Другим местом соприкосновения памятников древнерусского и роменского типов является р. Сула (Григорьев 2000 С. 202–204, рис. 58). Здесь также наблюдается резкое разграничение зон распространения поселений. На участке между Десной и Сулой

по левому берегу Днепра отсутствуют какие-либо памятники указанного времени. В этом, так называемом степном коридоре, заселение начинается вдоль Днепра со стороны Руси лишь с конца X в.

Река Снов определяет северо-западную границу Северской земли. После ликвидации роменского поселения в Сновске (городище Орешня и соответствующая курганная группа у с. Седнев) там в начале X в. возникает древнерусский город (Коваленко 2007. С. 31–52). Впоследствии происходит древнерусская колонизация по всему течению реки вплоть до г. Стародуба, с дальнейшим выходом к г. Трубчевску (Шинаков 1990. С. 146–149). Таким образом, Снов не только определил границу, но и разделил ареалы распространения памятников Северской земли и земли радимичей.

Наиболее сложной в определении является северо-восточная граница. Здесь Северская земля соприкасалась с родственными вятичами. Близость материальной культуры этих объединений затрудняет их разграничение. Можно предположить, что столь четких рубежей, как в случае с Русью, здесь и не было. Основные отличительные черты материальной культуры северян и вятичей заключаются в конструкции отопительных сооружений и особенностях погребального обряда. При этом нельзя исключать инфильтрации этих черт из одного региона в другой. Задача осложняется тем, что именно в зоне контакта памятники исследованы крайне неполно.

Участок границы земли вятичей в месте соприкосновения с Северской землей определялся исследователями по-разному, но в целом помещается на водораздел бассейнов рек Десны и Оки (Арциховский 1930; Седов 1973. С. 10–16; Никольская 1981. С. 12–41). На основании материалов позднейшего времени, XII–XIII вв., к вятичам были отнесены верховья ряда левых притоков р. Десны, в частности р. Неруссы. Однако никаких оснований для этого в материалах роменского типа не имеется. Исследование письменных источников также не позволяет отнести эти территории к вятичам (Зайцев 1975. С. 21–30).

Восточная граница определена естественными причинами: это водораздел бассейнов Днепра и Дона. Данная территория малопригодна для оседлого земледельческого населения. Южная граница также проходит по границе лесостепи и степи. Па-

мятники роменского типа фиксируются в верховьях Северского Донца, вплоть до района,лежащего несколько ниже г. Харькова (Шрамко 1962. С. 292–315, рис. 114). Здесь они вплотную соприкасаются с памятниками *салтово-маяцкой культуры*. Несмотря на очевидные различия этих культур, слабая изученность большинства памятников не всегда позволяет однозначно определить их принадлежность и, тем более, хронологию.

Западнее, южный рубеж проходит по р. Ворскле. По правому берегу этой реки известно всего несколько славянских памятников. Единственный достоверно определяемый из них – г. Полтава (летописная Лтава). Это поселение, состоящее из крупного городища, обширного посада и подола, общей площадью более 30 га, вполне может рассматриваться как раннегородское (Григорьев 2000. С. 201). Следует отметить полное отсутствие у столь крупного поселения сельской округи. Южнее р. Ворсклы поселения отсутствуют, здесь начинается степная зона. Нет их и в низовьях реки.

Таким образом, в настоящее время границы Северской земли могут быть очерчены весьма точно на всем их протяжении. Территориально северяне являлись одним из крупнейших славянских объединений периода становления Древнерусского государства. Эта общность занимала пространство размерами приблизительно 400 км с севера на юг и 300 км с запада на восток. Если учесть, что население располагалось исключительно вдоль речных систем, плотность его была для своего времени достаточно высока: на сегодняшний день учтено более 1000 различных памятников.

Литература

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Багалей Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.

Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: Тез. докл. конф. Чернігів, 1993.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Зайцев А.К. Домагощ и границы «вятичей» XII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975.
Коваленко В.П. Сновськ і «Сновська тисяча» // Містечко над Сновом. Ніжин, 2007.
Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.
Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966. (САИ; Вып. Е1-24).
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
Седов В.В. Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135.
Шинаков Е.А. Северные границы «Русской земли» X в. // Чернигов и его округа в X–XIII вв.: Тез. докл. конф. Чернигов, 1990.
Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. М., 2014. Т. 2.

А.В. Дедук

ЧЕРНИГОВО-РЯЗАНСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ В XII–XIII вв.

Для государственных образований древнерусской эпохи практически невозможно провести четкие границы. Реконструкция границ княжеств носит весьма условный характер и основывается на локализации отдельных населенных пунктов, упомянутых в летописях. Данное сообщение посвящено гипотетической реконструкции границы между Черниговским и Рязанским княжествами в XII–XIII вв., проведенной на основании локализации географических объектов.

А.К. Зайцев считал, что Рязанское княжество появилось еще до смерти черниговского князя Ярослава Святославовича (ум. 1129), при котором на Муроме сидел его племянник, Всеволод Давыдович (2009. С. 113–114, примеч. 251). Возникновение независимого от Мурома Рязанского княжества А.Л. Монгайт от-

носит ко второй половине XII в., А.Г. Кузьмин – к 1146 г. (Кузьмин 1965. С. 81–82; Монгайт 1961. С. 336).

Попытки локализации отдельных населенных пунктов Черниговской и Рязанской земель предпринимались в трудах М.П. Погодина, Д.И. Иловайского, Н.П. Барсова, А.Н. Насонова и А.К. Зайцева. В 60-е годы XX – начале XXI в. в ходе археологических работ удалось уточнить датировку освоения ряда территорий чернигово-рязанского порубежья (Т.Н. Никольская, М.И. Гоняный, Р.В. Клянин, А.В. Шеков, А.Б. Мазуров, В.Ю. Коваль, Н.А. Тропин, М.В. Цыбин). Отдельно стоит отметить работу О.Н. Заидова, который проанализировал погребальный обряд Верхнего Дона и доказал, что этот регион осваивался выходцами из Рязанского княжества (2000. С. 139–143).

Объектами нашего анализа являются города, традиционно считающиеся «маркерами» чернигово-рязанского порубежья, – Коломна, Ростиславль, Белгород, Свирилеск, Лопастня, Нерineск, Колтеск, Лобынск и Дедославль.

Коломна возникает в середине XII в. на берегу р. Москвы (Мазуров 2001. С. 36–37, 271–274). А.Г. Кузьмин и В.Н. Темушев предположили, что во время монгольского нашествия Коломна была за владимирскими князьями (Кузьмин 1965. С. 160–161; Темушев 2002. С. 39). Данное предположение основано на том, что Роман Ингварович на момент нашествия находился в вассальных отношениях с владимирским князем. Стоит отметить гипотетичность этого построения, основанного на догадках историков.

Ростиславль располагался на археологическом комплексе на правом берегу р. Оки около с. Сосновка (Коваль 2004а. С. 12–21). Впервые Ростиславль упомянут в Никоновской летописи XVI в. под 1153 (6661) г. (ПСРЛ. Т. 9. С. 197). Данное известие отсутствует в более ранних летописных сводах. Однако при археологических исследованиях Ростиславля было установлено, что город возник в середине XII в. (Коваль 2004б. С. 10). Уже до монгольского нашествия Ростиславль являлся одним из крупнейших городов северо-запада Рязанской земли: площадь только его детинца равнялась 2,5 га, что соотносимо с размерами таких городов, как Суздаль и Псков в момент возникновения (Коваль 2005. С. 264).

«Маркером» чернигово-рязанского порубежья может являться Белгород Рязанский. Этот город упомянут единожды в Лаврентьевской летописи, трижды – в Никоновской, а также в «Повести о разорении Рязани Батыем» (по Б.М. Клоссу датируется XVI в.) (БЛДР. Т. 5. С. 144; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434; Т. 9. С. 205). Существуют три варианта локализации Белгорода Рязанского: 1) у с. Городец на берегу р. Кишны, на городище (Д. Тихомиров, Д.И. Иловайский); 2) на Лубянском городище на р. Проне (А.Л. Монгайт); 3) на городище у с. Белое Городище на р. Полосне в Веневском р-не Тульской обл. (И.П. Сахаров, Н.П. Барсов, Р.В. Клянин). В первом случае, однако, городище археологически датируется ранним железным веком. Вторую локализацию также следует признать маловероятной, т.к. в районе Лубянского городища отсутствуют однокоренные топонимы. Что касается с. Белое Городище, то здесь Р.В. Кляниным была проведена археологическая разведка. Она показала наличие крупного комплекса памятников древнерусского времени, хотя и не дала точного ответа относительно существования городища, которое, вероятно, было уничтожено карьером (Клянин 1997. С. 22–23). Таким образом, третья локализация является наиболее приемлемой.

Черниговский город Свирилеск, оказавшийся спорным между Рязанью и Черниговым, упоминается единожды в Ипатьевской летописи под 6684 (1176/77) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602–603). Н.И. Надеждин и К.А. Неволин, комментируя статью М.П. Погодина, предложили локализацию Свирилеска в устье р. Северки (Сиверки), правого притока р. Москвы (Погодин 1848. С. 458–459). Данная локализация была оспорена Т.Н. Никольской, А.А. Юшко и Л.В. Митрошенковой – в устье Северки отсутствует городище, а топонимы не являются однокоренными. В.Н. Темушев соотносит Свирилеск с территорией волости «Северьски» XV в., что, на наш взгляд, не обосновано сходством топонимов и археологией (Темушев 2002. С. 34–35). Таким образом, расположение Свирилеска остается неизвестным.

Не меньшие споры вызвала локализация Лопастни. В домонгольский период Лопастня упомянута только единожды в Ипатьевской летописи под 1176 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602). Существует две версии локализации Лопастни – в районе современного г. Чехова и на правом берегу р. Оки, напротив устья р. Лопасни

(историографию см: Темушев 2004. С. 44–56). Первая локализация на данный момент ничем не подкреплена, на месте второй известно древнерусское городище.

Неринеск дважды был упомянут в Ипатьевской летописи под 6655 (1147) г. К.А. Неволин и Н.И. Надеждин, комментируя М.П. Погодина, предположили, что Неринеск лежал близ устья р. Нары, «там, где теперь Серпухов или возле?» (Погодин 1848. С. 226). А.Н. Насонов подверг их построение критике, отметив, что, если Святослав шел из Москвы в Лобынск, а из Лобынска в Неринеск, то «можно предположить, что последний лежал выше Лобынска по Оке, а не ниже» (1951. С. 228). И.П. Сахаров предложил локализацию Неринеска около оз. Неринеского в Каширском уезде (1850. С. 16). Обе локализации, исходя из логики А.Н. Насонова, являются неверными (Насонов 1951. С. 228). Неринеск упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» как рязанский город (Тихомиров 1979. С. 95).

Колтеск упоминается в Ипатьевской летописи под 6654 (1146) г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338). З.Д. Ходаковский соотнес Колтеск с с. Колтовым Каширского уезда (1838. С. 104–105). На данный момент в районе с. Колтова выявлены два городища и группа селищ со средневековыми слоями, курганный и грунтовой могильники (АКР-4. С. 64 [картосхема], 65–68). К.Ф. Калайдович и М.Н. Тихомиров соотносили Кулатеск «Списка русских городов дальних и ближних» и Колтеск (Калайдович 1832. С. 66; Тихомиров 1979. С. 123).

Лобынск, по свидетельству Ипатьевской летописи под 6654 (1146) г., находился «на оусть Поротвы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339, 340). По предположению Т.Н. Никольской, остатками Лобынска является городище в устье р. Протвы на месте с. Дракино Серпуховского р-на (1972. С. 161).

Город Дедиславль упоминается дважды в Ипатьевской летописи под 6654 (1146) и 6655 (1147) гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338, 342). Город располагался между Козельском, Колтеском и Девягореском. Традиционно Дедиславль соотносился с городом Дедиловым XVI–XVIII вв., располагавшемся на р. Шиворонь, правом притоке р. Упы (Зайцев 2009. С. 144; Насонов 1951. С. 221). Н.К. Фоминым данная локализация была поставлена под сомнение (2001. С. 184). Историк отметил незначительные находки

XII в. в районе современного Дедилова и показал, что город должен находиться между Козельском и Колтеском.

Таким образом, два города северо-востока Черниговской земли стали в XIV в. рязанскими (Лопастня и Неринеск), рязанским же, возможно, был Колтеск. Политическая принадлежность Лобынска, Свирилеска и Дедиславля после монгольского нашествия не известна. Можно констатировать, что Рязанское княжество увеличило свои территории в XIII в. за счет северо-восточных земель Черниговского княжества.

Граница между Рязанью и Черниговым проходила между Колтеском и Ростиславлем. Южнее границу, видимо, следует искать между Дедиславлем и Пронском.

Источники и литература

АКР-4 – Археологическая карта России: Московская область. Ч. 4. М., 2007.

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5.

Заидов О.Н. К вопросу о заселении района Куликова поля в XII–XIII вв. // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. М., 2009.

Калайдович К.[Ф.] Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823.

Клянин Р.В. К вопросу о локализации Белгорода рязанского // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула, 1997. Вып. 1.

Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по письменным источникам) // Археология Подмосковья. М., 2004. [Вып. 1.]

Коваль В.Ю. Ростиславлю Рязанскому 850 лет // Археология Подмосковья. М., 2004. [Вып. 1.]

Коваль В.Ю. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское. М., 2005.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Никольская Т.Н. К исторической географии земли вятичей // СА. 1972. № 4.

Погодин М.П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Т. 23, кн. 9.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. 4.
Сахаров И.П. Памятники Тульской губ. СПб., 1850.
Темушев В.Н. Территория и границы Московского княжества в конце XIII – первой половине XIV в.: Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2002.
Темушев В.Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2.
Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
Фомин Н.К. К вопросу о так называемом первом упоминании Тулы в Никоновской летописи // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.
Ходаковский Д.З. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 1, кн. 3.

Т.Н. Джаксон

ЮЖНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ДАНИИ X–XII вв. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ АВТОРА «САГИ О КНЮТЛИНГАХ»*

Записанная в середине XIII в. «Сага о Кнютлингах» (далее – Knýtl) представляет историю Дании на весьма протяженном отрезке времени (от середины X до первого десятилетия XIII в.), но географическое пространство, на котором эти события развиваются, весьма статично. В докладе будет рассмотрено южное пограничье Дании в контексте описываемых сагой событий X–XII вв.

Всего лишь раз в саге названо уникальное военное сооружение, рукотворная южная граница Дании *Даневирке* (дисл. *Danavirki*, датск. *Danevirke*, нем. *Danewerk*). Это – система датских пограничных укреплений, построенная в основном (если судить по дендрохронологическим данным) в три этапа в период с 737 по 968 г. Согласно письменным источникам, работа над Даневирке была начата датским конунгом Годфредом в 808 г. для защиты южной Ютландии от вторжения франков. Даневирке протянулось по южной границе Дании через весь полуостров от Северного моря к Балтийскому, закрывая собою промежуток между двумя естественными преградами – западной (впадающей в Северное море рекой Айдер/Эйдер и болотами к западу от Холлингштедта на притоке Айдера Трене) и восточной (доходящим от Балтийского моря до Хедебю/Шлезвига заливом Шлей). Вал был в длину ок. 30 км, а в высоту от 3,6 до 6 м. В саге читаем: «У конунга Харальда Гормссона была большая битва с императором Отто на юге у Данавирки» (Knýtl 1). Харальд Гормссон – датский конунг с предположительно 945 по 986 г.; битва, о которой идет речь, как и последующее крещение Харальда, могли состояться между 953 и 965 гг.; так что упоминание Даневирке можно отнести к началу второй половины X в. Впрочем, это сооружение просуществовало много веков: в последний раз Даневирке использовался в военных целях во время Второй войны за Шлезвиг в 1864 г.

Сага упоминает также знаменитый волок, находившийся в том же самом регионе: в ней рассказывается, как конунг Свейн, сын Эйрика (Свен Грате, 1125–1157), избранный знатью Зеландии и Сконе соправитель Кнута Магнуссона (1146–1157), конунга Ютландии, после битвы при Гейтсбеке (видимо, к северу от Виборга) в 1153 г. двинулся в направлении Хедебю, перетащил свои корабли «от Слетти до Хюлингстадира во Фрисланде» и подошел к построенной Кнутом крепости Милдинборг на реке Милдин (Knýtl 108). *Хюллингстадир* определяется сагой как лежащий во Фризии (а комментаторами – «в Саксланде»), равно как и река *Милдин* и крепость *Милдинборг*. Более точно, чем «на Ютландии / в Южной Ютландии», современные издатели и переводчики саги нахождение реки не описывают. А вот составители указателя к 12-томному изданию

«Fornmanna sögur» (1837. XII: 326) полагали, что современный «Милдштедт, расположенный в малой Фрисландии, в герцогстве Слесвик в Данмарке», получил название от этой реки, а значит, упомянутая сагой река протекала, скорее всего, там, где сейчас находится коммуна Милдштедт в Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн, входящая в состав района Северная Фризия (54° 27′ 55″ N, 9° 5′ 44″ E). *Хюлингстадир* (дисл. *Hýllingstaðir*, датск. *Hylingsted*) – это, вне сомнения, Холлингштедт (нем. *Hollingstedt*, 54° 27′ 0″ N, 9° 20′ 0″ E), лежавший менее чем в 20 км к западу от Шлезвига на реке Трине, которая была судоходной для кораблей со стороны Северного моря. Относительно *Слеттu* (дисл. *Slétti*, датск. *Slette*) Финнур Йоунссон отмечает, что в указателе к «Fornmanna sögur» (XII: 350) это имя соотносится с *Slæthen*, областью по обеим сторонам залива Шлей, но не до конца сам с этим мнением соглашается (Finnur Jónsson 1919). Как отмечают исследователи (например: Simpson 1967), в эпоху викингов вся торговля между северной Францией и Англией, с одной стороны, и Швецией, Восточной Прибалтикой и Русью – с другой, проходила через Хедебю и Холлингштедт, поскольку протащить корабли волоком на расстояние в несколько миль было удобнее, чем проходить через проливы Скагеррак и Каттегат с их пиратами либо вдоль западного побережья Ютландии, где воды были весьма опасны для кораблей. Р. Хенниг, со ссылкой на В. Фогеля (Vogel 1915) и Ю. Петерсена (Petersen 1936), указывает, что «Шлезвиг и соседний Хайтабю занимали в тот период чрезвычайно выгодное положение на торговом пути между Балтийским и Северным морями, поскольку приблизительно до 1200 г. прямая судоходная связь между этими морями не поддерживалась из-за опасного "железного берега" Западной Ютландии… Следует иметь в виду, что в те времена из Северного моря в Шлезвиг можно было добраться только одним путем (если не считать пути из Норвегии), а именно на судах через устье Эйдера, затем по реке Трене и далее волоком небольшое расстояние от Трене до реки Шлей» (Хенниг 1961. С. 86–87).

Шлей/Шляй/Шлиен (нем. *Schlei*, датск. *Slien*, дисл. *Slé*) – это не река, а узкая и длинная (42 км) фьордообразная бухта (залив) Балтийского моря на севере сегодняшней Германии. В глубине этого залива был расположен Хедебю (дисл. *Heiðabær/Heiðabýr*,

датск. *Hedeby*, нем. *Haithabu*) – важнейший датский торгово-ремесленный центр эпохи викингов (54° 29′ 28″ N, 9° 33′ 55″ E). Современный археологический комплекс Хедебю лежит на самом севере немецкой земли Шлезвиг-Гольштейн (в районе Шлезвиг-Фленсбург, на территории поселка Бусдорф). Впервые Хедебю (под именем *Слиесторп* «деревушка Шлей») упоминается в «Анналах королевства франков» под 804 г. Рубеж X–XI вв. оказался переломным в судьбе большинства скандинавских протогородов: многие из них пришли в упадок, торгово-ремесленная активность сошла на нет. Не стал исключением и Хедебю, где в 985 г. была прекращена чеканка монеты, а с начала XI в. в археологическом материале прослеживаются следы постепенного угасания поселения: последние постройки на городище, судя по дендрохронологическим данным, относятся к 1020 г. Ок. 1050 г. Хедебю был разрушен норвежским конунгом Харальдом Суровым Правителем, а в 1066 г. остатки поселения были сожжены отрядами вендов. Городские функции перешли к Шлезвигу (датск. *Slesvig*, нем. *Schleswig*; 54° 30′ 55″ N, 9° 34′ 11″ E), возникшему на северном берегу залива Шлей (см., например: Jones 1968; История Дании).

В «Саге о Кнютлингах» применительно к событиям XII в. речь идет, тем не менее, о Хедебю, а не о Шлезвиге. Лишь один раз упоминается Шлезвиг, но не как обозначение города, а как обозначение залива (дисл. *Slésvíkr* = «залив Сле» = залив/бухта Шлей): согласно саге, Кнут Лавард (1096–1131 гг.) «велел построить замки на обеих сторонах Слесвика, в самой узкой части залива, который приводит извне (= из моря) к Хейдабё» (Knýtl 86). Залив по его указанию был перегорожен железными цепями, которые позволяли регулировать прохождение кораблей; в частности, цепи были опущены для купца из Земгалии Видгаута, когда тот плыл к Кнуту в Хедебю (Knýtl 87).

Сага рассказывает, как конунг Эйрик (Эрик Добрый, 1095–1103), собираясь в Иерусалим в 1103 г., созывает большой тинг и говорит, что берет с собой своего сына Эйрика, своего сына Харальда оставляет править в Дании, а своему малолетнему сыну Кнуту дает «титул герцога (*hertogadóm*), и Хедебю, и ту область, которая к нему относится» (Knýtl 79). Еще раз в саге будет указано, что Кнут владел «титулом герцога и землями в Хедебю, которые ему дал его отец» (Knýtl 84). И Свен Аггесен,

и Саксон Грамматик знают Кнута Лаварда как герцога Шлезвига: Кнут, «став герцогом шлезвигским (*dux factus Slesuicensis*), прославился», – сообщает Свен Аггесен (гл. 13), а Саксон рассказывает, как Кнут купил у своего дяди, датского короля Нильса (1104–1134), «шлезвигское герцогство (*Sleswicensis praefectura*)» (XIII. 3). Эрик Кристиансен полагает, что титул, полученный Кнутом, мог быть старинным датским титулом *Jarl*, а латинские источники называют его *Dux* (Christiansen 1980. P. 299, note 26). Надо отметить, что и более позднего герцога Шлезвига, внебрачного сына Вальдемара I Великого, Кристофера (годы жизни: ок. 1150–1173), «Сага о Кнютлингах» считает герцогом Хедебю (Knýtl 122). Ситуация с Хедебю напоминает ситуацию с *Хольмгардом* (Новгородом), в котором, согласно сагам, сидят все русские князья, хотя в действительности большинство из них являлись великими князьями киевскими. Здесь традиционность географических представлений «мира саг» (рассказчиков, слушателей, авторов письменных текстов и их переписчиков) вступает в противоречие с меняющейся во времени историко-географической реальностью.

То же наблюдается и в пространном описании административно-церковного устройства Дании, которое мы находим в «Саге о Кнютлингах» (Knýtl 32). В ней перечислены центры восьми епископий – пяти на Ютландии и по одной в трех других частях страны, – и в этом отражается состояние, достигнутое во время правления короля Свена Эстридсена (1047–1074), разделившего страну на восемь диоцезов, центры которых (за одним исключением) находились в городах: в дополнение к старым епископским резиденциям в Шлезвиге, Рибе, Орхусе и Оденсе не позднее 1000 г. были построены соборы в Роскилле и Лунде, а самое позднее к 1060 г. свои епископские кафедры получили Виборг и область Венсюссель на севере Ютландии (Skovgaard-Petersen 2003. P. 178–179). Упоминание в тексте саги о существовании Лундской архиепископии указывает на еще более позднее время – после 1103 г. (подробнее см.: Джаксон 2009). При этом епископия в Шлезвиге обозначена как «епископская кафедра в Хедебю (*biskupsstóll í Heiðabœ*)», хотя Хедебю на этот момент уже не существовало: «В Хейдабё находится самая южная епископская кафедра в Данмарке»; «[остров] Алсей подчинен Хейдабё». Пишущий почти на два века раньше автора

«Саги о Кнютлингах» Адам Бременский («Деяния архиепископов гамбургской церкви», 1070-е годы) фиксирует переходный период в бытовании топонимов «Хедебю» и «Шлезвиг». В рассказе о том, как император Оттон I (962–973) разделил Данию на три епископства, он дает небезынтересный для нас комментарий: одно из них Оттон установил «в Шлезвиге, называемом также Хедебю» [Кн. IV, гл. I (1)]. Похоже, что о переносе города и, соответственно, епископского стола Адаму ничего не известно, но бытование двух топонимов в его время (или в его источниках) очевидно. Любопытна в связи с этим ошибка Адама в другом месте его хроники, где он повествует о том, как германский король Генрих I Птицелов (919–936) «провел границу [своего] королевства через Шлезвиг, который ныне называют Хедебю» [Кн. I, гл. LVII (59)]. Сага, напротив, весьма последовательна в сохранении исходного наименования епископии, т.е. вновь мы имеем дело с сохранением ранней географической номенклатуры, с ее неизменностью – в саговом тексте, но не в реальности.

Примечание

* Работа выполнена по гранту РНФ № 14-18-02121.

Источники и литература

Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.

Джаксон Т.Н. Об источнике одного географического описания (Knýtl 32 и GHS 37) // ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. 2009. С. 100–106.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 2.

Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

Christiansen E. Saxo Grammaticus. Danorum Regum Heroumque Historia. Books X–XVI. The text of the first edition with translation and commentary in three volumes. Oxford, 1980. Vol. 1: Books X, XI, XII and XIII.

Finnur Jónsson. Danske stedsnavne i Knytlingasaga // Danske Studier. 1919. S. 74–81.

Fornmanna sögur eptir gömlum handritum útgefnar að tilhlutun Hins konúngliga norræna fornfræða fèlags. Kaupmannahøfn, 1837. B. XII.

Jones G. A History of the Vikings. Oxford, 1968.

Knýtlinga saga // Sǫgur Danakonunga / C. af Petersens og E. Olson. København, 1919–1925. (Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur; B. XLVI).
Petersen J. Mittelalterliche Verkehrswege in Schleswig-Holstein // Geographischer Anzeiger. 1936.
Saxonis Gesta Danorum / A. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931.
Simpson J. Everyday life in the Viking Age. N.Y., 1967.
Skovgaard-Petersen I. The making of the Danish kingdom // The Cambridge History of Scandinavia. Cambridge, 2003. Vol. 1: Prehistory to 1520. P. 168–183.
Svenonis Aggonis filii Brevis historia regum Dacie // Scriptores minores historiæ Danicæ medii ævi / M.Cl. Gertz. København, 1970. Vol. 1.
Vogel W. Geschichte der deutschen Schiffahrt. B., 1915.

Д. Домбровски

КОГДА И ЗАЧЕМ ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ ПЕРЕНЕС ЦЕНТР СВОЕГО ГОСУДАРСТВА В ХОЛМ? ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРОВ ВЛАСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЕМ И ОБЩЕСТВОМ*

Вопрос об обстоятельствах и времени переноса князем Даниилом Романовичем своей столицы в город Холм неоднократно привлекал внимание ученых (Грушевський 1905. С. 381–382; Пашуто 1950. С. 190; Раппопорт 1954. С. 313; Котляр 1985. С. 154; Szczygieł 1996. S. 28–29; Dąbrowski 2012. S. 238–239; Александрович, Войтович 2013. С. 163–202; Юсупович 2014а. С. 55–58; Jusupović 2014б. S. 22–25). Между тем обстоятельства осуществления этой политической акции требуют более подробного всестороннего исследования. Вопрос о дате этого события недавно был основательно проанализирован А. Бараном, с которым можно не соглашаться только в отдельных второстепенных моментах (Баран 2005. С. 428–448).

Бесспорно, что в Юго-Западной Руси на протяжении продолжительного периода важнейшим считался княжеский стол в Галиче. Им упорно старался завладеть еще князь Роман Мстиславич, и именно он превратил Галич в основную столицу своей земли в ущерб Владимиру-Волынскому. Этот город он в какой-

то момент даже отдал «навсегда» брату Всеволоду (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660–661). Князь Даниил тоже при первой возможности постарался овладеть Галичем. Он впервые захватил его в 1230 г. и перенес туда свою столицу. В момент получения известия о возможности напасть на Галич Даниил находился в г. Угровске (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758), т.е в местности, в которой он создал (вероятно, незадолго до этого) епископство, выделив его из владимиро-волынской епархии (Щапов 1989. С. 52–54, 213; Senyk 1993. S. 143). Очевидно, уже тогда г. Угруск являлся одной из резиденций старшего Романовича. Однако несомненно, что Даниил являлся в тот момент (с 1215 г.) формально князем Владимира-Волынского, где находилась его главная резиденция.

Позднее старший Романович захватывал Галич еще несколько раз. Впервые – зимой 1233/34 г. Во второй раз – в 1238 г., когда, предупрежденный своими сторонниками о выходе оттуда основных сил Ростислава Михайловича, Даниил быстро двинулся походом из Холма (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777). Это первое упоминание о пребывании в Холме князя Даниила с его дружиной.

На протяжении 1230–1238 гг. Даниил упорно старался захватить галичскую часть наследия своего отца. В те моменты, когда ему это удавалось, Даниил перемещал центр своей власти в Галич, не считаясь со сложностями в его удержании и, по меньшей мере, непростыми взаимоотношениями с местным населением и городской элитой. Это и стало одной из основных причин неустойчивости и непродолжительности периодов правления в Галиче старшего сына Романа Мстиславича. Для него наиболее важным было символическое значение галичского стола. Это ярко демонстрирует пассаж из Галицко-Волынской летописи, посвященный захвату Галича в 1238 г.: «Данило же вниде во градъ свои . и прииде ко прчс҃тѣ ст҃ѣи Бц҃и . и приѧ столъ ѡц҃а своего и ѡбличи побѣдоу . и постави на Нѣмѣчьскъıхъ вратѣхъ хороуговь свою…» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778). Во втором по значению центре – Владимире-Волынском, тоже являвшимся вотчиной Романовичей *sensu stricte*, правил князь Василько.

После весны 1241 г., вернувшись из изгнания в Мазовию из-за набега монгольского хана Батыя, Даниил предпринял еще одну попытку захватить Галич. Однако добиться этого он не смог. Местные бояре, старавшиеся сохранить как можно бóльшую независимость, по сообщению Галицко-Волынской летописи, тео-

ретически признали его власть, однако в действительности поддерживали Ростислава Михайловича (Dąbrowski 2012. S. 232–240, 248–261; Dimnik 2013. S. 86–95). Хотя Романовичам в 1242 г. удалось захватить власть в Подолье и Перемышльской земле, Галицко-Волынская летопись красноречиво обходит молчанием вступление войск в Галич (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791, 793–794).

Таким образом, сопротивление галичской элиты, а также тот факт, что незадолго до этого построенный в безопасном месте Холм избежал монгольского набега, склонили Даниила Романовича обосноваться именно там. Не случайно с начала 1240-х годов особенно часто упоминаются визиты князя в этот город. В период между 1241 и 1245 гг. таких приездов в летописи можно насчитать четыре (Там же. Стб. 789, 794, 796, 799; не считая этого упоминания, которое касается более ранних событий: Там же. Стб. 805). Особенно же показательно известие Галицко-Волынской летописи о событиях конца лета или осени 1242 г.: «Данилоу же . боудоущоу во Холмѣ . прибѣже к немоу Половчинъ его . именемь Актаи . рекыи æко Батыи воротилъсѧ есть изо Оугоръ . и w҃рѧдилъ есть на тѧ два богатырѧ . возискати тебе . Манъмана . и Балаа . Данилъ же затворивъ Холмъ . еха ко братоу си Василкови . поима с собою Коурила митрополита . а Татарове воеваша до Володавы . и по wзерамъ много зла створше…» (Там же. Стб. 794). Это известие наглядно показывает, что Даниил относился к Холму как к основной резиденции. Отметим и то, что Даниил в 1245 г. после битвы под Ярославлем вернулся с добычей и пленными именно в Холм (Там же. Стб. 805).

Еще одной причиной выбора Даниилом новой резиденции в Холме было его местоположение на западной окраине государства, недалеко от границ Малой Польши и Мазовии. С одной стороны, оно давало возможность быстро эвакуироваться при возникновении неожиданной опасности с востока (со стороны монголов). С другой – оно позволяло князьям лично контролировать границу с Малой Польшей, с которой на протяжении 1243–1246 гг. взаимоотношения государства Романовичей были враждебными (Dąbrowski 2012. S. 242–248, 253–260). Политические и военные резоны перехода князя в Холм перевесили неблагоприятный фактор экономической слабости этого города и его оторванности от системы торговли.

Перенос княжеской резиденции был революционным с точки зрения принятой у Рюриковичей политико-идеологической традиции. Произошел пересмотр устоявшейся идеи о непосредственной зависимости между осуществлением власти в том или ином княжестве и обладанием городом, считавшимся его столицей. На первый взгляд, рокировка между Галичем и Холмом кажется простым прагматическим ходом. Но в действительности это было полное нарушение действовавших норм осуществления власти в династии Рюриковичей. Князь Даниил пришел к пониманию того, что *власть* находится там, где располагается правитель, а не связана с тем или иным городом.

Превращение нового города Холма в главную резиденцию князя и де-факто столицу отодвигало на задний план Галич (и его жителей, включая элиту). Таким образом, перенеся столицу в Холм, князь одновременно снизил значение «старых», недоброжелательно настроенных, имевших владения в историческом городе и вблизи него элит, привыкших к тому, что они могут влиять на правителя, которому и так придется остаться в «их» городе Галиче. Перед Даниилом открылась возможность гибко формировать «новые» элиты, к примеру за счет предоставления им кормлений на территории нового центра государства. Соответственно, уровень зависимости от правителя магнатов, переведенных в Холм, несомненно, стал выше, чем тогда, когда Даниил правил во Владимире или Галиче. Это были люди, экономическая база которых на новом месте только начала формироваться и к тому же зависела от воли правителя.

Результаты этого процесса сразу отразились в придворной летописи Романовичей. Упоминания о постоянно создававших проблемы галичских боярах совершенно исчезают с ее страниц после 1245 г. Были ослаблены и бояре Владимира-Волынского, игравшие до монгольского нашествия важную роль в окружении князя. Это относится как к светским лицам, так и к духовенству. Ущерб авторитету владимирских владык был нанесен при помощи выделения «придворного», как удачно выразился Х. Граля, Угровского епископства, а быть может, еще и Луцкой епархии. Перенос столицы в Холм был одним из серии политических шагов, реализованных Даниилом с 1220-х годов и направленных на укрепление княжеской власти за счет как галицких, так и волынских бояр. Князь выбрал в своих взаимоотно-

шениях с боярами совершенно новый подход – в отличие от своих предшественников, которые либо сотрудничали с этими элитами (Мстислав Удатный, Михаил Всеволодович), либо пытались их ослабить, физически уничтожая их часть (Роман Мстиславич, Игоревичи). Перед нами – еще один своеобразный план внедрения самовластия князя, аналогичный реализованному до этого Андреем Боголюбским в Северо-Восточной Руси (Свердлов 2003. С. 610–619). Основание новой столицы – Холма было важнейшим пунктом политико-идеологической программы Даниила. Появился новый центр, где находились резиденция князя, церковный комплекс во главе с собором Богородицы, в котором разместился некрополь династии.

Примечание

* Иследование выполнено в рамках гранта NCN «Edycja krytyczna „Kroniki halicko-wołyńskiej" z komentarzami oraz tłumaczeniem» (исследовательский проект № 2012/07/B/HS3/01044).

Литература

Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

Баран О. Датування заснування міста Холма в Галицько-Волинському літописі // Україна в Центрально-Східній Європі. 2005. № 15. С. 428–448.

Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2.

Димник М. Борьба за Галич между Даниилом Романовичем и Михаилом Всеволодовичем (1235–1245 гг.) // Rossica Antiqua. 2013. № 1 (7). С. 55–103.

Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Раппопорт П.А. Холм // СА. 1954. № 20. С. 313–323.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989.

Юсупович А. «Богу же изволившю Данилъ созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом // Rossica Antiqua. 2014. № 1 (9). С. 44–62.

Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.

Jusupović A. «Богу же изволившю Данилъ созда градъ Холмъ». Geneza Chełma i jego biskupstwa // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. R. 12, Z. 6. S. 11–26.
Senyk S. A History of the Church in Ukraine. Roma, 1993. Vol. 1: To the End of the Thirteenth Century.
Szczygieł R. Miasto w późnym średniowieczu. Lokacja na prawie niemieckim // Chełm i Chełmskie w dziejach. Chełm, 1996. S. 27–49.

И.Е. Ермолова

ВАРВАРЫ НА ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В последние века существования Римской империи она испытывала все усиливавшееся давление внешних народов, с которым на первых порах достаточно успешно справлялась, продолжая давно привычную политику, так или иначе интегрируя пришельцев и приспосабливая их к своим нуждам.

В IV–V вв. н.э. напор варваров был уже столь велик, что государство вынуждено было разрешать некоторым переселенцам сохранять их социальную структуру, систему управления, обычаи, оставляя этим племенам значительную долю самостоятельности на собственной территории. Таковы были федераты. Но все же бóльшую часть новых жителей, главным образом, когда удавалось их покорить, Рим стремился включить в обычные законные рамки, как успешно делал это на протяжении многих веков.

Практика обращения в *deditícii*, т.е. замирения племен на самых тяжелых условиях, продолжалась и во времена империи, но теперь она осуществлялась в отношении варваров, которых принуждали переселиться на территорию римских провинций. Октавиан Август «подчинившихся ему (dedentis se) свевов и сигамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна» (Suet. Caes. II. 21). Возможно, об этом же факте сообщается в биографии Тиберия: «он захватил 40 тысяч пленных (dediticiorum), переселил их в Галлию и отвел им землю возле берега Рейна» (Suet. Caes. III. 9. 2; Eutrop. VII. 9). Вероятно, и впоследствии римские правители использовали пленных из варварских племен теми же способами (Dio LXXI. 11. 4; 21. 1; SHA. Marc. IV. 24. 3; Claud. XXV. 9. 4; Prob. XXVIII. 18. 1–2). Широкие мас-

штабы данное явление приобрело после Марка Аврелия (Буданова 2000. С. 29, 106; Rémondon 1964. P. 282; Stallknecht 1967. S. 22; Southern 1996. P. 47; Todd 1987. P. 21).

По-видимому, главным занятием дедитициев во времена как ранней Римской империи, так и поздней была обработка земли, организуемая либо самим государством, либо землевладельцами. Дедитиции сохраняли свободу, но находились в очень зависимом положении (Ермолова 2012. С. 250).

В IV в. императоры и цезари неоднократно селили в различных провинциях побежденных сарматов, аламаннов, тайфалов, готов в качестве трибутариев (Amm. Marc. XX. 4. 1; XXVIII. 5. 15; XVII. 13. 3; XIX. 11. 6). План их поселения вписывался в традицию поселения варваров в империи, сложившуюся со времен Марка Аврелия (Stallknecht 1967. S. 24). Видимо, варвары попадали в привычное для многих жителей империи положение, т.к. Аммиан Марцеллин, с торжеством описывая покорение Юлианом аламаннских вождей, противопоставляет их прежнюю свободу жизни в империи: «Так эти цари, когда-то чрезвычайно надменные и приученные обогащаться грабежами наших, подставили уже усмиренные шеи под ярмо римской силы и, словно рожденные и воспитанные среди трибутариев, охотно повиновались властям» (Amm. Marc. XVII. 10. 10).

Данная форма использования варваров внутри государства была, вероятно, достаточно широко распространена.

Прежде всего, следует отметить их подчиненность римским законам. В отличие от федератов, трибутарии, и тем более дедитиции, вынуждены были отказываться от собственных традиций и повиноваться римским нормам, исправно производить сельскохозяйственную продукцию и платить налоги, прежде всего поземельный, а также пополнять новобранцами римскую армию. Такие способы использования пришельцев издавна были известны римлянам, в поздней Римской империи продолжалась многовековая практика.

Условия поселения федератов на римской земле поначалу, вероятно, не отличались или почти не отличались от условий размещения вышеназванных категорий варваров. Так, франки, возможно, первыми добились права поселиться компактно в ра-

зоренных районах Токсандрии на северо-западе Галлии, но их автономия не была признана (Whittaker 1994. P. 133).

Гуннское нашествие серьезно осложнило отношения Рима с готами. В 376 г. «бесчисленные толпы варваров» хлынули через Дунай (Amm. Marc. XXXI. 4. 4–7). Римское правительство не осознавало изменившихся масштабов наплыва варваров на территорию империи и намеревалось продолжать давно сложившуюся практику предоставления им провианта и земли для обработки (Amm. Marc. XXXI. 4. 8; Eunap. Fr. 45. 3), тем более что и сами тервинги не претендовали пока ни на что другое (Jord. Get. 131). События 376 г., видимо, не были оформлены юридически (Oros. VII. 33. 10).

Но недостаток ресурсов и халатность должностных лиц не позволили Риму осуществлять привычную политику по отношению к варварам и обеспечить их хотя бы продовольствием, что вызвало грандиозное восстание готов и присоединившихся к ним племен и жестокое поражение римлян в битве при Адрианополе в 378 г. (Amm. Marc. XXXI. 5–8; 13). Положение империи стало угрожающим: военных сил, способных справиться с вооруженными массами, оказавшимися на ее территории, не было. Римляне вынуждены были действовать дипломатическим путем.

В 380 г. император Грациан сумел договориться с коалицией гревтунгов, аланов и гуннов (Jord. Get. 141). Они были поселены в Паннонии II (Вольфрам 2003. С. 190). Более про этот договор ничего не известно, поэтому мнения ученых разошлись: кто-то сомневается, было ли в нем нечто новое (Liebeschuetz 1990. P. 27), а кто-то считает его прецедентом для союза 382 г. (Вольфрам 2003. С. 191).

В 382 г. с тервингами был заключен союз нового типа: «Universa genus Gothorum cum rege suo in Romaniam se tradiderunt die V non. Oct.» (Chron. Minor I. 243; Oros. VII. 34. 7; Jord. Get. 145; Marc. Com. a. 382. 2). Император Феодосий был вынужден разрешить им сохранить «их политическую и социоэкономическую идентичность внутри римского государственного устройства» (Wolfram 1970. P. 11). Впервые официально была признана определенная степень независимости племен, поселенных на территории Рима, ставших подданными империи, но остававшихся иностранцами по отношению к ней. Это соглашение, впоследст-

вии многократно повторявшееся, открыло путь организации неримских структур на римской почве.

Мера эта была вызвана ситуацией, сложившейся в Римской империи, к которой вполне применимы слова Прокопия, сказанные о более позднем периоде: «И насколько за это время военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало, и под благопристойным именем союза они испытывали на себе жесткую тиранию со стороны этих пришлых народов» (Proc. B. Goth. I. 1. 4). По-видимому, признание известной самостоятельности готов обусловливалось невозможностью разложения устойчивых военных групп, сложившихся в ходе восстания 376–382 гг. (Глушанин 1991. С. 18).

Что касается территорий, отведенных федератам для поселения по договору 382 г. и подобным ему, их статус остается дискуссионным, т.к. содержание соглашения неизвестно. Одни исследователи сомневаются, были ли эти земли освобождены от римских налогов (Whittaker 1994. P. 189); другие достаточно уверенно констатируют, что федераты получили свободную от налогообложения территорию, но не в собственность: территория оставалась под римским суверенитетом, но союзники считались автономными (Вольфрам 2003. С. 191). В подтверждение сомнений можно сослаться на пакт 435 г., по которому Равенна признала вандалов и аланов федератами (Буданова 2000. С. 68) и закрепила за ними захваченные ими области в Северной Африке, но Гизерих «заключил мирный договор с василевсом Валентинианом на том условии, что каждый год будет посылать василевсу дань с Ливии» (Proc. B. V. I. 4. 13). Под данью, видимо, имеется в виду поземельный налог. Вместе с тем, имеются сведения о событиях самого конца III в., когда император Диоклетиан переселил племя новатов из Нубии в пограничные области Египта, полагая, что, «владея данной им землей как собственной, как того следует ожидать, [они] будут отражать блеммиев и других варваров» (Proc. B. Pers. I. 19. 30). Данное выражение Прокопия позволяет высказать гипотезу о передаче земли в собственность, но далеко не с полной уверенностью. Э.А. Томпсон пишет, что в 418 г. поселение готов в Аквитании и в 443 г. бургундов в Савойе производилось по принципу *hospitalitas*, т.е.

варвар *hospes* получал две трети пахотной земли, принадлежавшей римлянину, а также половину пастбищ и лесов. Земли готских *hospites*, судя по всему, не облагались налогами. Что касается бургундских *hospites*, то здесь картина не совсем ясна (Томпсон 2003. С. 25, 27). Таким образом, до конца разобраться в экономическом положении территорий, отведенных федератам, пока не представляется возможным.

Сохранилась конституция Гонория и Феодосия II 420 г., обращенная к префекту претория, посредством которой они пытаются оградить владельцев кораблей и купцов от незаконных поборов в пользу варварских племен («ne merces illicitae ad nationes barbaras deferantur»). Следить за этим должны были дефенсор, протектор провинции или представитель главнокомандующего, чьи войска были расквартированы в ней, т.е. римская администрация соответствующей области (CTh. VII. 16. 3). Такое постановление единично, и интерпретировать его можно только предположительно: видимо, в данном случае имеются в виду федераты, которым выделена территория в пределах Римской империи. Взаимоотношения римских властей, вождей федератов и местного населения в таких районах мало изучены в связи с недостатком источников, освещающих эту сложную проблему. Общепринято положение о том, что федераты жили по своим собственным законам, в отношении же коренных жителей продолжала действовать римская юрисдикция, но как реально разграничивались эти сферы или разрешались конфликты, если они возникали, неизвестно. Возможно, исследуемый документ в какой-то степени дает представление о том, какие конкретно иногда складывались ситуации.

Выделение земель варварам на территории Римской империи – чрезвычайно важный фактор, сыгравший огромную роль в ее истории. Но, как представляется, не само по себе поселение пришлых народов имело негативные последствия для Рима. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что с конца IV в. они получили возможность сохранять свою племенную обособленность, собственную внутреннюю организацию и управление (Буданова 2000. С. 65, 108). Опасные последствия такого положения понимали, по крайней мере, некоторые современники описываемых событий, порицая императора Феодо-

сия за нововведения: «Он возвысил просителей, сделал их союзниками, удостоил гражданства, наделил этих убийц римской землей... С этого времени и до настоящего дня они не перестают осмеивать нас, зная, что они должны были от нас получить и что получили... Ибо теперь дело идет... о полностью вооруженных... кровожадных ордах, допущенных к нашему несчастью в империю, имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности... Итак, нужен гнев против этих людей. Пусть или в зависимом состоянии обрабатывают землю... или пусть бегут тем же путем, каким пришли» (Synes. De regno. 20–21).

Литература

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века. СПб., 2003.

Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

Ермолова И.Е. Dediticii в поздней Римской империи // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. СПб., 2012. С. 246–253.

Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.

Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.

Liebeschuetz J.H.W.G. Barbarians and Bishops: Army, Church, and the State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990.

Rémondon R. La Crise de L'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964.

Southern P., Dixon K.R. The Late Roman Army. L.; New Haven, 1996.

Stallknecht B. Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306–395 n. Chr.). Bonn, 1967.

Todd M. The Northen Barbarians, 100 BC–AD 30. Oxford; N.Y., 1987.

Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire. Baltimore; L., 1994.

Wolfram H. The Shaping of the Early Medieval Kingdom // Viator. 1970. Vol. 1.

А.А. Завойкин

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ И СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ НА БОСПОРЕ VI–II вв. до н.э.*

Очевидно, что выделенные в заголовке понятия тесно взаимосвязаны. В античности, наверное, это их соотношение было

особенно прозрачным, но на разных стадиях развития древнегреческого общества конкретное содержание (характер) верховной власти и прав собственности на землю существенно разнятся. Рассмотрим это утверждение на примере истории государственности дальней северо-восточной периферии ойкумены, Боспора раннего периода.

Античный период истории в этом регионе начинается в ходе позднего этапа Великой греческой колонизации, результатом которой стало появление ряда автономных полисов со своими территориями, верховное право над которыми принадлежало гражданским общинам. Члены этих общин «по определению» имели индивидуальные земельные наделы, наряду с которыми существовали земли, принадлежавшие гражданскому коллективу в целом (включая угодья и др.), храмовые земли и т.п.

Такое положение дел сохранялось до того момента, когда сложилось объединенное под властью пантикапейских тиранов (Спартокидов) единое Боспорское государство. Процесс его формирования занял несколько десятилетий, начавшись в конце V и завершившись в целом не позднее 60-х годов IV в. до н.э. Существенно, что наряду с греческими полисами в его состав вошли (не вполне ясно, на каких основаниях) территории некоторых варварских племен Нижнего Прикубанья. Еще важнее тот факт, что «архонтская» (пользуясь терминологией титулатуры правителей) власть над исконными греческими территориями («Боспор и Феодосия») была не просто господством над суммой территорий отдельных полисов, поскольку правители «Боспора» (примечательно уже само появление этого термина как совокупности подвластных греческих территорий) изначально узурпировали ряд полисных свобод и прав (право внешнеполитических сношений, монетную регалию и др.) по «праву победителя» (ср.: Бикерман 1985. С. 124–126). Имеются некоторые основания и для того, чтобы говорить о введении государственной податной системы как одной из форм реализации «верховного права на землю», хотя здесь не все так просто (Завойкин 2013).

С формальной стороны, права суверена как «верховного собственника» не распространялись на хору Пантикапея. Помимо «столичных» земель, сохранялось полисное землевладение и на завоеванных греческих территориях – при том, что в разных

случаях отношения центральной власти и отдельного полиса на предмет политических свобод и прав собственности на землю могли быть различными (Завойкин 2002. С. 95–101). О землях храмовых ввиду полного отсутствия источников ничего сказать нельзя, помимо допущения возможности их иммунитета (во всяком случае крупных, вроде Апатура). Позволительно рассуждать о землях «пустовавших», т.е. еще не освоенных греческими полисами к рубежу V–IV вв. до н.э. И наконец, существовали земли племен, подчиненных Спартокидам и упомянутых в их титулатуре, над которыми простиралась «царская» власть боспорских владык (Шелов-Коведяев 1985. С. 168). Как именно здесь реализовались права завоевателя, судить практически невозможно. Известно лишь, что следствием подчинения меотов стало более интенсивное развитие между ними и Боспором торговых связей, резко сократившихся уже к середине III в. до н.э. (Завойкин 2014).

О том, что боспорские правители имели право распоряжаться землей или частью доходов с нее на завоеванных территориях, мы имеем немногочисленные и краткие, но вполне содержательные свидетельства (Aesch. III. 171–172; Harpocr. s.v. Νύμφαιον – о передаче Гилону «в дар» или еще конкретнее – «на пропитание» Кеп; см.: Кошеленко, Усачова 1992. С. 51–57; ср. Суриков 2009. С. 393–413). Речь в этих источниках не идет об изъятии полисных земель, а лишь о дарении прав на часть доходов с них, причитающуюся Сатиру I в виде налогов. В речи Исократа (XVII. 3) сообщается о приближенном Сатира I, который «управлял большой областью» (χώρα), а также был «попечителем» (*эпимелетом*) всех его «владений» (? –δύναμις; ср.: Колобова 1953. С. 59; Молев 1999. С. 31–34). Низовые слои администрации (*эпимелеты* сел – κώμαι) времени Левкона I упомянуты Полиеном (VI. 9, 3). Таким образом, уже на этапе становления Боспорского государства существовала довольно разветвленная система управления подвластными боспорским владыкам землями. Представить себе дело таким образом, что Спартокиды выступали лишь в формальной роли глав государственной администрации, абсолютно невозможно. Очевидно, это были полновластные и суверенные правители, которые свободно распоряжались не только своим личным имуществом (а также с лег-

костью лишали собственности своих оппонентов), но и частью доходов с различных категорий земель, включая полисные.

Итак, пусть и с рядом оговорок, можно говорить (если пользоваться терминологией державы Селевкидов) о ἡ χώρα, государственных землях в державе Спартокидов – постольку, поскольку их власть простиралась над территорией нескольких завоеванных полисов и землями ряда варварских племен. Эти территории располагались за пределами хоры полисов, права которых на землю теперь были опосредованы правом победителя, «уступившего» ее подчиненной ему гражданской общине, обязанной налогами в пользу казны. Нет никаких оснований отрицать саму вероятность того, что в составе государственных земель имелась и особая категория – личные владения тиранов (ἡ βασιλικὴ χώρα или γῆ βασιλική).

По существу мы лишены возможности реалистично судить о местоположении и размерах доменов правящей династии, равно как и о границах полисных земель. Но кое-что в порядке гипотезы сказать все-таки можно. Исследования структуры сельских территорий на Таманском полуострове в период ранних Спартокидов не выявили – вопреки гипотезам А.А. Масленникова (2001. С. 183–186), а также Ю.А. Лопанова и Ю.В. Горлова (1995. С. 15–20) – явных признаков вторжения боспорских правителей в земельный фонд подвластных им полисов (Гарбузов, Завойкин 2012. С. 125–130). Однако этот анализ позволил сделать вывод о том, что хора отдельных полисов в IV в. до н.э. «консервируются» в ранее достигнутых рамках, а численность поселений в этих пределах существенно возрастает. В восточной же части Таманского полуострова, на плодородных землях, роста численности сельских поселений не наблюдается. Поскольку известно, что Спартокиды последовательно устанавливали свое господство над меотскими племенами и, следует думать, «военно-политические» границы Азиатского Боспора довольно далеко отодвинулись к востоку от прежних рубежей полисных земель, логично предполагать, что новые завоеванные земли целиком находились в личном распоряжении Спартокидов. Каким именно образом правители Боспора этими землями распоряжались – вопрос в полной мере открытый, как и вопрос о самих новых границах государства в физико-географическом их выражении.

Известно также, что в конце IV в. до н.э. Евмел предоставил землю для поселения тысяче каллатийцев (дал им «город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою и область, Ψόαν καὶ τὴν χώραν – Diod. XX. 25). Следовательно, в его владении имелась земля, которой он мог распоряжаться по полному своему усмотрению.

О «царской хоре» на Азовском побережье, с центром в усадебном комплексе IV – первой трети III в. до н.э. Генеральское Западное, довольно уверенно пишет А.А. Масленников (2010). С определенной степенью уверенности можно допустить, что и архитектурный комплекс с толосом III – первой половины II в. до н.э. на Таманском полуострове, который Н.И. Сокольский (1976) считал святилищем, был «царской резиденцией» на завоеванных династией землях (Завойкин 2015). Однако и в том, и в другом случае мы должны говорить именно о личных резиденциях Спартокидов (или членов их семьи) с прилегающими землями, а не об обширных земельных владениях, на которых велась интенсивная хозяйственная деятельность. Ничего подобного на Боспоре этого периода мы не знаем.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта «Структура сельских территорий Европейского и Азиатского Боспора в период эллинизма: общее и особенное» (РФФИ № 13-06-00081а).

Литература

Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половине VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV– начало III в. до н.э.) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 114–149.

Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. Т. 5. С. 95–106.

Завойкин А.А. «Царская хора» и ранние Спартокиды // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 100–107.

Завойкин А.А. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // Scripta antiqua. М., 2014. Т. 3. С. 164–196.

Завойкин А.А. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. 2015 (в печати).

Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 47–71.
Кошеленко Г.А., Усачова О.М. Гілон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51–57.
Лопанов Ю.А., Горлов Ю.В. Древнейшая система мелиорации на таманском полуострове: Мат-лы к конф. «Древний мир: проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г. М., 1995 (отд. оттиск).
Масленников А.А. «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. № 1. С. 178–190.
Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). М., 2010. Т. 1: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. (ДБ. Suppl.; III/1).
Молев Е.А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999. Вып. 10. С. 30–35.
Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
Суриков И.Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромпет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.
Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ, 1984 год. М., 1985. С. 5–187.

А.А. Зедгенидзе

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: ТЕРРИТОРИЯ ГОРОДА И ХОРЫ (V–IV вв. до н.э.)

В предлагаемой статье мы рассмотрим основные особенности расположения и территориальной организации херсонесского полиса (города и хоры) в последней четверти V – IV в. до н.э., а также попытаемся выявить структурообразующие принципы и логику этой организации.

Город. Колонистами из Гераклеи для города был выбран достаточно высокий мыс, спускающийся к узкой и глубокой бухте (ныне Карантинная бухта), которая служила надежным убежищем. Берег бухты, обращенный к городу, был пологим, удобным для разгрузки и погрузки кораблей. Место, выбранное для города, характеризовалось следующими качествами: наличием достаточно просторного мыса, который было возможно перегородить крепостной стеной, а внутри разместить поселе-

ние; наличием удобной гавани для развития коммуникаций и торговли; наличием земли, которую можно было разделить между колонистами и обеспечить условия для занятия земледелием. Херсонес хорошо иллюстрирует сообщение Фукидида:

> «...полисы, основанные в последнее время, когда мореплавание уже более развито, и имеющие большее изобилие средств, образовывались стенами на самих берегах и занимали перешейки с целью торговли и укрепления от соседей» (Thuc. 1. 7. 1).

Ср. также рекомендации Аристотеля:

> «Общий характер территории (τὸ εἶδος τῆς χώρας) определить нетрудно... она должна быть труднодоступна для вторжения, но иметь удобные выходы. Сверх того, подобно тому как население государства, по нашему утверждению, должно быть легко обозримо, так легко обозрима должна быть и территория (χώρα); «легко обозрима» значит, что ее легко можно защищать. Город, если его местоположение должно соответствовать наилучшим пожеланиям, надлежит устроить так, чтобы он был расположен одинаково хорошо и по отношению к морю, и по отношению к остальной территории государства. При этом нужно принять во внимание одно условие, ранее уже указанное: город должен представлять собой среди всего окружающего пространства центральный пункт, из которого было бы возможно выслать помощь во все стороны. Другое условие – чтобы в город можно было легко доставлять получаемые продукты; далее, чтобы был удобный подвоз к нему лесных и всяких других материалов для обработки, имеющихся в стране» (Pol. 7.1326b–1327a; пер. С.А. Жебелева).

Расположение Херсонеса вполне согласуется с этой установкой: место, выбранное для города, давало перспективу роста государства, рациональной организации его территории как на начальном, так и на последующих этапах.

Хора. Как город Херсонес представляет собой один из многих памятников древнего мира, но вместе с хорой он является археологическим эталоном, моделью греческого полиса, т.к. его аграрная система до середины 1990-х годов являлась наиболее полно сохранившейся в ареале расселения греков. Изучение хоры Херсонесского государства имеет особое значение, поскольку овладение землей и распределение ее между переселенцами

было важнейшим этапом основания апойкий. В результате многолетних исследований была реконструирована общая схема размежевания хоры (историографии изучения хоры посвящена серия наших статей: Зедгенидзе 2011; 2012; 2014а; 2014б; 2015). В настоящее время следует в первую очередь ставить вопрос о факторах, определивших данную конфигурацию размежевания, и об ее структурообразующих элементах.

Хора Херсонеса включала в себя систему наделов на Гераклейском п-ве, т.е. на территории, заключенной между Херсонесским мысом, Севастопольской и Балаклавской бухтами. Полуостров был замкнут стеной, которая шла от Балаклавской к Севастопольской бухте и была описана Палласом (1999. С. 42). В основу размежевания херсонесской хоры был положен принцип разделения земли на прямоугольные площади, ограниченные дорогами. Общая площадь межевания составляла ок. 10 000 га. Согласно С.Ф. Стржелецкому, площадь участков, ограниченных дорогами, колебалась от 17,5 до 26,5 га (1961. С. 49); несколько иные цифры дает Г.М. Николаенко: от 15–17 до 26–30 га (1999. С. 40). Существует гипотеза о двух фазах освоения Гераклейского п-ва: о первоначальном размежевании его юго-западной оконечности (Маячного п-ва) и последующем размежевании остальной части (Saprykin 1994. P. 79–83). На перешейке Маячного п-ва было возведено укрепление, известное как «древний Херсонес» Страбона (Strabo VII. 4. 2). За укреплением простирается территория площадью ок. 430 га, размежеванная на наделы. Создание этого укрепленного пункта подчинялось логике фортификации: в первую очередь следовало укрепить пограничные земли, т.е. Маячный п-в, а не срединную территорию Гераклейского п-ва. Таким образом, «древний Херсонес», с одной стороны, защищал наделы, находящиеся на Маячном (в связи чем не было необходимости возводить там укрепленные усадьбы, в отличие от остальной части Гераклейского п-ва), а с другой стороны представлял собой своего рода заставу полиса. Обосновавшись на западной оконечности Гераклейского п-ова, херсонеситы закрепляли за собой эту границу, а следовательно и всю территорию полуострова, лежащую между Херсонесом и Маячным. Также необходимо отметить, что данный укрепленный пункт до настоящего времени является прекрасной иллюстрацией выбора

древними греками стратегически важного места. Крепостные стены «древнего Херсонеса», частично раскопанные, в настоящее время представляют собой валы, в некоторых местах едва различимые. Однако с одного из них (восточного) просматривается весь Гераклейский п-в, с другого (западного) – весь Маячный п-в. Херсонес отстоял от укрепления на 8,5 км по прямой к северо-востоку.

Укрепляя границу, херсонеситы овладевали территорией и могли осваивать ее, проводя поэтапно коммуникации и размежевку. Одной из первых работ было строительство дороги от главных ворот Херсонеса к воротам во фронтальной стене «древнего Херсонеса». Эта так называемая «большая херсонесская дорога V» проложена с учетом рельефа по наиболее краткому маршруту между двумя пунктами. Ее создание, с нашей точки зрения, можно считать первым этапом межевания. Именно эта дорога является структурообразующим элементом хоры на Гераклейском п-ове (но не на Маячном, где конфигурация размежевки была, естественно, иной). Ее расположение обусловило дальнейшие оси межевания, линии которых пошли параллельно древнейшей дороге. Там, где это было невозможно, план клеров был приспособлен к ее направлению: клеры 20 и 25 (Стржелецкий 1961. С. 61, 62). Итак, с освоением Маячного п-ва и созданием дороги от укрепленного пункта на его перешейке к Херсонесу была обозначена территория, которой должен владеть полис. Эти работы являлись начальным этапом формирования хоры Херсонеса.

Город и хора. Херсонесский градостроительный план свидетельствует об учете опыта строительства городов по системе Гипподама (Буйских 2008. С. 105). По этой системе осуществлялось прокладывание сети продольных и поперечных улиц, образовавших ячейки кварталов. Гипподам Милетский, по свидетельству Аристотеля, «изобрел разделение полисов и спланировал Пирей» (Pol. 2.1267b; пер. С.А. Жебелева). Мы считаем, что, поскольку полис представлял собой не только город, но включал в себя и хору, у Аристотеля идет речь о разделении полиса в целом, т.е. о планировке не только города, но и его хоры (Зедгенидзе 2015). Основным принципом размежевания хоры Херсонеса, подобно планировке города, является строгая регу-

лярность. Именно это позволяет считать, что планировка как города, так и хоры осуществлялась по системе Гипподама. Эта система была удобна для создания хорошо организованного города-государства. Не полагаясь на стихийное освоение хоры, по этой системе можно было разделить ее, наладить рациональную сеть дорог, выделить равновеликие участки, предусмотреть наиболее удобную связь с апойкией. Система была такова, что пользование ее частями могло впоследствии происходить поразному. Разделение земли на «кварталы» позволяло использовать их в отдельные исторические периоды по-своему (ср.: Щеглов 1993. С. 24). Важно при этом, что, несмотря на всё возможное последующее разнообразие в организации земли внутри «кварталов», сохранялись главные элементы системы, которые остаются навсегда и несут информацию о первоначальном устройстве сельскохозяйственной территории.

Литература

Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.

Зедгенидзе А.А. Картографирование как способ изучения античного культурного ландшафта: хора Херсонеса Таврического // Культура информационного общества и проблемы модернизации России. М., 2011. С. 290–299.

Зедгенидзе А.А. Вклад митрополита Евгения (Болховитинова) в исследование Херсонеса Таврического // XXII ежегодная конференция Правосл. Свято-Тихоновского гос. ун-та: Мат-лы. М., 2012. С. 67–69.

Зедгенидзе А.А. «Ученые путешествия» конца XVIII — начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического // Знание, понимание, умение: Науч. журнал Моск. гос. ун-та. М., 2014. № 1. С. 205–213. (а)

Зедгенидзе А.А. О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. № 2. С. 151–162. (б)

Зедгенидзе А.А. Вопросы освоения хоры Херсонеса Таврического и проблема «древнего Херсонеса» Страбона // ВДИ. 2015 (в печати).

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Севастополь, 1999. Ч. 1.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХС. 1961. Вып. 6.

Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–38.

Saprykin S.Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, 1994.

М.В. Земляков

РОЛЬ РИМСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА МЕРОВИНГОВ В КОНЦЕ V – НАЧАЛЕ VII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНКСКИХ ПРАВД)

Вопросы динамики распространения власти франков в конце V – начале VI в. на территорию бывших галльских провинций и их взаимодействия с галло-римским населением относятся к числу дискуссионных. Относительно небольшая романизация этой части Западной Римской империи в V–VI вв. не уменьшает, а напротив – только усиливает разноголосицу в оценке роли галло-римлян в формировании социальной структуры государства франков в VI–VIII вв.

Для решения этой проблемы привлекается множество видов и типов источников: нарративные, актовые, данные топонимии, антропонимии и археологии (Halsall 1995. P. 8 ff.; 2007. P. 455–486; Schmauder 2003. P. 284–285, 300 ff.). Однако в области права большинство историков ограничивается противопоставлением двух юридических традиций в Галлии VI–VIII вв.: Салическая и Рипуарская правды для Северной Галлии *vs.* римские правды бургундов и вестготов для Южной Галлии (Murray 2006. P. 380–385; Wormald 2003. P. 29–42). Галло-римское население Северной Галлии фактически выпадает из анализа социо- и политогенеза меровингских королевств VI–VII вв. Автор настоящего доклада обращается к исследованию галло-римского компонента в двух франкских правдах и ставит перед собой в качестве цели анализ правового положения и степени «социальной адаптивности» галло-римлян в меровингском обществе VI–VII вв.

Уменьшение степени романизации Галлии с юга на север отразилось на форме и организации землевладения, на отношениях галло-римлян и германцев. Если в Южной Галлии с начала V в. племена бургундов и вестготов получали определенную долю

земельных угодий и зависимого населения в поместьях галло-римлян, то в Северной Галлии бóльшая часть крупных и средних вилл была уже к началу V в. покинута землевладельцами (Jones 1962. P. 248–253). Сохранились лишь немногие мелкие виллы, обходившиеся почти без рабского труда (Halsall 1995. P. 145–147). «Монополия» на земли, рабов и скот с началом Великого переселения народов была перехвачена дружинной знатью германцев.

Однако нельзя сказать, что галло-римляне вовсе не участвовали в формировании слоя крупных землевладельцев и управленческого аппарата королевства Хлодвига и его потомков в VI в. Так, из Салической правды нам известно, что жизнь приближенных к франкскому верховному правителю галло-римлян – «сотрапезников короля» (*conviva regis*), искупалась вергельдом в 300 солидов (в 1,5 раза бóльшим, чем у рядовых франков). Однако владельцы земельных наделов (посессоры), не принадлежавшие к приближенным короля (*homo possessor et conviva regis non fuerit*), в случае лишения жизни искупались только 100 сол., а податная часть сельских жителей (*tributarii*) – 45–70 сол. (L. Sal. 41, 8–10).

При сравнении с другими категориями, исполнявшими различные поручения короля и отправлявшими правосудие в VI в., – *puer regis* и *sacebaro*, положение *conviva regis* становится более очевидным. За убийство свободного сацебарона (др.-герм. *saca* – «суд») взыскивалась сумма в 600 сол., тогда как за сацебарона, бывшего *puer regis* («королевским слугой»), – 300 сол. (L. Sal. 54, 2–3). Королевский слуга ценился ниже, чем свободный франк – сацебарон, но наравне с сотрапезником короля. Примечательно, что в Рипуарской правде *puer regius* также обладал вергельдом в 300 сол. (L. Rib. 54, 2).

Следовательно, в Салической правде убитый сотрапезник приравнивался к королевскому слуге, не являвшемуся представителем высшего слоя дружинной знати в VI в.: *puer regius* может быть скорее назван «рабом высшей категории». Однако в силу высокой социальной мобильности в Галлии конца V – начала VII в. некоторые из приближенных к королю рабов и слуг могли достигнуть должностей графа или герцога (примеры вышедших из рабского слоя Андархия и Леудаста: Greg. Tur. Hist. IV: 46; V: 48). Очевидно, что и *conviva regis* мог выполнять при

дворе короля достаточно ответственные поручения, а в отдельных случаях – занимать высокие должности в зарождавшейся администрации меровингских королей. Такие процессы активно протекали, например, в королевстве Гунтрамна в 561–592 гг.

Кроме того, галло-римские магнаты и землевладельцы Северной Галлии могли переходить в разряд священнослужителей, в том числе прелатов галльской церкви. В эпоху написания «Истории франков» Григория Турского (ум. 594) и «Хроники» Фредегара (ум. ок. 660), судя по именам, значительную часть церковного клира составляли именно «римляне». И если тенденция к замещению галло-римлянами церковных должностей с высоким штрафом за жизнь в редакции Салической правды начала VI в. еще не проявилась (первое упоминание о возмещении за убийство пресвитера и диакона появляется здесь только в середине VIII в.), то в Рипуарской правде она отчетлива. Римское присутствие в слое духовенства восточной части Франкского государства (Австразии) до начала VII в. было еще значительнее: в рукописях более древней семьи А Рипуарской правды вергельд за убийство клирика составлял 100 сол. и равнялся вергельду «римлянина» из этого источника (или посессора – Салической правды). В процессе эволюции австразийского общества текст семьи В (VII в.) стал учитывать увеличение доли германского населения в составе клириков («..смотря по тому, *какого происхождения* он будет, пусть его искупают») (L. Rib. 40, 3–5).

Более низким социальным статусом, чем сотрапезники, исходя из размера вергельда, обладали в Салической правде посессоры и трибутарии – владельцы небольших земельных участков. Очевидно, что более низкий вергельд, чем у свободных франков, маркировал положение посессоров и трибутариев как неполноправных членов общества салических франков; и если штраф за жизнь посессора равнялся штрафу за жизнь лита (также неполноправного франка, зависимого от своего соплеменника), то жизнь трибутария ценилась еще ниже. Следовательно, обе категории не могли произойти от бывших крупных или средних римских землевладельцев. Они происходили от той части галло-римских колонов и рабов, которая «явочным способом» получила свободу при бегстве своих господ из северогалльских вилл. Дифференциация на две категории могла про-

изойти в результате того, что посессоры заняли участок господской виллы и «отстояли» его перед салиями – завоевателями, а трибутарии были обращены в зависимость с обязанностью натуральных выплат и отработок.

В Рипуарской правде есть также косвенные указания на то, что некоторые из колонов и рабов, посаженных на землю римскими магнатами, оказались в конце V в. во владении церкви и королей германцев. На левом берегу Рейна «римлянин» (*Romanus homo* или просто *romanus*) в некоторых случаях приравнивался по статусу к лично зависимым от короля или церкви людям (*homo regius, ecclesiasticus*) и табуляриям – вольноотпущенникам церкви. Сведений о таких «римлянах» гораздо больше, чем о трибутариях и посессорах салических франков.

Из Рипуарской правды мы узнаем о том, что за убийство зависимого от короля или церкви человека взыскивался вергельд в 100 сол. (а за женщин того же достоинства – 300 сол.) (L. Rib. 9–10, 1; 14). Эти люди не были приравнены к почти бесправным рабам, т.к. они участвовали в судебном процессе в ограниченном масштабе в качестве истцов, ответчиков и свидетелей. Так, за кражу скота и похищение свободных женщин эти две категории могли быть приговорены к половинному возмещению, предусмотренному для свободного рипуара (L. Rib. 19, 3; 38, 1–3). Некоторые последующие титулы позволяют предположить, что жизнь «римлянина» могла оцениваться наравне с королевскими и церковными людьми.

Так, «половинный» штраф (30 сол. против 60, взимаемых со свободного) такие категории зависимых людей и приравненные к ним «римляне» должны были платить за нападение на королевского посланника или неявку в войско по приказу короля (L. Rib. 68, 1–3). Они приговаривались к «половинной» по сравнению с простым рипуаром компенсации за отказ от клятвы или лжесвидетельство (L. Rib. 69, 1–2).

Однако у зависимых от короля и церкви людей, а равно и у «римлян» Среднего Рейна, присутствовали не только черты ограниченной свободы. В случае заключения брака между «римлянином»/«римлянкой», зависимыми от церкви или короля людьми и свободным рипуаром (мужчиной или женщиной) их потомство обращалось в личную зависимость от распорядителя

зависимого человека (владельца его мунда) (L. Rib. 61, 11). Такое явное снижение правового статуса этих трех категорий ставит под сомнение возможность происхождения «римлян» от бывшего свободного населения римских провинций; скорее, в данном случае, так же как и в области расселения салических франков, имел место переход ряда колонов и рабов от прежних, галло-римских хозяев в руки крупных германских землевладельцев (короля, церкви, дружинников) или их «отпуск на волю» магнатом с последующим попаданием в новую зависимость.

В качестве итога можно говорить о двух социально-политических тенденциях VI–VII вв. Первая проявилась в восприятии римлян как «чужаков», живших по собственным законам (вульгаризированному римскому праву). Однако вторая, более важная, привела в конце V – начале VII в. к интеграции галло-римского населения в меровингское общество в условиях глубоких социальных трансформаций. Возникли прослойки сотрапезников и посессоров, в разной степени сохранивших прежние земельные угодья. Некоторая часть галло-римлян стала священнослужителями, включившись в структуру высшей прослойки меровингских королевств VI–VII вв.

Внушительная часть лично зависимого населения позднеримских вилл перешла в другой социальный статус, став тяглыми людьми либо попав в зависимость от крупных землевладельцев (*tributarius*, *homo ecclesiasticus*, *regius*, *Romanus*). Постепенно эти люди сближались по социально-правовому статусу с германскими рабами и обедневшими свободными франками, формируя основу для широкого слоя лично зависимого крестьянства в королевских и церковных поместьях VIII–X вв.

Источники

Greg. Tur. = Gregorii episcopi Turonensis historiarum libri X / Hrsg. B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1951.

L. Rib. = Lex Ribvaria / Hrsg. F. Beyrle, R. Buchner. Hannover, 1954.

L. Sal. = Pactus legis Salicae / Hrsg. K.A. Eckhardt. Hannover, 1962.

Литература

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Halsall G. Settlement and social organization: The Merovingian region of Metz. Cambridge, 1995.
Halsall G. Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge, 2007.
Jones A.H.M. The Late Roman Empire, 284–602. Oxford, 1964. Vol. 1.
Murray A.C. "Pax et disciplina": Roman public law and the Merovingian state // From Roman provinces to medieval kingdoms. L., 2006.
Schmauder M. The Relationship between Frankish "Gens" and "Regnum": a Proposal based on the archaeological evidence // Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Leiden, 2003.
Wormald P. The Leges Barbarorum: Law and Ethnicity in post-Roman West // Ibid.

И.Л. Измайлов

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ X–XIII вв.: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Средневековая Булгария являлась одним из крупнейших государств Восточной Европы X–XIII вв. Ее становление и развитие всегда привлекало повышенное внимание исследователей, т.к. именно оно обеспечило хозяйственный, социальный и культурный прогресс Волго-Уральского региона.

Процесс складывания государственности у булгар прошел несколько этапов. Первоначально булгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы. С начала VIII в. они стремились к воссозданию своей государственности, но этот процесс протекал медленно. Однако по мере ослабления власти хазар и резкого увеличения международной торговли по Великому волжскому пути в IX в. булгары постепенно устанавливают свою гегемонию над другими племенными объединениями.

В начале X в. начался новый этап складывания основ булгарского государства. В этот период проходил активный рост городов и международной торговли по Великому волжскому пути и был принят ислам в качестве государственной религии. Булгары во главе с эльтебером Алмышем становятся военно-служилым сословием в новом государстве. Около 922 г. состоялось и ди-

пломатическое признание Булгарии – она обменялась посольствами с Багдадским халифатом. Развиваются города как политические, административные и торгово-ремесленные центры. Разгром Хазарского каганата (ок. 980 г.) привел к усилению булгар, объединившихся в единое Булгарское государство. С первой трети X в. территория Булгарии постоянно расширяется.

Булгария в X – первой трети XIII в. стала объектом внимания современников, поскольку была вовлечена в торговые и военно-политические контакты с различными регионами Евразии. Вместе с тем сведения, сохранившиеся в дошедших до нас источниках, содержат на удивление мало конкретики о территории и населенных пунктах этой страны.

Основные сведения о Булгарии сохранила арабо-персидская историческая традиция, которая в той или иной степени восходит к так называемой «Анонимной записке о Восточной Европе», которую обильно цитируют другие авторы – Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, ал-Бекри, анонимный автор «Худуд ал-'алам» (Калинина 2003. С. 204–205; Gockenjan, Zimonyi 2001. С. 13–49). Но сведения о территории страны фактически ограничиваются указанием на существование двух городов – Болгара и Сувара, расположенных на Волге, а также некоторых крепостей, местонахождение которых неясно. Относительно территории Булгарии в этом своде сведения весьма размыты: отмечается, что булгары живут к северу от хазар и печенегов, что буртасы жили южнее булгар и были покорены ими. Особой оригинальностью отличаются сведения из «Записки» Ибн Фадлана, в которой есть конкретные указания на реки, правые притоки Волги от Черемшана до Бездны и Малого Черемшана, и племена, входившие в булгарскую политию: упоминаются булгары, берсула (барсилы), эсегели (эсгили/чигили) и сувары. Важным и уникальным источником по истории Булгарии середины XII в. являются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати (1080–1169). Испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывал в разных странах Старого света от Испании до Сирии. В 1130–1150-х годах он жил в городах Саксине (Нижнее Поволжье) и Болгаре. Но и в его трудах нет конкретных указаний на территорию Булгарии, хотя он и указал, что булгары и сувары фактически правят Саксином. Северная граница Булгарии граничила с

народами («Вису», «Йура»), жившими близ Моря Мраков, на которые они совершали набеги и вели торговлю.

Русские княжества фактически граничили с Булгарией с середины X в., и летописи сохранили целый ряд подробностей о географии Булгарии и ее границах. Интересно, что список упоминаемых городов не совпадает с таким же списком для восточных сочинений. Русским летописям известны «Великий город» на Черемшане (очевидно, Биляр), Бряхимов на Каме (очевидно, Алексеевское городище), Ошель на Волге (обычно связывается с Богдашкинским городищем), а также ряд других небольших городков (Тухчин, Хомол). Пределы страны указаны расплывчато, но анализ текста заставляет сделать вывод, что граница булгарских владений проходила в районе Оки, а булгарские поселения находились в Сурско-Свияжском междуречье. Восточные границы булгарских владений доходили до Джаика (р. Урал) и нижневолжского Саксина (см.: Измайлов 1999. С. 69–75).

Еще меньше сведений содержится в латинских хрониках. Исключение составляют донесения о путешествии в Восточную Европу доминиканского монаха Юлиана, который в составе миссии в 1235 г. в Среднем Поволжье нашел «страну сарацин, что зовется Веда, в городе Бундац» (Книга странствий. С. 44), т.е. город с мусульманским населением. Он побывал также в «Великой Булгарии» и нашел там самый большой город этой страны (очевидно, Биляр), а в двух днях пути в районе р. Этиль (очевидно, р. Белая) нашел венгров, которые были союзниками булгар в войне с монголами (Аннинский 1940. С. 71–112; Книга странствий. С. 35–48).

Фактически это все самые определенные сведения, которые можно извлечь из письменных источников.

Бóльшую объемность и целостность дает сопоставление этих сведений с данными археологии. Для понимания средневековой истории Булгарии археологические источники являются важнейшими. Всего в Волго-Уральском регионе выявлено ок. 2000 памятников, которые исследователи относят к булгарской культуре. Из них ок. 200 городищ, более 700 селищ, а также отдельные местонахождения и клады (ок. 500). Особенностью булгарской культуры является наличие систематизированных и довольно хорошо исследованных городищ. Среди них выделяются

крупные городища с укрепленной площадью более 20 га, многие из которых хорошо изучены археологически (Хузин 2001; 2006). На территории Волго-Уральского региона в настоящее время насчитывается более 100 грунтовых могильников, из них 59 относятся к концу X – XIII в. и по обряду погребения являются мусульманскими. Они располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Булгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном и Центральном Закамье, в бассейне р. Черемшан, в Предкамье и в окрестностях Болгарского и Билярского городищ (всего изучено 59 могильников и почти 1000 погребений). Изучены как городские, так и сельские могильники (Халикова 1986; Измайлов 2008. С. 4–41).

Все эти памятники характеризуются внутренним единством и общей динамикой развития материальной культуры, а также отличаются от синхронных памятников, например, Древней Руси. Булгарская культура характеризуется наличием на поселениях монументальных построек (кирпичные и белокаменные здания) и развитой ремесленной деятельностью, в том числе производством своеобразной круговой гончарной посуды различных форм (кувшины, горшки, миски, кружки, хумы и пр.); некоторыми типами хозяйственного и бытового инвентаря (топоры, замки и др.); украшениями женского костюма (витые браслеты, трехбусинные височные подвески, в том числе из золота); мусульманской погребальной обрядностью; находками бытовых предметов с надписями (руническим и арабским письмом), а также практически полным отсутствием в остеологических материалах костей свиньи и некоторыми другими элементами (Хузин 2006; Измайлов 2009. С. 5–12; 2010. С. 87–100).

Учитывая все эти данные, можно довольно четко проследить динамику становления государственной территории Булгарии от небольшого племенного объединения в районе Средней Волги (от Самарской Луки до устья Камы) в VIII–IX вв. до крупного средневекового государства. Уже в XI–XII вв. его пределы простирались от р. Суры на западе до р. Шешмы на востоке, от Самарской Луки на юге (отдельные городские центры булгар выявлены на Нижней Волге) до района Елабуги на севере (отдельные центры располагались вплоть до Пермского Прикамья). На этой территории локализуются все известные по письменным

источникам города, а также разворачиваются события, описанные в средневековых источниках. При этом следует учитывать, что территория, в той или иной степени находившаяся под экономическим и военно-политическим влиянием булгар, достигала правобережья Оки на западе и Закамья вплоть до Джаика на востоке. Для Окско-Свияжского междуречья данное влияние прослежено не только по данными письменных источников, но и по данным археологии (см.: Белорыбкин 2003).

Источники и литература

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.

Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и булгары глазами русских (X–XIII вв.) // ВЕДС-XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999.

Измайлов И.Л. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1.

Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии // Восток = Oriens. 2009. № 1.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария: ислам и археологическая культура // Наследие ислама в музеях России: изучение, атрибуция, интерпретация. Мат-лы научно-практ. конф. 3–4 декабря 2009 г. Казань, 2010. С. 87–100.

Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.

Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и коммент. Н. Горелова. СПб., 2006.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.): Учеб. пособие. Казань, 2006.

Gockenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte uber die Volker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Gayhani-Tradition (Ibn Rusta, Gardizi, Hudud al-Alam, al-Bekri und al-Marwazi). Wiesbaden, 2001.

С.Ю. Каинов

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ У ДЕР. ГНЁЗДОВО

Время появления на карте Восточной Европы торгово-ремесленного портового поселения, сопровождаемого крупным курганным могильником с «дружинными курганами», у дер. Гнёздово – один из самых спорных вопросов, связанных с изучением этого археологического комплекса. Несмотря на уже более чем столетнюю дискуссию, общепринятой точки зрения до сих пор нет. Сторонники «раннего» возникновения памятника утверждают, что Гнёздово существует как минимум с IX в. Другие исследователи отстаивают «позднее» начало функционирования Гнёздова – с рубежа IX–X вв.

В дискуссии о ранней дате гнёздовского могильника, как правило, в качестве аргументов задействованы материалы ограниченного количества курганов. Это объясняется тем, что в составе их погребального инвентаря есть большое количество вещей, имеющих относительно узкие даты. Кроме того, информация об этих погребениях достаточно хорошо документирована и доступна.

В настоящее время большинство исследователей Гнёздова констатирует отсутствие погребений, которые можно было бы бесспорно датировать IX в. (Каинов 2001. С. 61; Пушкина, Мурашёва, Ениосова 2012. С. 271; Фетисов 2013. С. 112–113). Особняком стоит мнение С.С. Ширинского, который выделяет несколько гнёздовских курганов, относящихся к IX в. (1997. С. 199; 2008. С. 83–86). Но хронологию погребальных комплексов исследователь основывает не на датировках всех вещей, входящих в них, а только на выборочных хронологических индикаторах.

Материалы раскопок гнёздовского поселения для решения вопроса о времени возникновения памятника привлекались значительно реже. Возникновение Гнёздова не позже начала IX в. (на материалах в том числе и поселения) пытался обосновать И.И. Ляпушкин (1968. С. 114–116). С его точкой зрения согла-

сился Е.А. Шмидт, уточняя, что «скандинавские купцы и воины» появляются в Гнёздове позже его основания, в последней четверти IX в., и только с начала X в. проживают здесь «постоянно с семьями» (1999. С. 115). Вероятно, таким образом исследователь соотносит свои выводы о развитии гнёздовского поселения с датировкой ранних многоинвентарных «богатых» курганов, в которых, действительно, можно видеть погребения скандинавов.

В настоящее время среди специалистов, непосредственно занятых изучением памятника, наиболее распространена точка зрения о возникновении поселения «дружинного» Гнёздова в конце IX – начале X в. (Пушкина, Мурашёва, Ениосова 2012. С. 271; Фетисов 2013. С. 113–115). Тем не менее при раскопках на разных участках гнёздовского поселения были найдены предметы, датирующиеся ранее X в. Выявление всего раннего материала еще не завершено, но уже сейчас очевидно, что это довольно представительная и разнообразная группа артефактов.

Предметы вооружения представлены деталями мечей типа В и типа 2 особый (или «Mannheim»). На территории Европы данные типы датируются в рамках IX и второй половины VIII – первой половины IX в. соответственно (Каинов 2014. С. 37–39, 41–43). Два трехлопастных наконечника стрел (типы 18 и 20 по типологии А.Ф. Медведева) характерны для памятников южных кочевников и датируются временем до X в. (Медведев 1966. С. 60). Для двух топоров центрально-европейского происхождения также нельзя исключать датировку IX в. К снаряжению всадника относятся две шпоры с зацепами, загнутыми вовнутрь. По типологии Я. Жака одна шпора принадлежит к типу А, вторая – к типу В. Шпоры типа А на основной территории распространения (Центральная Европа) датируются VI–VIII вв., типа В VI – началом IX в. (Żak, Maćkowiak-Kotkowska 1988. S. 97).

К ранним вещам относятся и три височных кольца, два из которых найдены на городище, а одно – в западной части центрального селища. Аналогии первому кольцу датируются второй половиной VIII – первой половиной IX в., второму – второй половиной IX в., третьему – второй половиной IX – началом X в. (Каинов 2014. С. 43).

Также к ранним вещам, происходящим из культурного слоя поселения, относятся дугообразная бронзовая фибула, сасанидская гемма, щиток византийской пряжки, обломок подковообразной фибулы (Там же. С. 43).

Среди массовых находок, таких как, например, бусы, экземпляров, чье бытование ограничивается временем до X в., насколько известно по опубликованным материалам, нет. Тем не менее при изучении бус Центрального городища О.П. Добровой был сделан вывод, что бóльшая часть найденных бус датируется в рамках IX–XI вв. (2012; 2013). Иными словами, датировка части бус более ранним временем не исключена. Также в широких хронологических рамках, включающих IX в., датируются найденные при раскопках поселения гребни первой группы типа 1в (по типологии О.И. Давидан).

Стоит подчеркнуть, что все предметы, чья хронология «выпадает» из наиболее распространенных хронологических рамок существования «классического» «дружинного» Гнёздова, найдены в археологическом контексте X в., за вероятным исключением одного из ранних височных колец, обнаруженного в заполнении остатков сооружения в сопровождении только лепной керамики, что не исключает датировки постройки IX в. (Вешнякова, Булкин 2001. С. 47, 49).

Несомненно, какая-то часть ранних предметов могла являться ювелирным ломом, другие вещи из-за своей редкости и красоты могли просто пережить свое время. Тем не менее, с нашей точки зрения, определенная концентрация раннего материала и его состав позволяют оставлять открытым вопрос о существовании Гнёздова в период, предшествующий его расцвету в X в. Последующие усилия по поиску возможных следов раннего Гнёздова могут быть сосредоточены на выявлении и датировке слоев, содержащих только лепную керамику. Подобные слои обнаружены на городище, в западной части центрального селища, на нескольких участках пойменной части селища. Возможно, в дальнейшем удастся предложить и обоснованную датировку для большей части погребальных комплексов, содержащих исключительно лепную керамику.

Литература

Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Тр. ГИМ; 124). С. 40–53.

Доброва О.П. Полихромные бусы Центрального городища Гнёздова из раскопок 2004–2012 гг. // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Мат-лы междунар. конф., посв. 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902–1968). СПб., 2012. С. 215–218.

Доброва О.П. Бусы из раскопок Центрального городища Гнёздова 2004–2012 гг. // Новые материалы и методы археологического исследования. М., 2013. С. 133–134.

Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечем из раскопок М.Ф. Кусцинского // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Тр. ГИМ; 124). С. 54–63.

Каинов С.Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 34–46.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. М., 1968. (МИА; № 152).

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. (САИ; Вып. Е1-36).

Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 243–273.

Фетисов А.А. К вопросу о нижней дате Гнёздовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Грани гуманитарного знания. Курск, 2013. С. 111–117.

Ширинский С.С. О времени кургана 47, исследованного у д. Гнёздово в 1950 г. // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997. С. 198–199.

Ширинский С.С. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда // Дьнеслово. Збірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П.П. Толочка. Київ, 2008. С. 76–89.

Шмидт Е.А. Древнейшие поселения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово в истории России. Смоленск, 1999. С. 105–118.

Żak J., Maćkowiak-Kotkowska L. Studia nad uzbrojeniem środkowo-europejskim VI–IX wieku. Zachodnio-bałtyjskie i słowiańske ostrogi o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza. Poznań, 1988.

Т.М. Калинина

ПРЕДЕЛЫ ИЛИ ГРАНИЦЫ ХАЗАРИИ

Сведения о пределах Хазарии в арабо-персидских источниках обнаруживаются со времени появления этого народа на Кавказе.

Переход ряда земель Кавказа то в руки хазар, то в руки арабов во время войн был отмечен многими авторами (обзоры см.: Артамонов 2001. С. 281–358; Dunlop 1954. P. 46–88; Новосельцев 1990. С. 172–248; Ромашов 2000–2001. С. 304–306, 324–338 и др.).

В VI в. на западном берегу Каспия иранскими владыками на месте старой крепости были возведена мощная цитадель и стена, уходящая одним концом в море, другим – упиравшаяся в крепость на горе. Так был перегорожен проход между берегом моря и горой. Эту стену знали все восточные авторы, называя ее «Ворота ворот» (*Баб ал-Абваб*, *Баб ва-л-Абваб*) (Минорский 1963. С 119–122; Аликберов 2003. С. 197–231). По сведениям ал-Мас'уди, стена была выстроена от набегов хазар, алан, тюрок и савиров. В VII в., по данным армянских источников, хазары овладевали Дербентом, однако в течение трех веков город не раз переходил из рук в руки (Артамонов 2001. С. 282–285 etc.; Новосельцев 1990. С. 177–182 и др.; Ромашов 2000–2001. С. 304–306, 324–338 и др.). Из анонимной «Истории Дербента» следует, что в X в. это был город, пограничный с хазарскими владениями; схожая информация имеется в трудах поздних авторов: Йакута, ал-Казвини, Ибн Ийаса (Заходер 1962. С. 121, примеч. 23).

Ранее пограничным городом Хазарии была столица Самандар, перенесенная, по данным ал-Мас'уди, в Итиль при устье Волги (ал-Мас'уди 1863. P. 7). К сожалению, местоположение Самандара по сей день не установлено.

Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази и другие авторы, передающие информацию «Анонимной записки о Восточной Европе» (до 890-х годов), писали, что одна из сторон Хазарии соприкаса-

лась с горой, где жили народы *тулас и лугар*, гора же тянулась до Тифлиса (Ибн Русте 1892. Р. 139; Худуд ал-'Алам. 162; ал-Марвази 1942. С. 20 – с немного искаженным написанием). *Тулас* – это горцы Северного Кавказа (Аликберов 2003. С. 138–139), как и, вероятно, *лугар*. Горы, поскольку назван Тифлис, идентифицируются с Кавказом.

У Кудамы ибн Джа'фара есть определение хазарских границ «от Арминийи до хорасанского Хорезма» (Кудама ибн Джа'фар 1889. С. 259). Еще персы называли Арменией всю четвертую часть своего государства, куда входили некоторые земли Грузии и Азербайджана. После завоевания арабы оставили персидское наименование округа – Арминийа, но делили его по-разному в разные годы; были у них и четыре Арминийи, куда входили разные территории Кавказа, поэтому уточнить, какую именно часть провинции Арминийа Кудама называл границей Хазарии, затруднительно.

«Хорасанский Хорезм», по Кудаме ибн Джа'фару, тоже оказывается понятием неопределенным. Хорезм занимал нижнее течение Амударьи, Хорасан же находился западнее Каспия и включал часть территории Ирана; эти крупные области были разделены песками Каракумов, хотя торговые дороги всегда соединяли их. Поэтому восточные пределы Хазарии не ясны, хотя хазарский царь Иосиф тоже утверждал, что восточные границы его государства доходят до Хорезма и Джурджана. Однако в 922 г., когда Ибн Фадлан ехал из Хорезма в Волжскую Булгарию, он не пересекал территорий, принадлежавших хазарам.

По сведениям «Анонимной записки», 10 дней пути отделяли хазар от печенегов, которые еще жили в междуречье Урала и Эмбы (Ибн Русте 1892. Р. 139; Гардизи 1973. С. 36, 57; ал-Марвази 1942. С. 121). День караванного пути у арабов в зависимости от ландшафта мог быть от 30 до 40 с лишним километров, но надо помнить, что путь от печенегов до хазар проходил по степям и лесам, без проторенных дорог.

Между Хазарией и Волжской Булгарией находилась земля буртасов, на расстоянии 15 дней пути (Ибн Русте 1892. Р. 140; Гардизи 1973. С. 37, 58; ал-Марвази 1942. С. 21). Местонахождение страны буртасов спорно, но, если судить по достаточно реалистичным известиям ал-Мас'уди, она находилась в среднем

течении Волги, что не противоречит и указаниям на нижнее Поволжье как на территорию Хазарии.

Ибн ал-Факих утверждал, что от страны хазар до местонахождения некоей стены – два месяца пути (Ибн ал-Факих 1885. 329). Шамс ад-дин ал-Мукаддаси писал, что дальний конец Хазарии доходит до стены Йаджудж и Маджудж, а границы ее – вблизи Византии (ал-Мукаддаси, 1877. P. 355). Вероятно, эти авторы в первом случае имели в виду стену Йаджудж и Маджудж (библейских Гога и Магога), которую воздвиг Александр Македонский (Зу-л-Карнайн) как преграду для этих диких народов. В хадисах и произведениях толкователей Корана, как и у многих арабских географов (ал-Хорезми, ал-Фергани, Ибн Хордадбех, ал-Йа'куби, Ибн Русте, ал-Мас'уди, Мутаххар ал-Макдиси, ал-Марвази, ал-Казвини), эти народы располагались в районах далекого Востока (Anderson 1932). Однако существует обширнейшая литература по поводу местонахождения этой стены. Предполагались Дербентская стена на Кавказе или Кавказский горный хребет, но они не могут подразумеваться нашими авторами, относящими пределы Хазарии до стены на два месяца пути. Предлагались также Уральские горы, Великая китайская стена, страна Кокурьо, горы Алтая и т.д. (Пигулевская 2000. С. 428–430; Велиханова 1963. С. 43–46; Daunicht 1970. S. 103, 107, 111, 169). Ряд арабских авторов (Ибн ал-Факих, Ибн Фадлан, ал-Истахри, Ибн Хаукал) связывали местонахождение народов Йаджудж и Маджудж с севером (Калинина 2011).

Поскольку ученые не пришли к единому мнению относительно местонахождения стены, определить этот предел Хазарии не представляется возможным.

Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси второй границей Хазарии называл или земли Причерноморья, куда хазары продвигались, начиная с VII в., или области Арминийи, захваченные Византией у хазар к 966 г. (ал-Мукаддаси 1994. С. 310, примеч. 24).

Кудама ибн Джа'фар, следуя информации Муслима ал-Джарми, выкупившегося в 845 г. из византийского плена, писал, что византийские владения простираются от Пафлагонии до страны хазар (Кудама ибн Джа'фар 1899. P. 55). Возможно, византийско-хазарская граница в IX в. доходила до округи Херсо-

на, поскольку вопрос о других владениях Византии в Крыму не решён (Сорочан 2005. С. 322–395).

В данном случае я не рассматриваю информацию анонимного сочинения «Худуд ал-'Алам», поскольку бóльшая часть его известий принадлежит более раннему автору, текст которого был переработан в соответствии с представлениями, сложившимися на основе других книг. Воззрения создателя этого труда должны рассматриваться отдельно.

Географы X в. Ибн Хордадбех, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мас'уди рассказывали о нижнем течении Волги и Прикаспийских областях как о местах обитания хазар (ал-Истахри 1870. P. 10, 219–222, 227; Ибн Хаукал 1938–1939. P. 9, 15, 389–394 etc.; ал-Мас'уди 1863. P. 7, 10–12, 23–25, 28 etc.). Эти знания отразились на круглых картах мира «классической школы географов» (ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукал), где можно увидеть схематичное изображение границ Хазарии. На этих картах хазары предстают жителями северо-востока Земли близ Каспия при впадении в него реки Итиль, вдоль реки показаны булгары, буртасы, русы, страна Сарир (Ибн Хаукал 1938. P. 9).

Названные описания могут содержать достоверные, пусть и разновременные, сведения. Дербентский горный проход, некие территории Кавказа, области Причерноморья – вот те границы Хазарии, которые стали известны арабам вследствие политических контактов; границы изменялись по мере внешних и внутренних обстоятельств жизни Хазарии. В информации источников о торговых центрах (но не границах) можно видеть и намеки на административно-политическое деление.

В целом, включение библейско-коранических сюжетов и конкретных упоминаний пределов Хазарии соответствовало видению мира, характерному для арабской культуры. Пределы Хазарии, отраженные в книгах арабо-персидских писателей, являются по существу географическим образом пространства этой земли, принадлежавшим арабской культуре.

Источники и литература

Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.

Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2001.

Велиханова 1986 – *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Н. Велиханова. Баку, 1986.

Гардизи 1973 – *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар"... // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1973. Т. 8.
Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. 1.
Ибн Русте 1892 – Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
Ибн ал-Факих 1885 – Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni... / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.
ал-Истахри 1870 – Viae regnorum... / M.J. De Goeje. Leiden, 1870.
Ибн Хаукал – Opus geographicum... / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
Калинина Т.М. Легендарные народы на краю Ойкумены (по данным арабских средневековых ученых) // История наук о Земле. М., 2011. Вып. 4.
Кудама ибн Джа'фар 1889 – Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik... Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitab al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far.../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.
ал-Марвази 1942 – Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. L., 1942.
ал-Мас'уди 1863 – *Maçoudi.* Les Prairies d'or / C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. 2.
Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
Мукаддаси 1877 – Descriptio Imperii Moslemici auctore... al-Mokaddasî / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
Ал-Мукаддаси. «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»). Ад-Дайлам и ар-Рихаб / Н.И. Сериков // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. Прил.
Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2000–2001. T. 11.
Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VII – первая половина X вв.). Харьков, 2005.
Худуд ал-'Алам – Hudud al-'Alam. "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / V. Minorsky. L., 1937.
Anderson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog and inclosed Nations. Cambridge (Mass.), 1932.
Daunicht H. Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarizmi's. Bonn, 1970. Bd. 1.
Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Prinston, 1954.

Е.Л. Конявская

ПРОБЛЕМА СТОЛЬНОГО ГОРОДА В «СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ» В XII – НАЧАЛЕ XIII в. (ПО РАННИМ ЛЕТОПИСЯМ)*

В раннем летописании наблюдаются колебания и некий разнобой в определении стольного города Ростово-Суздальской (позже – Владимиро-Суздальской) земли. Сначала летописцы чередуют в одних и тех же контекстах Ростов и Суздаль, затем Суздаль и Владимир. С чем в реальности могли быть связаны такие колебания?

Датой становления независимого Ростово-Суздальского княжества принято считать 1125 год: после похорон Владимира Всеволодовича Мономаха его сыновья разошлись по волостям, которые Мономах им «раздаял», т.е. братья Мстислава Великого стали правителями независимых княжеств. Как известно, Юрий после женитьбы был посажен в Суздаль Владимиром Мономахом, при этом Ростов Владимир Всеволодович, очевидно, оставлял за собой (Кучкин 1996. С. 37). Теперь Ростов оказывается во владениях Юрия Долгорукого, чему есть прямое подтверждение под 1134 г., когда Юрий в обмен на Переяславль Южный предлагает Ярополку «Суждаль. и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295). Уже здесь Суздаль стоит на первом месте, что подчеркивает значимость нового центра.

Вскоре на Северо-Восточные земли двинулись Всеволод и Изяслав Мстиславичи. Новгородская I летопись говорит, что Всеволод хочет посадить Изяслава «Суждали», среди новгородцев речь идет об будущей «Сужальской войне». Второй раз в том же 1134 г. Всеволод снова идет ратью на «Суждаль», сражение на Ждане горе также состоялось с «суждальцами». В Ипатьевской летописи есть информация только о втором походе и также говорится о «суждальцах», но далее, согласно этой летописи, Юрий, возвращаясь с Юга, едет не в Суздаль, а в Ростов. В Лаврентьевской же летописи в обоих случаях речь идет о Ростове и ростовцах. Судя по маршруту следования новгородских полков, целью их движения действительно был Суздаль. Второй поход, закончившийся сражением на Ждане горе, также

был в этом направлении. Таким образом, можно полагать, что новгородцы двигались к Суздалю как главному городу княжества.

В последующих статьях новгородской летописи продолжает выдерживаться суздальский мотив. Ипатьевская летопись зачастую говорит о Ростове. Целый ряд такого рода контекстов приведен А.В. Лаушкиным (Лаушкин 2005). Проблема заключается, в первую очередь, в том, что «Суждалем» часто называют не сам город, а в целом Суздальскую землю.

Более определенную картину дают сообщения о строительстве церквей и местах захоронения членов княжеского дома. Таких известий немного, но Ростов в них не фигурирует вовсе. По всей вероятности, именно о городе Суздале, а не о земле, идет речь, когда говорится, что здесь в 1154 г. умерла жена Глеба Юрьевича. Из Суздаля едет в Смоленск жена Юрия с детьми в 1155 г. Проживание жен Глеба и Юрия в Суздале в начале 1150-х годов говорит в пользу того, что этот город и был местом княжеских резиденций.

Важно и то, где при Юрии шло храмо- и градостроительство. В частности, как бы ни трактовать упоминание освящения Нифонтом церкви Богородицы в Суздале в 1148 г., понятно, что принимал князь архиепископа именно в Суздале, здесь проходили их переговоры и владычная церковная служба.

Отмечается и связь Суздаля с прославленным Киево-Печерским монастырем: в Киево-Печерском патерике говорится о построении церкви в Суздале Юрием в подражание поступку отца – «в ту же мѣру», что и Печерская. Даже если сюжет носит легендарный характер, важно, что в общественной памяти это событие увязывалось с Суздалем.

Таким образом, упоминание в ряде летописных сообщений в период княжения Юрия Долгорукого в качестве главного города княжества Ростова, а не Суздаля, нужно расценить как «запаздывание» в общественном сознании определения стольного центра (так позднее будет и с Суздалем).

Обширная Ростово-Суздальская земля практически не членилась на уделы сыновей Юрия, что подтверждает его сын Ростислав, перебежавший к киевскому князю именно из-за того, что отец ему «волости не да в Соуждалискои земли» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366).

Колебания летописцев в указании главного города Суздальщины были связаны, видимо, и с тем, что стремившийся к киевскому столу Юрий не заботился о формировании идеологии нового центра в своей земле. По крайней мере, мы не имеем текстов или каких-либо иных признаков целенаправленных действий в этом направлении. Нет следов попыток Юрия поставить епископа в Суздаль, а ростовский ростовский Нестор упоминается только в 1148 г. (в тексте на антиминсе, толкование которого само по себе представляет проблему), а в списке ростовских епископов под 1231 г. имя Нестора идет вслед за Исаией, что означает, по справедливому замечанию А.В. Назаренко (2009. С. 176–177), вероятную вакантность кафедры с конца XI до 40-х годов XII в.

Летописные тексты дают понять, что Ростовский и Суздальский столы не были разъединены и отданы кому-то из сыновей или братьев Долгорукого (в 1149 г., сев в Киеве, Юрий передал Суздаль Василько, но княжение Юрия в Киеве и, соответственно, Василька в Суздале продолжались очень недолго). Старший же сын Юрия Андрей явно не утрачивал своего владимирского удела и при получении владений в Южной Руси. Об этом говорит тот факт, что он дважды вопреки воле отца уезжал в свой Владимир (в 1151 и 1155 гг.). В сообщении 1157 г. говорится о решении ростовцев, суздальцев, владимирцев (и переяславцев) посадить владимирского князя Андрея на «wтьни столе Ростовѣ и Суждали и Володимири» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490–491). Ранее Ростов и Суздаль целовали крест младшим Юрьевичам – Михалку и Всеволоду.

Андрей Боголюбский, как и в свое время отец, резиденцией оставляет город, в котором жил и княжил до этого, в данном случае – Владимир. При этом Андрей, судя по летописным текстам и ряду нарртивов, последовательно формирует новый центр, расширяет город, ведет обширное церковное строительство, хоронит здесь своих сыновей, наконец, создает идеологическую основу будущей столицы, с харизматическими идеологемами и амбициозным проектом создания митрополии.

Безусловно, в русле сохранения единства земли и центральной власти действует князь Андрей, когда изгоняет братьев, племянников и бояр, «хотя самовластець быти всѣи Суждаль-

ской земли» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520). Те же, за исключением Глеба Юрьевича, в ближайшее время после смерти Юрия Долгорукого начали терять свою владения на Юге и вернулись на Суздальщину, надеясь на получение уделов. Младшие Михалко и Всеволод, скорее всего, никуда не отлучались, но их присутствие было крайне нежелательно для Андрея – по другой, вполне понятной причине.

Суздальская земля сохраняется как единая держава Андрея Юрьевича. При нем остался Ярополк, действовавший с ним заодно, Святослав, который не имел своего удела, т.к. с детства был болен, а также Борис, которому Андрей выделил Кидекшу.

После гибели Андрея Боголюбского элита старших и новых центров, съехавшись во Владимире, договорилась пригласить Ростиславичей, а те, как подчеркивает летопись, «раздѣливше» княжество: Мстислав Ростиславич сел в Ростове, Ярополк – во Владимире. Длилось их княжение немногим более полгода, но выгнавшие их дяди – младшие Юрьевичи – опять разделили владения, хотя и не так радикально: Михалко сел во Владимире, а Всеволод – в Переяславле. Смута приводит к противостоянию центров: владимирцы заявляют, что не хотят покоряться ростовцам, которые угрожали им пожечь Владимир, посадить там не князя, а посадника, аттестовали Владимир пригородом, а владимирцев – своими каменщиками. Действительно ли ростовцы стремились вернуть Ростову старейшинство, каким он обладал в начале XII в.? Как покажут события начала XIII в., такая идея продолжала существовать. Но отнять у Владимира его статус в то время едва ли было возможно. Город с мощными укреплениями был стольным в течение почти двух десятилетий и именно таким сформировался как хозяйственно-административный, архитектурный и идеологический феномен – с чудотворной иконой-палладиумом. Летопись объясняет нападки на столицу «завистью» к городу, который основали «великии Володимеръ, а потомъ кнѧзь Андрѣи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378). Вместе с тем ситуация, даже в изложении «провладимирски» настроенного летописца, выглядит неоднозначно: дважды в этих статьях Владимиро-Суздальская земля называется Ростовской волостью и Ростовской землей, а торжественно въезжающего во Владимир Михалка титулуют как «великого кнѧзѧ всеѣ Рос-

товьскыѣ земли» (Там же. Стб. 377), хотя нельзя исключать и возможности последующей редактуры этих летописных текстов.

История противостояния городов после смерти Андрея Боголюбского показывает, что в них формируется региональное самосознание, а князья могут опираться в своих начинаниях не только на поддержку бояр и слуг, но и апеллировать к населению. Думается, эти процессы были вызваны нестабильностью первенства центров, которая была заложена при Юрии, а затем развита при Андрее.

Младшие Юрьевичи вновь объединили Суздальскую землю. Случится момент, когда Всеволод будет готов на ее разделение: предложит Мстиславу Ростиславичу Ростов, а Суздаль – «буди нама ѡбче, да кого всхотѧть, то имъ буди кнѧзь» (Там же. Стб. 381–382). Но провидение распорядится иначе, вся власть вскоре окажется в его руках.

Всеволод уделяет внимание всем главным городам: в летописи фиксируется целая серия его поездок в начале 1190-х годов – в Ростов, Суздаль, Владимир. Во Владимире, Суздале, Переяславле-Залесском строятся новые и усиливаются прежние оборонительные сооружения, ведется церковное строительство.

Хотя на непродолжительное время в середине 1170-х годов княжескими центрами становились Ростов и Переяславль-Залесский, настоящее разделение Суздальской земли началось в 1207 г., когда Всеволод выделил старшему сыну Константину Ростов с пятью городами. Константин впоследствии не захотел занять после отца владимирский стол, а, оставаясь в Ростове, «хотя взяти Володимерь к Ростову». Такая попытка смены политического центра оказывается неприемлемой для Всеволода: он дважды посылает к Константину, а затем передает Владимир другому сыну – Юрию, созвав для этого собор: бояр «с городов и съ волостеи», епископа и церковную элиту, «купцы и дворяны и вси люди» (ПСРЛ. Т. 25. С. 108). Но при этом в некрологе о почившем князе Всеволоде говорится как о княжившем в «Суждальстѣи земли»; «Всеволодом Суздальским» именуется он в Ипатьевской летописи. И уже после разделения на различные княжества эта обширная территория будет называться «Суздальской землей», что символизировало единое обширное суверенное государство.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00010.

Литература

Кучкин В.А. Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 7. С. 35–57.

Лаушкин А.В. Политико-географические реалии Северо-Восточной Руси в новгородском летописании второй трети XII – первой трети XIV в. (тезисы доклада) // ИКР, 2004. Ростов, 2005. С. 149–153.

Назаренко А.В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X – XII век) // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 172–206. (ДГ, 2007 год).

И.А. Копылов

ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ В ЕПАРХИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КОРОЛЕВСТВА СВЕВОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Как известно, наряду с вестготами на Пиренейском полуострове собственное государство основали свевы. Их история очень мало обеспечена письменными источниками; при этом основной проблемой является хронологический зазор между 469 г. (на котором заканчивается хроника Идация) и 561 г., которым датирован 1-й Бракарский собор. Этот зазор не восполняется практически никакими данными, однако именно на этот «темный» период приходится очень важный этап в христианизации свевов – принятие ими христианства никейского образца и изживание арианства. 1-й Бракарский собор – это локальный, поместный собор, на котором собрались епископы Галеции. Инициатива проведения собора исходила от короля Ариамира, который, как большинство романо-варварских королей, стремился выступать в качестве арбитра в церковных делах, а возглавлял заседания собора митрополит Галиции и епископ Бракары Лукреций. Собор был созван по инициативе короля, что отражало обычную для Варварского Запада практику, причем как для королей-ариан (наиболее характерные примеры – вандальский король Хунерих и бургундский король Сигизмунд),

так и для монархов, исповедовавших никейскую веру (например, франкский король Хильдеберт, созвавший Орлеанский собор в 549 г., а также вестготские короли-католики после Рекареда, которые постоянно были инициаторами проведения поместных соборов на регулярной основе). При этом если королиариане позиционировали себя как арбитры в делах веры, стремившиеся урегулировать церковные конфликты и ориентировавшиеся в своей церковной политике на римских императоров-ариан (в первую очередь на Констанция), то короли-католики уже ориентировались на модель, сложившуюся в Римской империи после Феодосия и нашедшую окончательное воплощение в «симфонии» Юстиниана, которая предполагала определенную сакрализацию монаршей особы.

Материал 1-го Бракарского собора также доносит до нас чрезвычайно ценные данные об организации епархиального управления в свевской Галеции и Лузитании и определении четких канонических границ между ними. Если для Африки, Италии, большей части Испании и отчасти Галлии, с их развитыми городами, была характерна традиционная схема, по которой границы епархий накладывались на территории провинций, то в данном случае границы были довольно размытыми в силу большей аморфности провинциальной организации в сравнении с другими регионами Испании. В частности, границы Бракарской епархии в общем и целом замыкались на территории провинции Галеции, но, тем не менее, один из епископов этой епархии был из Коимбры, находившейся уже в Лузитании. Однако уже материалы 2-го Бракарского собора 572 г. показывают бóльшую упорядоченность и усложненность епархиальной организации в сравнении с предшествующим периодом.

Этот 2-й Бракарский собор был созван по инициативе короля Миро и объединил епископов провинции Галеция, группировавшихся вокруг крупных церковных объединений – «синода» Бракары и «синода» Луго. Епископы – делегаты собора, оставившие свои подписи под его актами, – по сути принадлежали к двум церковным округам, возглавлявшимся двумя митрополитами. Это святой Мартин Бракарский (он же Мартин Думийский), которому приписывается основная заслуга в христианизации населения Королевства свевов, и Нитигис из Луго. Пер-

вые шесть епископов, оставивших свои подписи, относились к церковной провинции Бракары (Браги), объединявшей епископства Визео, Коимбры, Иданьи, Ламего и Порту. Остальные относились к митрополии Луго (епископства Ирии, Оренсе, Асторги, Туя и Британии: Vives 1963. P. 85).

Большинство из этих двенадцати епископских кафедр соответствуют городам римской провинции Галеция. Однако города Визео, Коимбра, Иданья и Ламего относились к провинции Лузитания, и их включение в церковную провинцию Галеция и подчинение митрополичьему округу Бракары можно объяснить идеологической экспансией Королевства свевов на юг. Существование настолько обширной территории было одним из факторов, который впоследствии спровоцировал раскол сообщества свевских епископов на два фактически независимых синода, или (что в принципе то же самое) на два различных церковных округа или провинции с последующим превращением епархии Луго в митрополию.

Относительно церковной организации в королевстве свевов мы располагаем достаточно уникальным источником, носящим название *Divisio Theodemiri*. Среди исследователей нет четкого мнения о степени репрезентативности этого источника ввиду содержащихся в нем позднейших интерполяций. Документ содержит преамбулу, которая, в свою очередь, состоит из письма короля Теодемира к собору в Луго, состоявшемуся в 569 г. В письме говорится о назревшей необходимости реорганизовать систему церковных округов и провинций в королевстве, и в ответ на это собор отреагировал следующими решениями: возвести кафедру Луго в достоинство митрополии, создать ряд новых кафедр и выделить территории для учреждения новых епархий. В своем письме Теодемир обращает внимание епископов Галеции на то, что размеры епархии слишком велики, а количество находящихся в ней епископств, наоборот, слишком незначительно, что затрудняет регулярные поездки епископов на ежегодный Освященный собор и пастырские визиты митрополита в отдаленные приходы. Когда содержание письма было оглашено, епископы единогласно решили возвести епархию в Луго в ранг митрополии, приравняв ее по достоинству к митрополии Бракары, а также провести четкие юрисдикционные границы между

епархиями во избежание соперничества между епископами (David 1947. P. 30; Barbero de Aguilera 1992. P. 184).

Возведение епархии Луго в достоинство митрополии объяснить нетрудно: Луго, известный в античности под именем *Lucus Augusti*, был по сути самым важным городом Галеции, что и предопределило преобладающее положение его епископской кафедры. Однако весьма любопытным представляется засвидетельствованный факт образования новых епископств за счет усилившейся урбанизации территории Королевства свевов. В частности, кафедра Сегобриги (Сеговии) по существу возникла за счет территории епископства Паллантии (Паленсии), когда первоначально у правящего епископа появлялись соепископствующие с очень неясными полномочиями и с довольно размытой территорией, а затем, в экстраординарном порядке, им передавалась кафедра, сформированная из небольшого города с сельской округой. Как можно предположить, ко времени 2-го Бракарского собора относится окончательное упорядочение церковно-епархиальной структуры, отличавшейся, судя по всему, большой аморфностью в период, когда свевы исповедовали арианство. Как известно (см.: Mathisen 1997; Копылов 2009), для германцев-ариан была характерна довольно смутная и слабо оформленная в каноническом отношении епархиальная организация, когда епархия была привязана не к конкретному городу, но либо к обширной территории (*regio*), либо к этнической группе или конгломерату групп (*gentes*, *nationes*). В последнем случае епископы и клир мигрировали вместе с народами, которые они окормляли, а это значит, что и местоположение кафедры зависело от миграционных процессов. Расселение германских народов на территории будущих романо-варварских королевств способствовало большей «институционализации» их церквей, что уже проявилось на «арианском» этапе их истории. Принятие христианства в его никейском, «католическом» варианте форсировало этот процесс, оформляло его в канонические рамки и, в конечном итоге, завершало его. Как мы видим, этого процесса не избежали и свевы.

В то же время следует отметить, что завершение этого процесса пришлось на последние десятилетия существования свевского королевства. Длительный процесс реорганизации церков-

ных структур привел к тому, что территория королевства была разделена на 13 епископств, сгруппированных в два митрополичьих округа, центр одного из которых располагался Бракаре (она была центром митрополичьего округа уже долгое время), а другого – в Луго, ставшего центром митрополии недавно. Одновременно были упорядочены границы епископств, территория внутри которых (состоявшая, как правило, из сельских приходов) находилась на попечении конкретного епископа. Главным инициатором этих преобразований был Мартин Бракарский, однако он действовал в тесном союзе со свевскими монархами, инициативу и заинтересованность которых также не стоит недооценивать.

Исчезновение свевского королевства внесло свои коррективы в церковно-административную структуру Галеции и Лузитании. Луго, ставший центром одноименной митрополии при свевах, впоследствии утратил свое значение, в то время как Бракара, бывшая центром митрополии гораздо дольше, оставалась в том же самом статусе и при вестготах, поскольку положение Бракары как крупного центра церковной жизни было связано с достаточно древними традициями, которые были хорошо известны и не пресекались. Так, на 3-м Толедском соборе среди епископов, оставивших свои подписи, фигурирует Пандард, епископ Бракары и митрополит Галеции (Vives 1963. P. 136), в то время как митрополия Луго была «разжалована» до уровня ординарной епископии, а епископ Луго более не фигурировал как митрополит. Подобный случай достаточно необычен и может свидетельствовать в пользу того, что кафедра Луго, хотя и утратила статус митрополии, но, тем не менее, продолжала занимать довольно почетное место в церковной географии Пиренеев.

Литература

Копылов И.А. Этнический облик арианской церкви в Вандальской Африке // АМА. 2009. Вып. 13. С. 301–320.

Barbero de Aguilera A. La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid, 1992.

David P. Études historiques sur la Galice et le Portugal du VIe au XIe siècles. Lisbonne, 1947.

Mathisen R.W. Barbarian Bishops and the Churches "in barbaricis gentibus" during the Late Antiquity // Speculum. 1997. Vol. 72, № 3. P. 664–697.

Vives J. Concilios Visigóticos e Hispano-Romanos / Edición preparada por J. Vives con la colaboración de T.M. Martínez y Gonzalo Martínez Díez. Barcelona, 1963.

А.В. Короленков

ТЕРРИТОРИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА У САЛЛЮСТИЯ

В сочинениях Саллюстия не раз говорится о возникновении государств (Cat. 2.2; 6. 1–2; Iug. 17–19), однако о территории как таковой идет речь достаточно мало. Тем не менее ее роль в политогенезе в построениях Саллюстия несомненна, хотя и мало исследована. Рассмотрим соответствующие случаи.

> «И вот вначале (prius) одни цари... развивали природный ум (ingenium), другие – тело (corpus). Тогда люди еще жили не зная честолюбия, каждый был доволен своей судьбой. Но когда в Азии Кир, в Греции лакедемоняне и афиняне начали захватывать города и покорять народы (coepere urbis atque nationes subigere), когда поводом к войне стала жажда господства, когда величайшую славу усматривали в величайшей власти, только тогда люди на основании собственного опыта и деятельности поняли, что на войне важнее всего умственные способности (ingenium)...»,

а не телесная сила – оппозиция, весьма занимавшая Саллюстия (Cat. 2. 1–2; пер. В.О. Горенштейна с изменениями). Перед нами два этапа: 1) когда властители еще не знали, чему отдать предпочтение, и 2) когда они оценили преимущества *ingenium* по сравнению с *corpus* (Heldmann 1993. S. 29), и именно начало завоеваний, т.е. расширение территории, играет ведущую роль в осознании преимущества интеллекта над физической силой, пускай сам Саллюстий об этом и не говорит и пишет лишь об *urbis atque nationes* (первые – отсылка к афинянам и спартанцам, вторые – к Киру: Ramsey 2007. P. 59).

Несколько иная ситуация в рассказе о возникновении римского государства. Первые обитатели Рима жили в пределах городских стен («in una moenia convenere»), благодаря чему и стали *civitas* (Cat. 6. 1–2). Дальнейшему же процветанию, наряду с

увеличением числа граждан и улучшением нравов, способствует, как на сей раз уже прямо указывает Саллюстий, и расширение территории («res eorum civibus moribus *agris aucta* satis prospera satisque pollens videbatur»: 6. 3; при этом каждый из этих факторов может быть связан с конкретным царем: *civibus* – с Ромулом, *moribus* – Нумой Помпилием, *agris* – с Туллом Гостилием: Ramsey 2007. P. 75). И когда соседи стали завидовать благополучию римлян («invidia ex opulentia orta est»), они начали совершать нападения на них (Cat. 6. 3–4). В этих войнах закалялась жаждавшая славы римская молодежь (7. 4–6), что, в свою очередь, вело *res publica* к новым победам и *eo ipso* к ее укреплению.

Однако упоминается расширение территории и в связи с новым этапом развития римской общины, а именно в связи с ее кризисом:

> «Когда государство благодаря усердию и справедливости увеличилось (res publica crevit), когда могущественные цари были побеждены в войнах, дикие племена и многочисленные народы покорены силой, Карфаген, соперник Римской державы, разрушен до основания и все моря и страны оказались доступны победителям, то Фортуна начала свирепствовать и всё ниспровергать» (10. 1; пер. В.О. Горенштейна).

Обычно обращают внимание на разрушение Карфагена как на поворотный пункт в истории Рима в понимании Саллюстия (Heldmann 1993. S. 75, 94; Ramsey 2007. P. 84). Спорить здесь, в общем, не приходится, ибо это единственное конкретное событие в упомянутом ряду, и всё же нельзя не заметить, что начинает Саллюстий перечисление именно с *расширения* «res publica». Однако он не приходит к тому выводу, который очевиден для историков нового и новейшего времени: «Городская община Рима сама взорвала себя своим неестественным расширением» (Моммзен 1994. С. 276). Для Саллюстия это лишь обстоятельство, вначале способствующее процветанию государства, а здесь оказывающееся в ряду успехов, которые, однако, несмотря на все обеспечиваемые ими преимущества, не в состоянии предотвратить надвигающийся кризис. Сравним формулировку этого тезиса в прологе к «Historiae»:

«Римское государство достигло наибольшего могущества (res Romana plurimum imperio valuit) в консульство Сервия Сульпиция и Марка Марцелла, когда была покорена вся Галлия, лежащая по сю сторону Рейна и между нашим морем и океаном, за исключением мест, недоступных из-за болот. Однако наилучшие нравы и наибольшее согласие (optimis autem moribus et maxima concordia) среди римского народа были за время между второй и последней войной с Карфагеном» (Hist. I. 11; пер. В.С. Соколова).

Здесь хронология несколько смещается: с одной стороны, начало падения римских нравов датируется, как и в Cat. 10. 1, падением Карфагена, но с другой – сравнение предлагается с состоянием на 51 г. до н.э., после покорения Цезарем Галлии (Syme 1964. P. 192). При этом указываются конкретные границы *res Romana*, но ее расширение не ведет к улучшению нравов и согласию между гражданами, а именно это, по мысли писателя, и является опорой истинного, а не внешнего могущества государства.

Весьма интересен территориальный фактор применительно к Нумидии. Саллюстий пишет, что в Северную Африку в незапамятные времена прибыли персы, мидийцы и армяне. Персы же начали завоевывать ближайшие к Карфагену земли, т.е. Нумидию, и овладели в итоге большей частью внутренних районов Африки («Africae pars inferior pleraque»), тогда как другие африканские земли захватили мавры, чей народ возник в результате слияния ливийцев с пришлыми армянами и мидийцами. При этом персы, впоследствии обретшие имя нумидийцев, превзошли мавров доблестью (Iug. 18. 4–12). Весьма вероятно, что превосходство это обусловлено в глазах Саллюстия помимо прочего тем, что их территория удалена от моря, благодаря чему они оказываются, в силу географического положения завоеванных ими территорий, избавлены от морской торговли с ее вредными для нравов последствиями, о каковых предупреждал еще Платон (Legg. 704a–705b; Morstein-Marx 2001. P. 182–184).

Эта идея отражается и в рассказе о разделе Нумидийского царства сенатской комиссией, якобы подкупленной Югуртой, между ним и Адгербалом: Югурте достается соседняя с Мавретанией (т.е. западная) часть Нумидии, охарактеризованная как «agro virisque opulentior». Адгербалу же отходит территория, лучшая лишь на первый взгляд, богатая гаванями и строениями –

«specie quam usu potiorem, quae portuosior et aedificiis magis» (Iug. 16. 5).

Вновь возникает тема морской торговли – Адгербалу достались гавани. Неудивительно, что Саллюстий называет земли, отошедшие Адгербалу, лучшими лишь «по видимости» – то, что можно счесть преимуществом, на деле, по мысли автора, является недостатком, поскольку жители внутренних районов более выносливы (Iug. 89. 7–8). И именно такие люди оказались под властью Югурты – надо думать, это и подразумевал Саллюстий, характеризуя владения последнего как «viris opulentior», и легкая победа Югурты над Адгербалом подтверждает подобный ход мысли. С одной стороны, могущество обеспечивается не материальными ресурсами, а качествами людей (Morstein-Marx 2001. P. 183–185), но, с другой, сами эти качества обусловливаются характером территории, на которой они живут.

И, наконец, один из самых любопытных экскурсов у Салюстия – легенда о братьях Филенах в 79-й главе «Югуртинской войны». Долгие годы между Карфагеном и Киреной шла война, которую было решено прекратить, отправив послов и установив линию границы там, где они встретятся. Однако пунийские представители братья Филены прошли гораздо дальше, чем ожидали киренские делегаты. Последние обвинили карфагенян, будто те вышли в путь раньше установленного срока, и соглашались признать границей место, где они встретились с Филенами, если последние согласятся дать зарыть себя в землю живыми. Пунийцы приняли эти условия и ценой собственной жизни обеспечили интересы государства. На месте их гибели были сооружены алтари, обозначившие киренско-карфагенскую границу и увековечившие память о самоотверженных Филенах.

Здесь, как видим, территория играет важнейшую роль в изложении: именно для того, чтобы оставить за своим отечеством как можно больше земли, отдают жизни герои; именно обладание ею – в центре сюжета. При этом, однако, сказано (Iug. 79. 3), что это не плодородный край, а «песчаная равнина» (*ager harenosus*), что явно контрастирует с предыдущей фразой о процветании и богатстве Кирены (79. 2: «Cyrenenses quoque magni atque opulenti fuere», ср. 75.1: «oppidum magnum atque opulentum»; Koestermann 1978. S. 278). Иными словами, речь идет не о материальных выгодах, а о престиже (хотя прямо об этом не говорится), что возвышает подвиг Филенов и самому конфликту

придает почти эпический характер. Это яркий пример противостояния характеров, демонстрирующий силу духа победителей, а именно высокий дух являлся основой благоденствия государства в глазах Саллюстия (и не его одного) – «dux atque imperator vitae mortalium animus est» (Iug. 1.3).

Подведем итоги. О территории как таковой Саллюстий пишет нечасто, хотя важность территориального фактора для него очевидна, что мы можем наблюдать на примерах «этногенеза» нумидийцев и раздела Нумидии между Адгербалом и Югуртой. Подразумевается положительная роль борьбы за новые земли в давние времена, поскольку она способствовала осознанию превосходства *ingenium* над *corpus*. А вот Риму территориальный рост в конечном счете не приносит счастья, поскольку он не в силах предотвратить раздор между гражданами. Это и не мудрено, ибо приобретение новых земель не способствует развитию у римлян положительных нравственных качеств. Территория оказывается в положении *corpus*, который бессилен против *ingenium* и *animus*.

Литература

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2.

Heldmann K. Sallust über die römische Weltherrschaft. Eine Geschichtsmodell in *Catilina* und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart, 1993.

Koestermann E. Kommentar // *Sallustius Crispus*. Bellum Iugurthinum. Heidelberg, 1971. S. 23–389.

Morstein-Marx R. The Myth of Numidian Origins in Sallust's African Excursus (*Iugurtha* 17.7–18.12) // American Journal of Philology. 2001. Vol. 122. P. 179–200.

Ramsey J.T. Sallust's *Bellum Catilinae.* Oxford, 2007.

Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles; L., 1964.

Н.Ф. Котляр

ОБРАЗОВАНИЕ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО КНЯЖЕСТВА (РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА)

Раньше всего на Руси территориальные объединения-земли начали складываться в Поднепровье (Киевская и Черниговская

земли). Наука связывает это с консолидирующей ролью городов, и прежде всего Киева. Да и Чернигов в качестве протогорода возник уже в IX в. Территории же Галицкой и Волынской земель формируется позднее. Само Галицко-Волынское княжество возникает в XIII в., когда земли первых волостей, еще корнями уходящих в родоплеменное общество и его земельное деление, преобразуются в государственно-территориальные объединения, Волынскую и Галицкую земли, которые, в свою очередь, послужат государственно-земельной основой складывания этого позднего княжества.

Обе эти земли принадлежат к числу поздних (по сравнению с землями Среднего Поднепровья) социально-территориальных структур. Они образовались в течение двух, а то и трех столетий, что было обусловлено объективными историческими причинами. Во времена существования централизованной монархии на Руси (конец X – первая четверть XII в.) и Волынская и, особенно, Галицкая земли пребывали на периферии политической и экономической жизни страны, будучи под властью киевских государей. Положение стало изменяться, когда с 1140-х годов вследствие наступления удельной раздробленности власть Киева на периферии Руси ослабела, а на местах возвысились бояре и севшие там Рюриковичи. Они стремились сами распоряжаться в своих землях. Особенно ярко это обнаружилось в Галицкой земле.

Но и Волынская, и Галицкая областные территории возникли вовсе не сразу. Их формирование началось в XI в. и продолжилось в следующем, XII-м. Придерживаюсь мнения о стадиальности их складывания. Им предшествовали другие территориально-социальные образования X–XI вв. Так, Волынская земля, превратившаяся в княжество к 1140-м годам, выросла на социально-территориальной основе Червенской и Белзской земель, рождение которых из племенных союзов и княжений дулебов, бужан и волынян состоялось в течение X в.

В фундаменте земли Галицкой лежало в основном восточнославянское объединение белых хорватов, главным центром которых был древний Перемышль. ПВЛ отметила его существование под 981 г., когда сообщила, что Владимир Святославич захватил западнорусские города: Перемышль, Червен и др. Хорватское объединение племен существовало по меньшей мере до

конца X в., когда распалось вследствие удара, нанесенного ему войском Владимира.

Большинство протогородов Западной Руси захирели, так и не превратившись в подлинные древнерусские города. Эта участь постигла и Червен, и Волынь, а Белз, Всеволож и Буск к XII в. стали скромными городскими образованиями, время от времени бывавшими стольными городами маленьких удельных княжеств. Лишь Перемышль сохранил значение и роль в дальнейшей истории западнорусского региона. Город стимулировал создание Галицкой земли и Галицкого княжества. Волынская же земля имела в территориальной и социальной основе город Владимир, отмечаемый летописью с конца X в. Эта историческая область начала складываться с середины XI в. путем объединения Червенской и Белзской земель, к которым затем была присоединена Берестейская волость и осваиваемые на востоке территории с городами Дорогобуж и Острог. Так возникло Волынское княжество.

В процессе формирования Галицкого княжества, начавшемся в первой половине XII в., к Перемышльскому княжеству были присоединены княжество Теребовльское и осваиваемые земли на западе и юге. В центральной части этого нового княжества возникли и быстро развивались города: Звенигород (1080-е годы) и Галич (возникший, вероятно, на рубеже XI–XII вв.). Первоначальный центр Галицкой земли Перемышль остался городом-крепостью на юго-западе княжества, столица же была перенесена в новый и стремительно развивавшийся в течение XII в. Галич.

Иное дело Перемышль. Он принадлежит к древнейшим городам западнорусского региона, возникает во второй половине X в. и вскоре в нем строятся детинец и каменные церкви, что определяет его как городской центр. Вокруг него сформировалась волость, земля, ставшая социально-территориальной основой сложившегося к 1140-м годам Галицкого княжества. Следует упомянуть также Теребовльское княжество Василька Ростиславича, расположенное вблизи рубежа с Киевской землей, впрочем, сложившееся позже, к 1080-м годам. Как видим, Галицкое княжество, появившееся на политической карте Запад-

ной Руси в 1141 г., опиралось на прочную основу предшествовавших территориальных образований.

Главным территориально и социально образующим Волынское княжество градом был Владимир, впервые упомянутый в ПВЛ под 988 г. в рассказе об административной реформе Владимира Святославича («посадиша... Всеволода Володимери»). В 1054 г. Владимир, вероятно, был заметным городом, центром волости, княжества, уж если назван летописью среди основных городов Руси.

Обе эти земли, Галицкая и Волынская, складывались долго и сложно, в течение едва ли не трех столетий, и оформились в качестве государственных объединений в течение XII в. Это было обусловлено действием объективных и весомых общественно-экономических и политических процессов. Во времена существования относительно централизованной монархии на Руси (конец X – первая четверть XII в.) обе земли пребывали вдалеке от центра древнерусской социальной жизни в Поднепровье. Волынь долгое время была доменом киевских князей из рода Мономашичей, превратившись в княжество в середине XII в. Галицкое же княжество вплоть до 1140-х годов находилось в процессе складывания на территориальной основе предшествовавших ему политико-социальных образований (Перемышль, Теребовль, Звенигород). На древнерусскую политическую сцену оба княжества вышли во времена раздробленности.

Галицкое княжество. Статьи ПВЛ 1080-х – 1090-х годов знают три государственных объединения в области складывания Галицкого княжества. В них княжили Ростиславичи, сыновья внука Ярослава Владимировича Ростислава Рюрик, Володарь и Василько. После смерти старшего брата Рюрика в 1092 г. на главном перемышльском столе сел следующий по возрасту Ростиславич Володарь (Владимир), а на теребовльском – младший Василько. С необходимой в таких случаях осторожностью можно предположить, что перед смертью (1124 г.) Володарь завещал Перемышльское княжество старшему сыну Ростиславу, но также выделил особый стол младшему Володимирку (Владимиру); так в составе Перемышльского возникло удельное Звенигородское княжество. Вероятно, в один год с Володарем скончался его младший брат Василько, и в Теребовльской волости вокня-

жились его сыновья Григорий и Иван. Григорий был старшим, ибо сел в самом Теребовле, а младшему Ивану достался новый стол – в совсем недавно возникшем Галиче.

Ростислав княжил в Перемышле до начала 1140-х годов. Между 1126 и 1140 гг. умер Григорий Василькович, а через год – Иван Василькович. В 1141 г. Володимирко Володаревич сел в обеих волостях, обосновавшись в Галиче. Он остался в живых единственным среди внуков Ростислава Владимировича. Так естественным путем сложилось Галицкое княжество. Володимирку (1141–1152 гг.) удалось сплотить Галицкое княжество, избавиться от удела в его составе, принадлежавшего племяннику Ивану Ростиславичу. Но ему пришлось постоянно подавлять сопротивление бояр, дважды восставших против него, и передать стол единственному сыну Ярославу (1152–1187), которого вскоре подмяли бояре. Внук Володимирка, также Владимир, в 1188 г. вошел в открытый конфликт с боярами и потерял стол в пользу Венгрии. Фридрих Барбаросса, получив от него мзду в виде выплаты 2 тыс. гривен серебра ежегодно, велел польскому князю восстановить Владимира на галицком столе (1189 г.), где он благополучно досидел до смерти, признав себя вассалом Всеволода Большое Гнездо. Умер Владимир в 1199 г., не оставив наследника. Выморочный стол захватил сосед, Роман Мстиславич Волынский, который и объединил Галичину с Волынью. Вместе с Галицким княжеством он получил мощную боярскую оппозицию.

Волынское княжество. Менее драматично протекала политическая история Волынского княжества Мономашичей в XII в. Его центр, город Владимир, упомянутый в ПВЛ под 988 г., долгое время оставался небольшим, вероятно, крепостью в недавно присоединенных Владимиром Святославичем западных землях.

По Ряду Ярослава 1054 г. Владимир достался Игорю, четвертому из остававшихся к тому времени среди живых Ярославичей. Затем триумвиры перевели его в Смоленск, а Волынскую землю старший из них Изяслав присоединил к своим владениям. Так она стала доменом киевских князей. Своим наследственным владением Волынь считали и преемники Изяслава. Владимир Мономах, его сыновья и внуки видели в Волынской земле свою отчину. В 1154 г. Волынь разделилась на Владимирское и Луц-

кое княжества. В 1170–1199 гг. во Владимирском сидел Роман Мстиславич из смоленских Ростиславичей. Он сумел объединить землю, поставив в зависимость от своего стола Луцкое княжество. Роману удалось выработать свою модель государственного устройства, поставив под свою власть боярство и опираясь на состоятельное городское население (бюргерство). После этого он решился объединить свою Волынь с Галичиной. Это произошло в 1199 г.

Галицко-Волынское княжество (1199–1264) оказалось непрочным государственным организмом. Оно держалось на силе и авторитете своего создателя. Слишком мало времени существовало оно, дабы могли сложиться и установиться системы администрации, судопроизводства и взимания даней и повинностей, а реальная власть князя – распространиться на обширной территории нового княжества. После смерти Романа (1205 г.) созданное им княжество раздробилось.

Последующие сорок лет пройдут в скитаниях его малолетних поначалу сыновей Даниила и Василька по чужим мирам. Достигнув совершеннолетия, в 1219 г. Даниил начинает восстановление волынской отчины Романа, а к 1245 г. добивается реставрации Галицко-Волынского княжества. После смерти Даниила в 1264 г. Галицко-Волынское княжество сразу же распадается на уделы, во главе которых встали его брат Василько и сыновья Лев, Шварн, Роман и Мстислав. Таким оказался грустный финал существования этого государственного объединения.

Д.М. Котышев

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» В X–XII вв.: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

В истории становления «Русской земли» как раннегосударственного образования в Среднем Поднепровье можно выделить несколько хронологических отрезков, связанных с эволюцией территориальной структуры; эта эволюция может быть описана в рамках классической модели «центр–периферия».

Начальный этап становления «Русской земли» – это процесс превращения *сложного вождества* в *раннее государство* (о критериях см.: Котышев 2012. С. 143–147). В IX–X вв. в Среднем Поднепровье происходит трансформация *родоплеменных* структур в *территориальные*. Ключевой двигатель этой трансформации – *дружинная организация*, которая выполняет для территорий и поселений «Русской земли» консолидирующую функцию.

В рамках системы *полюдья* в середине X в. (Константин 1991. С. 51) формируется сеть дружинных поселений. Эти поселения в современной исторической литературе определяются поразному – «открытые торгово-ремесленные поселения» (Лебедев 1985. С. 107), «погосты» (Моця 2003), «дружинные лагеря» (Шинаков 2004. С. 307–311), «многофункциональные военизированные поселения» (Макушников 2009. С. 78–95). Я считаю наиболее подходящим определение, данное этому типу поселений А.Н. Бондарем: «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства» (2012. С. 305). При помощи этих опорных пунктов киевские князья контролировали подвластную им территорию и осуществляли сбор дани.

К подобным поселениям на Днепровском правобережье относятся, в первую очередь, киевское городище на Замковой горе (Богусевич 1952) и городище Китаево под Киевом (Мовчан 1993. С. 159–160); левобережье представлено памятниками Табаевки (Моця 1990а. С. 124–25), Шестовицы (Бліфельд 1977. С. 92–99), Клонова (Моця 1990б. С. 103–104), Седнева (Самоквасов 1908. С. 201), Пересажа (Ширинский 1969. С. 106) и Гущина (Шекун 1985. С. 374). В середине – второй половине X в. функция данных поселений была *редистрибутивной* – сбор и распределение податей. Но уже с конца X – начала XI в. ситуация меняется. На большинстве из указанных поселений жизнь затухает, а по рубежам «Русской земли» возникают укрепленные поселения нового типа, возведенные по последнему слову фортификации. Речь идет, в первую очередь, о городищах Белгорода, Василькова и Переяславля. Техника их укреплений не имеет аналогов в раннеславянском времени (Раппопорт 1952. С. 107), а распространение в конце X в. валов с лицевыми сырцовыми кладками современные исследователи связывают с

влиянием южной фортификационной традиции, привнесенной из Византии и Болгарии (Моргунов 2007. С. 19–20).

Эти явления маркируют начало второго этапа в развитии территории «Русской земли», который начинается на рубеже X–XI вв. На этом этапе происходит оформление границ, очерчивающих *государственную территорию.* На этих границах строятся крепости (Моргунов 1999. С. 69–78) и оборонительные линии (Кучера 1987). Формирование границы «Русской земли» происходило на протяжении нескольких десятилетий. Начало этому процессу дало сооружение Владимиром Святославичем оборонительной линии по Стугне и Суле на рубеже X–XI вв. Завершила формирование границ «Русской земли» деятельность Ярослава, который, по свидетельству ПВЛ, «поча ставити городы по Ръси» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150). В рамках этого строительного мероприятия была возведена 90-километровая цепь укреплений по левому берегу р. Роси, а также ряд городищ в междуречье Роси и Днепра. Ключевым пунктом новой оборонительной линии стал Юрьев, расположенный на месте современного города Белая Церковь (Иванченко, Орлов 1986. С. 2–13). Возведенная в Поросье новая линия укреплений включала в себя, кроме городищ, новую линию так называемых «Змиевых валов» (Кучера 1987. С. 178). Создание поросских укреплений означало значительное расширение границ «Русской земли» на юг (Рычка 1988. С. 45; Толочко 1975. С. 12–13).

В это время происходит освоение внутренней территории Руси – в XI в. вблизи укрепленных поселений возникает значительное количество селищ. Характерно, что эти селища никак не связаны с поселениями VIII–X вв. и появляются лишь вблизи городищ, основанных на рубеже X–XI вв. Наиболее яркими примерами являются поселения, расположенные в бывшей земле древлян близ летописного Городеска (Звиздецкий 1990. С. 6; Кучера 1987. С. 81), в среднем Поросье (около Канева и Родня) (Богусевич 1952) и в междуречье Роси и Днепра (Казаровичи, Зарубинцы, Белая Церковь, Васильков, Обухов) (Довженок 1955. С. 54). Картина, прослеживаемая на основании археологических материалов для конца X – XI в., практически диаметрально противоположна раннеславянскому времени. В VII–X вв. городища возникают в гуще селищ, являясь их средоточием, а в

XI в. – вокруг построенных укрепленных городов появляется сеть неукрепленных поселений, их сельская округа.

Третий этап в территориальном развитии «Русской земли» наступает со второй половины XI в.; этот период может быть с полным основанием назван эпохой *малых городов*. Наглядно это можно проиллюстрировать статистикой возникновения городов Южной Руси.

Табл. 1. Динамика возникновения городов в Южной Руси
Данные приведены по подсчетам В.А. Кучкина (Кучкин 2013)

Земля или княжение	IX в.	X в.	Пер. пол. XI в.	Вт. пол. XI в.	Пер. пол. XII в.	Вт. пол. XII в.	XIII в.
Киевская	1	6	1	13	21	26	9
Черниговская	1	1	3	3	30	20	3
Переяславская	1	1	1	8	9	6	6

Затем возникшие вокруг центров «Русской земли» (Киева, Чернигова и Переяславля) *малые города*, опираясь на самостоятельную экономическую базу и военный ресурс, начинают уходить из-под власти Киева. Как раз с середины XII в. начинается своеобразное «съеживание» территории «Русской земли», отмеченное в источниках (Котляр 1976. С. 97–108). В 1130–1140-е годы южнорусские летописцы уже не включают Черниговщину и Левобережье Днепра в состав «Русской земли», а в конце XII в. она сужается до пределов Киевской земли, т.е. Днепровского Правобережья.

Происходят изменения в территориальной структуре «Русской земли». На рубеже X–XI вв. эта структура образовывалась тремя крупными городами – Киевом, Черниговом и Переяславлем, и подвластными им малыми городами. К концу XII в., после отделения Чернигова, а потом Переяславля, «Русская земля» представляет собой трехчастную структуру из Киева, Белгорода и Вышгорода. Но и последние два города в течение XII в. из подчиненных Киеву пригородов превратились в фактически самостоятельные политические центры, нередко оспаривавшие главенство Киева.

Подводя итоги, можно отметить, что на протяжении X–XII вв. «Русская земля» прошла несколько этапов в своем территориальном и политическом развитии. На первом этапе мы на-

блюдаем превращение *вождества* в *раннее государство;* этот этап завершается к концу X в. Второй этап, начинающийся на рубеже X–XI вв., знаменует собой образование *раннего государства* в форме *мультиполитии* (по определению Н.Н. Крадина). Она представлена иерархией в виде столичного города (Киев) и подвластных ему пригородов (Чернигов и Переяславль). Укрепление границ, начало освоения внутренних территорий (внутренняя колонизация) создают экономические и политические предпосылки для возвышения пригородов, превращения их в центры самостоятельной политической власти. Начинается третий этап в развитии «Русской земли», который характеризуется распадом первоначальной территории, выделением Черниговской и Переяславской земель в самостоятельные княжения. Территория «Русской земли» к концу XII в. фактически стала Киевской землей и в этом состоянии она просуществовала вплоть до самого монгольского нашествия.

Литература

Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Богусевич В.А. Отчет о работах Каневской археологической экспедиции 1947–1948 гг. // НА ІА НАНУ. Ф.є. 1947/26. Е.х. 914.

Богусевич В.А. Розкопки на горі Киселевці // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ., 1952. Т. 3.

Бондарь А.Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX – X в. // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

Довженок В.Й. Городища и селища на Роси и Россаве // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5.

Звиздецкий Б.А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.

Иванченко Л.І., Орлов Р.С. Про локалізацію літописного Юрьєва // Археологія. 1986. Т. 83.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Котляр Н.Ф. «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. // Український історичній журнал. 1976. № 11.

Котышев Д.М. «Русская земля» в конце X – начале XI в.: От вождества к раннему государству // ВЕДС-XXIV. М., 2012.

Круц В.А. Отчет о раскопках у с. Казаровичи в 1968 г. // НА ІА НАНУ. Ф.є. 1968/6а. Е.х. 5119.

Кучера М.П. Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Т. 41.
Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
Кучкин В.А. Древнерусские княжества и их города в середине IX – первой трети XIII в. // ДРВМ. 2013. № 3 (53).
Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в. Социально-экономическое и культурное развитие. Гомель, 2009.
Мовчан И.И. Давньокиївська околиця. Київ, 1993.
Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3.
Моргунов Ю.Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990. (а)
Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. (б)
Моця О.П. Погости в системі давньоруських населених пунктів // Архе-ологічні студії. Київ. 2003. Вип. 2.
Раппопорт П.А. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья // КСИИМК. 1952. Вып. 48.
Рычка В.М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.) Киев, 1988.
Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
Шекун В.А. Исследования на Черниговщине // АО, 1983 г. М., 1985.
Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'яньскі гради VIII–X ст. Київ, 2004.
Ширинский С.С. Курганы X в. у деревни Пересаж // КСИА. 1969. Вып. 120.

А.А. Кузнецов

РЯЗАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ЭКСПАНСИИ 1206–1212 гг.

В 1206 г. Ярослав Всеволодович был изгнан из Переяславля-Южного Всеволодом Чермным. В ответ Всеволод Большое Гнездо направил на черниговский Серенск воеводу: город был

сожжен (ПСРЛ. Т. 41. С. 127). Затем владимирский князь, сколачивая античерниговскую коалицию, послал в Муром за князем Давыдом и в Рязань за князем Романом с братьями (Там же. Т. 1. Стб. 430–431).

19 августа 1207 г. Всеволод Юрьевич с детьми выступил в поход. В Москве Всеволод соединился с сыном Константином, возглавлявшим новгородскую рать (Там же. Стб. 430; Т. 3. С. 50, 247), и узнал, что рязанские князья сговорились с черниговскими Ольговичами против него.

Дальнейшая картина событий складывается из соотнесения сведений Лаврентьевской (Лавр.) и Новгородской I летописей (Там же. Т. 1. Стб. 430–431; Т. 3. С. 50, 247–248). Шестеро рязанских князей, кроме ренегатов Глеба и Олега Владимировичей, были отправлены с боярами во Владимир. Затем Всеволод пошел к Пронску и лишил его воды; город оборонял Изяслав Владимирович. Жители Пронска приняли Изяслава после того, как их князь Кир Михаил убежал в Чернигов. Вышедший из Рязани на помощь Пронску Роман Игоревич был остановлен Олегом Владимировичем. Пронск сдался, Изяслав пошел на мир, в руки Всеволода Юрьевича попала жена Кира Михаила. Всеволод двинулся на Рязань, но, будучи остановлен просьбами рязанцев и епископа Арсения, ушел во Владимир.

Лавр. разрывает рассказ о рязанской эпопее Всеволода напоминанием о конечной цели похода и указанием на то, что плоды его действий пожали смоленские князья, выгнав Всеволода Чермного из Киева (Там же. Т. 1. Стб. 432–433).

Своеобразно события 1207 г. в Рязанской земле освещены в Летописце Переяславля-Суздальского: Изяслав ушел в свою волость после капитуляции Пронска, а там Всеволод Юрьевич оставил князя Давыда Муромского и посадника Ослядюка. Рязанцы открыли Всеволоду ворота, и он посадил там сына Ярослава, выведя оттуда княгинь, среди которых была жена Кира Михаила (Там же. Т. 41. С. 127–128; Кузьмин 1965. С. 132).

Создается впечатление, что Всеволод Юрьевич потерпел дипломатическое поражение. Но это не так: Кир Михаил бежал из Пронска в Чернигов к тестю. Новгородская I летопись указывает, что после падения Пронска Всеволод Юрьевич захватил жену Кира Михаила. Если поход на Чернигов замышлялся как

месть Всеволоду Чермному за изгнание из Переяславля сына владимирского князя, то воздаяние получилось пропорциональным. Была захвачена дочь Всеволода Чермного, его зять бежал из Пронска, где посадили верного владимирскому князю человека; Рюрик Ростиславич выгнал Всеволода Чермного из Киева. После возвращения Всеволода во Владимир рязанцы выслали остальных князей.

В 1208 г. Всеволод Юрьевич направил на рязанский стол сына Ярослава, рязанцы целовали крест Всеволоду, но затем захватили его людей, заковали и часть уморили в погребе. Всеволод в ответ направился с детьми к Рязани. Владимирский князь потребовал от рязанцев выйти с имуществом, и после этого город был сожжен. Затем был уничтожен Белгород. Всеволод Юрьевич с Ярославом вернулся во Владимир, взяв рязанцев и епископа Арсения. В ответ Кир Михаил и Изяслав зимой 1208–1209 гг. напали на Подмосковье. Всеволод направил против них сына Георгия (Юрия). Они бежали, потеряв многих убитыми и пленными (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434; Т. 41. С. 128; Бережков 1963. С. 101).

Сожжение Белгорода Всеволодом в 1208 г. позволило А.Г. Кузьмину высказать догадку, что город был родовым гнездом рязанских Владимировичей (Кузьмин 1965. С. 133). Удар, направленный на них в 1208 г., участие Изяслава Владимировича в набеге на Подмосковье в 1209 г., оборона им Пронска в 1207 г. и участие двух его братьев в осаде этого города свидетельствуют о том, что Владимировичи пытались с помощью владимирского князя убрать конкурентов внутри княжества. Доносом Глеб и Олег Владимировичи дали Всеволоду Юрьевичу предлог для ответа Всеволоду Чермному.

Дальнейшие действия Всеволода Юрьевича не устроили Владимировичей. Владимировичи не получили ничего от владимирского князя, донеся на родственников. Их возмутило утверждение в Пронске муромского князя и посадника Всеволода Юрьевича. В 1208 г. Владимировичи и Кир Михаил изгнали Давыда из Пронска на том основании, что город не является его отчиной. В Пронске обосновался Кир Михаил (ПСРЛ. Т. 41. С. 127–128). Пребывание Давыда в Пронске, на первый взгляд, противоречит сообщению Лавр. о том, что Всеволод Юрьевич

после падения города посадил там Олега Владимировича. По мнению А.Г. Кузьмина, сначала в Пронске был утвержден Олег Владимирович, но затем он был выведен, и на его место были направлены Давыд с Ослядюком; против них выступили рязанские князья (Кузьмин 1965. С. 133).

Следующее сообщение в летописях, касающееся владимирско-рязанских отношений, информирует о походе из Владимира полка Кузьмы Ратшича на Тепру. В Лавр. этот поход открывает годовую статью 1209 г. Затем идут известия о посольстве митрополита Матфея, о вокняжении Всеволода Чермного в Киеве, а Рюрика – в Чернигове, рассказ о приходе половцев к Переяславлю, сообщение о рождении у Константина сына Всеволода (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435; Бережков 1963. С. 103). Можно предположить, что поход на Тепру стал одним из этапов покорения Рязанской земли и прилегающих к ней территорий, и тогда это мероприятие могло стимулировать дипломатическую активность Всеволода Чермного. А потому он направил митрополита Матфея во Владимир для заключения мира.

Сопоставление этих фактов позволяет так взглянуть на итоги и последствия рязанской акции Всеволода Юрьевича: он захватил дочь своего обидчика, лишил его зятя власти в Рязанской земле и посадил в Рязань Ярослава, изгнанного Всеволодом Чермным из Переславля. Для владимирского князя это было равноценным ответом.

Всеволод Чермный теперь должен был бороться за власть, помня, что его дочь находится во Владимире. Вопрос о Рязани, ее князьях и их женах стал важным на переговорах во Владимире в 1210 г., но освобождения княгинь не состоялось. Кроме текстологической критики этого сюжета, есть критика бытовая: жен отпустили, а мужей и подданных оставили; Кир Михаил, оставаясь на свободе, получил жену. Для острожного политика Всеволода Юрьевича усиливать недавнего последовательного противника не было резона. Следующим шагом в налаживании владимирско-черниговских отношений стал брак Георгия (Юрия) Всеволодовича и дочери Всеволода Чермного в 1211 г., после чего первый стал свояком Кира Михаила. Но рязанских князей Всеволод Юрьевич не освободил, это сделал уже его сын Георгий в 1212 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 437). В результате ми-

ра, скрепленного брачным союзом, Всеволод Чермный способствовал утверждению в Рязанской земле (хотя бы в Пронске) Кира Михаила и обеспечивал дружеский нейтралитет владимирского князя. А что получил Всеволод Юрьевич?

Исходя из летописей, он довольствовался признанием своего верховенства над Всеволодом Чермным и относительным успокоением Рязанской земли. Но для практичного Всеволода Юрьевича этого должно было быть мало. Оба Всеволода противостояли возраставшему влиянию Ростиславичей на Руси. Складывание системы подчинения Рязани Владимиру, ее эволюция пришлись на «эру Всеволода III», со смертью которого эта эра закончилась.

Признаки угасания владимирского доминирования в Рязанской земле проявились в 1210–1211 гг., когда началось налаживание отношений Владимира и Чернигова. После смерти отца Георгий и Константин Всеволодовичи отказались от давления на Рязань, и, вероятно, отношения княжеств стали паритетными.

Приведенный обзор событий 1206–1212 гг. в треугольнике владимирско-черниговско-рязанских отношений показателен в плане изучения территориального фактора формирования конкретной идентичности – идентичности рязанцев. Беспрецедентная в среде Рюриковичей XII – начала XIII в. попытка Всеволода Большое Гнездо утвердить своего сына на рязанском столе – взамен плененной и частично связанной изменой, изгнанной династии – закончилась фиаско. Этому способствовали три фактора. Один из них – сопротивление местной династии военно-политическому произволу – рейды Владимировичей, активность Кира Михаила. Но эти привычные для времени усобиц столкновения князей могли быть купированы достаточно быстро. Таким же привычным для практики межкняжеских отношений было апеллирование к сильному соседу – противнику Всеволода Юрьевича, Всеволоду Чермному. Наконец, вязкость для владимирского князя создавало городское население Рязанского княжества, которое поддерживало своих князей. Даже после пленения и изгнания местных князей рязанцы не давали покоя вокняжившемуся у них Ярославу Всеволодовичу. Единственным средством избавления от назойливых рязанцев стало их выселение в пределы Владимирского княжества. После смерти

Всеволода Большое Гнездо его сын Георгий, занятый выяснением отношений со старшим братом Константином, был вынужден разрешить рязанский вопрос возвращением к положению 1206 г., т.е. всех отпустить. Данные обстоятельства показывает мощную инерцию территориального фактора формирования локальной идентичности.

Литература

Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

А.М. Кузнецова

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА В X–XI вв.

Основные источники по теме доклада – данные топонимики, археологии, а также сведения «Деяний венгров» (1200–1215 гг.) безымянного нотария короля Белы III – недостаточны для того, чтобы установить, как расселились венгерские племена на территории Карпатской котловины после их прибытия в этот регион в конце IX в. (Engel 2001. P. 20–28; Fodor 2009. Old. 82–84). Тем не менее можно предположить, что венгры заняли всю равнину между реками Дунай и Тиса (Alföld) и Трансильванию. В начале X в. они продвинулись и к западу от Дуная (в бывшую римскую провинцию Паннония), а также до подножия Карпатских гор, где могли пользоваться летними горными пастбищами. К середине X в., после исторического поражения венгров от германского короля Оттона I под Аугсбургом в 955 г., когда во главе рода Арпадов встал князь Геза, стали предприниматься первые шаги по смене племенного строя единовластной монархией. В то время венгры уже расселились по всей территории от Карпатских гор до реки Сава. Эта ограниченная естественными пределами территория Венгерского королевства оставалась таковой до начала XX в., что сопоставимо с Чехией и Моравией, но отлично от Польши. Территория венгров также была защи-

щена широкими полосами земли, на которых сооружались препятствия из поваленных деревьев, рвов, насыпей (*gyepű, indagines*), и охранялась пограничным населением (*őr, speculator*) (Göckenjan 1972).

Центром рода Арпадов стала укрепленная княжеская резиденция в Эстергоме, близ слияния рек Грон и Дунай, возведенная к 972 г. частично на руинах римского укрепления (*castellum Solva*). Княжеские, а затем и королевские владения простирались далее вниз, по правому берегу Дуная, включая стратегически важный Вышеград (в свое время использовавшийся и римлянами, и славянами) и заканчиваясь Большим островом (Чепел), южнее современного Будапешта.

Территориальный принцип управления государством отличался от предшествующего ему племенного, где иерархия власти зависела главным образом от родовой структуры. Внедрение этого нового принципа происходило в период правления князя, а затем короля Стефана I (Иштвана) (997–1038). Предположения о том, что эта реформа началась еще при предшественнике Стефана, Гезе, неубедительны (Györffy 1977. Old. 191–210).

Государство было разделено на области (комитаты, *comitati, pagi*), во главе которых стояли наместники короля (*comites, ispánok*). Процесс создания Стефаном 48 комитатов (из которых 24 были приграничными) с трудом поддается реконструкции. Можно предполагать, что обширные племенные территории, известные своими правителями – такими как Коппань на юго-западе, Аба на севере, Дюла в Трансильвании, Айтонь на юго-востоке, – были трансформированы в крупные комитаты, в то время как земли, принадлежавшие более мелким семействам (*generationes*), стали основой и меньших комитатов (Györffy 1959; Kristó 1988; 1990). К сожалению, достоверные родословные семейств венгров, которые могли бы прояснить историю наследования ими определенных территорий, отсутствуют (за исключением некоторых сведений о роде Арпада). Вследствие реформы Стефана две трети каждого комитата становились королевскими владениями, а одна треть, возможно, оставалась в собственности рода. Центром комитата был замок, град, обычно обустраивавшийся с использованием руин римского или славянского происхождения, но в некоторых случаях строившийся с

нуля. В замке располагалась резиденция ишпана и архидьякона (каждое епископство в период правления Стефана I делилось предположительно на 4 архидьяконства) (Szentirmai 1956; Györffy 1977).

Безусловно, западные соседи играли свою роль в процессе территориального устроения Венгерского королевства. Некоторые прибывшие из Баварии с королевой Гизелой (супругой Стефана) представители рыцарского сословия помогали королю в его реформах и, возможно, возглавляли те или иные комитаты (например, комитат Хонт носит имя упомянутого в источниках немецкого воина). Однако в современной Стефану I Германской империи уже к концу X в. положение главы области, графа, сделалось наследственным леном. Модель Венгрии больше напоминала каролингскую систему администрирования, когда наместника области каждый раз назначал сам король.

Обязанности ишпана были достаточно велики. В них входили: надзор за соблюдением новых для венгров христианских обрядов, контроль над рыночной торговлей, разбирательство конфликтов, обеспечение королевской армии новобранцами.

Ввиду некоторого сходства институтов администрирования в Венгрии, Чехии и Польше высказывались недостаточно убедительные предположения о том, что в их основе лежат модели управления автохтонного славянского населения (Györffy 1977. Old. 211–232; Székely 1962). Определенную роль «славянский фактор», видимо, все-таки играл, о чем свидетельствует целый ряд славянских заимствований в венгерском языке, относящихся к административной терминологии, что, безусловно, не осталось без внимания лингвистов, но все еще недостаточно исследовано историками.

Центр венгерского государства оставался там, где он был при князе Гезе. Стефан основал и новый город, названный Белым (Alba Regia, Fehérvár) в западной части Венгрии (Székesfehérvár évszázadai 1967–1979). Он располагался на пути для паломников в Святую землю, установленном Стефаном в 1018 г. Фехервар сделался сакральным центром королевства, местом коронаций и погребений членов королевской семьи, но так и не стал ее главной резиденцией. Предпочтение по-прежнему отдавалось дунайским резиденциям (после 1241 г. – Буде) (Kubinyi 1972), которые в отличие от Фехервара были более доступны как с запада, так и с востока королевства.

Источники и литература

Anonymi Bele regis notarii Gesta Hungarorum / Ed. and transl. by M. Rady and L. Veszprémy // Anonymus and Master Roger. Budapest, 2010. (Central European Medieval Texts; 5).

Engel P. Szent István birodalma: a középkori Magyarország története. Budapest, 2001 (англ. пер.: The Realm of St Stephen: A History of Medieval Hungary 895–1526 / Transl. T. Pálosfalvi. L., 2001).

Fodor I. Östörténet és honfoglalás. Budapest, 2009. (Magyarország története, gen. ed. Ignác Romsiscs; 1. kötet).

Göckenjan H. Hilfsvölker und Grenzwächter im mittelaterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972.

Györffy Gy. Tanulmányok a magyar állam eredetéről. A nemzetségtől a vármegyéig – a törzstől az országig. Budapest, 1959.

Györffy Gy. István király és műve. Budapest, 1977.

Kristó Gy. A vármegyék kialakulása Magyarországon. Budapest, 1988.

Kristó Gy. Die Entstehung der Komitatsorganisation unter Stefan dem Heiligen // Etudes historiques hongroises. Budapest, 1990. Vol. 1. P. 13–25.

Kubinyi A. Die Anfänge Ofens. Giessen, 1972.

Szentirmai A. Der Ursprung des Archidiakonats in Ungarn // Österreichisches Archiv für Kirchenrecht A. 1956. Bd. 7. S. 231–244.

Székely Gy. Gemeinsame Züge der ungarischen und polnischen Kirchenorganisation im XI. Jahrhundert // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis. Sectio historica. 1962. Bd. 4. S. 55–80.

Székesfehérvár évszázadai / Ed. A. Kralovánszky. Székesfehérvár, 1967–1979. Vols. 1–4.

А.В. Кузьмин

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ ПООЧЬЕ В XIII – НАЧАЛЕ XV в. (НА ПРИМЕРЕ КОЗЕЛЬСКА, БРЫНИ, СЕРЕНСКА, МОСАЛЬСКА И ПЕРЕМЫШЛЯ НА ОКЕ)

В конце XIX – начале XXI в. города и волости Черниговского княжения неоднократно становились объектами изучения. Его северо-восточная часть формировалась на основе земель вятичей. В XII в. она была окончательно освоена и плотно заселена, став ядром формировавшихся домениальных владений («жизни») ближайших наследников и потомков киевского и черниговского князя Святослава Всеволодовича. Главным центром

ром его домена стал Карачев – центр волости «Лесная земля», откуда его власть постепенно распространилась на север в землю вятичей. Основными владениями многочисленных потомков великого князя Михаила Всеволодовича, одного из старших внуков князя Святослава Всеволодовича, стали расположенные здесь города и волости. Благодаря этому в историографии возобладала точка зрения, что все Верхнее Поочье принадлежало сыновьям и внукам Михаила Всеволодовича начиная с 1246 г. Но так ли это было на самом деле?

Первым правителем Козельска был Мстислав (Пантелеимон) Святославич (ок. 1194–1223). Его имя, полученное при крещении, выясняется благодаря синодику, переписанному в третьей четверти XVII в. для церкви Введения Пресвятой Богородицы Киево-Печерского монастыря. Установление крестильного имени важно для генеалогии Ольговичей. Мстислав Святославич был основателем I-й линии правителей Козельского княжения. В 1223 г. он принял участие в княжеском съезде в Киеве, походе против монголов и погиб при отступлении на Русь после битвы на р. Калке.

В синодике среди представителей старшей ветви Ольговичей также поминали «**кн**(ѧ)**з**ѧ **Димитрїѧ**, **кнѧз**(ѧ) **Андреѧ**, **кнѧз**(ѧ) **Іѡанна**, **кнѧз**(ѧ) **Гаврила Мстиславичевъ**, и **кн**(ѧ)**ги***н*(и) их **Елены**, **Ираиды**». По-видимому, это дети Мстислава Святославича. О такой степени родства говорит тот факт, что следующий Ольгович по имени Мстислав, княживший в первой половине XIII в., упоминается в синодике позже всех этих лиц. Это был один из племянников Мстислава Святославича. В синодике поминали «**велик**(ого) **кн**(ѧ)*з*(ѧ) **Ѳеѡдѡра Мстислава Глѣбовича Черниговского**».

Косвенные данные позволяют предполагать, что упоминаемые в синодике Елена и Ираида – жены либо Дмитрия и Андрея, старших братьев Ивана и Гавриила, либо Андрея и Ивана Мстиславичей. В пользу этого предположения указывает то, что данный синодик упоминает «**кн**(ѧ)*з*(ѧ) **Іѡанна Андреевича** и **кн**(ѧ)**гиню** его **Анастасїю**» (Кузьмук 2007. С. 17). О том, что Андрей Мстиславич был женат, в отличие от своего неназванного по имени младшего брата, также писал Плано Карпини (1997. С. 36). В 1245 г. «оубїенъ бысть отъ Батыя князя Андреи Мьсти-

славич[ь]» (ПСРЛ. Т. 15.1. Стб. 31). Карпини отмечает, что правитель Чернигова Андрей Мстиславич, обвиненный в краже и незаконной торговле степными скакунами, был убит в Орде (1997. С. 27). Казнь князя, передача владений и неназванной по имени его жены также неназванному Карпини по имени младшему брату Андрея Мстиславича были утверждены в Орде согласно монгольским законам (Там же. С. 33, 36). Нельзя исключать не только политические, но и экономические причины этой казни. Правители Южной Руси были известны в Европе как продавцы огромных табунов лошадей. Учитывая данные источников и традицию старейшинства среди правителей Черниговo-Северской земли в XIII в., следует предполагать тождество второго сына Мстислава Святославича и Марии Ясыни с Андреем Мстиславичем.

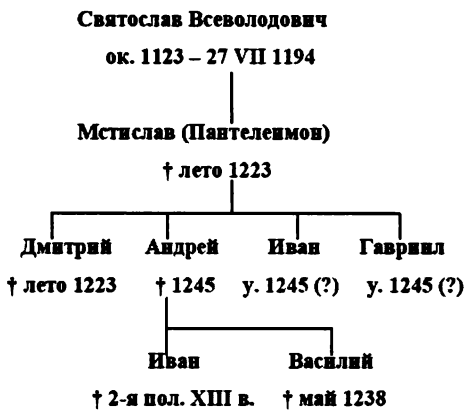
К сожалению, Карпини не указывает, какие именно владения Андрея Мстиславича перешли в руки его младшего брата. Можно полагать, что одним из них было Козельское княжение. В 1245 г. после гибели Андрея Мстиславича Черниговское княжение вновь перешло в руки Михаила Всеволодовича. В 1246 г. это событие и потребовало его поездки в Орду к Батыю, т.к. из рук этого правителя Джучиева улуса Михаил должен был получитъ ярлык на Чернигов.

Младшим братом Андрея Мстиславича, который в 1245 г. вынужденно подчинился воле ордынцев и вопреки христианским обрядам взял в жены вдову старшего брата, могли быть Иван или Гавриил Мстиславичи. Об их дальнейшей судьбе источники не упоминают.

В синодиках после имен Ивана Андреевича, а также ряда черниговских князей и княгинь XIII в., есть поминание «кн(ѧ)з(ѧ) Василїѧ Козельского, [оу]бїеннаго ѿ татаръ за правовѣрную вѣру» (Кузьмук 2007. С. 18; Зотов 1892. С. 26). Его можно отождествить лишь с Василием, возглавившим в 1238 г. оборону Козельска от войск Батыя. В момент гибели ему было 12 лет (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 222). Следовательно, князь родился не ранее 1225/26 г. Василий не был сыном ни черниговского князя Мстислава Святославича, ни его внуком от сына, погибшего в июне 1223 г.

Можно предполагать лишь два варианта происхождения родителей Василия Козельского. Во-первых, его отцом мог быть Иван Мстиславич. Правда, против этой версии говорит тот факт, что о его браке источники ничего не знают. Между тем они сообщают, что старший брат Ивана, Андрей Мстиславич, был женат и, по крайней мере, имел одного сына. Если этот второй вариант происхождения Василия верен, то брак Андрея и Ираиды должен был состояться не позднее 1223/24 г.

Сведения источников о князьях I-й линии правителей Козельска в XIII в. предположительно можно представить в следующей схеме:



Анализируя эту схему, можно было бы сделать вывод, что род Мстислава Святославича не пошел далее III-го поколения. Во второй половине XIII в. их выморочное княжение, включавшее в себя город Козельск и его волости, могло быть присоединено потомками Михаила Всеволодовича. В целом этой версии не противоречат и изменения в судьбе Козельска. В XIV в. его детинец был перенесен с холма в устье р. Другусны (0,8 га) на современное место (Массалитина, Болдин 2013. С. 31–36).

По мнению некоторых исследователей, в XIV в., до раздела на уделы, в состав Карачевского княжения входили города Карачев, Козельск, Перемышль и Мосальск (Кучкин 1980. С. 50). Однако против столь быстрой смены владельцев Козельска косвенно говорят росписи потомков князя Мстислава Михайловича. В родословцах XVI в. он не титулуется как Козельский.

До начала 1230-х годов Михаилу Всеволодовичу, предку II-й линии правителей Козельска, принадлежало несколько волостей. Они компактно располагались к северо-востоку от Чернигова. Речь идет о Брыне, Серенске и Мосальске. В 1223–1246 гг. источники не подтверждают права на Козельск Михаила Всеволодовича. С северо-запада его владения лишь подходили к левобережью р. Жиздры, но не включали его в свой состав. Андрей Мстиславич, внук Михаила Всеволодовича, сел в Козельске до 1330 г.

Так называемый Любечский синодик подтверждает данные родословцев XVI–XVII вв. о происхождении II-й линии правителей Козельска от владельцев Карачева. В нем они упоминаются после памяти «**кн**(ѧ)**з**(ѧ) **М**стислава **К**орачевского». В синодике церкви Введения Пресвятой Богородицы он записан ранее своих племянников, детей черниговского великого князя Романа Михайловича Старого и глуховского князя Семена Михайловича.

В Любечском синодике потомки карачевских князей записаны выборочно. Помимо Звенигородских, среди лиц, живших во второй половине XIV в., в нем есть и князья Козельские. В синодике поминали «**кн**(ѧ)**з**(ѧ) **И**вана **К**озельско*г*(о), прїе*м*шаго аггельскїй ѡбраз(ъ), и **кн**(ѧ)г(и)ню егѡ Агрипину» (ср.: Кузьмук 2007. С. 18; Зотов 1892. С. 25–29). Удивляет, но в синодиках нет поминания отца князя Ивана – Тита Козельского и его братьев. Между тем в 1365 г. именно князь Тит вместе с правителями Рязанской земли принимал участие в разгроме ордынцев под Шишевским лесом.

По росписи князей Елецких конца XVI в. Румянцевской редакции родословных книг 1540-х годов, Иван Титович – внук карачевского князя Семена. Сыном Ивана Козельского был Федор Елецкий. В I-м изводе Патриаршей редакции второй половины XVI в., наоборот, отмечается, что он происходит «от то князя Ивана от Козельского, князь Иванов сын Карачевского». Какая из этих версий родословцев более достоверна, пока неясно (Кузьмин 2012. С. 173–192).

Среди лиц второй половины XIV – середины XV в. в синодике церкви Введения Пресвятой Богородицы есть поминание внука Тита: «**кн**(ѧ)**з**(ѧ) **В**асилїѧ **И**вановича **К**озельского **З**азрики». После него князья Козельска не упоминаются, т.к. город перешел под власть Калитичей. Однако синодики продолжают

поминать потомков бывших отчичей Козельска, например, «кн(л)з(л) Ивана Перемышлского» (Кузьмук 2007. С. 19). Отсутствие в источнике отчества у вкладчика затрудняет выяснение его генеалогии. Можно предполагать, что этот князь не был потомком Мстислава Михайловича. Ранние родословные росписи вплоть до почти середины XVII в. не включают в число его потомков владельцев Перемышля. Впервые это произошло в 1686–1688 гг. при подаче Горчаковыми своих росписей. В это время они впервые были включены в число потомков карачевского князя Мстислава на основании собственных росписей. Среди предков Горчаковых, живших в XV в. можно найти лишь Ивана, сына Михаила Семеновича. Дедом Ивана Михайловича Перемышльского был Семен Владимирович (Власьев 1906. С. 499–502), сторонник великого князя Свидригайло Ольгердовича. В июле 1408 – 1409 г. вместе с ним Семен Владимирович Перемышльский служил великому князю Василию I Дмитриевичу. Учитывая сведения источников о потомках великого князя Михаила Всеволодовича и росписи разных ветвей Горчаковых, можно найти хронологические нестыковки в их родословных росписях. Ясно, что упоминаемый в летописях в 1408 г. Семен Владимирович Перемышльский не может быть праправнуком зятя правителя Великого княжества Литовского Ольгерда козельского князя Ивана Титовича, который в 1370 г. перешел на сторону великого князя Дмитрия Ивановича.

Семен Владимирович был отчичем Перемышля на Оке. Судя по наличию здесь курганных групп, город был основан в гуще поселений вятичей. Этот Перемышль иногда ошибочно отождествляют с одноименным городом на р. Моче. Судьбу Перемышльского княжения источники не раскрывают. Проверка сведений росписи Горчаковых не подтверждает, что их предок с прозвищем Горчак жил в конце XIV в. На самом деле И.Ф. Горчак Перемышльский служил царю и великому князю Ивану IV Васильевичу Грозному во второй трети XVI в.

Очевидно, что с точки зрения хронологии, Роман Иванович, предок Горчаковых, должен был жить не в конце XIV в., а на сто лет раньше. Учитывая его отчество, можно предположить, что отцом Романа Ивановича был не козельский князь Иван Ти-

тович, а живший во второй – третьей четверти XIII в. Иван Андреевич, внук Мстислава Святославича.

Если наша гипотеза о генеалогии владельцев Перемышля на Оке верна, то получается, что потомки Мстислава Святославича могли владеть Козельском в XIII – начале XIV в. После утраты или уступки ярлыка на этот город за ними осталось лишь расположенное к северо-востоку от Козельска Перемышльское княжение. Очевидно, что в Великом княжестве Литовском права на это княжение потомки Мстислава Святославича могли утратить в июле 1408 г., когда вместе с великим князем Свидригайло на службу к великому князю Василию I Дмитриевичу отъехал Семен Владимирович Перемышльский.

Источники и литература

Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1, ч. 1.

Карпини, Джованни дель Плано. История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997.

Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

Кузьмин А.В. Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // Очерки феодальной России. 2012. Вып. 15.

Кузьмук О.[С.] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. // Лаврський альманах. Київ, 2007. Вип. 18.

Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Массалитина Г.А., Болдин И.В. Этапы археологического изучения Козельска (к 20-летию проблемы локализации летописного города) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2013.

Вяч.С. Кулешов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ СЛАВЯНО-ФИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ПАМЯТНИКАХ ЛЕКСИКИ

Согласно широко принятой в отечественной историко-археологической науке системе взглядов, в Северной Руси VIII–XI вв.

имел место *непосредственный, плотный* и *плодотворный* контакт («диалог культур», «этнокультурное взаимодействие» и т.п.) трех основных этнических групп – славян, прибалтийских финнов и скандинавов. Между тем не так давно видный норвежский славист Ян Ивар Бьёрнфлатен предложил новый взгляд на локализацию и хронологию древнейшего славяно-финского культурно-языкового пограничья. Развиваемая им точка зрения состоит в том, что славянские лексические заимствования в прибалтийско-финских языках должны объясняться вовсе не раннесредневековой славянской колонизацией северо-запада Восточной Европы (ср.: «The most archaic Slavic material in Finnic has nothing to do with the encounter between Proto-Finns and East Slavs»), а морскими контактами прибалтийских финнов со славянами южного побережья Балтики – носителями (будущих) западнославянских языков (Bjørnflaten 2006a. P. 90–91; 2006б. P. 72–73). Поскольку к этому «наиболее архаичному славянскому материалу» относится почти весь фонд ранних славизмов, за исключением христианской лексики, постольку контакт прибалтийских финнов со славянами Северо-Запада должен быть датирован не ранее второй половины X в. (Bjørnflaten 2006a. P. 92; 2006б. P. 73), т.е. фактически XI в.: «This is certainly not in accordance with prevailing views in Russian scholarship when it comes to accounting for the direction and chronology of the Slavic migration into present-day northern Russia» (Bjørnflaten 2006a. P. 92).

Мы должны быть благодарны Я.И. Бьёрнфлатену за подобную постановку вопроса, сформулированную им гипотезу и попытку ее обоснования, однако по ряду причин его концепция должна быть признана ошибочной. Далее я, во-первых, хотел бы кратко изложить подходы и аргументы Бьёрнфлатена и, во-вторых, привести некоторые яркие лексические памятники культурно-экономического взаимодействия на славяно-финском пограничье VIII–XI вв.

Материал. Анализ Я.И. Бьёрнфлатена основан на данных, суммированных в монографиях: Kalima 1952; 1956; Plöger 1973. Это несколько десятков лексем, сохранившихся, главным образом, в финском литературном языке; сюда же из Mägiste 1962 добавлены данные эстонского литературного языка. Классические для 1950–1970-х годов, эти труды основаны на ограничен-

ной лексикографической базе XIX – первой половины XX в. Опубликованные в последние десятилетия своды лексики малых прибалтийско-финских языков (особенно – карельского, ливвиковского и вепсского) и финских и эстонских диалектов позволяют значительно – до сотни и более вхождений – расширить фонд древнейших прибалтийско-финских славизмов. К сожалению, этот факт не получил сколько-нибудь полного и систематического отражения в специальной литературе и, по большому счету, остается неизвестным широкому кругу славистов. (В частности, новый, но подробно не комментируемый и далеко не исчерпывающий материал по ранним славизмам содержится в статье: Кулешов 2010).

Стратификация и датировка. Я.И. Бьёрнфлатен по нескольким историко-фонетическим и одному историко-культурному признаку выделяет до семи «хронологических слоев» заимствований, хотя в Bjørnflaten 2006a рассмотрены только четыре из них, а именно: (1) около десятка заимствований с рефлексами фонемных групп **TorT*, **TolT* и **TerT* (из них наиболее надежные – соответствия общеслав. **dolto* ‘долото’, **poltьno* ‘полотно’, **tolkъno* ‘толокно’, **kolkolъ* ‘колокол’, **korsta* ‘короста’, **porxa* ‘пороша’, **vorbъjь/*verbъjь* ‘воробей’, **sъvolkъ* ‘сволок (вал ткацкого стана)’, **vertjь* ‘плетёная корзина’, **verteno* ‘веретено’); (2) одно заимствование с рефлексом фонемной группы **tj* до перехода **tj* > общеслав. **č* (общеслав. **gatja* ‘пара штанов’); (3) пять заимствований с рефлексами заднего носового **ǫ* (соответствия общеслав. **kǫděľь* ‘пряжа’, **sǫdьja* ‘судья’, **sǫdъ* ‘суд’, **ǫda* ‘удочка’, **lǫka* ‘лука’); (4) шесть заимствований, относящихся к христианской лексике (‘поганый’, ‘поп’, ‘крест’, ‘грамота’, ‘грех’, ‘неделя’), – всего 25 лексем. Там же предложена следующая хронология этих «слоев»: (1) не позднее второй половины VIII – первой половины IX в.; (2) не позднее VIII–IX вв.; (3) не позднее 850–880 гг.; (4) конец X – первая половина XII в. Как можно видеть, три из этих четырех «слоев» (по Бьёрнфлатену, наиболее архаичные) в целом синхронны в пределах VIII–IX вв., тогда как четвертый, наиболее поздний и квалифицируемый автором как восточнославянский, относится уже к собственно древнерусской эпохе (XI–XII вв.). Таким образом, первые три «слоя» в общей сложности пред-

ставлены менее чем двумя десятками примеров, иллюстрирующими избранные фонетические признаки. Все эти примеры имеют как русские, так и западнославянские соответствия (в польском и чешском языках) – последние, правда, менее «комплектны».

В статье Bjørnflaten 2006б нарисованная картина дополнена рассмотрением группы примеров с отражением общеслав. **ě* первого слога посредством приб.-фин. **ā̆* (всего пять примеров), датируемой автором не позднее рубежа X–XI вв., и полутора десятков примеров с соответствиями общеслав. **o*, **ъ*, **ь* : приб.-фин. **a*, **u*, **i*.

Borrowings* vs. *intrusions. Один из самых неясных моментов в рассуждениях Бьёрнфлатена связан с проводимым вслед за Andersen 2003 противопоставлением лексических «заимствований» (*borrowings*) и лексических «вторжений» (*intrusions*). Согласно разъяснениям Бьёрнфлатена, первые представляют собой «намеренное введение иноязычных элементов в ситуации одноязычия… тогда так вторжения имеют место в ситуациях двуязычия/диглоссии и маркируют [языковую] интерференцию при [языковом] сдвиге или влияние субстрата» (Bjørnflaten 2006a. P. 81; 2006б. P. 51), при этом «заимствования (*borrowings*) не требуют ситуации контакта» (Bjørnflaten 2006a. P. 90; 2006б. P. 51). «Христианский слой» признается автором отражающим «классическую контактную ситуацию намеренного заимствования (*borrowing*)» (Bjørnflaten 2006a. P. 88), тогда как «наиболее ранние слои» славизмов оказываются заимствованиями (*borrowings*) без прямого контакта, но точно не «вторжениями» (*intrusions*) (Bjørnflaten 2006a. P. 90; 2006b. P. 72). Таким «непрямым контактом», как уже говорилось выше, Бьёрнфлатен считает трансбалтийское общение финнов с западными славянами.

«Венедский аргумент». В качестве «major evidence» раннего контакта прибалтийских финнов и балтийских славян Я.И. Бьёрнфлатен ссылается на приб.-фин. обозначение русских и России как **wenä-*, **wenäδä*, выдвигая гипотезу, что, поскольку восточные славяне никогда не называли себя подобным образом, эти формы могли относиться к балтийским славянам (Bjørnflaten 2006a. P. 91; 2006б. P. 73). Но предположение Бьёрнфлатена теряет свою силу хотя бы потому, что, во-первых, **wenä-*, **wenäδä* –

германизм, а не славизм и, во-вторых, это обозначение применялось германоязычным населением балтийского ареала как будто бы ко всем региональным группам славян – и западным, и восточным.

Северные и южные прибалтийско-финские языки. Бьёрнфлатен придает большое значение и многократно подчеркивает тот факт, что бóльшая часть прибалтийско-финского фонда ранних славизмов приходится на так называемые северные прибалтийско-финские языки (фактически – финский с карельским и вепсским), а не на южные (водский, эстонский и ливский). На основании этого он заключает, что указанное «обстоятельство свидетельствует против заимствования [рассматриваемой лексики] от продвигающихся на север славян» (Bjørnflaten 2006a. P. 91; 2006б. P. 73). Совершенно очевидно, что это разграничение следует провести иначе, а именно: по территориальному признаку на этноязыковой карте раннего средневековья (и всех последующих эпох). Тогда окажется, что ранних славизмов больше в языках «прибалтийско-финского Востока» (карельский, ливвиковский, людиковский и вепсский), чем в языках «прибалтийско-финского Запада» (водский, эстонский, выруский, ливский) – что, в свою очередь, позволит совершенно иначе взглянуть на правдоподобие отстаиваемой автором «западнославянской контактной гипотезы».

Общее заключение. Гипотеза Я.И. Бьёрнфлатена базируется на (непреднамеренно) неполном учете и фрагментарном (порою даже атомарном) рассмотрении доступного лексического материала, не подкреплена систематическим соотнесением прибалтийско-финских ранних славизмов с западнославянским словарным фондом и не обеспечена анализом культурных комплексов славяно-финской контактной зоны, отраженных в заимствованиях. Привлекаемые автором общие аргументы либо избыточны, либо ошибочны. Таким образом, концепцию Я.И. Бьёрнфлатена следует отклонить. При этом задача привлечения западнославянского и, конкретнее, балтийско-славянского материала к этимологическому анализу ранних славизмов в прибалтийско-финских языках остается актуальной и в ряде отношений весьма многообещающей.

Если подход Я.И. Бьёрнфлатена считать «стратиграфиче-

ским», то в Кулешов 2010 был развит противоположный подход, основанный на выявлении и описании единой системы фонетических признаков древнейших славизмов в прибалтийско-финских языках. На этом основании оказывается возможной реконструкция фрагмента фонетической системы раннеславянского языка Северо-Запада (условно, языка северных словен; вопреки С.Л. Николаеву и А.А. Зализняку, доверившимся здесь В.В. Седову, нет ни малейших оснований считать его принадлежащим кривичам и называть его «севернокривичским»).

В заключение я хотел бы остановиться на реконструкции элементов культурного комплекса раннего славяно-финского пограничья.

«Аргумент ткацкого станка». К фонду древнейших славизмов прибалтийско-финских языков относится комплекс ткачества: обозначения материалов и инструментов ('веретено', 'нить', 'суровый' – о нити, 'кудель'), деталей станка ('бёрдо', 'сволок', 'цевка'), названия тканей и домотканой одежды ('холст', 'полотно', рубашка-'лечина', штаны-'гачи'). Хочу подчеркнуть, что речь здесь должна идти о заимствовании технологического комплекса, что мыслимо только в ситуации самого непосредственного, тесного и реального (а не виртуального или опосредованного) культурного контакта и вряд ли хорошо согласуется с «трансбалтийской» гипотезой.

«Романский аргумент». К фонду древнейших славизмов относится и лексика, представляющая в общеславянском языке романский – позднеантичный, балканский пласт, т.е. *дистантные романизмы* в прибалтийско-финских языках: 'вино', 'винная ягода', чечевица-'ляча', 'мера'. Важно отметить тот факт, что этот комплекс обременен «дунайской предысторией», т.е. заимствован от такой группы славян, которая – прямо или косвенно – была причастна к балкано-дунайским событиям VII в. (ср.: Мачинский 1982).

«Аргумент куницы». Наконец, нельзя пройти мимо обозначения 'куницы' в северной и восточной части прибалтийско-финского ареала (продолжения зафиксированы в финском, карельском и вепсском) – **nätä* < общеслав. **gněda* (в сочетании **gněda kunica*). Налицо яркий пример цветовой номинации: 'гнедая' – зверь с мехом темно-коричневого, каштанового, поч-

ти черного цвета; ср. в типологическом плане вытеснение старого балто-славянского названия 'белки' (**věverica*) новым цветовым обозначением: **běla věverica* > **bělъka, *bělica*. Оба примера, несомненно, связаны с охотничьими табу: вспомним, что промысел пушного зверя (куницы, белки и других более редких и ценных видов) в раннем средневековье являлся одним из ключевых факторов сложения и функционирования общеевропейской и евразийской системы торгово-экономических связей, а также основой хозяйственно-культурной специализации народов лесной зоны Восточной Европы (на территории Северо-Запада и Русского Севера – славян и прибалтийских финнов). Любопытно, что на более южных и юго-западных участках прибалтийско-финского ареала, где такая специализация, по-видимому, либо не имела места, либо играла второстепенную роль, сохранилось реликтовое (восходящее к финно-угорской эпохе) обозначение 'куницы' – приб.-фин. **nukiks* (> эст. *nugis*).

Факт заимствования славянского охотничьего названия куницы, указывающий на немаловажный элемент хозяйственно-экономической специфики славяно-финского пограничья, по-моему, так же свидетельствует против предположения о морском пути проникновения этого заимствования.

Литература

Кулешов Вяч.С. Вокализм ранних славянских заимствований в прибалтийско-финских языках и реконструкция вокалической системы северно-словенского диалекта // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg, 2010. Bd. 32/33: Gedenkschrift für E.A. Helimski. S. 345–354.

Мачинский Д.А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7–24.

Andersen H. Introduction // Language Contacts in Prehistory. Studies in Stratigraphy. Amsterdam; Philadelphia, 2003. (Current Issues in Lingustic Theory; 239). P. 1–10.

Bjørnflaten J.I. Diffusion and Chronology of the Earliest Slavic Loanwords in Balto-Finnic // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28, N 1/4. P. 81–94. (a)

Bjørnflaten J.I. Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic // The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Helsinki, 2006.

(Slavica Helsingiensia; 27). P. 50–77. (б)
Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista. Helsinki, 1952.
Kalima J. Die slavische Lehnwörter im Ostseefinnischen. B., 1956. (Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin. Slavistische Veröffentlichungen; 8).
Mägiste J. Äldre ryska lånord i estniskan, särskilt i det gamla estniska skriftspråket. Lund, 1962.
Plöger A. Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Wiesbaden, 1973.

П.В. Лукин

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В НОВГОРОДЕ XII–XIII вв. ПО ДАННЫМ РАННИХ ГРАМОТ*

Вопрос о том, как сами новгородцы называли то «государство», в котором жили, и как они его себе представляли – несмотря на свою вполне очевидную значимость – как ни странно, не только не получил до сих пор убедительного ответа, но в общем-то по-настоящему и не поставлен. Высказывались лишь отдельные суждения относительно того, чтó нужно понимать под теми или иными новгородскими территориальными обозначениями, но и они, как правило, относятся уже к XIV–XV вв. (см.: Чибисов 2012). В недавнее время проблемы коснулся А.А. Горский, который предложил именовать и Новгород, и все остальные древнерусские самостоятельные политические образования XII–XIII вв., «землями» (Горский 2008. С. 19–26). Однако подробно ученый новгородские территориальные обозначения не рассматривает, отмечая при этом специфику новгородской терминологии (Там же. С. 31).

Под территориальными обозначениями здесь будут условно пониматься такие слова и словосочетания, как «Новгород», «новгородцы», «Новгородская волость» и подобные. Задача работы – выяснить, чтó именно характеризовали такие обозначения. Это должно, в свою очередь, способствовать анализу представлений самих новгородцев о своей «политии». Исследование

в целом предусматривает привлечение всех упоминаний территориальных обозначений в различных источниках: летописях, грамотах, литературных произведениях; наконец, внимание должно быть обращено и на соответствующую терминологию в ганзейских источниках. На первом этапе, однако, рациональным представляется рассмотреть содержание территориальных обозначений в грамотах раннего периода истории самостоятельного Новгорода – XII–XIII вв. (в дальнейшем – ранние грамоты). Эти грамоты, среди которых особое место занимают договоры с русскими князьями и зарубежными торговыми партнерами, имеют ряд преимуществ по сравнению с летописями и литературными произведениями. Во-первых, это официальные документы и, следовательно, их терминология вряд ли может быть случайной или носить чисто риторический характер. Во-вторых, грамоты, как правило, могут быть достаточно точно датированы (что не всегда возможно для нарративных памятников). Хронологическое ограничение вызвано не только жесткими хронологическими рамками конференции, но и тем обстоятельством, что именно на рубеже XIII–XIV вв. в Новгороде происходят существенные изменения общественно-экономического строя, приведшие впоследствии к изменению и социально-политической терминологии (Флоря 2006. С. 304; Goehrke 1974. S. 358; Алексеев 1979. С. 251–256).

В ходе работы исследовались все ранние грамоты. В основном они опубликованы в ГВНП, за исключением русской грамоты 1134 г., лучший список которой издан В.И. Корецким, и латинской грамоты 1268 г., опубликованной в собрании ганзейских документов. Помимо русских документов, очень важная информация содержится в двух ранних грамотах, написанных, соответственно, на средненижненемецком и латинском языках: в договоре с Любеком и Готландом 1269 г., представляющем собой перевод с древнерусского на средненижненемецкий, и в его проекте 1268 г., написанном на латыни и составленном немецкой стороной, но, несомненно, со знанием и учетом новгородских реалий. Для их корректного анализа были привлечены копии оригиналов, т.к. существующие издания (особенно договора 1269 г.) и переводы не всегда могут считаться вполне удовлетворительными (в частности, в переводе договора 1269 г. со-

держится ошибка в интерпретации интересующего нас обозначения).

В ранних грамотах на русском языке присутствуют следующие территориальные обозначения:

1) «Новгород»;

2) «Весь Новгород»;

3) «Новгородцы» / «все новгородцы»;

4) «Новгородская волость» (а также новгородские волости).

В средненижненемецкой грамоте территориальные обозначения явно представляют собой перевод соответствующих русских понятий (например, *al de Nogardere* = «все новгородцы»); с латинской грамотой дело обстоит сложнее, т.к. в ней часто дается не перевод, а, скорее, толкование новгородских реалий, что, впрочем, представляет особый интерес.

Самое очевидное значение слова «Новгород» – топоним, название города; оно является самым распространенным в ранних грамотах, причем «Новгородом» могли называть как сам город, так и всю Новгородскую «политию» (во избежание дискуссий о термине «государство» и степени суверенности Новгорода в этот период предпочитаем использовать нейтральное понятие). Например, в договорной грамоте Новгорода с Готландом и немецкими городами 1191–1192 гг. (здесь и далее датировки даются по: Янин 1991) читаем: «Ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в миръ в Нѣмечьску землю и на Гъцъкъ берегъ; такоже ходити нѣмьчьмь и гтяномъ в Новъгородъ без пакости, не обидимъ никымже» (ГВНП. С. 55). Ясно, что «Новгород» в данном случае сопоставляется не с конкретными немецкими городами, а с целыми территориями, и под этим обозначением понимается не только город, но и целая страна во главе с одноименным городом («пакость» в отношении немецких купцов нельзя было учинять не только в самом городе, но и на всей подвластной ему территории). Еще более очевидно это в договорной грамоте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г.: «А вывода ти, княже, межи Суждальскою землею и Новъмьгородомъ не чинити». «Новгород» сопоставляется с Суздальской *землей* (а не с городом Суздалем), т.е. «Новгород» здесь – хороним, а не название города (заметим, кстати, что тут – где, казалось бы, напрашивается такое словоупотребление – выра-

жение «Новгородская земля» не используется). Ниже выясняется, что в состав «Новгорода» входят погосты, населенные смердами, и новгородский «пригород» Торжок (Там же. С. 13), что опять-таки показывает, что в данном случае речь идет о политониме. Разумеется, есть в ранних грамотах и упоминания Новгорода как топонима. Например, в проекте 1268 г. говорится, что, когда немецкие купцы уже после пути по новгородским владениям прибывают в Новгород (*veniunt in Nogardiam*), там должны быть готовы возы для транспортировки грузов (HUB. I. S. 231, № 663). Речь, конечно, идет именно о городе. То же и в русской грамоте 1296 г. (предложение Новгорода князю Михаилу Ярославичу о взаимной помощи: «А што пошлины городь[с]к[ыи] во Тфѣри, и въ Новѣгородѣ, и в Торъжьку, и въ Волоцѣ, а то по давнои пошлинѣ». – ГВНП. С. 15). Здесь Новгород с его городскими пошлинами фигурирует в ряду других городов.

Но было и еще одно значение слова «Новгород», с которым мы сталкиваемся уже в очень ранней грамоте, датирующейся предположительно 1134 г., когда князь Изяслав Мстиславич испросил «у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославлицы и смерды и поля Ушково и до прости» (Корецкий 1955. С. 204). Землей могло распоряжаться только юридическое лицо, а не географическое обозначение. Выясняется, что уже на ранних этапах новгородской самостоятельности сформировалось представление о некоем новгородском политико-юридическом субъекте, отличном от князя и иерархически более высоком, чем он (князь просит «Новгород», а не наоборот). Упомянутый выше договор Новгорода с Готландом и немецкими городами 1191–1192 гг. исходит из того, что «Новгород», в принципе, может выступать в качестве стороны в судебной тяжбе: «оже тяжа родить в ыное земли в рускыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прашати, искати Новугороду не надобе» (ГВНП. С. 56). Ясно, что «искать» чего бы то ни было в судебном порядке могла не какая-то территория, а юридическое лицо.

В данном значении использовалось не только слово «Новгород» (хотя в самых ранних грамотах используется именно оно). Характера *terminus technicus* оно не носило и могло быть функционально заменено выражениями «все новгородцы» и «весь Новгород», которые также выступают в качестве действующего

политико-юридического субъекта. «Все новгородцы» во главе с посадником и тысяцким вместе с князем и купеческими старостами заключают мир (Там же. С. 55, 55–56, 58, – здесь в ГВНП ошибка в переводе: «со всем Новгородом» вместо «со всеми новгородцами»); их представители принимают участие в суде по торговым делам на дворе церкви св. Иоанна на Опоках (Там же. С. 59) и т.д. «Весь Новгород» вместе с посадником, тысяцким, «всеми старейшими» и «всеми меньшими» «кланяется» князю и явно может включать в себя этих лиц и эти категории населения (Там же. С. 9, 10, 12), и «всему Новгороду» князь целует крест (Там же. С. 12).

Выясняется, таким образом, что не только «все новгородцы» (что очевидно), но и «весь Новгород» – это *люди*, выступающие в качестве коллективного политико-юридического субъекта. Эти люди могут быть охарактеризованы – используя терминологию европейских ученых (см.: Black 1984. P. 47; 2003. XIV. P. 7; Russocki 1973. S. 12) – как «политический народ» или просто «народ» (*the people*). Применительно к раннему Новгороду это были полноправные новгородские горожане, входившие в кончанские и уличанские организации (см.: Лукин 2014. С. 249–250 и сл.).

Весьма выпукло значение новгородского «политического народа» отобразилось в территориальных обозначениях проекта 1268 г. Одна из его статей гласит: «Cum mercatores Theuthonici vel Gotenses veniunt… in regno regis, Nogardiensium erunt sub pace et protectione regis et Nogardiensium, et quicquid eis in dicione Nogardiensium injurie irrogatum fuerit, super hoc Nogardienses respondebunt» [«Когда немецкие или готские купцы прибудут… в княжество князя, новгородцев, они будут под защитой мира и покровительством князя и новгородцев, и если им будет причинена какая-либо несправедливость на территории, подвластной новгородцам, за это будут отвечать новгородцы»] (HUB. I. S. 229). Новгородская полития характеризуется одновременно как княжество (или королевство) во главе с князем (*regnum regis*) и как княжество во главе с новгородцами (*regnum Nogardiensium*). Более того, земли, управляемые из Новгорода, определяются как территория, подвластная новгородцам (*dicio Nogardiensium*), они же несут ответственность за поддержание на ней порядка. В другой статье говорится, что именно новгородцы

(а не князь) оказывают «мир и покровительство» немецким купцам и новгородская полития уже без оговорок определяется как «княжество новгородцев» («Cum hospites in regno Nogardiensium et sub eorundem pace et protectione sunt...») (Ibid. S. 229). В высшей степени существенным оказывается свидетельство еще одной статьи проекта: «Item si aliqua werra vel discordia inter terras circumiacentes et Nogardienses [exstiterit], racione huius discordie hospes inpediri non debet...» [«Также если между соседними землями и новгородцами [начнется] какая-либо война или раздор, по причине этого раздора гостю препятствовать не следует...»]. (Ibid. S. 232). *Nogardienses* («новгородцы») сопоставляются здесь как потенциальная сторона военного конфликта с окрестными странами (*terras circumiacentes*), что вполне четко характеризует их как носителей новгородского «суверенитета».

Подводя некоторые предварительные итоги, можно предполагать, что в раннее время (до конца XIII в. включительно) в новгородской официальной документации собственная «полития» имела название «Новгород». В то же время это обозначение не было *terminus technicus* и использовалось также как топоним и – наряду с другими выражениями – как обозначение «политического народа» складывавшейся республики. Обозначение «Новгородская земля» применительно к новгородской политии в официальных документах этого периода не встречается ни разу, в связи с чем его использование в историографии представляется как минимум заслуживающим дополнительного обоснования. Обозначение «Новгородская волость» (новгородские волости), хотя и встречается в ранних грамотах (см.: ГВНП. С. 9–14), имеет либо чисто территориальное значение, причем с оттенком периферийности по отношению к самому городу Новгороду, либо, когда речь идет о новгородских волостях во множественном числе, имеются в виду отдельные территории, находящиеся под управлением Новгорода, или даже еще более мелкие единицы, подвластные его «пригородам» (см. например, в договоре Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 г.: ГВНП. С. 12).

Примечание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00126а.

Литература

Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103.

Горский А.А. Земли и волости // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.

Корецкий В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5.

Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014.

Флоря Б.Н. Новгородская земля в XII–XIII вв. // История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

Чибисов Б.И. Термин «Великий Новгород» в русских источниках XIV–XV вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб., 2012.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

Black A. Guilds and Civil Society in European Political Thought from the Twelfth Century to the Present. L., 1984.

Black A. Communal Democracy and its History // *Black A.* Church, State and Community: Historical and Comparative Perspectives. Aldershot, 2003.

Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964. Sigmaringen, 1974. (Vorträge und Forschungen; Bd. 11).

Russocki S. Protoparlamentaryzm Czech do początku XV wieku. Warszawa, 1973.

А.А. Масленников

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЯ АНТИЧНОГО БОСПОРА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА*

Античные государства классического типа (греческие полисы и латинско-италийские цивитас) как своего рода гражданские общины характеризовались, помимо прочего, наличием определенной внешней территории (округи). Ее размеры в каждом конкретном случае и в каждое конкретное время определялись природными, экономическими, военно-политическими и демо-

графическими факторами и обстоятельствами. Границы таких владений на каждом этапе истории полиса/цивитас, как правило, имели особое сакрально-правовое обоснование, в ряде случаев материализованное соответствующими объектами. В районах, условно говоря, греко-варварской периферии всё это, надо думать, имело свою специфику. Так или иначе, вплоть до появления государственных образований надполисного типа задача специального, сплошного военно-инженерного и административно-правового оформления пограничья по сути дела не ставилась. Но и тогда она «материализовывалась» не сразу. Почти в полной мере, хотя и как бы в миниатюре, всё это относится и к Боспорскому государству. Если же обратиться к так называемому протоэллинистическому, а также (условно) эллинистическому и позднеэллинистическому периодам его истории (IV–I вв. до н.э.), то можно выделить следующие черты и этапы трансформации боспорского пограничья. Остановимся на примерах и ситуациях, имевших место в его европейской части, на сегодняшний день археологически более изученной и, в силу этого, более показательной. Для большей части IV и первой трети III в. до н.э., по-видимому, здесь можно говорить о, так сказать, внутреннем и внешнем пограничье.

Под первым мы понимаем в основном некие условные «линии-границы» хоры греческих полисов и городков, располагавшихся в районе современного Керченского пролива и в ряде иных мест побережья полуострова и составивших этно-культурную и экономическую основу «державы» Спартокидов. При этом вовсе не обязательно их сельские территории (округи) непосредственно соприкасались между собой. Вероятный пример тому Феодосия. Не вполне ясно, как образовались здесь же и по соседству земельные владения (территории) с особым, внеполисным статусом, но явно, по всем показателям с античными характерными чертами (так называемая царская хора в Приазовье, возможно, район мыса Чауда и др. [?]). Вероятно, это были как бы «буферные» пространства с сопредельными варварами и участки («клинья») между полисными землями.

Обращаясь к археологическим признакам вышеописанных (внутренних) вариантов пограничья, следует признать, что таковых немного. Теоретически эти границы для рассматриваемого

времени можно реконструировать исходя из природно-географических особенностей восточной, северо-восточной и юго-восточной частей полуострова, типологии памятников (усадеб) и всё еще весьма приблизительной характеристики степени насыщенности (пространственно-хронологического распределения) объектов археологии и просто – археологических местонахождений. Последняя из этих задач в полном объеме всё еще не решена даже на уровне «неразрушаемой» (виртуально-статистической) археологии.

Совершенно иначе обстоит дело с «внешним» пограничьем. И тут следует отметить, что современная картография, кажется, сыграла с несколькими поколениями боспороведов своего рода «злую шутку». Дело в том, что сами географические очертания Керченского полуострова таковы, что волей-неволей заставляют «проводить» воображаемую линию пограничья по его самой узкой части: так называемому Ак-Монайскому перешейку. Временами это действительно имело место. (Мы убеждены, и этому есть археологические подтверждения, что некие земляные укрепления существовали здесь еще в доантичное время.) Но в рассматриваемый период они, да и перешеек в целом, такой роли не играли. И вот почему. Как известно, и выше мы это уже отмечали, один из вариантов «пограничья» предполагал «на практике» археологически фиксируемое разграничение по признаку различия поселенческих и погребальных памятников. Эта этнокультурная и хозяйственная разница на пространствах собственно Керченского полуострова (условно варварские – скифские селища и могильники части побережья и «глубинки» и «усадьбы» городской и царской хоры) стала очевидной уже достаточно давно. Новейшие же изыскания убедительно свидетельствуют, что зона распространения синхронных и однотипных только что упомянутых памятников «варварского круга» значительно шире. Помимо дальних окрестностей Феодосии она охватывает значительную (если не бóльшую) часть степного центрального и западного Крыма. Иными словами, здесь в IV – первой трети III в. до н.э. существовал единый «массив» некоей общей археологической культуры, под которой мы вправе предполагать одну из областей Великой Скифии, составившую вскорости основу так называемого позднескифского «государства». Что из это-

го следует? А то, что помимо отсутствия прямых письменных свидетельств (что отмечалось уже давно) нет и иных оснований полагать, что бóльшая часть восточного Крыма в это время входила в состав Боспорского государства, а точнее – подчинялась Спартокидам. Вспомним в связи с этим, что скифский царь, в отличие от некоторых местных племен Нижнего или даже Среднего Прикубанья, участвовал в междоусобной войне сыновей Парисада (310/9 г. до н.э.) в качестве союзника, причем союзника легитимного наследника. Но лично при этом он в войне не участвовал. Пешая часть предоставленного им воинского контингента почти наверняка «рекрутировалась» из обитателей упомянутых многочисленных селищ полуострова, т.е. живших относительно недалеко от античного Боспора. Следовательно, Спартокидам эти территории и население не были подвластны и проводить даже умозрительную границу боспорян и скифов по указанному перешейку в это время нет оснований. Собственно, и ставка скифского царя Агара, судя по рассказу Диодора о том, как юный Парисад, сын Сатира, бежал верхом на коне, располагалась относительно недалеко от боспорской столицы – Пантикапея. Нам не ведомо, как впоследствии сложилась судьба этого отпрыска династии Спартокидов. Может быть, именно им или, лучше сказать, для него в глубине Крыма строится некое подобие античного города (городище Вишенное или Ак-Кая). И не породнился ли он со упомянутым скифским царем, «обозначив» тем самым практику браков представителей высшей скифской и боспорской знати, просуществовавшую по меньшей мере до последних «дней» Митридата Евпатора?

Но вернемся к «пограничьям». Ничего соответствующим образом материализованного, скорее всего, не существовало на Ак-Монайском перешейке или несколько западнее и в последующие полтора–два века. Но важно другое. Приблизительно с конца первой трети III в. до н.э. археологическое «содержание» пространств предположительно дальней боспорской (но не городской) хоры (Керченский полуостров) и всего условно равнинного Крыма существенно изменилось. Относительно немногочисленные укрепленные городища, характерные именно для этого времени, повсеместно имеют между собой много общего. Вероятно, хотя и с некоторыми оговорками, то же самое можно

сказать об этнокультурной принадлежности их обитателей. Значит ли это, что территория, собственно подвластная поздним Спартокидам на западе, еще более сократилась? Трудно сказать. Есть мнение, что попытка твердой фиксации границ была предпринята «боспорянами» именно на рубеже этих двух рассмотренных периодов (строительство так называемого Узунларского вала). Впрочем, это могло быть и чисто оборонительное, фортификационное мероприятие, вызванное внезапной опасностью некоего нашествия – тоже своего рода «временная граница». При этом, правда, Феодосия оставалась незащищенным анклавом.

Впоследствии, при царе Асандре (около середины I в. до н.э.) эта «линия» была и усилена, и даже «продублирована» значительно западнее. Оба этих обстоятельства, как известно, надежно засвидетельствованы и письменной традицией, и археологическими изысканиями. Собственно, только с этого времени и можно говорить о подлинно обустроенном, «стационарном», государственном пограничье, что само по себе – еще один признак развития и совершенствования боспорской государственности в соответствии с тогдашними общеантичными представлениями и практикой.

Примечание

* Тезисы и доклад подготовлены в рамках проекта РФФИ № 13-06-00081а.

В.И. Матузова

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ

За пятьдесят лет, прошедших со времени вторжения Тевтонского ордена в Пруссию до 1283 г., были покорены и обращены в христианство прусские племена и завоеваны населенные ими земли. Была заложена территориальная основа для создания автономного орденского государства, возникновение которого было санкционировано обеими верховными властями средневе-

ковья: императором и папой Римским. Теперь на этой территории предстояло создать административную структуру.

Изначально, еще на стадии завоевания, главным элементом административной структуры будущего государства Тевтонского ордена в Пруссии являлась сеть дерево-земляных укреплений (они были не только опорными пунктами, но и административными единицами), которые около середины XIII в. заменяются замками из камня или кирпича. В 1270-е годы складывается тип регулярного замка, имевшего в плане форму квадрата или прямоугольника. Архитектурная программа такого замка отвечала военным и хозяйственным нуждам; одновременно замки служили монастырями и госпиталями. До завоевания собственно Пруссии Тевтонский орден овладел Кульмской землей, воздвигнув в ней несколько крепостей, после чего приступил к завоеванию Помезании (вероятно, 1236–1237 гг.). В ближайшие после этого годы были покорены вармы, натанги и барты. До начала первого восстания пруссов в 1243 г. орден начал заново заселять и застраивать опустошенные земли.

При формировании своей административной системы Тевтонский орден использовал проверенные временем структуры орденов тамплиеров и госпитальеров. Эта административная иерархия находила отражение и в административно-территориальном делении. В Кульмской грамоте 1233 г. выступает Герман Бальк с титулом прецептора (в данном случае соответствовал магистру) «Славянских земель и Пруссии» (в 1237 г., когда Тевтонский орден включил в себя орден Меченосцев и образовался Ливонский орден, титул Германа Балька изменился: «прецептор Тевтонского ордена в Ливонии и Пруссии», и сохранялся в таком виде до введения должности ландмейстера Ливонии). В той же грамоте назван маршал (Дитрих фон Бернхейм), который командовал войсками и был заместителем прецептора. Упомянуты также так называемые «провизоры», должностные лица, стоявшие во главе городов и отвечавшие за хозяйственные вопросы (их появление относится к 1232–1233 гг.). В совокупности эти служащие отвечали за сферы политики, военного дела и экономики.

Вероятно, в 1240-х годах происходят административные изменения: в 1246 г. появляется должность комтура (ученые ус-

матривают связь ее появления с посещением Пруссии верховным магистром Тевтонского ордена Генрихом фон Гогенлоэ), а вслед за ней и административно-территориальная единица – комтурство. Комтурства представляли собой поселения ордена или орденские замки с прилежащими к ним территориями, над которыми стоял комтур. Кроме комтура, в комтурстве согласно уставу ордена должны были проживать 12 братьев-рыцарей, но на деле их число могло варьироваться (быть больше или меньше) в зависимости от обстоятельств. Особенностью комтурств в Пруссии было то, что в их конвентах проживало не менее (а чаще – более) 12 братьев-рыцарей, поскольку существование орденского государства в Пруссии находилось под угрозой со стороны местного населения даже спустя долгое время после подавления второго прусского восстания. Комтурами могли стать только братья-рыцари, т.к. они принимали непосредственное участие в военных действиях. Интересно, что маршал, который нередко замещал ландмейстера, выступая в качестве вице-ландмейстера, не имел собственного комтурства, но входил в окружение ландмейстера и причислялся к его свите. В каждом комтурстве имелся по крайней мере один брат-священник, отвечавший прежде всего за духовное окормление братии, богослужения и молитвы в часовне.

Комтурство было низшей административно-хозяйственной единицей в ордене. В него поступали подати в виде денег и провизии. Более крупные комтурства требовали от своих филиалов сбора податей, которые затем поставлялись в резиденцию верховного магистра ордена. Несколько комтурств образовывали крупную административную единицу ордена баллей (провинцию ордена), во главе которого стоял ландкомтур, имевший резиденцию в одном из крупных комтурств. Ему подчинялись комтуры входивших в баллей комтурств. В Священной Римской империи над ландкомтурами стоял ландмейстер, или дейчмейстер. В Пруссии и Ливонии баллеев не было, но ландмейстер имелся. Со временем ландмейстеры Пруссии и Ливонии уравнялись по своему статусу с дейчмейстером. Все три магистра занимали самую высокую ступень в орденской иерархии после верховного магистра.

По-видимому, формирование сети комтурств началось после подавления первого восстания пруссов в 1249 г. Этот процесс продолжался и во второй половине XIII в. Давалось административно-территориальное строительство нелегко, поскольку нередко нарушалось вооруженными вторжениями и восстаниями пруссов. Так, после подавления второго прусского восстания (1260–1274 гг.) ордену вновь пришлось упорядочивать административно-территориальную систему, т.к. старые структуры оказались разрушенными. Были построены новые крепости: Тапиау (1280 г.), Лабиау (1288 г.), Бартенштейн (1295 г.) и Лохштедт (1305 г.).

В приморских землях Пруссии сеть комтурств не была густой. Полагают, что отсутствовали условия для ее создания. Но для того, чтобы усилить в этих краях территориальную администрацию, орден ввел новые территориальные единицы – в частности, фогтства. Фогты, как правило, подчиненные соответствующим комтурам, выполняли прежде всего хозяйственные и судебные функции. Как следствие, комтуры могли сосредоточиться главным образом на военных операциях.

Орден форсировал основание городов, но едва ли оно велось по заранее продуманному плану. Города были для рыцарей прежде всего укреплениями, торговыми центрами и местами нахождения конвентов и крепостей, в которых они сами жили.

На протяжении средневековья формальная структура ордена с братьями-рыцарями во главе, с братьями-священниками и полубратьями оставалась неизменной. Братья-рыцари задавали тон политике ордена и занимали высшие должности во всех орденских филиалах. Братья-священники могли возвыситься до комтуров незначительных комтурств только в баллеях Священной Римской империи, но никогда не становились ландкомтурами или дейчмейстерами.

Во время первого прусского восстания папский легат Вильгельм Моденский разделил Пруссию на четыре епископства: Кульмское, Помезанское, Вармийское и Самбийское. В этих своих владениях орден жаловал епископам треть соответствующей территории, оставляя за собой две трети. В своих диоцезах епископы были обязаны соблюдать законы ордена. Раздел владений с епископами осуществился только после Христбургского

договора 1249 г.: в 1250 г. с епископом Помезании, в 1251 г. – Вармии и в 1258 г. – Самбии. Соборные церкви были основаны после второго прусского восстания. Капитулы Помезании и Самбии приняли орденский устав. Со второй половины XIII в. епископами нередко становились братья-священники ордена. Орден не был единственным сувереном в завоеванных районах, но, даже уступив часть владений епископам и соборному капитулу, всё же оставался сувереном с обширными владениями и играл господствующую роль в третях, принадлежавших епископам и соборному капитулу.

В отличие от мелких разрозненных территорий ордена в Империи, в Пруссии орден сумел создать обширное и сильное государство, просуществовавшее до 1525 г.

Литература

Рогачевский А.Л. Очерк истории Кульмского права // *Рогачевский А.Л.* Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. СПб., 2004. С. 37–160.

Dygo M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach: Władza i społeczeństwo. Warszawa, 2008. S. 53–78.

Dygo M. Ekspansja terytorialna i władztwo terytorialne (1249–1309) // Ibid. S. 79–104.

Militzer K. Die Geschichte des Deutschen Ordens. 2. Aufl. Stuttgart, 2012.

Е.А. Мельникова

ДОГОВОРЫ О ГРАНИЦАХ (АНГЛО-САКСОНСКАЯ АНГЛИЯ И СКАНДИНАВИЯ)

Одним из важнейших процессов в становлении ранних государств является формирование их территории и фиксация ее границ. Однако ни данные археологии, ни письменные источники в странах Северной, Центральной и Восточной Европы не содержат сведений о границах того или иного государства, иногда даже спустя несколько столетий после завершения здесь политогенеза. Как правило, известны центры власти политий, но определить их территорию практически невозможно. Так, например, полития начала IX в. в Дании, возглавлявшаяся Гот-

фридом, а затем его племянником (?) Хеммингом, бесспорно имела центром Хедебю; территория же, на которую распространялась их власть, остается спорной: была ли это только южная часть Ютландского полуострова (что не вызывает сомнений), или же она охватывала всю Ютландию, или также и Датские острова, а может быть и Сконе. Невозможно достоверно установить, какую территорию занимала полития Рюрика с центрами в Ладоге и Городище: только Волховско-Ильменьский регион, или она распространялась на восток до Ярославского Поволжья, на северо-восток до Белого озера, на запад до Пскова и т.д. Но даже и в более позднее время, когда ядро государственной территории уже сформировалось, ее периферия неопределенна, более или менее устойчивые границы, как правило, проходят по естественным преградам: рекам, лесам, горным массивам и т.п., которые образовывают пограничную зону – своего рода «ничью землю». Именно таким образом описываются границы Норвегии в географическом трактате последней четверти XII в.:

> «Норвегией называется [государство], протянувшееся с севера от Вэгистава (там – Финмарк, это около Гандвика [Белого моря. – *Е.М.*]) на юг до Гаутэльва. Границы этого государства [*ríki*]: Гандвик – на севере, а Гаутэльв – на юге, Эйдаског – на востоке, а пролив острова Энгуль – на западе» (Мельникова 1986. С. 78).

Редкие обитатели Эйдаскога (*Eiðaskógr*, букв. «Лес на перешейке»), судя по сагам, не считали себя подданными ни норвежского, ни шведского конунга. Сложнее обстояло дело там, где такие маркеры отсутствовали: видимо, здесь в действие вступала традиция, «общеизвестность» отнесения того или иного населенного пункта с прилегающими к нему землями к определенному политическому образованию. Однако эта традиция либо не фиксировалась в письменной форме, либо ее запись происходила значительно позже времени образования политии и производилась с целями налогообложения (ср. *Liber census Daniæ* датского короля Вальдемара II, писцовые книги).

Тем ценнее крайне редкие случаи, когда до нас дошли письменные тексты, в которых определяются государственные границы. Таких случаев мне известно три: один в Англо-Саксонской Англии, два других – в Скандинавии. Все описания

были вызваны конфликтной ситуацией – необходимостью разграничения территорий, принадлежащих соседним соперничающим за власть над регионом государственным образованиям.

Завоевание восточной Англии скандинавами во второй половине IX в. и их расселение на значительной территории поставило короля Уэссекса Альфреда Великого перед необходимостью локализовать врага, продолжавшего представлять серьезную угрозу Уэссексу. Благодаря нескольким победам, Альфреду удалось вынудить предводителя «данов» (как их называют английские источники) заключить мирный договор, определявший, в числе прочего, область, переходившую под власть скандинавского правителя – Денло («Область датского права»). Описание границ Денло стало первым пунктом заключенного договора:

> «Первое, о нашей границе: вверх по Темзе, далее вверх по Ли и вдоль Ли до ее истока, оттуда напрямую до Бедфорда, далее по Узу до Уотлинг-Стрит» (Liebermann 1898. S. 126; Англосаксонская хроника 2010. С. 137).

Политическая цель Альфреда отчетливо проступает в этом параграфе: граница устанавливается не для всей области расселения норманнов, а только для той ее части, которая граничит с Уэссексом. Западные и северные рубежи Денло не оговорены. В определении границы основную роль играют реки: она идет по Темзе, ее притоку Ли, затем, после сухопутного участка, по Узу и далее по древней бриттской, усовершенствованной римлянами дороге, связывавшей юго-восточную Англию (Кентербери) с северо-западом (доходила до Роксетера на современной границе Англии и Шотландии). Только один, небольшой, участок границы – между Ли и Узом – не имеет естественных маркеров, и главным ориентиром здесь становится стоящий на Узе Бедфорд.

Принципы маркирования границы между политическими образованиями, Уэссексом и Денло, радикально отличаются от способов определения границ небольших земельных участков – пожалований англо-саксонских королей. Так, по жалованной грамоте короля Эдгара некоему Эалхстану (958 г.)

> «…эта земля окружена такими границами: сначала от мельничного брода вдоль [реки ?] Эрроу, затем до Уошфорда, от Уошфорда

вдоль Эрроу вокруг вершины Холанейг; от вершины Холанейг до вершины дубовой гряды, затем вдоль вершины дубовой гряды, затем к началу мощеной дороги на пастбище, затем от мощеной дороги на пастбище вокруг Ханли к мосту Экна…» (S 677).

Грамота написана на латыни, однако описание границ дано на древнеанглийском языке. Такое сочетание двух языков типично для англо-саксонских жалованных грамот и отражает использование местной традиции, опирающейся на микротопографию и микротопонимию, которые включают как природные (вершина холма, гряда, брод), так и рукотворные объекты (мощеная дорога, брод у мельницы).

Скандинавские разграничительные договоры касаются государственного размежевания на юге Скандинавского полуострова: между Данией и Швецией (*Landamæri I*, «Пограничье земель») и между Данией, Норвегией и Швецией на юго-западе и юге Вестерётланда (*Landamæri II*, или *Västgötalagens gränslista*, «Перечень границ Законов Вестерётланда»). Тексты обоих договоров в большинстве из многочисленных рукописей (всего около 15-ти, их описание см.: Krambs 2014. S. 5–6) следуют один за другим, отчего ранее их считали одним договором (разделены: Lindquist 1941. S. 40–41, 65). Первый из договоров упомянут в «Перечне христианских конунгов» – дополнении, сделанном около 1325 г. в древнейшей рукописи старшего Вестёталага (свода законов Вестерётланда, составленного в 1219–1220 гг.), Cod. Holm. B 59 (A), ок. 1280 г.: «Третьим был Эмунд Дурной (*Emund Slemme*), потому что он был скупым и не крепким верой… и он установил границы между Швецией и Данией, как [записано] в “Границах земель” (*Landegrænser*)» (Äldre Västgötalagen. B. 2. S. 196–197). Поскольку тексты обоих *Landamæri* присутствуют в сборнике, то эта запись, возможно, вторична по отношению к ним.

Landamæri I описывает рубеж между датскими Халландом и Блекинге и шведскими Вестерётландом, Смоландом и Мёром:

«Эмунд Дурной был конунгом в Упсалах, и Свен Вилобородый в Данмарке. Они установили пограничные знаки между Сверики и Данмарком. Это засвидетельствовали *Cakaldi* (написание имен этого и других свидетелей различается в разных рукописях. – *Е.М.*) из

Тиундаланда [область в Упланде], Боте из Фьёрундаланда [область в Упланде], Гаси из Вестманналанда, Гримальди из Эстерётланда, Нэннира из Смоланда, Торстена из Вестётланда, Толе из Ютланда, Тоте и Токе из Юлланда, Гимкиля из Сьяланда [о. Зеландия], Дана из Сконе, Гриметуна из Халланда. Эти двенадцать [человек] установили шесть камней между государствами (*rikiænnæ*). Первый камень у *suntrvasi* (*Suntru* ås). Второй в *danæbæc*, третий – камень *kinnæ*. Четвертый [в] *uracsnæsi*. Пятый – камень *hvitæ*. Шестой – камень *brimsæ* между Блекинге и Мёре» (Äldre Västgötalagen. B. 2. S. 160–161).

Главная проблема датировки и интерпретации договора заключается в разновременности жизни названных конунгов: Эмунд Старый, или Дурной, правил после своего брата Анунда-Якоба (ум. 1050) и умер в 1060 г. Он упоминается Адамом Бременским, который также отмечает нетвердость Эмунда в вере, имея в виду его плохие отношения с Гамбургским архиепископством (Адам. III. XV [14]. С. 153). Свен Вилобородый умер в Англии 2 февраля 1013 г. Предполагалось, что прозвище Свена ошибочно – должен был быть назван современник Эмунда Свен Эстридсен (правил с 1047 по 28 апреля 1074 или 1076 г.), и, таким образом, договор может быть датирован 1050-ми годами. Отсутствие разночтений в рукописях при определении имени Свена послужило П. Сойеру главным основанием для передатировки договора первой половиной XIII в. Текст, по мнению Сойера, был составлен датчанами, когда память об участниках договора была частично утрачена, а датчанам было необходимо подтвердить свои права на владение соответствующими областями (Sawyer 1988; 1991. P. 21–22). Однако выглядит странным, что именно датчане могли перепутать имя или прозвище своего конунга, тем более что в их распоряжении в XIII в. были такие авторитетные источники, как хроники Адама Бременского, Свена Аггесена, Саксона Грамматика. Более того, на протяжении XI–XIII вв. нет ни одного случая одновременного правления конунгов/королей с такими именами, кроме Эмунда Старого (он – вообще единственный шведский правитель с этим именем) и Свена Эстридсена. Поэтому более вероятной представляется поздняя запись устного договора середины XI в.: в то время ни в Дании, ни особенно в Швеции латинская письменность еще не на-

шла широкого применения, а делопроизводство находилось в зачаточном состоянии. Договор мог сохраняться в устной форме длительное время и быть записан намного позже, когда и появилась ошибка, воспроизведенная всеми последующими копиистами (рукопись ок. 1280 г. и сама является копией более ранних записей Старшего Вестёталага: его древнейший фрагмент датируется временем ок. 1250 г.).

Landamæri I не просто описывает границу между Швецией и Данией, но и фиксирует ее демаркацию установкой «пограничных» камней представителями обеих сторон (по шесть с каждой стороны). Местоположение всех камней, кроме 1-го и 5-го, достаточно надежно установлено (Kallén 1924; Svennung 1966): они названы по расположенным поблизости поселениям и не связаны с естественными преградами. Несколько камней (в том числе 2-й и 4-й из *Landamæri I*) – разграничительных знаков – упомянуты в *Liber census Daniae* (1231–1232).

Время составления *Landamæri II* (в литературе часто называется *Danaholm föredraget*) определяется древнейшей рукописью – до 1280 г. (обычно – XIII в.). После вступления о разделе острова Данахольм между Данией, Швецией и Норвегией следует перечень около 100 пунктов, очерчивающих границы Вестерётланда, точнее область действия Законов Вестерётланда:

> «Данахольм разделен на три части. Одной частью владеет упсальский конунг, второй владеет датский конунг, третьей частью владеет норвежский конунг Когда проходила их встреча, конунг данов держал уздечку упсальского конунга, а норвежский конунг его стремя (в некоторых датских рукописях на коне сидит конунг данов, а шведский и норвежский конунги держат его коня. – *Е.М.*). Вот начинается на Данахольме. От Данахольма и в *Stämmesund*. От *Stämmesund* и в *Kleva*. От *Kleva* и в *Slättås*...» (Äldre Västgötalagen. B. 2. S. 161).

Данехольм – маленький островок к западу от устья Гётаэльв, откуда перечень идет на восток вдоль побережья до Фегена и далее разграничивает Вестрётланд и Халланд вплоть до области Финнведен в Смоланде. Следующая часть списка начинается от Фегена до оз. Веттерн, служившего естественной границей области, и продолжается по границе с Даларна. Границы с Нэрке

между оз. Веттерн и Венерн и в Тиведене отмечены лишь несколькими пунктами. Маркерами границы являются как природные объекты: острова, озера, мысы, так и населенные пункты.

Таким образом, определение государственных границ уже на ранних этапах политогенеза становится предметом межгосударственных договоров. При проложении новых границ максимально используются естественные преграды, при фиксации традиционно сложившейся границы – разнообразные маркеры, как природные, так и рукотворные, в том числе и специально устанавливаемые «пограничные знаки» – камни.

Примечание

* Работа выполнена рамках проекта № 15-01-14010 РГНФ.

Литература

Адам Бременский. История архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.

Англосаксонская хроника, IX–XI века / Изд. подгот. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010.

Howe N. Writing the Map of Anglo-Saxon England. Essays in Cultural Geography. Yale, 2008. P. 29–48

Kallén J. Halländska gränsmärken. Göteborg, 1924.

Krambs K. Et kongemøde seks grænsesten & Danaholmen. 2014 // <http://www.vikingetidenskonger.dk/wp-content/uploads/Et-kongem%C3%B8de-seks-gr%C3%A6nsesten-Danaholmen.pdf> (6.03.2015).

Liebermann F. Die Gesetze der Angel-Sachsen. Halle a. Saale, 1898. Bd. 1.

Lindquist I. Västgötalagens litterära bilagor: medeltida svensk småberättelsekonst på poesi och prosa. Lund, 1941. (Skrifter utg. av Vetenskapssocieteten i Lund; 26).

S – The Electronic Sawyer: On-line catalogue of Anglo-Saxon charters // <http://www.esawyer.org.uk> (6.03.2015).

Sawyer P. "Landamæri I", den förmodade gränsläggningstraktaten från 1000-talets mitt // Festskrift til Olaf Olsen på 60-årsdagen den 7. juni 1988. Viborg, 1988. S. 165–170.

Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås, 1991.

Svennung J. Gränsdragningen mellan Sverige och Danmark på 1000-talet // Fornvännen. 1966. Årg. 61. S. 219–229.

Äldre Västgötalagen og dens bilag i Cod. Holm. B 59 / Utg. P.-A. Wiktorsson. Skara, 2011. B. 1–2.

Д.Е. Мишин

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА ЛАХМИДОВ

Государство Лахмидов со столицей в Хире на протяжении нескольких столетий (по крайней мере, в V–VI вв.) было надежным сателлитом Сасанидов и проводником их политики среди арабов. Лахмидские цари упоминаются во многих источниках, однако вопрос о границах их государства весьма неясен. Из сведений источников наиболее ценно указание мусульманского историка ат-Табари (838/39–923), который, повествуя о царе ал-Мунзире III (ум. 554), сообщил, что тот правил землями между Оманом, Бахрейном и Йемамой вплоть до Таифа, а также Хиджазом (ат-Табари 1964. P. 958). Это представляется вполне правдоподобным, т.к. Сасаниды едва ли напрямую контролировали северную часть Аравийского полуострова, что было сопряжено с необходимостью содержания гарнизонов, дорогостоящих походов против непокорных племен и т.д.

Но в некоторых источниках появляются фрагменты, из которых можно было бы заключить, что власть Лахмидов простиралась и на другие регионы. В средневековой мусульманской литературе популярна история гибели поэта Тарафы Ибн ал-ʿАбда, выходца из племени Дубайʿа, принадлежавшего к союзу племен Бану Бакр Ибн Ваил. Прожив немногим более двадцати лет (по некоторым сведениям, он даже не дожил до двадцати), он стал одним из классиков средневековой арабской поэзии и оставил обширное творческое наследие. Как часто случалось в то время, талант Тарафы не остался незамеченным. Молодой стихотворец вместе со своим дядей ал-Муталаммисом, тоже поэтом, был принят при дворе сына ал-Мунзира III, царя ʿАмра Ибн ал-Мунзира (554–570), которого в честь матери, дочери знаменитого киндитского царя ал-Хариса, именовали ʿАмр Ибн Хинд. Но придворный этикет был не по душе свободолюбивому поэту, и он стал порицать ʿАмра в своих стихах; то же самое делал и ал-Муталаммис. Наконец до ʿАмра дошел один из стихов, показавшийся ему особенно обидным. Царь разгневался, но казнить Тарафу не стал, т.к. не желал открытого конфликта с влиятельным родом, к которому принадлежал поэт. Вместо этого ʿАмр отправил Тарафу и ал-Муталаммиса к своему наместнику на Бахрейне, дав каждому из них запечатанную грамоту. Поэтам

было сказано, что наместник, прочитав грамоту, щедро одарит их. Тарафа и ал-Муталаммис отправились на Бахрейн. В пути ал-Муталаммис распечатал врученную ему грамоту, и выяснилось, что ʻАмр велел казнить обоих поэтов. Ал-Муталаммис немедленно развернулся и стал спасаться бегством, посоветовав Тарафе сделать то же самое. ʻАмр приказал своим наместникам задержать ал-Муталаммиса, но последнему все же удалось укрыться в Сирии, где правила враждебная Лахмидам династия Гассанидов. Тарафа же не прислушался к словам дяди и продолжил путь. Он доехал до Бахрейна и был казнен (ал-Муфаддал 1882–1883. С. 83; Тарафа 1901. Араб. текст, с. 99–100; Ибн Кутайба 1904. P. 85–89; Абу-л-Фарадж ал-Исфахани 1905. Т. 21. С. 125; Ибн аш-Шаджари 1925. С. 30; ал-Марзубани 1982. С. 201–202).

В этой истории весьма интересна фигура наместника. Из авторов, на труды которых мы сослались выше, Ибн Кутайба (ум. 889/90) и Ибн аш-Шаджари (1058–1148) говорят о «его» (т.е. ʻАмра) наместнике Бахрейна, Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (ум. в 976 г.) и автор комментария к *диван*-у Тарафы Йусуф аш-Шантамри (1019/20–1084) – о его (опять-таки ʻАмра) наместнике Бахрейна и Хаджара. У ал-Муфаддала (середина VII в.) речь идет только о Хаджаре. Очень интересна самая подробная версия рассказа о Тарафе, принадлежащая Абу Зайду Мухаммаду ал-Кураши (ум. 786/87). По его словам наместник Бахрейна и Хаджара, покровительствовавший возлюбленной Тарафы Хауле, не желал казнить поэта, о чем известил ʻАмра. В ответ царь сместил наместника и назначил другого, принадлежавшего к союзу племен Бану Таглиб. Тот не питал теплых чувств к бакриту Тарафе и без колебаний казнил его (ал-Кураши 1963. С. 74–76).

Итак, в арабских преданиях появляется лахмидский наместник Бахрейна и Хаджара. Он не просто считается подчиненным лахмидского царя; последний может без оглядки на Сасанидов сместить его. Но достоверность этих сообщений вызывает большие сомнения. Согласно мусульманским авторам, персы вторглись на Бахрейн еще при основателе династии Сасанидов – Ардашире I (225–240). В «Книге длинных сообщений» (*Китаб ал-ахбар ат-тивал*) ад-Динавари (ум. 895/96) содержится рассказ о том, что Ардашир лично ходил походом на Бахрейн, одержал победу над местным царем и разрушил его столицу (ад-Динавари 1960. С. 43). У того же ад-Динавари, а также у некоторых других авторов мы читаем, что при Ардашире на Бахрейне был

построен город (ад-Динавари 1960. С. 45; ср. Хамза ал-Исфахани 1844. P. 48; ат-Табари 1964. P. 820). В произведениях мусульманских авторов название этого города сильно искажено арабской графикой, однако весьма правдоподобным кажется предложенное Й. Марквартом чтение *Paniat-Ardašīr* (Marquart 1901. S. 42). Эта гипотеза подтверждается печатью сасанидского *амаргар*-а (чиновника по сбору податей) Даринига (*Darīnīg*, остров Дарин) и Пуньят-Ардашира (*Punyāt-Ardašīr*) (Herzfeld 1930. P. 32). *Punyāt*, кажется, имеет то же значение, что и современное *bunyād* (постройка). Естественно считать, что в построенном Сасанидами городе находились персидский гарнизон и чиновники.

Для более позднего времени, начала VII в., мы видим на Бахрейне сасанидского наместника Азад-Пероза, сына Гушнаспа, известного жестокими репрессиями против арабов (см.: Хамза ал-Исфахани 1844. P. 138; ал-Балазури 1866. P. 85; ат-Табари 1964. P. 985). Мы знаем также, что в Хаджаре одно время пребывал сасанидский *марзбан* (военный комендант приграничной области) Сибохт (ал-Балазури 1866. P. 78). Нет никаких аргументов в пользу того, что Сасаниды, однажды завоевав Бахрейн и укрепившись на нем, на какое-то время отдали его под управление Лахмидов, а затем вернулись назад.

Этот вывод не соответствует легенде о Тарафе, однако, к счастью, мы можем решить возникшее противоречие на основе сведений, обнаруживающихся в *диван*-е ал-Муталламмиса, дошедшем до нас с комментариями двух видных знатоков доисламской истории и поэзии – Абу ʻУбайды Муʻаммара Ибн ал-Мусанны (ум. 824/25 или 828/29) и Абу-л-Хасана ал-Асрама ʻАли Ибн ал-Мугиры (ум. 846/47). В этом источнике подробно излагается история о том, как царь ʻАмр решил погубить Тарафу. Мы находим, в частности, интересную подробность: родственники Тарафы из племени Бану Саʻлаба составляли значительную часть лахмидского войска, и ʻАмр не казнил поэта потому, что опасался мятежа. По той же причине Тарафа безбоязненно продолжил путь на Бахрейн, рассчитывая, что его не тронут. Но в *диван*-е ал-Муталламмиса царь ʻАмр посылает Тарафу к своему наместнику, ведавшему сбором дани (*джибайа*) с арабов Бахрейна (ал-Муталламмис 1970. С. 54–58). Власть наместника, следовательно, распространялась не на Бахрейн и Хаджар в целом, а лишь на арабов, живших в тех областях.

Таким образом, во время правления ʻАмра Ибн ал-Мунзира у Бахрейна было два наместника. Один из них, персидский,

управлял городом и крепостями, где стояли сасанидские гарнизоны. Другой, лахмидский, правил арабскими племенами пустыни и взимал с них дань. Похожую картину рисует для несколько более позднего времени, начала VII в., ал-Балазури. По его словам «земля Бахрейна принадлежала к царству персов; в ней было много арабов из [племен] ʻАбд ал-Кайс, Бакр Ибн Ваил и Тамим, которые (т.е. арабы. – *Д.М.*) жили в пустыне» (ал-Балазури 1866. P. 78).

Сказанное вызывает в памяти один более ранний эпизод из жизни великого поэта доисламской Аравии Имру-л-Кайса (середина VI в.). Пребывая в изгнании, он на какое-то время нашел убежище все у того же ʻАмра, который тогда еще не занимал престол и был наместником своего отца, ал-Мунзира III, в Бакке (Абу-л-Фарадж ал-Исфахани 1905. Т. 8. С. 67). Бакка – крепость на берегу Евфрата, в двух *фарсах*-ах от Хита со стороны Ирака (De Goeje 1885. S. 4). Очевидно, она входила в число тех крепостей, которые сасанидские цари воздвигли или отстроили по течению Евфрата для предотвращения нападений римлян и подчиненных им арабских племен на район столицы державы – Ктесифона. В крепостях были размещены персидские гарнизоны. Маловероятно, чтобы они были отданы под начало даже не самого царя Хиры, а его наместника. Опять-таки, напрашивается трактовка, согласно которой власть ʻАмра распространялась только на арабов, находившихся в районе Бакки.

К упоминаниям о лахмидских наместниках в источниках исламской эпохи следует, разумеется, относиться критически. Пересказывая легенды прошлого, мусульманские авторы не всегда представляли себе систему управления в давно ушедшем в прошлое государстве Лахмидов. Но люди, вершившие власть над арабскими племенами на Бахрейне и в Бакке, наверное, были: в противном случае придется подвергнуть сомнению достоверность сообщений источников. Видимо, в рассматриваемых случаях мы имеем дело с той же системой, которая применялась в Омане: персы удерживали ключевые стратегические пункты, но местными племенами управляли через подчиненных им арабских правителей. Власть Лахмидов, таким образом, простиралась за пределы территорий, которые, строго говоря, были отданы им в управление. Вернее было бы говорить, что территория Лахмидского государства определялась не границами на местности, а тем, какие арабские племена были подчинены им и признавали их власть.

Источники и литература

Абу-л-Фарадж ал-Исфахани – Китаб ал-агани ли-л-имам Аби-л-Фарадж ал-Исфахани [Книга песен имама Абу-л-Фараджа ал-Исфахани]. Каир, 1905.

ал-Балазури – Liber expugnationis regionum auctore... al-Beládsorí. Leiden, 1863. Pars 1.

ад-Динавари – Ал-Ахбар ат-тивал. Талиф... ад-Динавари [Долгие сообщения. Сочинение... ад-Динавари]. Каир: Визарат ас-сакафа ва-л-иршад ал-кауми, ал-Идара ал-амма ли-с-сакафа, 1960.

Ибн Кутайба – *Ibn Qotaiba.* Liber poësis et poëtarum. Lugduni Batavorum, 1904.

Ибн аш-Шаджари – *Мухтарат Ибн аш-Шаджари.* [Избранные произведения [, собранные] Ибн аш-Шаджари]. Каир: Матбаат ал-и'тимад, 1925.

ал-Кураши – Джамхарат аш'ар ал-'араб талиф Аби Зайд... ал-Кураши [Собрание стихов арабов, сочинение Абу Зайда... ал-Кураши]. Бейрут: Дар садир, 1963.

ал-Марзубани – Муджам аш-шуара (*айн–йа*) ли-л имам... ал-Марзубани [Справочник поэтов (буквы *айн–йа*) имама... ал-Марзубани]. Ал-Муталиф ва-л-мухталиф фи асма аш-шуара... ва бад шири-хим ли-л имам... ал-Амиди [Согласующееся и различающееся в именах поэтов... и некоторых их стихах... имама... ал-Амиди]. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 1982.

ал-Муталаммис – Диван ши'р ал-Муталаммис ад-Дуба'и [Собрание стихов ал-Муталаммиса ад-Дуба'и]. Каир: аш-Шарика ал-мисриййа ли-т-тиба'а ва-н-нашр, 1970.

ал-Муфаддал – Амсал ал-'араб ли-л-Муфаддал ад-Дабби [Памятные изречения арабов [, сочинение] ал-Муфаддала ад-Дабби]. Константинополь, 1300 г.х. [1882/83].

ат-Табари – Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Leiden, 1964. Ser. 1.

Тарафа – Dîwân de Ṭarafa Ibn al-'Abd al-Bakrì. P., 1901.

Хамза ал-Исфахани – Hamzae Ispahanensis Annalium libri X. Petropoli; Leipzig, 1844. T. 1.

De Goeje M.J. Zur historischen Geographie Babyloniens // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1885. N 38.

Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930. (Memoirs of the Archaeological Survey of India; N 38).

Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. B., 1901.

Ю.М. Могаричев

К ВОПРОСУ О ХЕРСОНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

Система управления подконтрольными Византийской империи территориями в Крыму не являлась постоянной и трансформировалась под воздействием различных политических, экономических и иных факторов. В определенные периоды Константинополь «распылял» рычаги власти по отдельным, относительно небольшим административным образованиям (архонтиям, фемам). Иногда контроль за имперскими владениями сосредотачивался в одном центре – Херсоне. При этом под управление византийских наместников, как правило, попадали и ромейские земли на бывшем азиатском Боспоре.

В историографии сформировалось устойчивое представление о том, что в состав Византийской империи Боспор (территории по обеим сторонам Керченского пролива) был включен при Юстиниане I в промежутке между 527 и 534 гг. В 576 г. его захватили и разграбили тюрки. В 581 г. их государство распалось, тюрки были вынуждены уйти из Крыма, и здесь восстановилась византийская власть (Айбабин 1999. С. 94–95; Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007. С. 19, 34; Сорочан 2005. С. 146–149).

Согласно строительной надписи 590 г., обнаруженной в Тамани в 1803 г., после ухода тюрок византийскими владениями здесь управлял дука Херсона Евпатерий, который по поручению императора Маврикия «на Боспоре великолепное кесарское здание возобновил» (Латышев 1898. С. 105–109). Очевидно, что тогда имперские территории на европейском и азиатском Боспоре вошли в состав дуката с центром в Херсоне. Присутствие дуки фиксируется в Крыму со времен Юстина II (Сорочан 2005. С. 150–200). Вряд ли указанная надпись имела керченское происхождение. Напротив, можно с большой долей вероятности утверждать, что Боспором византийцы в конце VI в. именовали не только бывший Пантикапей, но и свои владения на обоих берегах Керченского пролива. При этом увековечивание надписью «возобновления кесариона», т.е. некоего имперского, административного здания, подчеркивает важность данного события, ко-

торое вполне могло быть связано с обустройством византийских властей на Таманском полуострове, скорее всего, в Гермонассе или Фанагории – боспорских центрах, сохранившихся после тюркской экспансии куда лучше, чем Боспор-Пантикапей. В тот же период византийцы основывают крепость в Сугдее, на крайних границах бывшего Боспорского царства. Древнейшие археологические комплексы там, скорее всего, могут быть отнесены ко второй половине VI – первой половине VII в. Подтверждают это и данные так называемого судакского архива печатей (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009. С. 133–134, 176).

Следовательно, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма корректирует свою систему управления территорией опустевшего бывшего Боспорского царства. В Крыму место разрушенного тюрками города Боспор, остающегося центром епископии, занимает новая крепость Сугдея. По крайней мере, обнаруженные здесь печати византийских чиновников таможенной и налоговой служб, ипатов и отставных ипатов, эпархов, табулляриев и хартулариев позволяют предполагать, что с момента своего основания Сугдея была не просто береговым укреплением и временной стоянкой для судов, но и неким важным центром, уже с середины VIII в. ставшим резиденцией главы одноименной епархии (Там же. С. 206–207; Сорочан 2005. С. 310–326). Не случайно корпус византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все известные находки подобных монет в Крыму (Гурулева 2004. С. 435). Управление же землями на азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания».

Когда город Боспор вновь стал административным центром? Очевидно, после перехода контроля над территорией азиатского Боспора к хазарам. По сообщениям Феофана Исповедника и патриарха Никифора, Юстиниан II, после бегства к хазарам, женился на сестре хагана, а местом его пребывания была определена Фанагория. Эти же источники позволяют констатировать пребывание в Фанагории в начале VIII в. двух хазарских чинов-

ников, причем один из них имел должность «архонта Скифского Боспора» и не был хазарином (Чичуров 1980. С. 62–65, 163–166). У Никифора при описании событий 711 г. также фигурирует архонтия Боспор, которая стоит в едином смысловом блоке с Херсоном и другими территориями, подчиненными Византии (Там же. С. 164). Появление на Керченском полуострове переселенцев из Хазарского каганата, основавших под контролем Византии порядка 250 новых поселений (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007. С. 140–143), тем более требовало наличия здесь административного центра. В начале IX в. Епифаний Монах отмечает город Боспор как место пребывания епископа Колимвадия и некого «ипопсифия» Георгия (Виноградов 2005. С. 311–312).

С середины IX и до последней трети X в. эпиграфические и сфрагистические источники фиксируют в качестве местных имперских правителей стратигов Херсона. Скорее всего, их власть распространялась на все византийские владения в Крыму. При этом сведения о контроле правителя херсонской фемы в рассматриваемый период над землями восточнее Боспора Киммерийского отсутствуют. Если признать достоверной информацию Кембриджского анонима (Голб, Прицак 1997. С. 141), то еще в период правления Романа Лакапина (919–945) эта территория принадлежала хазарам. С конца X в. там закрепляется Тмутараканское княжество (Чхаидзе 2012). При этом однозначно отрицать возможность перехода на короткое время к Византии контроля над некоторыми пространствами на азиатском Боспоре также не представляется возможным. По крайней мере, выявление в Таматархе большого числа печатей главных логофетов и иных имперских чиновников IX–X вв. (Чхаидзе 2008. С. 240–250) позволяет говорить об активных контактах этого пункта с Византией.

С конца X в. можно констатировать дробление херсонской фемы. Приблизительно к 971–976 гг. отдельная фема была создана на Боспоре (Степаненко 2008. С. 31). Такое же административно-территориальное подразделение, судя по сфрагистическим источникам, было учреждено в конце X – начале XI в. в Сугдее (Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009. С. 188).

Строительная надпись стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата (Латышев 1898. С. 15–19) позволяет считать, что к 1059 г.

Сугдейская фема вошла или была объединена с фемой Херсон. Скорее всего, «укрупнению» крымских фем способствовал внешний, возможно, половецкий фактор, который стал отчетливо проявляться именно с середины XI в.

Следующим шагом Константинополя стало создание нового военно-административного формирования – катепаната, зафиксированного в печати Никифора Алана (вторая половина XI – рубеж XI–XII вв.): «Богородица, помоги Никифору Алану, вестарху и катепану Херсона и Хазар(ии)» (Алексеенко 2012. С. 11). Вероятнее всего, под Хазарией следует понимать территорию (или часть ее) бывшего Тмутараканского княжества. В 1094 г. оно в последний раз упоминается в ПВЛ, а его земли отошли Византии (Литаврин 1999. С. 502). И прежде византийские власти не оставляли без внимания эту территорию, и в разное время в Тмутараканском княжестве доминировало то русское, то византийское влияние, что нашло отражение в сфрагистике и нумизматике. Примечательно, что ПВЛ под 1066 г. упоминает херсонского катепана в сюжете, непосредственно связанном с Тмутараканью.

Вероятно, когда земли на азиатской стороне Боспора вернулись в состав Империи ромеев, административно они вошли в состав катепаната с центром в Херсоне. Очевидно, под влиянием внешнего фактора рычаги и средства управления не «распыляются» по отдельным городам, а сосредотачиваются в удаленном от степей и, соответственно, более защищенном Херсоне – оплоте Византии в Северном Причерноморье.

Таким образом, византийские наместники Херсона получали власть над имперскими владениями на азиатском Боспоре в периоды, когда эти земли возвращались под контроль империи после долгих лет варварского господства. Тогда Константинополь концентрировал все рычаги управления своими владениями в одном центре – Херсоне – в рамках обширной «крымской» административно-территориальной единицы, в которую включались и «азиатские» территории.

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Алексеенко Н.А. Херсон – Корсунь: от архонтии до катепаната в инфраструктуре византийской административной системы // Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государств: Мат-лы конф. М., 2012.
Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. Апостоле Андрее. СПб., 2005. Т. 1.
Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. Иерусалим, 1997.
Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // ССб. 2004. [Вып. 1.]
Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1898.
Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. СПб., 1999.
Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1.
Степаненко В.П. Цула и Херсон в российской историографии XIX–XX вв. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008.
Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
Чхаидзе В.Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
Чхаидзе В.Н. Тмутаракань – владение древнерусского государства в 80-е гг. X – 90–е гг. XI в. // ССб. 2012. Вып. 5.

Е.А. Молев

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ БОСПОРА В VI в. до н.э.

В истории Боспора принято выделять четыре основных периода: 1) территориальное и государственное формирование Боспора (VI–IV вв. до н.э.); 2) существование на Боспоре государства типа эллинистических монархий (III–II вв. до н.э.); 3) Боспор под властью царей Понта (конец II – первая половина

I в. до н.э.); 4) Боспорское царство – сателлит Рима (вторая половина I в. до н.э. – IV в. н.э.) (Шелов-Коведяев 1985. С. 6). Нас в данном случае интересует первый период, а точнее лишь его первая часть – время до установления власти Археанактидов в Азии, т.е. до 480 г. до н.э. Вопрос, который хотелось бы уточнить: есть ли корни специфики боспорской государственности, сложившейся позднее, и, при этом, неважно при Археанактидах или Спартокидах?

Сразу оговоримся, что центром боспорской государственности мы (вслед за античными авторами: Ps. Skymn. 835–840; Diod. XX. 24; Amm. Marc. XXII. 8. 26) считаем Пантикапей (Молев 1997. С. 5), и потому процесс территориального и государственного формирования Боспора для нас будет, прежде всего, процессом пространственного и качественного развития пантикапейского полиса.

Нам уже приходилось говорить о причинах своеобразия пути развития боспорской государственности в целом (Молев 2012. С. 77–79). Обратимся теперь к самому раннему периоду истории Боспора. Первым и весьма важным преимуществом Пантикапея перед другими полисами региона было то, что он был первой колонией на побережье Керченского пролива – древнего Боспора Киммерийского, и к тому же обладал лучшей гаванью. Это с неизбежностью делало его притягательным (на самом раннем этапе – информационным, а позднее и экономическим) центром для всех последующих колоний, выводимых в регион. Не случайно и в более поздние времена Пантикапей, по словам Страбона, «был складским местом для товаров, прибывающих на Боспор с моря» (XI. 2. 10).

Это же преимущество, с другой стороны, обеспечивало Пантикапею возможность позаботиться о перспективах развития хоры полиса, необходимость чего была ясна ввиду неизбежности роста населения и потребности в земельных наделах для новых граждан. Точно так же поступали и другие эллинские апойкии, в том числе и на Боспоре, если им предоставлялась возможность занять земли в ближайшем окружении. Археологически выявлены следы развития Пантикапейской и Нимфейской хоры причем также уже вскоре после основания полиса (Зинько 2007. С. 45–46). То же явление имело место в окрестностях Феодосии (Гаврилов 2004. С. 20–21). Особенно заметным был рост числа небольших сельских поселений, явно связанных с выведенными

сюда эллинскими полисами на островах в азиатской части государства (Паромов 1992. С. 123; Абрамов, Паромов 1993. С. 67–70).

Вероятность стремления Пантикапея сохранить окрестные небольшие поселения (выведенные при его участии и не только) в составе своей хоры подтверждается целым рядом аналогий и в других районах античного мира. Так, на Сицилии жители Занклы, основанной между 728 и 716 гг. до н.э., уже в 720 г. приняли участие в основании Регия, затем вывели поселение Метавр на италийском побережье в начале VII в. до н.э. и продолжали этот процесс в течение всего этого столетия (Высокий 2004. С. 338–339). Ясно, что побуждал их к этому не земельный голод, а желание установить контроль над ближайшим побережьем и Мессинским проливом в целом. В Херсонесе колонизовали преимущественно северо-западный Крым, т.к. ближайшие окрестности мешали колонизовать тавры. И только если не было такой возможности, колонии выводились за пределы региона метрополии. Так, Гераклея, вследствие того, что борьба с мариандинами долго не давала ей возможности осваивать ближайшие окрестности, вывела колонии в Херсонес и Мессембрию.

Кроме того, вероятность колонизационной деятельности Пантикапея подтверждается и сообщениями античных авторов об основании Синдской Гавани эллинами, пришедшими из ближайших местностей (Ps. Skymn. 888), азиатского Киммерия – боспорскими тиранами (Ps. Skymn. 896–899), Танаиса – эллинами, владеющими Боспором (Strabo XI. 2. 3), а также указанием Страбона на то, что Акра лежит в пантикапейской земле (Strabo XI. 2. 8) и сообщением Аммиана Марцеллина, который прямо называет Пантикапей метрополией всех милетских поселений Боспора (XXII. 8. 26).

Все это дает основание думать, что в течение VI в. до н.э. шел процесс территориального роста пантикапейского полиса за счет основания сельских поселений в ближайшей его округе вновь прибывавшими партиями милетян и подчинения своему влиянию поселений вдоль побережья Керченского пролива, основанных и иными полисами. В какой мере менялась при этом политическая система самого пантикапейского полиса, источники не сообщают. Наиболее вероятной аналогией нам представляются колонии Синопы – Керасунт, Котиора и Трапезунд, которые платили дань своей метрополии, а Котиора даже управлялась синопским наместником (Xen. Anab. V. 5. 10, 19). С какого времени это имело место, не вполне ясно. Мы знаем, что тирания в Си-

нопе была свергнута Периклом около 437 г. до н.э. Сведения Ксенофонта относятся к более позднему времени, и это дает основание думать, что колонии Синопы оказались под ее контролем еще при тиранах, но и после свержения тирании метрополия не отказалась от власти над ними.

Помешать Пантикапею поступать именно так в Причерноморье реально в то время было некому. Поэтому мы имеем, как мне кажется, достаточные основания предполагать такой же характер отношений между Пантикапеем и сельскими поселениями (как своими, так и иными) региона Керченского пролива, причем *независимо* от характера его государственного устройства (тирания или демократия). Тем более, что не исключено, что уже в VI в. до н.э. Пантикапей мог иметь тираническую систему управления (Молев 1997. С. 9–10). А тиранам Греции, как известно, были свойственны стремление к удержанию в повиновении колоний своего родного города и активная завоевательная политика (Will 1954. P. 413–460).

Территориальное и государственное формирование Боспора в VI в. до н.э., таким образом, обеспечивало его успешное экономическое развитие. Это подтверждается тем, что он первым в регионе начал чеканить свою монету. Независимо от разногласий нумизматов относительно времени начала чеканки, это все равно произошло во второй половине VI в. до н.э. Выпуск пантикапейской монеты в то время, когда она была нужна исключительно для контактов эллинских колоний Боспора между собой и когда потребность в ней могла возникнуть лишь у поселений, тесно связанных друг с другом и осуществлявших внешнюю торговлю через общий порт, дает основание предполагать, что подобная форма отношений Пантикапея с другими городами Боспора (прежде всего ближайшими) сложилась уже к середине VI в. до н.э. А во второй его половине происходит складывание определенной экономической общности, а возможно и политической. Последнее обстоятельство вытекает из характера отношений Пантикапея с соседними варварами, среди которых ведущую роль в то время играли скифы.

Данные письменных источников свидетельствуют о возвращении скифов в Причерноморье не ранее последней четверти VII в. до н.э. (Молев 1997. С. 12). При этом и письменные свидетельства, и материалы археологии вызывают вполне определенные сомнения в факте возвращения значительной массы кочевников в Причерноморье в начале VI в. до н.э. (Алексеев 2003.

С. 161). Что же касается территории Боспора, то здесь присутствует пока единственный скифский памятник того времени – погребение в кургане на Темир-горе. Совокупный анализ находок в этом погребении позволяет датировать захоронение не ранее начала VI в. до н.э. (Вахтина 1991 С. 4–6). По мнению Т.М. Кузнецовой, эта гробница первоначально принадлежала греческому колонисту, прибывшему сюда с разведывательными целями, и была позднее, в VI в. до н.э., вторично использована скифами (2004. С. 85 и сл.). Основные археологически прослеживаемые следы активности скифов в то время сосредоточены в Предкавказье и Приднепровье (Алексеев 2003. С. 154). Следовательно, особых препятствий со стороны скифов для основания эллинских колоний на Боспоре не было.

Для доказательства военного противостояния скифов с боспорянами вплоть до создания единого Боспорского государства в концепции Ю.Г. Виноградова используется сообщение Геродота о походах скифов в Синдику (IV. 28). Однако текст источника свидетельствует о вероятном продолжении этих походов вплоть до времени пребывания Геродота в Северном Причерноморье, а отсутствие в нем прямых указаний на их антибоспорскую направленность в сочетании с сообщением Ксенофонта о зависимости меотов от скифов (Comm. II. 1. 10) позволяет рассматривать его как свидетельство о походах скифов для сбора дани с зависимых племен или о сезонных миграциях (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980. С. 157; Молев 1997. С. 29; Завойкин 2007. С. 580–581). В какой мере эти походы могли затрагивать Боспор, мы можем судить только по материалам археологии.

Археологические данные (строительство укреплений, следы пожаров и разрушений в поселениях, погребения с оружием и т.д. в городах и на поселениях Боспора) некоторые авторы интерпретируют как следствие враждебных отношений скифов и боспорян. Наиболее ранние из таких следов присутствуют в боспорских городах Порфмии и Мирмекии (Вахтина 2005. С. 45–46; Бутягин 2000. С. 180–183; Вахтина, Виноградов 2002. С. 44). Они датируются серединой – второй половиной VI в. до н.э. Укрепления этих пунктов, по мнению их исследователей, были рассчитаны на отражение сравнительно небольших отрядов, но, тем не менее, они все же могут рассматриваться как свидетельства враждебных отношений эллинских колонистов с их соседями. Не отрицая такой возможности в принципе, строительство укреплений боспорских городов и разрушения в них не

обязательно рассматривать только в связи с угрозой со стороны скифов. Порфмий, по мнению М.Ю. Вахтиной, разделяемому А.А. Завойкиным, видимо, изначально строился как крепость (Вахтина 2005. С. 45; Завойкин 2007. С. 176), причем нацеленная на борьбу с угрозой с востока (Завойкин 2007. С. 178). А значит, противники могли быть и иные.

Нам уже приходилось отмечать, что строительство укреплений и разрушения в Мирмекии также могли быть следствием не только скифской угрозы, но и борьбы этого полиса за независимость от Пантикапея (Молев 1997. С. 37–38). В самом Пантикапее во второй четверти V в. до н.э. происходит перерыв в развитии застройки в центральной части городища (Западное плато), а также в слоях этого времени есть многочисленные следы насильственных разрушений и пожара (Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003. С. 323 и сл.; 2004. С. 352–353). Эти факты В.П. Толстиков связывает с войной боспорян против скифов. Но, как справедливо отметил А.А. Завойкин, это могло быть связано и с государственным переворотом в Пантикапее, в результате которого в городе установился тиранический режим (Завойкин 2007. С. 137–138). Тем не менее внешняя опасность в данном случае все же выглядит более вероятной.

Как видно, данных для реконструкции конкретной картины взаимоотношений эллинов и скифов в VI в. у нас пока недостаточно. Противоречивость письменных источников и возможность неоднозначной интерпретации археологических позволяет пока ограничиться констатацией возможности *локальных* военных конфликтов, как между скифами и эллинами, так и между самими эллинами в процессе формирования единого Боспорского государства. Но в целом, учитывая интенсивность освоения скифами территории восточного Крыма только со второй половины V в. до н.э. (рост числа сельских поселений, появление погребений аристократии в некрополях Пантикапея и Нимфея) (Яковенко 1985. С. 21–22), отношения Скифии и эллинов Боспора в VI в. до н.э. следует признать более или менее благоприятными для обеих сторон, и не исключено, что они стали таковыми в результате соглашения, по которому боспоряне (пантикапейцы) уже тогда обязались платить дань скифам независимо от формы, в которой она выражалась.

Таким образом, процесс развития пантикапейского полиса был продиктован самим характером этого типа государства, и мы вправе считать его прямым предшественником будущего

Боспорского царства, которое на этом этапе его развития допустимо определить как раннебоспорское объединение.

Литература

Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселенияТаманского полуострова // Боспорский сборник. 1993. № 2. С. 25–98.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003.

Бутягин А.М. Расписная керамика из ранних комплексов Мирмекия (раскопки 1992 г.) // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 3–11.

Вахтина М.Ю. Античный Порфмий: основные этапы существования // VI Боспорские чтения. Керчь, 2005. С. 44–49.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1. С. 41–45.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–160.

Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. М., 2004.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.

Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.). // БИ. 2007. Вып. 15.

Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

Кузнецова Т.М. Загадка Темир горы // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Т. 2. С. 79–90.

Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997.

Молев Е.А. О причинах особенностей боспорской государственности // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2012. С. 77–79.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1992. № 1. С. 109–146.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. 2003. Т. 6. С. 307–350.

Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 2004. Т. 7. С. 344–365.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // ДГ, 1984 год. М., 1985. С. 5–187.
Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 1985. С. 21–22.
Will E. Sur l'évolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VI-e siècle // La nouvelle Clio. Bruxelles, 1954. Vol. 6, N 7–10. P. 413–460.

В.Е. Науменко

К ДИСКУССИИ О ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОМ СТАТУСЕ БОСПОРА В X–XII вв.

Политико-административный статус Боспора в X–XII вв. остается слабо исследованной темой в современной историографии. Ее изучение, ввиду немногочисленности письменных, эпиграфических и археологических свидетельств, требует широкого привлечения общих данных по истории взаимоотношений Византии, Хазарского каганата и Древней Руси, в пределах всего Северного Причерноморья, а также материалов сфрагистики, которые содержат важную дополнительную информацию о характере византийского присутствия и эволюции фемной модели управления в регионе. В своей работе мы попытаемся выстроить возможный эскиз хронологии и последовательности ключевых событий из истории города, акцентируя внимание на его политической принадлежности в тот или иной период.

О финале хазарского господства на Боспоре. Если не брать во внимание довольно сложный и, скорее всего, не реализованный Византией проект создания на полуострове фемы Климатов в 841 г., который быстро был заменен на более реальный по исполнению проект фемы Херсон около 860 г., то для Боспора существует довольно надежный хронологический репер для ответа на вопрос, когда хазарский военно-политический контроль в регионе сменился византийским, – письмо патриарха Фотия к боспорскому архиепископу Антонию (ок. 873 г.). Крещение последним местных иудеев, о чем восторженно сообщал Фотий, было возможным в условиях официального обращения хазар в

иудаизм (не позднее 864 г.) и только после размещения в городе византийской администрации и гарнизона. Данное заключение хорошо коррелирует с археологическими данными. В конце IX – начале X в. прекращается функционирование подавляющего большинства неукрепленных салтово-маяцких поселений в восточном Крыму, как, впрочем, и в других частях полуострова. При раскопках крупных городищ полуострова события эпохи иллюстрируют горизонты разрушения, выявленные на Боспоре, а также в Партените и на Бакле в Южной Таврике. В Партените они датированы монетами Василия I 868–879 гг. и Романа I Лакапина 920–944 гг. На Боспоре на месте разрушенной хазарской застройки в портовой части городища строится новый византийский квартал с прилегающей церковью Иоанна Предтечи.

Боспор в последней трети IX – середины X в., безусловно, является одним из византийских центров в Таврике. Ибн-Русте называет К-р-х (Керчь) византийским («румским») портом; для Ибн Хордадбеха и ал-Факиха Керченский пролив – западный предел Хазарского каганата. Город с округой входит в состав фемы Херсон, что следует из сопоставления данных Тактиконов Филофея (ок. 899 г.) и В.Н. Бенешевича (934–944 гг.) и трактатов Константина Багрянородного «О фемах» (934–944 гг.) и «Об управлении империей» (948–952 гг.). Показательными являются сведения Кембриджского анонима (ок. 949 г.) о *походе хазарского наместника Самкерца Песаха* против жителей Таврики, состоявшемся между 935 и 941 гг. в ответ на спровоцированный Византией набег «царя росов» Хельгу. Целью карательной акции были «города Романа», т.е. императора Романа I Лакапина (920–941), что подчеркивает византийскую принадлежность полуострова в это время. Важное следствие войны – поход Руси на Константинополь в 941 г., который в историографии справедливо сопоставляется с походом князя Игоря древнерусских летописей. Русско-византийский кризис 935–941 гг. был исчерпан подписанием договора 944 г., где при описании «Корсунской страны» подчеркивается ее византийская принадлежность и запрет русским вести здесь военные действия. Определить статус и территорию «Корсунской страны» в целом не сложно. Топоним является древнерусской калькой официального названия византийской провинции на полуострове – фемы Херсон, зафик-

сированного в уже упомянутых тактиконах Филофея и В.Н. Бенешевича. Географически она совпадает или близка области Климатов Константина Багрянородного, под которой подразумевались горные и прибрежные районы полуострова между Херсоном и Боспором.

О русских походах 960–980-х годов в Крым и Приазовье. В данном случае речь идет о «восточном» походе князя Святослава 965 г. против Саркела, ясов и касогов в Приазовье и «корсунском» походе князя Владимира (ок. 986–987 гг.). В контексте политико-административной истории Боспора этого времени следует отметить ряд важных моментов. Во-первых, «восточный поход» Святослава 965 г., который фактически стал финалом существования Хазарского каганата и максимально приблизил Древнерусское государство к границам византийской провинции в Таврике, вынудил Византию выделить из состава фемы Херсон отдельную фему на Боспоре. Впервые она присутствует в Эскуриальском тактиконе, составленном в 970-х годах. Во-вторых, «корсунский поход» Владимира, судя по данным современной археологии, имел значительно более широкую географию, чем принято думать, ориентируясь на сообщения древнерусских источников. В последние годы, вероятно, синхронные между собой «слои пожаров» 960-х – начала 980-х годов были обнаружены в Сугдее (датирован монетами Константина VII Багрянородного 945–959 гг. выпуска), Алустоне (с монетой Никифора Фоки 963–969 гг.) и на Таматархе (с монетой Иоанна Цимисхия 969–976 гг.). Логично предположить, что и на Боспоре эти события должны были найти свое отражение в стратиграфии городища, хотя пока нам известны только пожары конца IX и конца XII в. из раскопок в его портовой части. В-третьих, после похода Владимира в самом конце X в. из состава Херсонской фемы выделяются фема Сугдея, известная по печатям ее стратигов первой половины XI в., и турмархия Готия. С последней связаны две печати ее турмарха и надпись с именем топотерита Цулы на Мангупе 994–995 гг., указывающая на появление византийского гарнизона на городище в это время. Наконец, в-четвертых, при Владимире в конце X в. либо в самом начале XI в., но не позднее 1015 г., на Таманском полуострове появляется древнерусское Тмутараканское княжество. Его статус (самостоятельное княже-

ство либо союзная территория под протекторатом русских князей) и первые годы существования остаются предметом дискуссии в современной историографии. Однако в любом случае территория княжества не распространялась на европейский Боспор.

Боспор первой половины XI в., вероятно, продолжает оставаться столицей одноименной фемы. Правда, прямых подтверждений этому немного: это печати, принадлежащие протоспафарию Боспора Георгию Цуле и стратигу Боспора Аркадию. С именем Георгия Цулы, в контексте истории Боспора и Тмутараканского княжества, связана заметка Иоанна Скилицы об отправке императором Василием II в январе 1016 г. в Хазарию флота во главе с экзархом Монгом, сыном Андроника Дуки Лида, который вместе со Сфенгом, братом русского князя Владимира, подчинил эту страну, а ее *архонта Георгия Цулу* пленил в первом же сражении. Главный вопрос идущей в историографии дискуссии касается локализации области Хазарии – в восточном Крыму (и тогда Боспор оказывается вне зоны византийского влияния) или же на Таманском полуострове (но как в таком случае объяснить военные действия Византии на территории, где уже формируется Тмутараканское княжество?). По имеющимся сведениям письменных источников X–XI вв., нет оснований пытаться локализовать Хазарию в пределах Крымского полуострова. Особое внимание стоит уделить сопоставлению топонимики сочинений Константина Багрянородного с топонимической частью легенды известных печатей тмутараканского князя Олега-Михаила 1083–1094 гг. По Константину, к востоку от византийской Таврики, области Климатов, располагаются Таматарха, Зихия и Хазария. На всех моливдовулах 1083–1094 гг. Олег назван архонтом «Матрахи, Зихии и всей (!) Хазарии» либо архонтом и дукой «Таматархи и всей (!) Хазарии». Следовательно, топоним «Хазария» включает в широком смысле территории Северо-Восточного Причерноморья, в том числе и более узкие географические понятия Таматарха и Зихия, но не имеет никакого отношения к Таврике.

О времени образования и территории византийского катепаната в Таврике. На сегодняшний день имеется ряд хронологически точных свидетельств об образовании византийского катепаната в регионе около середины XI в. и его функциониро-

вании примерно до рубежа XI–XII вв. Эта реформа происходит не ранее 1059 г., на что указывает известная строительная надпись Льва Алиата, стратига еще объединенной фемы Херсона и Сугдеи. Но уже под 1066 г. ПВЛ сообщает об отравлении тмутараканского князя-изгоя Ростислава херсонским «котопаном». Отсюда ясно, что византийский катепанат в регионе к этому времени уже существовал, но в его состав еще не входили области, расположенные восточнее Таврики. Ситуация изменилась в самом конце XI в., о чем свидетельствует недавно опубликованная печать Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии. С учетом союзного для Византии статуса Тмутараканского княжества в период правления князя Олега (1083–1094), который, как отмечалось, носил титул «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии» либо «архонта и дуки Таматархи и всей Хазарии», логичнее датировать печать Никифора Алана несколько более поздним временем. Таким образом, после 1094 г. византийский катепанат включил в свой состав и Таманский полуостров.

Политико-административный статус Боспора в XII в. остается до конца не ясным. Понятно, что территория Боспора Киммерийского, по крайней мере сам Боспор и Таматарха, находились под контролем византийской администрации, – но не более того. Сведения Иоанна Цеца (1140-е годы), Михаила Ритора (1153 г.) и Михаила Хониата (1182 г.) слишком неопределенны, чтобы реконструировать систему управления в регионе. Византийско-генуэзские договоры 1169 и 1192 гг. лишь указывают на то, что города Боспор (Русия) и Таматарха включены в состав империи. Появление любой новой сфрагистической либо эпиграфической находки может неожиданно быстро перевернуть наши нынешние представления о византийской модели управления на европейском и азиатском Боспоре.

В.Я. Петрухин

САРКЕЛ И БЕРТИНСКИЕ АННАЛЫ: ХАЗАРСКОЕ НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ?*

Первое упоминание имени *русь* содержится в Бертинских анналах, памятнике каролингской анналистики, начало составле-

ния которого относится к правлению франкского императора Людовика Благочестивого (814–840). Под 839 г. там говорится о посольстве византийского императора Феофила к Людовику в его столицу Ингельгейм на Рейне: в составе этого посольства присутствовали люди Рос (*Rhos*), которые прибыли в Константинополь «ради дружбы», но не могли вернуться в свою землю прежним путем, ибо этот путь преградили свирепые варвары. Феофил просил Людовика пропустить дружественных ему «росов» через империю франков, и Людовик должен был расследовать их происхождение. Эти люди, правителем которых был хакан (*chacanus*), признали, что они – «от племени свеонов» (шведов). Каролинги пытались сдерживать натиск викингов, и Людовик заподозрил в пришельцах не «друзей», а шпионов, которых велел задержать (Древняя Русь 2010. С. 17–21).

В отечественной историографии, несмотря на явный «норманистский» характер источника (обнаруживающего скандинавское происхождение начальной руси), доминирует представление о первой дипломатической инициативе Русского государства, правитель которого претендовал на хазарский титул «хакан». В советской историографии столицей этого государства, естественно, должен был быть Киев; в последующих модификациях, учитывающих отсутствие каких-либо свидетельств о Киеве в первой половине IX в., столицу некоего «Русского (Росского) каганата» размещают на новгородском Городище (К. Цукерман) или в Ладоге, где известны скандинавские древности IX в. Замечу, что Ладога оказывается в такой конструкции как бы «предпочтительней», ибо только там известны древности, синхронные посольству 839 г., но неясными остаются границы «Русского каганата», да и «столица» его представляла тогда небольшой поселок.

Парадоксальным образом историки не обращают внимания на посольство, которое должно было отправиться в Константинополь от хакана как раз в это время: Константин Багрянородный свидетельствует о просьбе хазарского хакана (и пеха) помочь в строительстве крепости Саркел на Дону. Крепость была построена ок. 840 г. Согласно Бертинским анналам, люди Рос в 838 г. (?) уверяли императора Феофила в своих дружественных отношениях с греками. При этом не раз предполагалось, что

русь Бертинских анналов подчинялась именно хазарскому, а не собственному, «русскому» кагану.

Древнейшая русь была активна на трансконтинентальных восточноевропейских магистралях, главной из которых в IX в. был Дон с выходом в бассейн Оки и далее на верхнюю Волгу, в Поволховье, Ладогу и Скандинавию: об этом маршруте свидетельствуют ранние клады восточных монет; восточное серебро стало поступать в Европу по окончании хазаро-арабских войн с рубежа VIII–IX вв. (Noonan 1986. P. 340 ff.). Один из ранних кладов (ок. 800 г. – ср.: Быков 1974. С. 57–58; Ковалев, Нунан 2000) обнаружен на хазарском Правобережном Цимлянском городище (ПЦГ), «фланкировавшем» в IX в. перевоз через Дон: на левом берегу был построен Саркел. Один из дирхемов клада отнесен к подражательному хазарскому чекану. Существенно, что материалы ПЦГ включают черепицу, – это указывает на византийскую строительную традицию. Дон был осевой магистралью Хазарского каганата: не случайно воздействие византийской строительной техники обнаружено В.С. Флёровым не только на ПЦГ, но и на Семикаракорском городище в низовьях Дона (Калинина, Флёров, Петрухин 2014. С. 109 и сл.). Укрепление «домениальных» владений кагана Хазарии было связано как с осложнением хазаро-венгерских отношений (видимо, венгры были свирепым народом, угрожавшим международным путям, на который ссылались послы Рос), так и с важностью Донского пути – магистрального и для Хазарии, и для устанавливавшихся в то время трансконтинентальных торговых связей Руси.

Начальная *русь* (в греческой огласовке сохраненной Бертинскими анналами – *Рос*; ср.: Shepard 1995. P. 43), скандинавское имя которой означало дружину «гребцов», передвигающуюся по рекам, носила не племенное, а дружинное имя: люди Рос не могли именоваться викингами, как они прозывались на морях, в том числе Балтийском, ибо не могли использовать морские суда для *викинга* – морского похода; на реках нужны были гребные ладьи. На Рейне у Людовика Благочестивого они использовали это дружинное имя, что вызвало подозрение императора, не понаслышке знавшего норманнов. При обсуждении этой проблемы Ю. Кальмер заметил, что люди «от рода свеонов», т.е. шведы, не должны были вызвать подозрения в шпионаже у франкского

императора. Действительно, франки воевали с датчанами, а шведы (свеи), напротив, еще ок. 830 г. отправили к Людовику Благочестивому посольство с просьбой прислать в главный их «порт» Бирку епископа, согласно Житию Ансгария, крестителя шведов (гл. 9). Впрочем, отношения с этими народами, равно как и между самими скандинавами, не могли быть ровными, как свидетельствует то же Житие (гл. 17): противники христианизации преследовали миссионеров (изгнанных в 845 г.); кроме того, изгнанный из Швеции конунг Анунд бежал в Данию, пообещав датчанам отдать за возвращение к власти упомянутый город Бирку (гл. 19), и только христианская вера спасла жителей от разорения, датская морская рать направилась против неназванного славянского города (Волина?).

Дж. Шепард исследовал исторический контекст известия Бертинских анналов, обратив внимание на то, что накануне посольства греков к Людовику прибыло посольство англосаксонского короля Этельвульфа (Уэссекс). Послы предупреждали императора о видении, посетившем одного из священников, – тот предвидел, что язычники опустошат христианские земли «огнем и мечом»; Шепард видит в этих язычниках норманнов (Shepard 1995. P. 41–42). Ученый перечисляет археологические находки в Северной Европе, которые могли относиться к деятельности посольства народа Рос: это семь византийских монет Феофила и одна печать (Ibid. P. 48–60). Места находок примечательны: это главные порты викингов – Хедебю в Дании и Бирка в Швеции (там найдены серебряный милиарисий и два медных фоллиса), а также новгородское Городище. Шепардом не упомянуто Гнёздово – крупнейший торговый центр эпохи викингов на Верхнем Днепре возле Смоленска, сконцентрировавший наибольшее количество монет Феофила – 5 (Ениосова, Пушкина 2012. С. 44–45). Среди них золотая монета-привеска из гнёздовского кургана Л-47 (содержавшего скандинавское сожжение в ладье), четыре обнаружены в слое поселения. Эти находки провоцируют на прямое соотнесение их топографии с маршрутом посольства 839 г., подразумевавшим днепровский «путь из варяг в греки» (Ширинский 1997. С. 198–199), а не Дон со строившимся тогда Саркелом. Они дают и дальнейший простор для спекуляций о размещении Русского каганата на север-

ном «острове русов» в районе Новгорода (ср.: Shepard 1995) или в киевском Приднепровье.

Однако ни Городище, ни Гнёздово (ни даже Киев) не имеют напластований, синхронных посольству (Ениосова, Пушкина 2012). Монеты, использованные в качестве привесок к ожерелью, не дают абсолютной даты, они зафиксированы во вторичном использовании. Это относится и к милиарисию Феофила из Бирки, включенному как подвеска в женское ожерелье: еще Т. Арне в 1946 г. увязывал эту находку с посольством 839 г., полагая, что русский хакан пребывал прямо в Бирке; правда, Арне не были известны другие находки монет Феофила, в том числе фоллисы, которые уже Дж. Шепард приписал посольству 839 г. – медные монеты не могли использоваться в международной торговле и оказались невостребованной мелочью в кошелях русского посольства (ср.: Shepard 1995. P. 53–55; Ениосова, Пушкина 2012. С. 45). «Прямые» исторические выводы на основе отдельных находок были бы рискованными.

Вместе с тем археология демонстрирует всё разнообразие этнокультурных контактов на Балтике: в балтийских «воротах» Руси – Ладоге – и на других торговых поселениях Восточной Европы преобладают находки из средней Швеции – региона Бирки, но выделяются и «импорты», имеющие датское или датско-фризское происхождение. Для нашей темы показательна специально рассмотренная Дж. Шепардом находка 1966 г., происходящая из Хедебю: это печать патрикия Феодосия, датируемая временем от 820 до 860 г. и свидетельствующая об активности византийской дипломатии на Балтике в тот период, когда Византия боролась с арабами в Западном Средиземноморье (Шепард напоминает в связи с этим и о набеге *руси* на Севилью в 844 г.). Послы «народа Рос» могли быть участниками этой дипломатической миссии, и находка печати может указывать на их маршрут на Балтику – из Ингельгейма в Хедебю. Замечу, что другая печать Феодосия была недавно найдена в культурном слое города Рибе – «порта» викингов, расположенного на границе Дании и Фрисландии (Feveile 2010. S. 9). Эта находка упрочивает предположение о византийской дипломатической активности на Балтике, но не может считаться прямым отражением *маршрута* посольства 839 г. Так или иначе, норманны и ха-

зары оказывались в сфере интересов Византии в 830–840-е годы, и посредником в реализации этих трансконтинентальных интересов была начальная русь.

Примечание

* В данной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Литература

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Вып. 3. С. 62–71.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко.

Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // ССб. 2012. Вып. 5. С. 34–85.

Житие Ансгария – Из «Жития Святого Ансгария» (перевод, предисловие и примечания В.В. Рыбакова) // Из ранней истории Шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 21–56.

Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.

Нунан Т.С., Ковалев Р.К. Неизвестный клад начала IX в. из имения М.А. Оболенского Дмитровского уезда Московской области // Археологические вести. СПб., 2000. Вып. 7. С. 206–217.

Feveile Cl. Vikingernes Ribe: handel, mag og tro. Ribe, 2010.

Noonan Th.S. Why the Vikings first came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34, Heft 3. S. 321–348.

Shepard J. The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4, N 1. P. 41–60.

А.В. Подосинов

СТРАБОН О ГРАНИЦАХ ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА*

Известно, что территория Боспорского царства не была всегда неизменной – она, как правило, расширялась, в основном за счет присоединения пограничных греческих городов (как Нимфея и Феодосии), завоевания варварской периферии (как синдов и меотов) или расширения своей власти в ходе внешнего завоевания (как присоединение Херсонеса после Митридата).

Ниже будут представлены некоторые наблюдения над тем, как эту территорию описывает в своей «Географии» Страбон – автор конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (основная информация о Боспорском царстве сосредоточена в книгах VII и IX).

Исследователи единодушны во мнении, что сам Страбон едва ли посетил лично Северное Причерноморье и что он описывал его территорию, основываясь только на литературных источниках.

В нашем случае при рассмотрении границ Боспорского царства (а это территория Крыма, северного и восточного побережий Азовского моря, Таманского полуострова и нижнего течения Кубани) мы сразу можем констатировать соединение нескольких разновременных и разножанровых источников.

Так, Страбон использовал какой-то исторический труд о Спартокидах – боспорских царях IV в. до н.э. (см., например, VII. 4. 4: «Долгое время город и все окрестные поселения вокруг устья Меотиды с обеих сторон [пролива] управлялись единолично династами из рода Левкона, Сатира и Перисада… Назывались они тиранами, хотя большинство их, начиная с Перисада и Левкона, были достойными людьми. Перисад даже был провозглашен богом»; см. также VII. 4. 5–6; в статье использован перевод, выполненный на семинаре по чтению и комментированию «Географии» Страбона в ИВКА РГГУ под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова).

Описание северного побережья Черного моря построено, как согласны почти все исследователи, на перипле Артемидора Эфесского, автора конца II в. до н.э., которого Страбон здесь и упо-

минает (XI. 2. 14: «От Бат, как говорит Артемидор, [идет] побережье керкетов…»). М.И. Ростовцев, признававший Артемидора источником Страбонова перипла (ср. скепсис по этому поводу: Грацианская 1988. С. 65–66), считал в то же время, что многие описания страны и климата Боспора восходят к Эратосфену (Ростовцев 1914. С. 369–374).

Сведения о понтийском царе Митридате VI Евпаторе, его войнах против Рима и смерти в Пантикапее в первой половине I в. до н.э., а также о его непосредственных преемниках, заимствованы Страбоном из трудов так называемых «историков Митридата» (см.: XI. 2. 14: «Историки же Митридата [οἱ δὲ τὰ Μιθριδατικὰ συγγράψαντες], которым следует доверять больше, первыми называют ахеев, затем – зигов, затем гениохов, затем – керкетов, мосхов и колхов…»). К историкам Митридата восходят и сведения о том, как последний боспорский царь из династии Спартокидов Перисад V передал свое царство Митридату Евпатору (VII. 4. 3–4) и о самом Митридате (VII. 4. 3, 6–7). Из этих историков Страбон упоминает, в частности, Феофана Митиленского (XI. 2. 2; 5. 1–2), принимавшего участие в походе Помпея против Митридата в 65 г. до н.э., и Посидония, написавшего историю завоеваний Помпея (XI. 1. 6).

Наконец, Страбон сообщает также о событиях, случившихся незадолго до написания его книги, упоминая имена и деяния последних по времени царей Боспора – потомков Митридата Евпатора: Фарнака, Асандра, Аспурга, а также понтийского царя Полемона I и его жену Пифодориду. Когда Страбон писал свою «Географию», на Боспоре уже с 8/7 г. до н.э., после победы над ставленником римлян Полемоном I, у власти находился Аспург (ум. 37/8 г. н.э.), внук Митридата Евпатора и сын боспорской царицы Динамии. О Пифодориде Страбон вообще говорит в настоящем времени (XI. 2. 18: «В последнее время Колхидою владел Полемон, после смерти которого правит [κρατεῖ] его жена Пифодорида»). Таким образом, именно в этих сведениях может содержаться актуальная для рубежа эр информация о границах Боспорского царства.

Страбон упоминает отца Аспурга Асандра (правил в 47–17 гг. до н.э.) в VII. 4. 6 со ссылкой на Гипсикрата – греческого писателя I в. до н.э. М.И. Ростовцев считал Гипсикрата главным

источником Страбона там, где тот дает исторические справки по боспорской истории и упоминает царей, живших в недавнем прошлом (см.: Ростовцев 1914. С. 379–380; 1925. С. 142–143; Грацианская 1988. С. 86–88).

Представляется, что описание границ Боспора у Страбона в силу своей актуальности и одновременности с правлением Аспурга может пролить некоторый свет на здешнюю территориальную ситуацию. О такой актуальности свидетельствует несколько обстоятельств. Так, например, тарпиты (Τάρπειτες), которые появляются впервые и единственный раз в титулатуре Аспурга, упомянуты – также впервые в античной литературе – в списке «меотских» племен Страбона (XI. 2. 11): «К меотам относятся и сами синды и дандарии, тореты, агры и аррехи, а также тарпеты (Τάρπητες), обидиакены, ситтакены, доски [и] многие другие».

Вызывает интерес упоминание Страбоном аспургиан: «Из них же (т.е. из меотов) и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией в 500 стадиях, на которых попытался напасть царь Полемон под предлогом заключения дружбы, [но] не [сумевши] скрыть [своего замысла], встретил сопротивление и, захваченный живым, был убит» (XI. 2. 11; см. также XII. 3. 29 о «так называемых аспургианах из варваров вокруг Синдики»). Аспургиане названы впервые Страбоном, и если согласиться, что этот этноним связан с царем Аспургом (см. об этом: Латышев 1909. С. 103–104; Гайдукевич 1949. С. 316, 324, 343, 436, 453; Сапрыкин 1985. С. 65–78; Молев 1995. С. 60–63; Каменецкий 2011. С. 184–185), то сообщение о недавней борьбе аспургиан во главе с Аспургом против Полемона также является весьма актуальной информацией, полученной Страбоном из самых свежих источников.

Актуальность этих сведений позволяет с доверием отнестись и к описанию Страбоном границ или пограничных зон Боспорского царства, какими они были при Аспурге.

Официальный титул современника Страбона Аспурга, известный нам по эпиграфическим данным, был «царствующий над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами (= меотами. – *А.П.*), тарпитами, торетами, псессами и танаитами, подчинивший скифов и тавров…» (КБН. № 40; ср. № 39). Интересно сравнить территориальное наполнение этого титула с информацией Страбона.

С западными границами Боспорского царства у Страбона нет особых географических проблем; несколько раз он сообщает, что после падения Митридата при римлянах весь Херсонес (Крымский полуостров) «до сих пор» (μέχρι νῦν) подчиняется боспорским правителям (VII. 4. 3; см. также: VII. 4. 4–5, 7). В VII. 4. 6 Страбон рассказывает, что боспорский царь Асандр в целях защиты от нападений степных кочевников «укрепил стеной перешеек полуострова». Скорее всего, речь идет о некоем вале на Перекопе (Масленников 2003. С. 212). Вероятно, упоминание в титулатуре Аспурга скифов и тавров, которых тот покорил, относится именно к постоянной, надо думать, борьбе крымских «варваров» с боспорскими правителями (ср. у Страбона, VII. 4. 5 о том, что Крымом до подчинения его Боспору владели «тавры, скифский народ»).

Несколько сложнее обстоят дела с границами Боспорского царства на азиатской стороне.

Проанализировав титулатуру Аспурга, С.Ю. Сапрыкин так определил восточные границы Боспорского царства при этом царе: «Владения Аспурга на азиатском Боспоре, таким образом, охватывали Танаис, часть Восточного Приазовья, низовья Кубани, Тамань, окрестности Горгиппии, где жили синды и псессы, Синдику, область расселения торетов (близ совр. Геленджика) и доходили до области ахеян (прибрежные районы в окрестностях Туапсе). Это приблизительно соответствовало боспорским границам при Спартокидах» (Сапрыкин 2010. С. 110). В самом деле, уже в надписи в честь боспорского царя Левкона I (389/8–349/8) тот назван «царствующим над синдами, торетами, дандариями, псессами» (КБН. № 6, 6а), а при сыне Левкона Перисаде и его сыне Левконе II добавляются «все маиты» (Там же. № 10, 11, 25, 971, 1015, 1039, 1040) (см. подробный анализ «меотской» составляющей титулатуры Боспорских правителей: Каменецкий 2011. С. 177–187).

В то же время Сапрыкин справедливо заметил, что, в отличие от титулатуры предшественников Аспурга – боспорских царей Спартокидов, в этом титуле уже не было упоминания «всех» маитов-меотов. Представляется, что информация Страбона помогает прояснить этот и некоторые другие вопросы.

Так, мне кажется, что из слов Страбона о городе Танаисе, основанном боспорянами и местными варварами в низовьях Дона как совместный эмпорий, вовсе не следует, что город в это время входил в состав Боспорской державы. Уже первое упоминание Танаиса (VII. 4. 5: «Есть и город, одноименный реке, крупнейший эмпорий варваров после Пантикапея») содержит некую двусмысленность: Танаис оказывается вторым по величине «варварским» эмпорием после столицы Боспорского царства (μέγιστον τῶν βαρβάρων ἐμπόριον μετὰ τὸ Παντικάπαιον)! В XI. 2. 3 Страбон снова рассказывает о Танаисе с добавлением сведений о недавно происшедших событиях: «Около этой реки и озера расположен одноименный город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Его недавно разрушил царь Полемон за неповиновение. Он был совместным эмпорием азиатских и европейских кочевников и плавающих по озеру из Боспора...». Едва ли Танаис подчинялся боспорским царям, если его надо было за неповиновение разрушать...

В связи с этим заслуживает внимания следующее сообщение Страбона (XI. 2. 11): «Из всех азиатских меотов одни подвластны владеющим эмпорием на Танаисе, другие – боспорянам: в то время то одни, то другие отпадали. Часто (πολλάκις) правители боспорян и особенно последние – Фарнак, Асандр и Полемон – владели [землями] и до Танаиса». Из этого текста следует, во-первых, что города Танаис и Пантикапей (Боспор) могли поочередно властвовать над меотами, что означает их независимость друг от друга (так же полагает: Каменецкий 2011. С. 159); во-вторых, что боспорские цари до Аспурга могли устанавливать свою власть над «всеми меотами», чего, вероятно, уже не было, судя по отсутствию уточнения «все» в титулатуре Аспурга.

Об относительной самостоятельности меотов свидетельствуют и другие данные Страбона. Так, в X. 2. 4 он сообщает, что меоты живут на восточном побережье Меотиды от Танаиса до Боспора, при этом «они земледельцы, но воинственны не менее кочевников. Они разделены на несколько племен: те, что ближе к Танаису (τὰ μὲν πλησίον τοῦ Τανάιδος) – более дикие, соприкасающиеся же с Боспором (τὰ δὲ συνάπτοντα τῷ Βοσπόρῳ) – более кроткие». Итак, меоты не входят в территорию Боспорского царства, но лишь «соприкасаются» с ним.

В XI. 2. 1 географ описывает Восточную Европу от Северного океана до Черного моря и, подойдя к Азовскому морю, сообщает: «...у [Меотийского] озера живут меоты. А к морю (Черному! – *А.П.*) примыкают азиатские области Боспора и Синдика (πρὸς δὲ τῇ θαλάττῃ τοῦ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἐστὶ καὶ ἡ Σινδική)». И здесь следует отметить невхождение, по Страбону, меотов в территорию азиатского Боспора – они отчетливо противопоставлены друг другу.

О Синдике и синдах Страбон прямо говорит, в полном соответствии с титулатурой Аспурга, что они, «будучи подвластны правителям Боспора, все называются "боспорянами"» (XI. 2. 10).

Таким образом, представляется, что актуальная информация Страбона позволяет уточнить некоторые параметры территории Боспорского царства, сложившейся на рубеже эр, и соотнести ее с эпиграфическими свидетельствами этой эпохи.

Примечание

* Работа написана при поддержке РНФ (проект № 14-18-02121).

Литература

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // ДГ, 1986 год. М., 1988. С. 6–175.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011.

Латышев В.В. ΠΟΝΤΙΚΑ. Изборник научных статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.

Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности. Харьков, 1995. С. 60–63.

Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 366–380.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Пг., 1925.

Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65–78.

Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистическое и римский периоды (I в. до н.э. – середина III в. до н.э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 2. С. 80–132.

Tomaschek W. Aspurgianoi // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1986. Bd. II. Sp. 1738.

М.Н. Самонова

СКАНДИНАВСКИЙ ФАКТОР В ОБРАЗОВАНИИ ПОЛОЦКОГО И ТУРОВСКОГО КНЯЖЕСТВ

Зарождение Древнерусского государства сопровождалось широким проникновением выходцев из Скандинавии на восточнославянские территории, о чем ярко свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Особенно интенсивно славяно-скандинавское взаимодействие происходило на протяжении IX–X вв. (Мельникова 2011. С. 72). Превращение «предгосударственной» политии полочан в раннегосударственное образование с центром в Полоцке авторы ПВЛ связали с деятельностью двух пришлых князей – вначале Рюрика, а затем Рогволода. А основателем политического центра в землях дреговичей – Турова – стал князь Туры. В современной исторической науке преобладает точка зрения об их скандинавском происхождении, исходя из этимологии их имен (др.-сканд. *Rögnvaldr* и *Þórir*). Мы остановимся на проблеме того, как скандинавское влияние сказалось на судьбе «племенных княжений» полочан и дреговичей – будущих Полоцкого и Туровского княжеств.

В концепции летописцев (ПВЛ под 980 г., Лаврентьевская летопись под 1128 г.) Рогволод представлен как первый и при этом самостоятельный правитель Полоцка. Из содержания указанной статьи ПВЛ также можно заключить, что вместе с Рогволодом прибыл Туры, который закрепился в землях «племенного княжения» дреговичей. Выбор скандинавскими предводителями именно этих восточнославянских центров не был случайным, поскольку они занимали стратегически выгодное положение на важнейших военно-торговых путях и не входили во владения Рюриковичей.

Ядром формирования территории княжения полочан стала зона междуречья Западной Двины, Ушачи и Уллы с центром в Полоцке (Левко 2012. С. 37). Время появления здесь Рогволода может быть уточнено при помощи археологических и нумизматических данных. Они показывают, что в середине X в. в Полоцке происходили существенные изменения, проявившиеся в распространении круговой керамики и расширении территории

города. Эти изменения вполне могли быть связаны с приходом Рогволода, который установил контроль над Западнодвинским путем, что подтверждается кладом из деревни Козьянки у юго-восточной окраины Полоцка, датируемым второй половиной 940-х годов (Плавінскі 2009. С. 311–312). Козьянковский клад свидетельствует, что к середине X в. Западнодвинский путь был одним из каналов поступления серебра с Востока на Балтику. Правление Рогволода содействовало росту экономической и политической роли Полоцка как в Подвинье, так и в Восточной Европе в целом. Показателем развития экономического потенциала Полоцкого княжества является нахождение на его территории 27 кладов с дирхемами (Штыхов, Бектинеев 2012. С. 376–377). Наличие в составе многих кладов североевропейских артефактов говорит об участии скандинавов в международной торговле, связанной с арабским серебром, и вовлечении в нее восточнославянских земель. На данный момент в Полоцке и его окрестностях не удалось выявить явных следов пребывания скандинавов. Некрополь Полоцка не сохранился, но есть предположение, что поселение со скандинавами следует искать в округе Полоцка (Дернович 2012).

Дреговичи занимали значительную часть территории современной Беларуси – междуречье Немана, Припяти и Днепра. Большую роль в развитии региона и образовании городов сыграли Днепро-Бугский и Днепро-Неманский торговые пути. Белорусские археологи выявили укрепленные поселения, которые, вероятно, были связаны с обслуживанием данных путей: Франополь в Побужье (Брестский р-н Брестской обл.), Городище на Ясельде (Пинский р-н Брестской обл.), Кульбачино (Щучинский р-н Гродненской обл.), Муравельник (Волковыск), Городище на Менке (Минский р-н) и др. Это были полиэтничные военно-торгово-ремесленные поселения, в культуре которых в той или иной степени прослеживается скандинавское влияние. Особый интерес в связи с образованием Туровского княжества представляют два поселения – Франополь в Побужье и Городище на Ясельде. Они погибли в результате военного нападения на рубеже X–XI вв. (Іоў, Вяргей 1993).

Приблизительно на рубеже X–XI вв. возник Туров, более ранних слоев в нем не выявлено (Лысенко 2004. С. 33–35). В

городе были обнаружены остатки языческого святилища, относящиеся ко времени его основания. Археологические данные не противоречат сообщению ПВЛ о Туры как основателе Турова. Отсутствие в Турове артефактов североевропейского происхождения можно объяснить непродолжительностью «скандинавского периода», ограниченного для Турова княжением Туры. Сохранение памяти о нем в названии города свидетельствует об установлении князем хороших отношений с местным населением, основанных, возможно, на отправлении языческого культа (Штыхов 2008. С. 45).

Рогволод и Туры были представителями очередной волны скандинавов, осевших на Руси в середине X в. К этому времени потомки предыдущей скандинавской волны (во главе с Рюриком и Олегом) были славянизированы и уже практически утратили свою связь с прародиной (Успенский 2002. С. 30–31).

Судя по летописным известиям о междоусобицах Святославичей, Полоцкое княжество выступало как самостоятельное государственное образование, в котором единолично правил Рогволод. Он поддержал киевского князя Ярополка, одобрив его брак с Рогнедой, что привело к нападению Владимира на Полоцк. Туры был союзником полоцкого князя, и поэтому после убийства Рогволода Владимиром и подчинения Полоцка власти Киева Туры также, скорее всего, был устранен, а Туров перешел под непосредственную власть киевского князя. Это объясняет, почему Туры после единственного упоминания в ПВЛ под 980 г. бесследно исчезает со страниц летописей. Таким образом, в конце X в. Полоцкое и Туровское княжества были подчинены Владимиром и вошли в состав Древнерусского государства Рюриковичей.

В расширенной версии повествования о сватовстве Владимира к Рогнеде (в Лаврентьевской летописи под 1128 г.) появляется рассказ о попытке мести Рогнеды Владимиру. В семейный конфликт оказался втянутым Изяслав, сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в ее «отчину» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300–301). Легенда о Рогнеде и Владимире имеет близкие параллели в древнескандинавской литературной традиции. В сагах часто

именно женщина является инициатором мести. Мотив мести женщины за гибель отца присутствует в «Саге об Инглингах» и «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона в повествованиях о Скьяльв, Асе и Гудрун. В сагах также проявляется взгляд на сына как на члена рода матери, который может стать ее заступником и мстителем за ее родичей даже против собственного отца. В данном контексте выступление Изяслава на стороне матери следует рассматривать как проявление силы кровнородственной связи по материнской линии, характерной для родового общества и сохранявшейся еще долгое время (Рыдзевская 1978. С. 214). Мотив выступления сыновей против отца и их возвращения на родину матери встречается в «Саге об Инглингах» в повествовании о Висбуре (Снорри Стурлусон 1980. С. 18).

Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе с сыном Изяславом вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцком. Такое неожиданное решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были актуальны в варяжском окружении Владимира. В Скандинавии женщины, ближайшие родственницы по отцовской линии – дочь или сестра, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать одаль (др.-исл. *óðal*) – родовое земельное владение (Гуревич 1977. С. 53–54). При этом право конунга на власть над страной рассматривалось как наследственное право одаля (Гуревич 2006. С. 71–73).

Необходимо также учитывать, что для скандинавского и восточнославянского обществ X в. были характерны сильные родовые традиции. Они проявлялись в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. Некоторые древнескандинавские и древнерусские нормы (Никольский 2001) указывают на правовую обоснованность участия Рогнеды и ее сына в кровной мести за Рогволода. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и ее сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии «отчиной») –

Полоцком. Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что сын Рогнеды и Владимира перешел в род матери и тем самым стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в., раньше чем в других древнерусских политических центрах, оформилась собственная княжеская династия Рогволодовичей-Изяславичей. Имя родоначальника династии Рогволода прочно вошло в антропонимикон полоцких князей, что свидетельствует о его важном идеологическом значении в обосновании самостоятельности полоцкой династии Рогволодовичей-Изяславичей в разветвленном роде Рюриковичей, владевших Русью.

Таким образом, действие скандинавского фактора проявилось в установлении контроля Рогволода и Туры в племенных (Полоцк) и стратегических (Туров) центрах «княжений» полочан и дреговичей, что стало одним из оснований для образования Полоцкого и Туровского княжеств. Влияние скандинавского фактора также проявилось в закреплении Полоцка как родового владения («отчины») за собственной, скандинавской по происхождению ее родоначальника, княжеской династией Рогволодовичей-Изяславичей.

Литература

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье: проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006.

Іоў А.В., Вяргей В.С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX – пач. XI ст.ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 117–134.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

Левко О.Н. Кривичи-полочане и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Образование Полоцкого княжества // Полоцк. Минск, 2012. С. 36–41.

Лысенко П.Ф. Древний Туров. Минск, 2004.

Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011.

Никольский С.Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 160–169.

Плавінскі М.А. Раннесярэднявечны Полацк: тапаграфічная структура і пытанні храналогіі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай

зямлі: Матэрыялы V Міжнар. навук. канф., 24–25 кастр. 2007 г. Полацк, 2009. С. 307–315.
Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
Штыхов Г.В. Средневековые города Беларуси и их предшественники: к проблеме восточнославянского протогорода // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: Гуманит. науки. 2008. № 1. С. 2–6.
Штыхов Г.В. Бектинеев Ш.И. Торговые пути и связи Полоцкой земли в IX–XIII вв. Клады // Полоцк. Минск, 2012. С. 373–379.

М.В. Скржинская

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ТЕРРИТОРИИ ОЛЬВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В V–I вв. до н.э.

Сведения о защите территории Ольвии складываются из материальных, эпиграфических и письменных источников. К числу первых относятся находки оружия, остатки оборонительных сооружений и следы пожарищ и разорений. Они свидетельствуют о наличии войска у греческих колонистов, о защите стенами и башнями столицы государства и о вооруженных столкновениях. О том, кто были эти враги и какими не всегда военными действиями греки охраняли свой полис, повествуют эпиграфические и письменные памятники. Древнейший из них – «История» Геродота; в ней записана ольвийская новелла о скифском царе Скиле, правившем в середине V в. до н.э. Он неоднократно располагал свое войско в предместье Ольвии, а сам отправлялся на некоторое время в город, окруженный стенами и башнями. Там он без ведома соотечественников вел греческий образ жизни: ходил не в национальной, а в греческой одежде, построил великолепный дом, завел жену гречанку и стал поклоняться эллинским богам. Один ольвиополит, преследуя какие то свои мстительные цели, провел нескольких скифов на башню, откуда они увидели, как их царь принимает участие в шествии безумствующей толпы горожан, поклонников Диониса (Her. IV. 79). Та-

ким образом, сейчас известно, что Ольвия защищала свою территорию оборонительными сооружениями уже в V в. до н.э.

Возможно, средства для роскошной жизни по греческому образцу Скил брал у ольвиополитов, которым в случае отказа царь мог угрожать нападением скифского войска, стоявшего у стен города. Однако о получении дани вождями соседних племен нам определенно известно лишь начиная с эллинистического периода. К нему относится подавляющее большинство интересующих нас сведений из литературных и эпиграфических источников.

О военной угрозе Ольвии со стороны скифов в IV в. до н.э. красноречиво говорят надписи о постройке оборонительных стен и башен. В одной надписи со стихотворным двустишием сказано, что Еврисивий соорудил на свои средства башню, посвятив ее Зевсу Освободителю, а из другой мы узнаем о комиссии из пяти стеностроителей, которые заботились о ремонте стены и башен (Виноградов 1989. С. 138–139). Поэтому можно заключить, что эти сооружения могли пострадать от нападений врагов, а прежняя система обороны требовала расширения.

Подобные мероприятия город проводил и в III – начале I в. до н.э., о чем свидетельствуют несколько надписей (IOSPE I^2. 32, 179, 183; Крапивина, Диотроптов 2005. С. 68). Это подтверждается также архитектурными остатками, по которым можно заключить, что тогда ольвийские стены имели высоту 8–10 м, а башни – ок. 12 м. За такими стенами скрывались даже самые крупные городские храмы, достигавшие высоты 11 м и, конечно, жилые дома, большинство из которых были одноэтажными и не превышали в высоту 5–6 м (Крыжицкий 1993. С. 108–110, рис. 66, 67, 69, 72).

В последней трети IV в. до н.э. Ольвии пришлось защищаться не только от соседей. Макробий в свой труд «Сатурналии» (I. 11. 33) включил разнообразные факты из утраченных теперь произведений древних писателей. Среди примеров доблести рабов, которые, получив освобождение, мужественно защищали страну от неприятелей, Макробий кратко написал об осаде Ольвии Зопирионом в 330 г. до н.э. Этот полководец из числа военачальников Александра Македонского стремился выполнить план царя, желавшего в числе прочих земель подчинить области, населенные гетами и скифами. Его войско окружило Оль-

вию, но жители смогли выдержать осаду, т.к. увеличили число защитников города, даровав свободу рабам; ольвиополиты также наделили правами гражданства проживавших в городе иноземцев, а для многих изменили их тяжкие долговые обязательства.

Сопоставляя эти сведения с археологическими раскопками, можно с уверенностью говорить, что город не был взят врагами, но поселения на его хоре сильно пострадали, что, конечно, нанесло сильный ущерб государству (Отрешко, Буйских 2009. С. 140). В то же время непонятно, как небольшая Ольвия смогла противостоять македонскому войску, насчитывавшему, по словам Макробия, 30 000.

В античной литературе не сохранилось сведений о том, почему Зопириону понадобилось захватить Ольвию и воевал ли он с другими греческими полисами Северного Причерноморья. На этот вопрос не отвечают и современные исследователи. Мне кажется вероятным такой план Зопириона. Он хотел сделать Ольвию своим главным опорным пунктом в походе на Скифию. Ведь в представлении греков Ольвия находилась в центре южной границы Скифии (Her. IV. 17), а главное, близ этого города сливались Гипанис и Борисфен, две крупнейшие скифские реки. По ним можно было проникнуть вглубь страны на кораблях, о которых упоминается в сообщениях о походах Зопириона.

Образованные современники Зопириона и сам полководец хорошо помнили рассказ Геродота и других писателей о неудачном походе царя Дария на скифов конце VI в. до н.э. Персидское войско двигалось по суше от Геллеспонта, переправилось через Истр, и на всем дальнейшем долгом пути не имело возможности дать генеральное сражение, т.к. кочевые скифы все время отступали, заманивая противника вглубь страны, при этом на пути персов они сжигали всю растительность и засыпали колодцы и другие источники воды. В результате истощенное войско, исчерпав свои запасы продовольствия и воды, вынуждено было покинуть Северное Причерноморье. Этот неудачный опыт покорения Скифии заставил Зопириона избрать иную тактику проникновения в земли воинственных племен Северного Причерноморья. Полководец решил отправиться в Скифию морем, сделать Ольвию своим оплотом, разместить там войска и

высылать военные отряды по рекам вглубь страны, имея надежный тыл за укреплениями города.

Вероятно, Зопирион направил к Ольвии на кораблях лишь часть своего войска и через послов изложил ольвиополитам свой план. Угрожая военной силой, он желал принудить город смириться с отведенной ему участью: там следовало расположить македонские войска и признать положение вассала македонского царя. Однако ольвиополиты не пожелали принять условия Зопириона и стали сопротивляться. Они держали оборону за стенами и башнями города, а его незащищенную укреплениями часть у реки отбивали от неприятеля военные корабли, о существовании которых известно из более позднего по времени декрета Антестерия. Этот богатый ольвиополит в третьей четверти III в. до н.э. за свой счет отремонтировал военные суда и построил новый военный корабль (Виноградов 1989. С. 202). Узнав о невозможности овладеть городом с помощью присланного контингента, Зопирион на кораблях отправился к непокорному городу со всем своим войском. Видимо, армия вместе со своим полководцем потонула во время шторма; об их гибели в море упоминают Юстин и Курций (Just. II. 3. 4; Curt. X. 1. 44). Поэтому пропал смысл дальнейшей осады Ольвии, и враги отступили.

Освобождение рабов и прощение долгов, вероятно, было связано не только с недостаточностью количества ольвийских воинов. Это делало лояльными те слои населения, которые надеялись на возможное изменение своей участи с приходом македонян и даже могли оказаться предателями, помогающими врагу. Получив улучшение своего статуса, они становились защитниками государства. Известно, что к подобным мерам прибегали во время опасности и другие греческие полисы. Такие примеры из истории Афин и Спарты приводятся и у Макробия.

Через несколько десятилетий Ольвии пришлось постоянно защищаться от нападений разных варварских племен. И снова, как известно из декрета Протогена (IOSPE I^2. 32), принимались меры к списанию или отсрочке долгов граждан. Во второй половине III в. до н.э. ольвиополиты часто защищали территорию своего государства не военными средствами, а оплатой за неприкосновенность крупными денежными суммами и подарками, которые послы доставляли вождям и знати разных племен, уг-

рожавших полису, о чем рассказано в упомянутом декрете. Там написано что ольвийские послы возили с собой деньги и ценные подарки варварским правителям, причем в их количестве нельзя было ошибиться, чтобы не вызвать гнев местного царька, как это было во время одного из посольств к Сайтафарну. Он счел недостаточными 900 золотых, которые принесли ему послы Протоген и Аристократ, и собрался воевать с Ольвией.

Военный флот в классический период успешно защищал Ольвию от нападений врагов со стороны реки. Он выстоял в сражении с кораблями Зопириона и отражал набеги варваров, т.к. у них не было настоящих военных судов. О том, как выглядели ольвийские боевые корабли с таранами на носу, известно по графическим рисункам из разных городов Северного Причерноморья (Петерс 1982. Рис. 1–5). Во время боя они маневрировали с помощью гребцов на веслах, а в походах пользовались парусами.

Зимой на несколько месяцев лед сковывал Гипанис (такое наблюдалось даже в середине XX в., когда, по словам местных жителей, по реке прокладывали дорогу для грузовиков), и тогда пешее неприятельское войско могло наступать на город с незащищенной стенами и башнями речной стороны. Такие нападения на Ольвию стали практиковать варвары в эллинистический период, причем набеги совершали не только ближайшие соседи. Из декрета Протогена мы узнаем, что ольвиополитам донесли о том, что галаты и скиры объединились, чтобы зимой напасть на город. Во второй половине III в. до н.э. подобные действия варваров заставили ольвиополитов искать средства для постройки вдоль реки оборонительных сооружений.

С конца II в. до н.э. главной формой защиты территории Ольвии становится обращение за помощью к царю Понта Митридату Евпатору. Он охотно предоставил ольвиополитам воинов, разместив в городе свой гарнизон, защищавший город от набегов варваров. Так царь получил возможность использовать Ольвию как форпост в борьбе с Римом (Жебелев 1953. С. 285).

Свидетельства о взаимоотношениях Ольвии с Понтийским царством заключены в двух надписях (IOSPE I^2. 35; Крапивина, Диотроптов 2005. С. 68). Первая относится к начальному перио-

ду связей этих государств на рубеже II–I вв. до н.э. Тогда на корабле с южного берега Понта были доставлены провиант, деньги, оружие, а также пополнение для отряда лучников, находившихся на службе у Митридата и посланных им в Ольвию (Виноградов 1989. С. 253–256). Вторая надпись показывает, что Ольвия в первые десятилетия I в. до н.э. входила в состав Понтийского царства, ее суверенитет был существенно ограничен и город управлялся наместником Митридата (Крапивина, Диотропттов 2005. С. 72).

После поражения Митридата в войнах с римлянами Ольвия с рубежа 70–60-х годов до н.э. уже нигде не могла найти мощного защитника и в середине I в. до н.э. была полностью разорена несколькими набегами гетов. По словам Диона Хрисостома (Or. XXXI. 4), жизнь в городе надолго прекратилась и возобновилась лишь в I в. н.э. Так трагически завершился эллинистический период истории милетской колонии на северной окраине ойкумены.

Литература

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л. 1953.

Крапивина В.В., Диотроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 2005. № 1.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

Отрешко В.М., Буйских С.Б. Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени // Ольвийские древности. Киев, 2009.

Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.

С.Б. Сорочан

К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ФУЛ И «НАРОДА ФУЛЬСКОГО»

Границы хорошо известных в агиографии крымских Фул как поселения или хотя бы как округа с населявшим его «фульским народом» до сих пор остаются под вопросом. Почти двухсотлетние поиски породили целую литературу по этому поводу и

около двух десятков вероятных вариантов локализации: Чуфут-Кале (И. Тунманн, П.И. Кеппен, А.Л. Бертье-Делагард, А.А. Васильев, А.Л. Якобсон,), Кыз-Кермен (Е.В. Веймарн, А.В. Белый), Мангуп, Бакла (В.Е. Рудаков), Эски-Кермен (В.А. Сидоренко, В.И. Новиченков, Н.Г. Новиченкова), Инкерман (Т. Дышкант, С.Б. Сорочан), южнобережное урочище Рускофилкале (Рускофиль Кале, Рускофуле) на Никитском мысу (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, В.Г. Васильевский), Кастрополь (П.И. Кеппен), холм Фуил между Ай-Тодором и Алупкой (П.С. Паллас), Фуны (Н.Н. Мурзакевич), Старый Крым (Карасу-базар) (Ю.А. Кулаковский, В. Бушков), городище на отроге горы Ак-Кая у с. Вишенное (В.Л. Мыц), селение Отуз вблизи Сугдеи (А. Никитский). Но наиболее часто, особенно в последнее время, Фулы связывают с местом к востоку от Сугдеи, городищем на холме Тепсень, около поселка Коктебель, на южном побережье восточного Крыма (Р.А. Орбели, В.В. Кропоткин, М.И. Артамонов, И.А. Баранов, Б.Н. Флоря, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко, Х.-Ф. Байер, А.Г. Герцен, В.В. Майко, К. Цукерман, И.А. Завадская) (подробнее см.: Сорочан 2013. С. 451–457, примеч. 95; Завадская 2014. С. 24–26). Дискуссии по этому поводу периодически вспыхивают и замирают, чтобы возобновится с новой силой вновь.

Пожалуй, чаще всего разгадку историко-географической головоломки увязывали с регионом Южного берега Крыма, очевидно, учитывая, что от Фул Иоанн Готский, по сведениям агиографа, должен был пытаться бежать к морю, туда, где можно было найти корабль для переправы на побережье Малой Азии. Видимо, рядом с Доросом, где разыгрались основные события, он был перед этим схвачен и помещен в фульской филаке. Однако для того, чтобы кратчайшим, а значит и скорейшим, путем попасть от окрестностей Мангупа к морю, следует двигаться на юго-запад, по хорошо известному пути в сторону Херсона. Именно так удобнее всего было добраться до ближайшего, лежавшего всего в 20 км крупного портового центра, рядом с которым можно было рассчитывать найти снаряженное, готовое к отплытию судно. Уже одно это вполне объективное обстоятельство нельзя считать ошибочным и не принимать во внимание. Оно заставляет усомниться в верности поисков Фул за 250 км от места основных событий, на обширном, площадью примерно

16 га, совершенно открытом, пусть и приморском, христианском поселении VII – начала X в. на холме Тепсень. Разумеется, у хазар была конница, но невозможно представить, что могло заставить их везти Иоанна столь далеко от основного места событий. Это не «относительная», а весьма основательная удаленность, тем более в крымских масштабах (ср.: Майко 2004. С. 16). Но если все-таки это далекий Тепсень, тогда ему принадлежали остатки крупной трехапсидной базилики, которая претерпела в течение второй половины VIII – начала X в. не менее двух перестроек, и еще пять христианских храмов, обнаруженных на городище (Майко 2004. С. 250–274; Завадская 2014. С. 25–26). Такой церковный центр находился всего в 29 км к северо-востоку от Сугдеи, что, казалось бы, весьма удобно для объяснения его вхождения в дальнейшем в состав единой Сугдо-Фулльской архиепископии. Однако это поселение не удовлетворяет условиям другого, очень важного для локализации Фул ориентира. В схолии к Нотиции де Боора (Notitiae Isaurorum, по Дарруже – № 3), датируемой в пределах последней четверти VIII – конца IX в., при упоминании 37-й епархии, Готфии, в качестве такового были указаны некие Хотцирон или Хотзирон и «Харасия, что значит (которая называется) Черная Вода», причем Фулы были названы вместе с «Черной Водой» (через союз και), а Хотзирон «соседним, близким» (σύνεγγυς) к ним (Darrouzes 1981. P. 245. № 3.777–779). В самой нотиции Готская епархия значится на 35-м месте и сразу после ее главного центра – митрополии Дороса тоже следует Хотзирон, как указано, расположенный близ Фул и Черной Воды:

ΛΗ' ἐπαρχία Γοτθίας
α' Δόρος μητρόπολις
β' ὁ Χοτζίρων

(Ibid. P. 241–242. № 3.611–618). Между тем никакой реки поблизости от Тепсеня нет. Нам же необходимо искать приморский центр недалеко от Херсона, стоявший непосредственно на реке. Только такое место подходит для всех отмеченных источниками условий.

По этой причине в числе «главных подозреваемых» неизбежно оказывается Инкерман, находящийся на одной из значительных рек Крыма – Черной речке (Казыклы/Кизыклы – Узень, Биюк/Буюк-Узень – татарская «Большая река») при впадении ее в

Севастопольскую бухту. Рядом с устьем реки сходились две главные дороги, ведшие из степных и предгорных районов Крыма в недалеко расположенный Херсон. Здесь сравнительно легко можно было бы найти судно, но здесь столь же трудно было бы надолго укрыться от тех, кто пожелал выдать Иоанна. Напротив византийской крепости, построенной на оконечности плато Монастырской скалы в VI–VII вв. и переставшей за ненадобностью функционировать в раннее средневековье, находилась переправа и одно из самых оживленных и, видимо, густонаселенных мест, с конгломератом «пещерных» поселений, а, возможно, и монастырем (Могаричев 1997. С. 17–22, 29, 30). Если учесть, что местные греки словом φουλια, φωλια называли издавна гнездо, логово или пещеру, тогда Инкерман с его пещерными сооружениями тоже вполне подходил под этот эпитет. Примечательно, что последний топоним связан с турецким *in* – 'нора', 'берлога' (Белянский, Лезина, Суперанская 1998. С. 150). Другой вариант этимологии слова «фулы» уводит в область готского языка. Его прилагательное *fuls* означает «гнилой, тухлый» (Гухман 1958. С. 261), что опять-таки вполне подходит для обозначения заболоченной, густо поросшей камышом низины в устье Черной реки около Монастырской и Загайтанской скал (Герцен, Махнева-Чернец 2004. С. 198). Кроме того надо учесть, что отсюда, по Каменоломному оврагу (Советницкой балке), через плато Сапун-горы, шла дорога, которой можно было достичь Херсона. Если это так, тогда понятно, что Константину Философу, отправившемуся к христианскому «народу фульскому» осенью 861 г., не было нужды рисковать забираться на дальнюю окраину, южный и тем более восточный берег Крыма, и всё случившееся с легендарным фульским дубом было связано с относительно недалекими окрестностями Херсона (8–10 км от города, несколько часов ходьбы или того меньше – по морю). А если так, не был ли Фулами тот оставшийся не поименованным «христианский город» недалеко от Херсона, в успешных переговорах о снятии осады хазаров с которого участвовал императорский посланец? Первое знакомство с ним могло породить желание позже еще раз вернуться туда для укрепления благочестия здешних христиан, грешивших заблуждениями язычества (Сорочан 2014. С. 246–250).

В официальных нотициях Фулы как епархия, а точнее как автокефальная архиепископия, появились впервые в самом начале X в., на 48-м месте, сразу вслед за Готфией и Сугдеей. Херсон и Боспор стояли, соответственно, на 21-м и 39-м местах (Darrouzes 1981. P. 274. № 7.99). Важно учесть, что к этому времени большая Тепсеньская базилика доживала свои последние десятилетия, если не годы. Материалы, обрывающиеся на начале – первой половине X в., делают вероятность нахождения здесь «первого кафедрального храма Фульской епархии» совершенно ничтожной (ср.: Завадская 2014. С. 26). Городище на холме Тепсень у с. Планерское надолго, до XIV–XV вв., прекратило свое существование, и случилось это никак не позже 940-х годов.

Есть основания полагать, что узкая полоса побережья от Каламиты-Инкермана до Сугдеи периодически перекраивалась церковными иерархами после того, как Фульская епархия вычленилась из Херсонской. Последний раз Фулы упоминаются в соединении с Сугдеей в 1400 г. В XVI в. они возродилось под названием Кафо-Фулльская епархия. В 1666 г., уже как митрополия, бывшая епархия была присоединена к северомалоазийской древней Амасии, а в 1678 г. – к Готии, под названием Готско-Кафской. Выходит, древнее название Фулы (Фуллы) исчезло из церковного обращения не ранее конца XVII в., а значит, до этого времени его по давней традиции увязывали с какой-то конкретной, продолжавшей существовать и после X в. местностью, память о которой постепенно исчезла гораздо позднее, как и представление о расположении города. Думается, что уже в XIV–XV вв. древние Фулы оказались существенно потеснены новыми топонимами – Каламита (греч. ‘Камышовая’) и Инкерман (тат. ‘Пещерная крепость’). Как бы то ни было, исследование всего комплекса имеющихся письменных источников позволяет наметить контуры четырех ориентиров, которые могут помочь в определении границ метонахождения легендарного места: его самое близкое соседство со значительной, заметной рекой Юго-Западной Таврики; близость к морю, порту и, наконец, небольшая удаленность как от Херсона, так и от Дороса (Мангупа). Если исходить из этих параметров, мы едва ли найдем более подходящий вариант, нежели район Инкермана и устья Черной речки около Севастопольской бухты.

Литература

Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. Симферополь, 1998.

Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города Крыма». Симферополь, 2004.

Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.

Завадская И.А. Этапы христианизации «народа фульского» по материалам культового строительства на городище Тепсень // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΤΗΕΜΑΤΑ: Империя и Полис. Тезисы докл. и сообщ. VI Междунар. Византийского семинара. Севастополь, 2014. С. 24–26.

Майко В.В. Средневековое городище на холме Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. М., 2013. Ч. 1.

Сорочан С.Б. «Народ фульский»: язычники или христиане? // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 246–250.

Darrouzes J.A.A. Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. P., 1981.

Цв. Степанов

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ (VII–XIII вв.)

Цель данного обзора – очертить развитие в понимании болгарской элиты такой важнейшей черты средневекового государства, как территориальное деление (и его администрирование). Речь пойдет о Дунайской Болгарии.

Автор исходит из идеи, что болгары в момент расселения в Юго-Восточной Европе в конце VII в. являлись наследниками так называемой «степной империи» и данный факт неминуемо повлиял на их представление о первоначальной организации территории Болгарии. Следует учитывать также, что болгары поселились в землях, хотя бы номинально (после 630-х годов) находившихся в границах Византийской империи. С течением времени, и особенно после второго десятилетия IX в., болгары начали «модернизировать» свою государственность и прибли-

жать некоторые ее аспекты, в том числе и территориальное деление, к ромейскому образцу.

В течение более чем столетия после 680 г. дунайские болгары оставались враждебно настроены к моделям организации и государственности, характерным для пространства бывших ромейских земель на Балканском полуострове. Последнее неминуемо оказало влияние на специфику государственной организации захваченных ими территорий. К сожалению, на данный момент мы не располагаем ясной информацией о точном административном делении Дунайской Болгарии до начала IX в., но с большой вероятностью можно предположить, что государственная власть следовала хорошо известной модели трехчастного деления, известной в степной Евразии. Именно на это указывает так называемая Вторая Хамбарлийская (сегодня с. Маламирово) надпись Крума (803–814), приблизительно датированная 813 г. В ней говорится о левой (во главе с кавханом) и правой (во главе с ичиргубоилом) сторонах (крыльях), что, собственно, подразумевает и центр (во главе с братом самого Крума). Следует отметить, что это деление касается только так называемого «сарактa» (*sarakton*), охватывавшего земли к югу от Старой Планины, к востоку от нижнего течения р. Марицы и к западу от Черного моря, – области, где, со всей очевидностью, велись военные действия между ромеями и болгарами. Именно поэтому «сарактa» обычно переводят как «войско», а не как «государство» (Бешевлиев 1992. С. 186–187, № 47; 189–190; см. также: Степанов 1999. С. 66–67; Георгиев 2007. С. 192–205).

Подобное трехчастное деление на левое и правое крылья, а также центр можно увидеть в армиях степной Евразии. Эти же традиции видны в раннем делении Дунайской Болгарии на «внутреннюю» и «внешнюю» области. Это также хорошо известное деление раннегосударственных образований, согласно которому территория «царского народа» (в данном случае – народа болгар) символически помещалась в центре государства, а подчиненные ему племена располагались на его периферии. «Центр» обычно был укреплен намного лучше остальных частей государственной территории. О наличии такой организации говорят уже первые шаги создателя Дунайской Болгарии Аспару-

ха. Он разместил славянские племена в некоторых ключевых для обороны государства полосах, находившихся, как правило, на периферии, например на восточных склонах Старой Планины, напротив ромеев. Славяне также были размещены на Валахской равнине, напротив авар (см.: Theophanes 1960. С. 262–263; Никифор 1996. С. 51; подробнее см.: Венедиков 1979. С. 96, 154–155; Коледаров 1979; Степанов 1999. С. 65–68 и примеч. 17; Георгиев 2010. С. 63–75; Рашев 2001. С. 69–70). Р. Рашев утверждает, что сама центральная область «была организована в виде деления на внутреннюю и внешнюю зоны»; ко «внутренней» принадлежала столица Плиска и равнина к югу от нее до перевалов Старой Планины, а ко «внешней» – земли к северу и северо-востоку до Дуная (Рашев 2001. С. 129).

В то же время на периферии государства жили – как минимум до начала IX в. – пограничные славянские племена, получившие определенную административно-правовую автономию: они управлялись своими племенными князьями и имели собственные «законы». Эти территории считались неотъемлемой частью болгарской державы, и славянские князья подчинялись во всем остальном верховному болгарскому государю (Степанов 1999. С. 68–69; Рашев 2001. С. 129). Вероятно некоторые надписи времен Омуртага (814–831), где упоминаются умершие «внутри» (ἔσω) кормильцы (θρεπτοὶ ἄνυρωποι) (см.: Бешевлиев 1992. С. 235–236, № 65; С. 236–237, № 66), указывают именно на эту специфику восприятия территориального членения государства болгарской элитой.

Одновременно с этим делением существовало и другое: источники IX в. упомянают о «задунайской» Болгарии, т.е. о землях на левом берегу Дуная (см.: Венедиков 1979). Поскольку, собственно, Дунай достаточно долго разделял территорию Болгарии на две части, последнее обозначение подразумевает наличие параллельного термина «придунайская» Болгария, обозначавшего земли, лежащие к югу от реки.

Наверное, в первой половине IX в. в Болгарии появляются так называемые комитаты. Это большие области во главе с «комитом» (*comes*) – термин, как известно, распространенный в поздней Римской империи. Слово «комит» не имело ничего общего с обозначением деревни в Византии (κώμη), как думают

некоторые авторы, пытающиеся связать «комитов» с современным болгарским словом «кмет», которое обозначает административного главу деревни. Пока остается нерешенным вопрос о том, когда было введено это деление: при Омуртаге или при Борисе-Михаиле (852–889, ум. 907). Но, в любом случае, оно было установлено или после 820-х годов, или с середины IX в. (см.: Коледаров 1979. С. 20; Степанов 1999. С. 67 и примеч. 20). Спорным является также вопрос о том, у кого болгары заимствовали данную систему территориального членения – у ромеев или у франков, у которых в VIII–IX вв. тоже имелись комиты (*comites*) (откуда, кстати, происходит и слово «конт», т.е. граф). В то время в Византии уже не было комитатов. Ввиду в первую очередь арабской опасности римские комитаты в Византии были реформированы и заменены после VII–VIII вв. *фемами*, хотя титул *комес* продолжал существовать. Об этом можно заключить также из Сюлейманкейской (совр. с. Сечиште, обл. Нови пазар) праболгарской надписи времени Омуртага (Бешевлиев 1992. С. 164–166, № 41). Остается открытым вопрос о том, сохраняли ли болгары деление на комитаты вместе с делением на «внутреннюю» и «внешние» области и после середины IX в. (см. возможные ответы: Рашев 2001. С. 129). Благодаря так называемому пресвитеру из Диоклеи (попу Дуклянину, XII в.) известно, что во второй половине IX в. в Болгарии насчитывалось 9 комитатов (Латински извори. Т. 3. С. 170–171). В то же время в Бертинских анналах (под 866 г.) указано, что в Болгарии было 10 комитатов (Там же. Т. 2. С. 287). Сказать, входила ли в их состав и «центральная» область, на данный момент не представляется возможным (Рашев 2001. С. 129: «в их число входит также и центральная область»; ср.: Степанов 1999. С. 67 и примеч. 20).

Болгарское царство было восстановлено после 1185/86 г. Тогда начался следующий этап организации и территориального деления государства. Как минимум со времен царя Ивана Асеня II (1218–1241) существовали области, называвшиеся по ромейскому образцу «хорами» (Иванов 1970. С. 578; История на България. Т. 3. С. 259–260). Это заимствование можно интерпретировать через призму стремления приблизить модель царской власти к византийскому образцу, достигавшего (в определенных сферах) и полного копирования. Последнее легко объ-

яснить идеей, что болгары представляли самих себя как «имперский народ», управляющий *Западом* (δύσις) единого (хотя бы в теории) восточнохристианского Царства. Согласно той же доктрине, *Восток* был предоставлен власти ромеев (см.: Полывянный 2000; Степанов 2002; Stepanov 2007).

Не стоит забывать, что в 1230-х годах, и особенно после битвы при Клокотнице (9 марта 1230 г.), болгары, собственно, стали лидерами в православном мире. Константинополь в то время находился в руках крестоносцев, а единственным государством, которое могло хоть как-то равняться с Болгарией, был осколок Ромейской империи в Малой Азии с центром в Никее.

Таким образом, если вначале болгары воспринимали себя в идеологической оппозиции ко всему *восточноримскому*, то с течением времени они усвоили важную истину: им следует учитывать и адаптироваться к традициям Римской империи (Византии), чтобы быть в состоянии представить себя ее законными наследниками в большей части земель, названных самими ромеями *Западом*. Последнее, в конце концов, привело к полной унификации в XIII в. не только титулов болгарского царя [ср. болгарский титул «в Христа Бога верный царь и самодержец болгар (и ромеев)» с византийским «в Христа Бога верный василевс и самодержец ромеев»] и аристократов (ср. «болгарские» титулы *севастократор*, *деспот*, *севаст* и т.д.) с титулами, принятыми в Византии, но также к унификации территориального деления Дунайской Болгарии в XIII–XIV вв. с византийским.

Литература

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992.

Венедиков Ив. Военното и административното устройство на България през IX и X век. София, 1979.

Георгиев П. Българският саракton в Тракия // Археология. 2007. Т. 48. С. 192–205.

Георгиев П. «Седем племена» (hepta genea) – самоназвание или административен термин? // Годишник на Софийския университет. Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Т. 95 (14): 2006. София, [2010]. С. 63–75.

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970.

История на България. София, 1982. Т. 3: Втора българска държава.

Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979. Т. 1.
Латински извори за българската история. София, 1960. Т. 2; 1965. Т. 3.
Никифор патриарх Константинополски. Кратка история след царуването на Маврикий / Превод В.И. Иванов. Варна, 1996.
Полывянный Д. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000.
Рашев Р. Прабългарите и българското ханство на Дунав. София, 2001.
Степанов Цв. Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII – средата на IX в.). София, 1999.
Степанов Цв. Универсално–регионално–локално в историко-апокалиптичната книжнина в средновековна България // Византийското културно наследство и Балканите: Международна конференция, Пловдив, 6–8 септември 2001 г.: Сборник доклади. Пловдив, [2002]. С. 122–129.
Stepanov Ts. Imagining Byzantium from *Dysis*: Some *Topoi* in the Bulgarian Apocalyptic Literature, 11th–13th Centuries // Byzantium as Seen by the Byzantines and the Others. Sofia, 2007. P. 108–118.
Theophanes Confessor. Chronicon // Гръцки извори за българската история. София, 1960. Т. 3.

Л.В. Столярова

РОСТОВСКАЯ ЗЕМЛЯ КАК ЧАСТЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (IX–XIII вв.)

Освоение славянами территорий Волго-Клязьминского междуречья шло параллельно распространению на них юрисдикции варягов-руси и установлению древнерусской государственности. Статья ПВЛ 6370 (862) г. («...а перьвии насельници в Новегороде Словене, [въ] Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома, и теми всеми обладаше Рюрикъ...») свидетельствует, прежде всего, об обложении финнов данью. Впрочем, А.А. Шахматов (1908) доказал, что упоминания Ростова в статьях 862 и 907 гг. Лаврентьевской и Ипатьевской летописей являются позднейшей вставкой сводчика XII в., и признавал достоверным свидетельство статьи 882 г. об обложении мери данью Олегом. А.Е. Пресняков (1938) связывал на-

чало даннических отношений мери и Руси с Игорем Старым, считая древнейшим свидетельство Новгородской I летописи младшего извода. В любом случае очевидно, что меря была обложена данью не позднее первой половины X в. (Кучкин 1984).

В связи с распространением в X–XI вв. славянского колонизационного потока, на месте финских поселений возникли древнерусские города, в том числе Ростов. ПВЛ в статье 6496 (988) г. сообщает, что Владимир Святославич «посади Ярослава Ростове». Миграционный поток кривичей с запада и вятичей с юго-запада в Ростовскую землю усилился ко времени Юрия Долгорукого. Под влиянием половецкой опасности наметилась и миграция к северу и северо-востоку населения южнорусских областей. Об этом ярко свидетельствует перенос топонимов «Русской земли» на эту территорию (два Переславля – Залесский и Рязанский, две реки Трубеж, две реки Лыбеди и т.д. – см.: Кучкин 1984; Свердлов 2003). Посажение князя в Ростове еще не означало политической самостоятельности Ростовской земли. В 1060–1070-е годы она оставалась в зависимости от киевского великого князя Всеволода Ярославича, управлявшего Ростовом через своих «посадников». Вероятно, посадническое управление продолжилось здесь и тогда, когда в 1094–1096 гг. ростовским князем оказался старший сын Владимира Мономаха Мстислав, и далее, вплоть до рубежа XI–XII вв. (Кучкин 1984). Учреждение в Ростове вскоре после восстания 1073/74 г. первой на Северо-Востоке Руси епископии означало возникновение здесь центра христианского миссионерства в отношении финского и славянского населения. На вовлеченность в этот процесс не только славян, но и мери указывает любопытное свидетельство Жития Леонтия Ростовского, в котором сообщается о владении первым ростовским епископом не только «руським», но и «мерьским» языком (Титов 1892). Если признать это позднее свидетельство достоверным, можно полагать, что ростовским пастырям второй половины XI в. еще приходилось проповедовать не только по-славянски, но и по-мерянски. В условиях зависимости Ростова от киевских князей местная владычная кафедра в XI–XII вв. оказывалась проводником великокняжеской власти.

В 1108 г. Ростов был передан Юрию Долгорукому (первому суверенному князю Ростовской земли), но и тогда не стал кня-

жеской резиденцией, которая все еще находилась в Суздале. Боярский Ростов не был административным центром и при Андрее Боголюбском, перенесшим свою резиденцию во Владимир. Гибель Андрея в результате «смуты» привела к дроблению обширнейшей территории: осенью 1174 г. Мстислав Ростиславич сел в Ростове, а его брат Ярополк во Владимире. После перехода власти к Всеволоду Большое Гнездо, Ростов вообще перестал быть княжеской резиденцией. Вместе с тем, оставаясь резиденцией епископа, он все отчетливее превращался в мощный религиозный и культурный центр Северо-Восточной Руси. Возросла и экономическая мощь епархии. К началу XIII в. ростовский епископ «так бе богат всем, так ни един епископ быв в Суждальстеи области». В 1207 г. Ростов был выделен в удел Константину Всеволодовичу, положившему начало династии ростовских князей. Недостаточность княжеской власти в Ростове вплоть до начала XIII в. восполнялась преобладанием здесь деятельности епископа (Щапов 1989). Умолчания и неясные свидетельства летописей, перерыв в летописных известиях о Ростовской кафедре после 6597 (1089) и вплоть до 6657 (1148) г. (имеем в виду последнее упоминание епископа Исайи и первое упоминание Нестора) следует объяснить не только традиционной скудостью письменных источников, но и неучастием ростовских владык в тех общерусских мероприятиях, которые отразились в летописании.

К концу XI в. Ростов превратился в крупный городской центр с территорией не менее 15 га. Его площадь неизменно росла и к началу XIII в. увеличилась более чем в 10 раз. В результате Ростов оказался одним из наиболее крупных городов Древней Руси. Этому способствовали колонизационные потоки с юга и юго-запада, требовавшие расширения городских и сельских поселений, а также площадей гражданской застройки. В связи с притоком христианского населения в XII–XIII вв. оживилось храмовое строительство в Ростове и его округе. Наиболее древним остатком деревянного зодчества в Ростове считается часть массивной долбленой колоды, изготовленной из ствола дерева, срубленного в 963 г. (строительный период находки – рубеж X–XI вв.). Примерно к этому же времени (не позднее начала XI в.) относятся первые культовые сооружения на территории современной Соборной площади (Леонтьев, Самойлович, Черных

1996). Раскопки, произведенные внутри ростовского Успенского собора XVI–XVII вв., выявили остатки трех предшествовавших ему храмов, начиная с деревянной церкви Успения Богородицы (летописная дата строительства: 991 г.), а также каменных церквей 1161–1162 и 1213–1231 гг. (Леонтьев 1993).

Монах Поликарп, сказания которого вошли в состав Киево-Печерского патерика, сообщил о посылке Владимиром Мономахом в Ростов иконы Богоматери, написанной Алимпием Печерским, «в тамо сущую церковь... иже и доныне стоить, еи же аз самовидець бых». Поликарп мог побывать в Ростове до пожара 1160 г., когда деревянная церковь сгорела. На ее месте в 1161–1162 гг. Андрей Боголюбский возвел каменный собор. В 1187 г. он был «исписан» епископом Лукой, но в 1204 г. своды собора обрушились. Н.Н. Воронин (1958) доказал, что собор рухнул из-за грубых нарушений первоначальной планировки, когда на стадии строительства его попытались расширить. Приведшая к катастрофе попытка увеличить вместительность храма, тем не менее, свидетельствует об интенсивности церковной жизни в Ростове во второй половине XII в. А.Н. Насонову (1969) удалось обнаружить следы ростовского летописания в Лаврентьевском, Типографском, Львовском и других летописных сводах и установить, что во второй половине XII – начале XIII в. при ростовском Успенском соборе записывались связанные с ним события. Вероятно, там же составлялись летописные произведения, посвященные деятельности ростовских епископов. В письме 1225–1226 гг. владимирского и суздальского епископа Симона монаху Поликарпу упомянут «Летописец ростовский» (предположительно третьей четверти XII в.). Изучение остатков «библиотеки» епископа Кирилла I (Жития Нифонта 1219 г. и Апостола 1220 г. наряду с еще семью кодексами рубежа XII–XIII вв.) позволило сделать вывод об их изготовлении в одном из мощнейших скрипториев домонгольской Руси – ростовском Успенском соборе. В нем действовало не менее 24 писцов. Мастерами епископа Кирилла могли быть сделаны фрески собора Рождества Богородицы в Суздале. Миниатюры ростовских рукописей, равно как и сохранившиеся ростовские иконы и фрески демонстрируют прямую зависимость от константинопольских образцов элитарного художественного уровня. Последнее не исключает

вероятности работы в Ростове на рубеже XII–XIII вв. выезжих из Византии мастеров (Столярова, Каштанов 2010).

В начале XIII в. в Ростове усиленно велось каменное строительство. К этому времени относятся не только культовые постройки Соборной площади, но и сооружение на территории княжеского двора церкви Бориса и Глеба (1214–1218) – домового храма князя Константина Всеволодовича, а также прилегающего к нему каменного дворца ростовских князей (Иоанисян 1993). Каменный дворцовый комплекс в Ростове был крупнейшим в домонгольской Руси и свидетельствовал о становлении здесь сильной княжеской власти. По мере превращения Ростова в центр самостоятельного княжения политическая и экономическая власть ростовских епископов ослабела. Шаткостью позиций церкви в начале XIII в. объясняется возможность лишения епископа Кирилла I его кафедры, а также изъятия движимого и недвижимого имущества («кун, сел, товара» и «книг») из собственности епархии на княжеском суде 7 сентября 1229 г., организованном в Суздале владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем. Ростовские князья могли подбирать угодных себе кандидатов на епископскую кафедру. Так, в 6722 (1214) г. отец Василька Константин Всеволодович отправил своего духовника игумена ростовского Свято-Петровского монастыря в Киев к митрополиту Матфею, и «постави и епископом Ростову». В 6738 (1230) г. участники суздальского съезда Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи «послаша к отцю своему Гюргю и к епископу Митрофану по Кирилла игумена и архимандрита манастыря святыя Богородица Рождества дабы и пустил на епископьство Ростову».

Влияние княжеской власти на судьбы местных епископий было довольно мощным. Письмо 1228 г. константинопольского патриарха Германа митрополиту Кириллу содержит распоряжение оградить под угрозой церковного отлучения святительские суды и имущество церкви от княжеского вмешательства. Вероятно, к этому времени прецедентов покушения княжеской власти на область церковной юрисдикции было достаточно, чтобы вызвать беспокойство патриарха. От русских князей XI–XIII вв. зависело не только поставление епископов, но и учреждение новых кафедр. Известен случай оставления смоленским еписко-

пом Лазарем своей кафедры из-за ущерба, нанесенного ей княжеской властью (Щапов 1984).

Таким образом, древнейшие славянские поселения на территории Ростовской земли возникали в наиболее обжитых районах, занятых финским племенем меря. Освоение славянами этих территорий в X–XI вв. шло параллельно вовлечению их в сферу юрисдикции киевских князей и распространению среди них христианства. Уже в конце XI в. здесь возникла древнейшая на Северо-Востоке Руси епархия, способствовавшая утверждению власти киевских князей. По мере превращения Ростова в центр суверенного княжения, политическая и экономическая самостоятельность ростовских владык угасла, и к началу второй четверти XIII в. судьба ростовской епархии уже напрямую зависела от произвола княжеской власти.

Литература

Воронин Н.Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Мат-лы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Ярославль, 1958. Вып. 1: Древний Ростов. С. 4–13.

Иоанисян О.М. Церковь Бориса и Глеба в Ростове Великом. Предварительные результаты архитектурно-археологических исследований 1986–1992 гг. // ИКР. 1993. С. 166–174.

Иоанисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // СРМ. 1994. Вып. 6. С. 201–217.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Леонтьев А.Е. Древний Ростов и Успенский собор в археологических исследованиях 1992 г. (Предварительное сообщение) // ИКР. 1993. С. 163–166.

Леонтьев А.Е. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М., 1996.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., Черных Н.Б. Частные аспекты хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // ИКР. 1996. С. 4–7.

Насонов А.Н. История русского летописания. М., 1969.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003.

Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010.
Титов А.А. Житие св. Леонтия епископа Ростовскаго. Ярославль, 1892.
Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989.

И.Е. Суриков

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ АНТИЧНОГО ГРЕЧЕСКОГО МИРА (ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В античной Греции существовали как полисные, так и неполисные типы государственности. Преобладали, естественно, первые; речь идет не только и даже не столько о чисто количественном преобладании (хотя и оно было налицо), сколько о том, что они представляли собой, так сказать, магистральную линию развития на эллинской почве (во всяком случае, если говорить об эпохах архаики и классики).

Полис – весьма специфический тип государственности. Настолько специфический, что некоторые исследователи вообще отказывают ему (на наш взгляд, все-таки неправомерно) в праве считаться государством. В этом плане отмечают, например, отсутствие в полисных условиях бюрократии, а ведь, согласно принятой ныне политологической точке зрения, государств без бюрократии не бывает.

Но в рамках данного доклада остановиться хотелось бы прежде всего на том, что и в территориальном аспекте древнегреческий полис демонстрировал ярко выраженную специфику. В нем территориальный фактор политогенеза играл меньшую роль, нежели в других известных человечеству формах государственности. Он по значимости сильно уступал тому, что можно назвать человеческим фактором. Многими архаическими и классическими авторами повторялась известная сентенция: «Полис – это мужи, а не стены». Если перевести этот античный дискурс на язык современных, привычных нам терминов, то как раз и получим преобладание человеческого фактора над территориальным (и урбанистическим).

Полис как тип государства представлял собой общину граждан. Как следствие, он парадоксальным образом мог существовать даже и вообще без территории (аллюзия на известную статью Ф. Хампля «Poleis ohne Territorium»: Hampl 1939). Обычно в связи с этим приводят ряд хрестоматийных (но от того не перестающих быть показательными) примеров: моряки афинского флота на Самосе, в 411 г. до н.э. фактически конституировавшие свой коллектив как полис, воины-наемники ксенофонтова «Анабасиса», десятилетие с небольшим спустя при своем возвращении из Азии сделавшие ровно то же самое, и т.п.

Не случайно надполисные государственные объединения, встречавшиеся в древнегреческом мире, часто называют «территориальными державами». Это относится к государству Дионисиев, созданному в великогреческом регионе (Фролов 1979), к государству Спартокидов на Боспоре Киммерийском (Завойкин 2013) и др. Относительно корректности выражений «территориальная держава», «территориальное государство» можно спорить; но, думается нам, ясно, что специалисты, употребляющие эти выражения, именно и хотят с их помощью противопоставить соответствующие государственные образования полисам, в которых аспект «территориальности» был куда менее выраженным.

Повторим важный момент: в правовой теории и практике греческого мира полис как государство осознавался именно в качестве совокупности своих граждан. В межгосударственных отношениях не существовало правовых субъектов «Афины», «Спарта» или «Коринф»; таковыми были «афиняне», «лакедемоняне», «коринфяне» и пр. Это вполне четко видно даже при беглом прочтении как античных нарративных текстов, так и эпиграфических памятников: воюют друг с другом, заключают мир, вступают в союзы не Афины и Спарта, а *только* афиняне и спартанцы (или, скажем, милетяне и самосцы). Судя по всему, официальным наименованием полиса было название именно его гражданского коллектива, а не некоей территории (региона, города). Это, конечно, сильно отличается от привычных нам практик.

Интересно, что древнегреческие полисы в целом, если говорить обобщенно, не проявляли тенденции к расширению своей территории. В качестве наиболее значимого исключения можно указать на насильственное присоединение Спартой Мессении в

VIII–VII вв. до н.э. Но оно, во-первых, хронологически и стадиально относится к весьма раннему этапу политогенеза; во-вторых же, этот случай так и остался одним из единичных. Даже сама Спарта в дальнейшем новых территориальных захватов не осуществляла, перейдя к практике создания Пелопоннесского союза под своей гегемонией.

Афиняне, создав в V в. до н.э. Архэ, не выказали ровно никакого желания включить подчинявшиеся им полисы в состав своего (отнюдь не потому, что им это было бы не под силу). Не иначе было и в других гегемониальных симмахиях, даже высокоцентрализованных. Возьмем, например, Беотийский союз. Даже в периоды наибольшего преобладания в нем Фив (как во времена Эпаминонда) он не переродился в Фиванское государство; фиванские, полисные органы власти четко отделялись от беотийских, союзных.

Несомненен резкий контраст в данном отношении между эллинскими полисами и Римом, который на протяжении веков постоянно расширял свою государственную территорию. В чем причина различия? Иногда считают, что греческим полисам просто некуда было расширяться: на ограниченном пространстве Эллады они располагались, так сказать, буквально «впритык» друг к другу. Это так; но ведь и Рим возрос отнюдь не в вакууме, а в плотном окружении других городских общин (*civitates*) Лация, Этрурии и прочих регионов Италии, что, однако, не воспрепятствовало римлянам покорить и абсорбировать эти общины. Тем самым увеличивался *ager publicus*, создавались возможности для вывода туда излишков римского гражданского населения, т.е. для внутренней колонизации.

Греки же, за редкими исключениями (как та же ранняя Спарта), всегда предпочитали внешнюю колонизацию, в ходе которой увеличения государственного территориального массива метрополии не происходило, поскольку колонии-апойкии «отпочковывались» от нее, становясь независимыми полисами. На наш взгляд, отличие в динамике процессов, имевших место у греков и у римлян, следует связывать в первую очередь с неоднократно уже отмечавшимся (последний раз: Hammer 2015. P. 3) разным восприятием идеи гражданства. Ведь в норме присоединение новых территорий сопрягается с принятием в качестве

новых граждан жителей этих территорий (или хотя бы какой-то их части). Рим на такое охотно шел, а вот в греческих полисах гражданские коллективы были несравненно более закрытыми, «эксклюзивными».

Сказанное относится к Греции как таковой (включавшей юг Балканского полуострова и Эгейский регион). В мире же эллинских колоний, характеризовавшемся иными условиями (в том числе, наличием «варварского» окружения), возможны были новые коллизии, в частности, образование тех же «территориальных держав». Эти последние проявляли уже бóльшую склонность к расширению. Так, завоеванием новых земель занимался Дионисий Старший (и другие сиракузские тираны – как до него, так и после него).

Но особенно яркий пример – деятельность Спартокидов на Боспоре Киммерийском. Начав как правители Пантикапея, они в конечном счете создали крупное по греческим меркам государство, включившее как ряд других полисов, населенных эллинами, так и «варварские», племенные регионы. Применительно к гражданам покоренных ими полисов было создано в некотором роде надполисное общебоспорское гражданство (А.А. Завойкин использует выражение «мегаполис Боспора», в составе которого бывшие независимые полисы стали, так сказать, «демами»); что же касается завоеванных «варваров», к ним категория гражданства, само собой, не относилась – они оказались в статусе подданных.

Не приходится сомневаться, что именно подобным положением дел была порождена уникальная титулатура Спартокидов IV в. до н.э. как архонтов Боспора и Феодосии и в то же время царей (точнее «царствующих») над рядом туземных племен. Надо полагать, что к «варварским» землям применять территориальный принцип было заведомо проще (не возникало коллизии между полисной хорой и «доменом» правителя). Но вторжение этого принципа даже и в эллинскую часть спартокидских владений теперь облегчалось. Обратим внимание на титул «архонта Боспора и Феодосии» (что характерно, не «боспоритов и феодосийцев») и заметим отличие от того, что говорилось ближе к началу данных тезисов об официальных названиях государств. Также и Дионисий Старший в некоторых источниках именуется «архонтом Сицилии», но никогда не «архонтом сицилийцев».

Рассмотрим в качестве особого случая еще такой тип неполисной государственности в Элладе, как так называемый «этнос» (о нем теперь см. наиболее подробно: Morgan 2003). В архаическую и классическую эпохи он был распространен в менее развитых регионах Балканской Греции, в основном на ее западе и севере (Этолия, Акарнания, Локрида, Фокида, Эпир, Македония и др.). Эти образования весьма мало напоминали полис; не случайно по отношению к одному из них в литературе как-то было употреблено выражение «совершенно не-аристотелевская вселенная» (Davies 2000. P. 234).

Но, кстати, даже в названиях государств такого типа все-таки подчеркивался человеческий, а не территориальный фактор. В источниках они фигурируют как «этолийцы», «фокидяне», «локры» и т.п. Тем не менее, в рамках «этносов» территориальная составляющая имела немаловажную специфику, в том числе и бóльшую значимость по сравнению с полисным миром. Достаточно напомнить, скажем, о территориальных захватах македонских царей, начавшихся еще задолго до эпохи эллинизма (особенно преуспел на этой ниве Филипп II), или же об этолийской экспансии с IV в. до н.э.

Вообще говоря, «федерации» эллинистического времени, столь часто трактуемые как новый тип неполисных государственных образований, являли собой весьма пеструю картину. Этолийский и Ахейский союзы часто рассматривают как явления одного порядка (поддаваясь в данном случае влиянию нарративной традиции), а ведь между ними было настолько мало общего, что их и сопоставлять-то трудно. Этолийский союз – государство, выросшее из «этноса» (полисы в Этолии не получили сколько-нибудь сильного развития). Совсем другое дело – Ахейский союз. Даже в регионе его первоначального образования, в Ахайе, полисное начало заведомо было более ярко выраженным, чем в периферийной Этолии. Что уж говорить о дальнейшем периоде развития Ахейского союза, когда он включил в себя значительную часть Пелопоннеса (в том числе такие полисные центры, как Сикион, Коринф, аркадский Мегалополь и др.)?

Но на этом мы вынуждены поставить точку – как ввиду исчерпания лимита объема, предложенного для тезисов, так и по

той причине, что эпоха эллинизма уже не относится к сфере наших приоритетных интересов. Feci quod potui; faciant...

Литература

Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь, 2013.

Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.

Davies J.K. A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxford, 2000. P. 234–258.

Hammer D. Introduction // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic. Oxford, 2015. P. 1–7.

Hampl F. Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd. 32. S. 1–60.

Morgan C. Early Greek States beyond the Polis. L.; N.Y., 2003.

С.Ю. Темчин

СИРИЙСКАЯ ФРАЗА «ПАРЕХЪ МАРИ» В ГРАФФИТО XI в. НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ИЕРОНИМОВА ЖИТИЯ ИЛАРИОНА ВЕЛИКОГО

Граффити новгородского Софийского собора *парехъ мари* и *кунирони*, выполненные в 1050–1108/12 гг. в местах, доступных священникам, но не обычным прихожанам (на западной стене перехода из алтаря в дьяконник и на северной стене последнего), рассматривались как отражение прямых семитско-древнерусских языковых связей второй половины XI в. (Gippius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012).

Первое, известное в двух записях, выполненных, вероятно, одной рукой, предложено считать славянской адаптацией литургической формулы на классическом сирийском языке [barrek̲ mār] ‘Благослови, Господи’, широко использовавшейся до и после молитвы в ближневосточном христианстве. Предполагается, что кириллическая запись этой фразы выполнена со слуха и отражает разговорное семитское произношение. Для написания *мари* вместо /mār/, отражающего сирийский притяжательный

суффикс 1-го лица ед. ч. [-ī], который ко времени создания новгородского граффито уже не произносился в течение нескольких веков (но сохранялся в орфографии), было предложено два альтернативных объяснения: 1) механическим влиянием окончания выписанного поблизости семитского граффито, прочитанного как *куни рони* и воспринятого в качестве славянской адаптации древнееврейского выражения *qūmī ronnī* 'вставай, взывай (императив ед.ч. ж.р.)' из библейского стиха Плач 2.19; 2) не засвидетельствованным субстандартным произношением соответствующей сирийской формы, предположительно возникшим под влиянием современных арамейских диалектов, в которых наличие/отсутствие посессивного суффикса [-ī] отражается на произношении. Во втором случае записанная кириллицей семитская фраза оказывается гибридной, сочетающей в себе явления классического сирийского языка и живого арамейского говора (Ibid. P. 275–278).

Рассматриваемое граффито получило историко-прагматическую интерпретацию через соотнесение с иной надписью, обнаруженной в том же храме – *ефремъ сурин*[ъ] (первое имя в виде монограммы), палеографически атрибутированной тому же лицу, что и две записи *парехъ мари*. Поскольку все иные монограммы, записанные на стенах новгородского Софийского собора (на тот момент было известно 10 случаев), являются автографами писавших их людей, то надпись *ефремъ сурин*[ъ] признана соотносящейся не с известным богословом и литургическим поэтом Ефремом Сириным, а с местным новгородским жителем Ефремом (вероятно, священником), получившим определение *Сирин* как прозвище, либо по причине своего сирийского происхождения. Согласно априорному предположению, тому же Ефрему (очевидно, монаху) может принадлежать берестяная грамота № 605 («Покаляние от Ефрема к брату моему Исихию»), стратиграфически датируемая концом 1080-х годов – первой третью XII в. (вероятно, первое 20-летие XII в.). Сопоставление почерка этой берестяной грамоты и граффити *парехъ мари* и *ефремъ сурин*[ъ] затруднено ввиду того, что записи сделаны на различных поверхностях (береста и стены храма). Наличие отдельных сирийцев в Киевской Руси подтверждено и иными источниками, но сирийское происхождение новгородца Ефрема не

обязательно означает, что он был носителем классического сирийского языка, поскольку жители Сирии, границы которой в античное время и в средние века были довольно расплывчатыми, говорили на целом ряде языков – различных арамейских диалектах, греческом, а позже и арабском языке (Gippius, Gzella, Mikheev, Schaeken 2012. P. 281–282).

Однако оказалось, что текст граффито *кунирони* заимствован из церковнославянской переводной стихиры 7-го гласа Максиму Исповеднику на 13 августа *Дьньсь благоизвольною кунирони да похвалимъ Максима…* (Σήμερον τῇ εὐήχῳ κινύρᾳ…). Здесь *кунирони* является искаженной формой тв. п. ед. ч. грецизма *кинура*, в свою очередь передающего др.-евр. *kinnor* ‘ветхозаветный струнный музыкальный инструмент’. Стихира выписана (возможно, в XIV в.) на полях древнерусской рукописной нотированной минеи на август (ГИМ. Син. 168. Л. 71 об.), принадлежащей второму (из сохранившихся) поколению служебных миней (последней четверти XII в.) новгородской Софии, где и было записано граффито (Темчин 2013а).

А.А. Гиппиус и С.М. Михеев попытались вписать гимнографическую параллель к надписи *кунирони* в предложенную ими вместе с соавторами гипотезу о семитско-новгородских связях XI в., допустив возможность, которая «далеко не кажется невероятной»: «Механизм ошибки, допущенной в протографе стихиры писцом XI в., труднообъясним: чтобы получить *кунирони* из *кинурою* (или *кинуроѣ*), нужно было не только переставить местами гласные первых двух слогов, но и заменить окончание *-ю* грамматически бессмысленным *-ни*. Между тем, такая ошибка – подмена одного непонятного слова другим – была бы вполне объяснима под пером писца – клирика Софийского собора, *до этого* неоднократно встречавшего последовательность *кунирони* на стене в дьяконнике… Тем более, что для надписи *парехъ мари* версия о сирийском происхождении остается пока не имеющей видимой альтернативы» (Гиппиус, Михеев 2013. С. 158).

Я предложил альтернативу для историко-прагматической интерпретации граффито *парехъ мари*, основанной на предположении о его связи с надписью, упоминающей Ефрема Сирина. Хотя с формальной точки зрения последняя в принципе может соотноситься с нигде более не засвидетельствованным новго-

родцем Ефремом по прозвищу Сирин, по все же по контекстуальным соображениям (храмовое пространство, соседство надписей с литургическими терминами) такая потенциальная возможность маловероятна. Более реалистично считать, что здесь имеется в виду известный богослов и литургический поэт Ефрем Сирин. В таком случае эта надпись теряет связь с граффито *парехъ мари*, написанным кириллицей на сирийском языке (Темчин 2013б).

Более того, та же сирийская фраза содержится в церковнославянском переводе Жития Илариона Великого (21 октября):

> «...лучися ему со всѣмъ народомъ мимо ити мимо градъ, нарицаемъ Илуза, в той день, в оньже люди тоя страны, съшедъшеся съ сусѣды своими срацины, празднующе, чтяху деньницю і Афродитую. Услышаша же, ѩко святый Иларионъ мимо градъ идеть, вси бо видяху и срацины, много бо отъ нихъ бѣсныа недугы ицѣлилъ, събраша же ся вси и, съ женами и съ дѣтьми излѣзъше изъ града, и срѣтоша и видѣвꙋше его, и поклониша главы своя и возопиша вси вкупѣ, сирьскы глаголюще: парехъ мара, еже есть сказаемо, благословести, господи!» (ВМЧ, 19–31 окт. Стб. 1698).

Эта сирийская фраза оказывается не литургической формулой, а приветствием типа ‘Благослови, отче’ (ср. написание *господи* со строчной буквы в издании XIX в.). Его текст в опубликованном списке ВМЧ несколько искажен (конечное *-и* заменено на *-а* под влиянием гласного предыдущего слога), в иных списках Жития, например, читается: *пархъ марїи* (РГБ. Троиц. 755. Л. 323, XV в.); *пархъ марии* (РНБ. Кир.-Бел. 19/1258, конец XV – начало XVI в., см. примечания к изданию ВМЧ). Исходное *парехъ мари* содержалось по крайней мере в некоторых из известных церковнославянских версий этого жития.

Как видим, на стенах Софии Новгородской находится краткая выписка из церковнославянского перевода жития, написанного Иеронимом Стридонским в конце IV в. В латинском оригинале сирийская фраза передана как *Barech, id est, benedic* (PL. T. 23. Col. 42), но в том греческом переводе с латыни, который позже переводился на славянский (вторая версия так называемого «свободного» перевода, древнейший список VII в.), читается Βάρεχ, μαρί [вар.: βαρέχ и μαρεῖ]· ὅ ἐστι μεθερμηνευόμενον·

Εὐλόγει, κύριε (Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1898. Σ. 114; Strout 1943. P. 371). Таким образом, славянское *парехъ мари* не передает напрямую сирийскую речь, а восходит к греческому переводу латинского оригинала. Передача греч. Βάρεχ посредством слав. *парехъ* (с необычной меной начального согласного) в Житии Илариона Великого действительно напоминает граффито *кунирони* – искажением семитского слова в церковнославянской переводной литературе.

Итак, граффито *парехъ мари* воспроизводит сирийскую фразу, первоначально записанную по-латыни и посредством греческой версии попавшую в церковнославянский перевод жития, а оттуда – на стены новгородской Софии. Следовательно, ее клирики во второй половине XI в. уже знали переводной славянский текст указанного жития, древнейшие южно- и восточнославянские списки которого датируется концом XIV в., хотя сам перевод по языку атрибутируется Преславской книжной школе (Kuzidova-Karadzhinova 2012).

Литература

Гиппиус А.А., Михеев С.М. О подготовке Свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Докл. рос. делегации. М., 2013. С. 152–179.

Темчин С.Ю. Греческий гебраизм «кунирони» в граффито XI в. новгородской Софии и церковнославянская гимнография // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. 2013. С. 254–259. (а)

Темчин С.Ю. Упоминание Ефрема Сирина в граффито XI века новгородской Софии // Славистика в Эстонии и за ее пределами. Тарту, 2013. (Acta Slavica Estonica; Vol. 3; Slavica Tartuensia; Vol. 10). С. 101–108. (б)

Gippius A.A., Gzella H., Mikheev S.M., Schaeken J. The oldest traces of Semitic (Hebrew and Syriac) in early Rus': two inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod // Russian Linguistics. 2012. Vol. 36. P. 271–284.

Kuzidova-Karadzhinova I. Observations on the Old Bulgarian Translation of the Vita Sancti Hilarionis by Jerome the Blessed // Slavia. 2012. T. 81/2. P. 167–178.

Strout R.F The Greek versions of Jerome's Vita Sancti Hilarionis // Studies in the Text Tradition of St. Jerome's Vitae Patrum. Urbana, 1943. P. 306–416.

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς А. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1898. Т. 5. Σ. 82–136.

Д.М. Тимохин

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ХОРЕЗМИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1225–1231 гг.)

После монгольского нашествия и разгрома хорезмийского государства в 1219–1221 гг. последний хорезмшах из династии Ануштегинидов, Джалал ад-Дин Манкбурны, вынужден был бежать на территорию Северной Индии, где попытался создать собственное государство. Эта попытка не увенчалась успехом, и в 1224/25 г. этот правитель во главе небольшой армии покинул Индию в надежде закрепиться в землях Западного Ирана. Здесь, после покорения земель Кермана и Фарса, Джалал ад-Дин начнет создавать новую державу, в состав которой войдут также Южный Кавказ и сопредельные ему регионы. В результате военных и политических действий Джалал ад-Дина новое хорезмийское государство, пусть и на короткий срок, с 1225 по 1231 г., станет не только важнейшим элементом политической системы Южного Кавказа, но и сыграет роль «щита», полностью перекрывая монголам путь дальнейшего наступления в западном направлении, в земли Ближнего Востока и Малой Азии.

Одним из малоизученных аспектов истории государства Джалал ад-Дина Манкбурны станет вопрос о границах этой державы применительно к землям Южного Кавказа. В связи с многочисленными военными действиями границы этого государства находились в состоянии практически постоянного изменения, которое важно отследить и проанализировать. Это позволит говорить о сокращении или увеличении его территории, подчеркнуть причины этого и выявить определенные закономерности этого процесса. Подобное исследование также позволит указать «реальные» и «номинальные» границы хорезмийской державы на Южном Кавказе: т.е. выделить территории, которые хорезмийцам удалось завоевать и впоследствии кон-

тролировать сколько-нибудь длительный промежуток времени, а также те земли, которые были завоеваны, но систематический контроль и управление ими в реальности не осуществлялись. Изучение данной проблематики позволит несколько лучше понять, что же представляли собой держава последнего хорезмшаха и его военные действия на Южном Кавказе.

Накануне хорезмийского завоевания земли Южного Кавказа входили в состав нескольких крупных государственных образований, из которых наибольшими политическим влиянием и территориями обладали Грузинское царство и государство атабеков Азербайджана. Кроме того, не следует забывать про расположенное на Южном Кавказе государство Ширваншахов (подробнее см.: Ашурбейли 1983; Буниятов 1978. С. 139) и полунезависимый Арран, а также ряд территорий, входивших в сферу влияния Аййубидов. Джалал ад-Дин Манкбурны после завоевания Кермана и Фарса и войны с багдадским халифом ан-Насиром наносит свой первый удар по государству атабеков Азербайджана (Hamdallah Kazvini 1903. P. 427). Первым шагом в деле покорения этого государства следует признать практически бескровный захват города Марага, после чего хорезмийские гарнизоны были разосланы по другим городам. Формально следует признать, что вся территория государства атабеков Азербайджана вошла в состав хорезмийской державы, однако в реальности дело обстояло несколько сложнее. По всей видимости, сами по себе эти гарнизоны были не столь уж велики, а чиновники хорезмшаха, которых он также отправил по городам, сталкивались с противодействием со стороны местной знати и простого населения государства атабеков Азербайджана. В качестве яркого примера этому может служить восстание в Табризе 1225 г., где местное население первоначально лишь жаловалось на хорезмийских воинов, а затем подняло настоящее восстание (Ибн ал-Асир 2006. С. 373; ан-Насави 1973. С. 156).

Подавив бунт в Табризе и сделав своей столицей Марагу (Horst 1964. P. 101), хорезмшах вступает в войну с еще одним государством Южного Кавказа – Грузинским царством. Новая военная кампания была вызвана желанием Джалал ад-Дина не столько захватить новые земли, сколько защитить уже завоеванные области государства атабеков Азербайджана, на которые

претендовала, как сообщают арабо-персидские источники, Грузия (Ибн ал-Асир 2006. С. 376; ан-Насави 1973. С. 157). Разбив грузинскую армию в битве при Гарни в 1225 г. (ан-Насави 1973. С. 156–159; Ибн ал-Асир 2006. С. 375–376; Al-Asir ibn 1849. Т. 14. P. 483; Джувейни 2004. С. 300–301; Гандзакеци Киракос 1976. С. 149; Себастаци 1962. С. 24; Степанос 1962. С. 33; Цулая 1981. С. 122; Давид Багратиони 1971. С. 115; Tarih-i al-i Saljuk 1999. P. 75), хорезмшах не стал развивать этот военный успех и отправился во главе своей армии подавлять очередное народное выступление в Табризе (Ибн ал-Асир 2006. С. 376), оставив лишь небольшие отряды грабить грузинские земли (ан-Насави 1973. С. 159–162). Именно в этот период Джалал ад-Дину удалось включить в состав своего государства города и земли Аррана, в частности Гянджу, Байлакан, Барду, Шамкур и Шутур, где теперь находился не только военный, но и бюрократический аппарат хорезмшаха (ан-Насави 1973. С. 163).

Только после укрепления своей власти в землях Азербайджана и Аррана, Джалал ад-Дин начинает новую, столь же успешную кампанию против Грузинского царства (Al-Asir ibn 1849. Т. 14. P. 488; ан-Насави 1973. С. 168; Цулая 1981. С. 124–125). Хорезмийской армии удалось захватить Тифлис, предать его жесточайшему разграблению, а после этого оставить там свой гарнизон и наместника (ан-Насави 1973. С. 169). При этом столица державы Джалал ад-Дина была перенесена в Гянджу, где находился везир Джалал ад-Дина, Шараф ал-Мульк, и откуда в действительности осуществлялось в это время управление хорезмийским государством (Там же. С. 171–172).

Последний факт говорит нам о том, что позиции хорезмшаха в землях Аррана и Азербайджана были гораздо более прочными, нежели на территории Грузии, несмотря на одержанные здесь победы и захват столицы, Тифлиса. Можно предположить, что включение грузинских земель в состав хорезмийской державы вовсе не означало полного контроля над ними и, следовательно, носило скорее номинальный характер. Именно по этой причине, как только в 1227 г. Джалал ад-Дин бросит все свои силы на противостояние монгольской угрозе, на территории Грузии вспыхнет восстание и в кратчайшие сроки хорезмийцы будут вытеснены с этих земель (Ибн ал-Асир 2006. С. 388–389; ан-На-

сави 1973. С. 171). Лишь в 1228 г. Джалал ад-Дин Манкбурны сумел навести порядок в собственных владениях и вновь подчинить своей власти Грузию (Hamdallah Kazvini 1903. P. 427), а также без особых военных усилий включить в состав своей державы некоторую часть территорий Ширвана, оставить там свои гарнизоны и чиновников (ан-Насави 1973. С. 193). Именно эти земли были самой северной точкой распространения реальной власти хорезмшаха на Южном Кавказе. Однако дальнейшая авантюрная политика Джалал ад-Дина Манкбурны приведет лишь к тому, что он потеряет всё, что сумел завоевать на территории Южного Кавказа, хорезмийская держава рухнет, а сам он погибнет в 1231 г.

Таким образом, реальная власть Джалал ад-Дина Манкбурны на Южном Кавказе распространялась преимущественно лишь на земли государства атабеков Азербайджана и Арран. Земли Грузии можно включить в состав хорезмийской державы исключительно номинально, и весь период существования этой державы вплоть до 1230–1231 гг. за них шла борьба. Реальная же власть хорезмшаха, с нашей точки зрения, на Южном Кавказе имела свои границы на западе в Гяндже и прилегающих областях, а на севере – в районе Шаки и Кабалы. В результате следует отметить, что реальные и номинальные границы хорезмийской державы на Южном Кавказе не совпадали друг с другом, а власть хорезмшаха в Грузии держалась исключительно за счет присутствия военных гарнизонов в различных городах и крепостях этой части Южного Кавказа, а также за счет регулярных походов самого Джалал ад-Дина Манкбурны.

Источники и литература

Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1973.

Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.

Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку, 1978.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986.

Давид Багратиони. История Грузии / Сост. А. Рогава. Тбилиси, 1971.

Гандзакеци Киракос. История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитоновой. М., 2004.

Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддин. Ташкент, 2006.
Себастаци. «Летопись» // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. А.Г. Галстян. М., 1962.
Цулая Г.В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 112–128.
Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. P., 1849–1850. T. 13–15.
Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselğüqen und Hōrazmšāhs (1038–1231). Wiesbaden, 1964.
Kazvini Hamdallah. Tarihi gouzide / Trad. Y. Le Strange. P., 1903. Vol. 1.
Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli. Tehran, 1999.

В.В. Тишин

К ПРОЧТЕНИЮ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ ИЗ КОЙТУБЕКА (В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ)

Для кочевнических народов были характерны определенные отношения землепользования, связанные с распределением летних и зимних пастбищ и регулированием маршрутов кочевания. В древнетюркское время известна практика обозначения преимущественных прав на владение территорией при помощи так называемых «посетительских» надписей, которые С.Г. Кляшторный удачно охарактеризовал как своеобразные «документы» обычного права кочевников (Кляшторный 1978. С. 158; 2002. С. 139–140).

К подобным надписям, известным прежде в Монголии и на территории Центрального Тянь-Шаня, теперь, по-видимому, может быть отнесена еще одна надпись из Восточного Казахстана.

Выполненная древнетюркским руническим письмом надпись из урочища Койтубек, обнаруженная и скопированная в 1985 г. археологом А.Е. Рогожинским, уже не раз привлекала внимание тюркологов. Она состоит из 12 знаков, читающихся справа налево (по расположению надписи – снизу вверх). Первое чтение по фотографии А.Е. Рогожинского 1985 г. было осуществлено

А.С. Аманжоловым (2003. С. 203–204). В 2008 г. А.Е. Рогожинский повторно сфотографировал надпись, сделал микалентную копию и прорисовку (2010. С. 330–331, рис. 1). На основе этого свое чтение надписи предложил И.Л. Кызласов (2011. С. 64–66), но оно было оспорено С.Г. Кляшторным, отметившим палеографические неточности и грамматические натяжки и, в свою очередь, давшим иное прочтение (2012). На основе этих же материалов свой вариант чтения предложил Н. Базылхан (Bazilhan 2014. S. 3–4). Недавно новую фотографию надписи опубликовал Э.М. Байтенов, высказавший собственные замечания к прочтению (2014. С. 199–200).

Как отмечал А.Е. Рогожинский, первые («нижние») шесть знаков и два последних («верхних») вырезаны глубже, чем четыре других, и, вероятно, их начертание обновлялось (2010. С. 331). На снимке, сделанном Э.М. Байтеновым, очертания первого знака позволяют соотнести его с «енисейским» b^2 (Батманов 1971. С. 26). Верхний элемент данного знака («ромбик») не отмечался прежде исследователями, предлагавшими совершенно различные варианты его прочтения на основе фотографии и прорисовки А.Е. Рогожинского (Аманжолов 2003. С. 204; Кызласов 2011. С. 64; Кляшторный 2012. С. 45; Bazilhan 2014. S. 4). Отличие в технике начертания знака от пяти следующих объясняется, вероятно, отчасти и тем, что в основе его формы лежат линии с иным углом наклона.

В начертании второго знака, как и на прорисовке А.Г. Рогожинского, вслед за С.Г. Кляшторным (2012. С. 45), следует видеть графему s^2, в орхонских надписях часто употреблявшуюся вместо *š* при сочетании с гласными переднего ряда (Кононов 1980. С. 64–65; Левин 2006. С. 36). Это явление отмечено и в таласских памятниках (Батманов 1971. С. 27, 42, 49).

Изменений в чтении остальных знаков предполагать не приходится.

В целом транслитерация следующая: $b^2s^2k^2l^2g^2aj^1ur^1t^1ïm$.

Шестой знак *a*/*ä*, судя по всему, выполняет функцию словоразделителя, что характерно для таласской эпиграфики, отделяя, таким образом, две конструкции: одну, состоящую из пяти знаков, обозначающих только согласные звуки палатального ряда,

вторую – состоящую из последовательности шести знаков велярного ряда.

Среди знаков первой группы сомнительно предполагать сочетания с огубленными гласными, которые в корневом слоге в памятниках древнетюркской руничесой письменности, как правило, выписывались. Это ослабляет попытку чтения трех последних знаков группы как *külüg*, что, по-видимому, признавал и С.Г. Кляшторный (2012. С. 46). Не выписывались широкие гласные в первом слоге, а также гласные любого качества в непервом закрытом слоге, в частности, в аффиксах. Вполне обоснованной видится транскрипция первой части надписи как *b(e)š(i)kl(i)g*.

В данном случае в *bešik* следует видеть известное слово 'колыбель, люлька'; *+lXg* – соответственно аффикс свойства, обладания признаком, связанным с исходной основой. У Махмуда Кашгарлы встречается сочетание *bešiklig urayut* 'женщина с грудным ребенком' (Древнетюркский словарь 1969. С. 297), 'женщина с ребенком и колыбелью' (Clauson 1972. P. 381).

Вторая часть надписи дает надежное прочтение формы слова *jurt* (Аманжолов 2003. С. 304; Bazilhan 2014. S. 3–4), если также последний знак рассматривать как характерное «таласское» *-m*, то в данном случае оно обозначает личный аффикс (Байтенов 2014. С. 200). Графическое обозначение узкого неогубленного гласного *ï* в аффиксе представляет собой явление, характерное для памятников таласской эпиграфики, которым, как правило, не свойственна губная гармония (Батманов 1971. С. 33).

Слово *jurt*, как указал Дж. Клосон, редко используется в ранних тюркоязычных памятниках, но в случаях его употребления в орхонских надписях для него, как и в текстах последующих периодов, фиксируется широкое значение 'место жительства, место обитания' (Clauson 1972. P. 958).

Прочтение всей конструкции *bešiklig jurtïm* (буквально: 'имеющее колыбель мое место пребывания') в соответствии с грамматическими нормами может быть истолковано как 'место, где я провел свое младенчество', 'вскормившая меня родина'. Этими словами автор надписи косвенно дает понять, что его семейство (род?) владеет этой территорией уже длительное время – как минимум, два поколения.

Как упоминалось выше, первые шесть знаков и два последних, обозначающие как раз личный аффикс, выбиты более глубоко, чем четыре других, и, возможно, их начертание обновлялось. Аналогично глубокой выбивкой слева от надписи нанесено изображение тамгового знака, а также между ними вертикальной линии, идущей вдоль надписи, отделяющей от нее тамгу или как бы подчеркивающей саму надпись (Рогожинский 2010. С. 331, рис. 1). Этот композиционный момент, а также сходство в технике исполнения косвенно позволяют соотнести друг с другом время начертания надписи (или какой-то ее части) и нанесения тамги. Иначе надпись имела бы анонимный характер, что трудно предполагать. Э.М. Байтенов отметил, что надпись выбита «над тропой в хорошо доступном и обозримом месте» (2014. С. 200). Дополнительный аргумент создает то обстоятельство, что аналогичные надписи Монголии и Центрального Тянь-Шаня приводят личное имя автора с тамгой и иногда название племенного союза, к которому автор, очевидно, принадлежал (Кляшторный 1978. С. 156–158; 2002. С. 134–138).

В ином аспекте интересен факт, что надпись перекрывает несколько нанесенных на эту же скалу изображений горных козлов, которые, очевидно, относятся к более ранним эпохам. Напротив скалы с надписью обнаружены остатки казахского стационарного зимнего стойбища, которое может быть датировано, по крайней мере, периодом последней трети XIX в., а кроме того «на площадке поселения найдены фрагменты лепной посуды эпохи бронзы и керамика кочевнического облика» (Рогожинский 2010. С. 331). Использование кочевыми народами на протяжении веков одних и тех же мест в качестве стоянок обусловлено исключительно природно-географическим фактором. Хорошие зимние стоянки, обеспечивавшие достаточную кормовую базу и защиту для скота от непогоды, имели особую ценность для кочевников. Они часто становились причиной межплеменных войн, а занимавшие их семейства старались закрепить их за собой даже в рамках своей родо-племенной группы (Радлов 1989. С. 254–256, 336; Остафьев 1895. С. 30).

Предложенная интерпретация, сделанная на основе нового прочтения надписи, носит предварительный характер, а также ограничена социальным контекстом. Если прочтение надписи

верно, при дальнейших исследованиях видится важным обратить внимание на палеографический аспект – нехарактерное употребление в одной надписи «енисейского» знака b^2 и «чисто таласского» *т*.

В заключение хотелось бы поблагодарить Э.М. Байтенова, любезно предоставившего нам возможность работать с выполненными им фотографиями.

Литература

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003.

Байтенов Э.М. Сокровищница культурного наследия на восточном рубеже нашей Родины // Зайсанский пограничный отряд. Летопись мужества и героизма 1924–2014 гг. Алматы, 2014. С. 178–205.

Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л., 1969.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) // Тюркологический сборник, 1975: Памяти С.Е. Малова. М., 1978. С. 151–158.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб. Ак-Бешим. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2002. С. 134–141.

Кляшторный С.Г. Наскальная руническая надпись из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) // Историко-культурное наследие и современная культура: Сб. мат-лов междунар. научно-практ. семинара «Историко-культурное наследие и современная культура», 30 ноября 2012 г. Алматы, 2012. С. 45–47.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология. 2011. № 2 (5). С. 62–74.

Левин Г.Г. Графические и орфографические особенности рунических текстов орхонских памятников // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 35–40.

Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Зап. Западно-сибирского отд. Имп. рус. геогр. общ-ва. 1895. Кн. 18, вып. 1. С. 1–62.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивиной, Б.Е. Чистовой. М., 1989.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010. С. 329–344.
Bazilkhan N. Kazakistan'da Bulunan Göktürk Yazıtları Hakkında // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/2. S. 1–12.
Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

А.А. Тортика

ЦЕНТРЫ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕГО ИСТОРИИ

Несмотря на значительный объем и разнообразие хазароведческой литературы по сегодняшний день вопрос о центрах хазарской государственности остается открытым, не находит однозначного и общепринятого решения. И если последняя столица Хазарского каганата – Итиль на Волге равнозначно признается в качестве основного (хотя и не единственного) экономического и политического центра в конце IX – первой половине X в., то для первых столетий хазарской истории (примерно с последней четверти VII по первую половину VIII в.) всё далеко не так ясно и однозначно. Основная интрига возникает при сопоставлении данных массива письменных источников – армянских (Себеос, Ананий Ширакаци, Моисей Хоренский), арабо-персидских (Ал Куфи, Ат Табари, Балазури, Халифа ибн Хайят и т.д.) и византийских (Феофан, Никифор) – с последними трактовками происхождения и этнической принадлежности памятников перещепинского типа (Вознесенка, Келегеи, Лимаревка, Малая Перещепина, Ясиново и т.д.).

Армянские и арабо-персидские авторы однозначно отмечают активность тюрок и хазар на Кавказе в районе Дербента, походы в Закавказье. Вообще, весь процесс формирования раннехазарского объединения, их выделения из гунно-савирской и тюркской среды происходит именно здесь. Здесь хазары делают первые самостоятельные шаги в создании своего государства после падения в 631 г. Западнотюркского каганата, здесь они

наследуют основное направление захватнической активности своих сюзеренов – Закавказье. Для авторов, смотревших на события конца VII – VIII в. с юга, из подверженной набегам северных кочевников Албании, хазары – сначала часть тюрок, по крайней мере, с 653 г. их союзники, затем хазарский каган = тюркскому, или наоборот, и он Царь Севера.

«Армянская География» Анании Ширакаци локализует хазар в районе Нижней Волги: «После того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ 8) Баслов от сильных народов 9) Хазар и 10) Бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на восток и на запад реки...» (Патканов 1883. С. 29–30). Эти сведения подтверждают данные византийских хроник. Феофан Исповедник свидетельствует, что «из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря...» (Чичуров 1980. С. 61).

Следует отметить, что трактовка К. Цукерманом страны Берсилии как территории, расположенной в районе Средней Волги (2001. С. 326–329) несостоятельна и противоречит информации средневековых авторов (Тортика 2006. С. 95–105).

Таким образом, хазары, обитатели северо-западного Прикаспия, расположены между Нижней Волгой и Дербентом; на данном этапе у них пока еще нет столицы, но есть выраженная территория и внешнеполитические интересы, направленные в первую очередь на юг, в Закавказье. Около 678 г. определяется новое, западное направление экспансии усилившихся хазар. Они частично покоряют, а частично вытесняют протоболгар в Волго-Донском междуречье и выходят в Поднепровье. Вполне вероятно, что такая возможность появилась у них благодаря определенному затишью на юге, когда после поражения арабской армии под Беленджером в 653 г. военные действия не возобновлялись до 706 г. (Семенов 2010. С. 74).

В погоне за Аспарухом хазары достигают Днепра и, вероятно, получают возможность выхода в крымские степи. По крайней мере, уже около 700 г. они представляют собой реальную силу в Крыму, находятся в непосредственной близости от Доро-

са и Херсона, активно вмешиваются в династическую борьбу в Византии. Как представляется, и Днепро-Донские степи, и Крым входят в зону интересов и влияния оформляющегося Хазарского каганата, но не становятся местом постоянного проживания хазарских племен. Как покажут события ближайших десятилетий, основная масса хазар по прежнему сконцентрирована в Прикаспии, где они и принимают активное участие в войнах с арабами, вплоть до 737 г. и далее, в 760–790-е годы.

Тем не менее в Поднепровье в это время находятся какие-то группы кочевников, которые считают это место своей основной территорией, хоронят здесь своих вождей или погибших соратников, о чем свидетельствует, по крайней мере, часть памятников перещепинского круга. В связи с этим трактовка обрядовых действий, которые осуществляли создатели этих объектов, как относящихся к тюркской традиции, имеющей параллели в Центральной Азии (Комар 2005. С. 18–21), представляется вполне допустимой. Это в определенной степени подтверждает проведенный А.К. Аликберовым пересмотр сообщений ряда средневековых авторов о раннем периоде хазарской истории. В частности, он выявляет параллельное существование хазаро-гунно-савирских и тюркских групп на подступах к Кавказу во второй половине VII в. В противостоянии с арабами оформляется их союз, в котором постепенно начинают преобладать хазары (Аликберов 2010. С. 56–57). Что это были за тюрки – не ясно, по всей видимости, они представляли собой какие-то осколки Западнотюркского каганата; возможно, именно они и получили имя баслов, басликов, басилов, а территория их проживания стала называться страной Берсилией.

После перехода хазар к экспансии в западном направлении на острие удара против протоболгар Аспаруха могли оказаться именно эти тюркские группы. Освоив новые территории между Днепром и Доном, они выполняли функцию приграничных войск, маркировали границу с Аварским каганатом памятниками наподобие Вознесенского комплекса, стали причиной «выпадения» славянских кладов в Поднепровье, оказывали давление на Византию в период борьбы за власть Юстиниана II и т.д.

Не исключено также, что не все прежние обитатели этой территории, протоболгары, ушли на запад вместе с Аспарухом.

Общий хозяйственно-культурный тип, близость языка, длительные контакты в предшествующий период истории были условием их достаточно органичного включения в тюркскую племенную среду. Нельзя абсолютизировать исход болгар и их противопоставление хазарам вслед за письмом хазарского царя Иосифа: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени "Дуна"...» (Коковцов 1932. С. 92). Общеизвестно, что письмо это имело целью произвести впечатление на адресата – испанского сановника Хасдаи ибн Шафрута.

Кочевники быстро создавали полиэтничные конгломераты, которые при всех внутренних противоречиях весьма эффективно действовали в борьбе с внешними противниками (например, кутригуры в войске авар до поражения 626 г.). Как известно, протоболгары, наряду с аланами, вошли в состав населения салтово-маяцкой культуры середины VIII – начала X в. в Подонцовье. Следует отметить также особую группу населения верхнего течения Северского Донца, использовавшую погребальный обряд трупосожжения. Памятники этого населения обнаружены на достаточно большой территории в Балаклейском, Змиевском, Чугуевском р-нах Харьковской обл. Это могильники у с. Красная Горка, Сухая Гомольша, Кочеток и т.д. Что характерно, в целом это население создает впечатление хорошо вооруженного и военизированного, большинство погребений содержат предметы оружия, конской сбруи. Учитывая явно кочевнический инвентарь, культ коня и обряд трупосожжения, вполне возможно предполагать тюркское или тюрко-болгарское происхождение этих общин, восходящее к группам, оставившим памятники перещепинского типа.

В то же время нет оснований приписывать эти и подобные им памятники с трупоположением (Нетайловка) собственно хазарам. Как отмечают специалисты, центр скопления хазарской знати четко фиксируется изменением места находок византийских золотых монет, маркирующих политическое возвышение Хазарского каганата и союзнические отношения с ним Византии

в ходе противостояния арабам. Этот центр находился в нижнем левобережном Подонье, где обнаружены подкурганные погребения с ровиками, которые и содержат византийские солиды первой трети – середины VIII в. Как известно, в памятниках перещепинского типа представлены солиды, чеканенные с конца VI по 40-е годы VII в. Они отражают союз тюрок и Византии против Ирана, затем отношения племенной верхушки Великой Болгарии и византийского двора (Залесская 1997. С. 89–90, 307–309).

Таким образом, основным центром Хазарии, местом концентрации собственно хазарских родоплеменных групп как в VII–VIII вв., так и позже, по-прежнему следует считать Нижнее Поволжье, Волго-Донское междуречье, северо-западный Прикаспий. Нет никакой необходимости предполагать постоянные переселения масс хазар из Поволжья в Поднепровье (конец VII в.) и обратно (начало VIII в.) в связи с военно-политической конъюнктурой. Данные письменных и археологических источников не дают достаточных оснований для подтверждения этой гипотезы.

Литература

Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М., 2010. С. 42–65.

Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И. и др. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5: Хазарское время. С. 7–244.

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч. 225. С. 21–32.

Семенов И.Г. К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М., 2010. С. 66–76.

Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 312–333.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

А.А. Фетисов

ФОРМИРОВАНИЕ «ДОМЕНА» РЮРИКОВИЧЕЙ («РУССКОЙ ЗЕМЛИ») ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Границы территории княжеского «домена» вокруг Киева – («Русской земли в узком смысле слова») были реконструированы А.Н. Насоновым (1951) по данным летописных известий XI–XIII вв.. Сложение территории «Русской земли» он относил ко второй половине IX в., считая, что эти границы определились в условиях хазарского контроля над частью славянских земель и оставались неизменными со второй половины IX до середины XI в. (Насонов 1951. С. 41). Связь территории «домена» Рюриковичей с археологическими комплексами древнерусской «дружинной культуры» предположил В.Я. Петрухин, указавший на концентрацию камерных погребений X – начала XI в. в границах «Русской земли» (1995. С. 87).

Картографирование и анализ хронологии могильников, содержащих погребения с оружием и предметами воинской субкультуры (так называемых «дружинных курганов»), позволяет выявить изначальную территорию и определить этапы формирования «домена» вокруг Киева. Подробная характеристика исследуемых погребений была нами представлена в предшествующих публикациях (Фетисов 2004; 2012).

Самый ранний этап формирования ядра «Русской земли» фиксируется в Среднем Поднепровье (Киев) и Днепро-Деснинском междуречье (Чернигов, Табаевка, Шестовицы, Клонов, Седнев, Пересаж, Любеч, Гущин, Звеничев). Все эти памятники появляются на рубеже IX–X вв. (или в начале X в.) и доживают до конца X – начала XI в. (карта 1). Около середины X в. территория «Русской земли» расширяется на Левобережье Днепра и в направлении древлянских территорий (карта 2).

На границах «Русской земли», очерченных А.Н. Насоновым, «дружинные курганы» появляются только в конце X – первой половине XI в. (карта 3). Выделенные «пограничные» воинские погребения типологически отличаются от более ранних дружинных погребальных древностей X в. Практически все погре-

бения конца X – XI в. малоинвентарны или безынвентарны; по обряду погребения – за редким исключением это ингумации в могильных ямах. Оружие в инвентаре этих погребений представлено достаточно устойчивым набором: преимущественно топоры, очень редко встречаются копья (Коростышев, Мохово, Колпень), отсутствуют стрелы (за исключением Яблоновки), мечи есть только на западной окраине в Подгорцах.

Северо-восточную границу «Русской земли» маркируют памятники Левенка и Кветунь в междуречье Десны и Ипути. Именно в этом направлении (на северо-восток от территории «Сновской тысячи», т.е. от опорного пункта Рюриковичей – Седнева) проходила экспансия Руси на территории вятичей и радимичей.

В качестве памятников *северного участка границы* «Русской земли» можно выделить воинские погребения XI в. на Правобережье Днепра севернее устья Сожа (Мохово, Колпень, Сенское, Заужелье, Дубовицы, Козлово-Курганье, Гориводы), которые маркируют «форпосты Руси» на Днепровском пути при въезде в пределы «Русской земли». По обряду погребения во всех выделенных случаях это либо ингумации на горизонте, либо ингумации в гробу в могильной яме (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1890. № 32). В ближайшем окружении указанных памятников, т.е. на окрестных «племенных» территориях радимичей, дреговичей и северо-западе ареала северян, погребения с оружием неизвестны. В погребениях этой группы встречены некоторые виды украшений и других предметов, распространенных в курганах Северной и Северо-Восточной Руси и не встречающихся в других местных могильниках Поднепровья (Макушников 2006. С. 132). Это означает, что в данные «пограничные» пункты Рюриковичами целенаправленно переселялись выходцы из Северной Руси.

К «пограничным» памятникам на *южной границе* «Русской земли» можно отнести могильники Леплява на Левобережье Днепра и Поток, Липовец, Кагарлык, Бурты, Краснополка, Зеленки, Яблоновка на Правобережье в районе Роси. Леплявское городище – построенный в конце X – начале XI в. Владимиром Святославичем «город» (Древнерусские поселения. С. 12–13), «дружинный военный лагерь», выдвинутый в степь для защиты Переяславля от печенегов (Моргунов 1999. С. 70–71). Яблонов-

ский могильник датируется XI–XIII вв. Этот памятник (по материальной культуре – славянский со значительным алано-ясским элементом) тоже характеризуется как «дружинный лагерь, аналогичный по своему назначению… более раннему Шестовицкому комплексу…» (Орлов, Моця, Покас 1985. С. 55–56). На могильниках Поток, Липовец, Бурты, Зеленки, Краснополка и Кагарлык известны кочевнические погребения с оружием и лошадьми (Бранденбург 1908. С. 16–17, 81–82, 110–114). Существование здесь этих погребений можно объяснить использованием кочевых контингентов для обороны южнорусских границ.

Восточную границу «Русской земли» по материалам «дружинных курганов» можно установить лишь условно. С проведенной А.Н. Насоновым линией границы «Русской земли» предположительно можно связать городище Ромны и находящийся недалеко от него могильник Липовое, содержащий воинские погребения (Моця 1990. С. 44–45). Ближайшие к Липовому погребения с оружием находятся уже за пределами «Русской земли», западнее, на северянских территориях на Псле и Ворскле (Каменное, Ницаха, Городное, Гочево, Мешково. – Моця, 1990. С. 44–45). Летописный Ромен занимал особое положение в системе памятников ареала «племени» северян: он был одним из контрольных пунктов на торговом пути из Булгара в Киев и «главным торговым центром пограничного Посулья» (Рыбаков 1969. С. 194). Предполагается, что там размещался гарнизон киевского князя уже с середины X в. Ромен был своеобразным «культурным центром», из которого осуществлялась трансляция древнерусской культуры в «племенную» среду северян (Сухобоков 2002. С. 29–30).

На западе «Русской земли» можно отметить только один памятник, содержащий дружинные погребения, – Подгорцы (летописный Плеснеск). Здесь есть два кургана с богатыми парными камерными погребениями (раскопки Т. Земенцкого 1881–1882 гг.). В одном из курганов найдены меч, топор и кольчуга, в другом – меч и топор. Оба комплекса датируются концом X – первой половиной XI в. (Livoh 2007. С. 367).

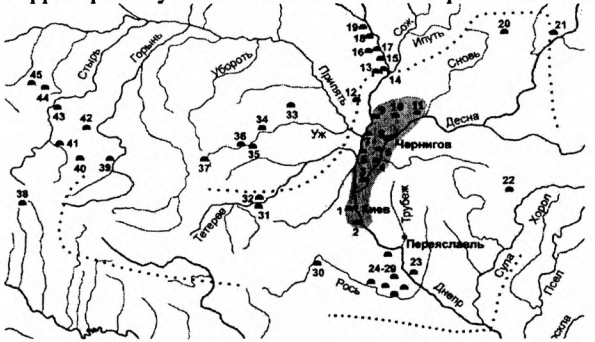
«Древлянская» граница «Русской земли», обходящая с юга территорию расселения этого «племени», маркируется воинскими погребениями XI в. могильников Коростышев и Быково на

среднем Тетереве. Помимо того, что они лежат на линии, очерченной А.Н. Насоновым, эти памятники находятся на значительном расстоянии от могильников древлян, тоже содержащих погребения с оружием. И.П. Русанова, реконструируя на основе особенностей погребального обряда древлянскую «племенную» территорию, помещает могильники Быково и Коростышев непосредственно на южной границе распространения древлян (1960. С. 66). Присутствие в Коростышеве и Быкове копий типа I и скрамасакса (считающихся скандинавскими этноиндикаторами) позволяет предположить, что на этих пограничных памятниках находились скандинавские дружинники, что окончательно подтверждает правомерность отнесения этих памятников к «пограничным».

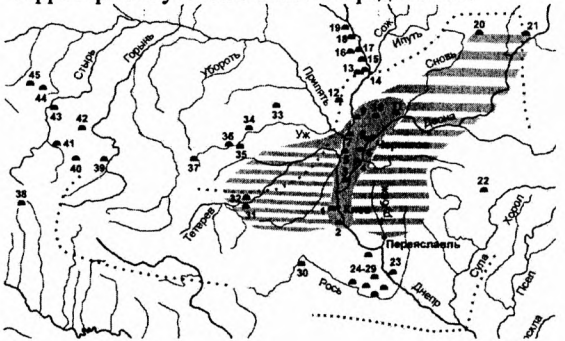
На основе рассмотренного материала воинских погребений, которые можно связать с дружиной Рюриковичей, мы получаем возможность уточнить хронологию формирования территории «княжеского домена». В X в. он фиксируется лишь в пределах Киево-Черниговского ядра. В конце X – начале XI в. эта территория расширяется до границ, реконструированных А.Н. Насоновым (ср. карты 1 и 3). Бóльшая часть памятников X в. в Днепро-Деснинском междуречье в конце X – начале XI в. приходит в упадок. Так, например, Табаевка и, вероятно, Пересаж на Правобережье Днепра, определяющие границы «Русской земли» в X в., перестают существовать, когда эта граница отодвигается выше по Днепру, переходя при этом и на Левобережье (Микуличи и могильники севернее устья Сожа).

Археологические данные опровергают принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «Русской земли» в IX в. Ее ядро появляется только в начале X в., а реконструируемые Насоновым границы «Русской земли в узком смысле слова» фиксируются археологически лишь в конце X – первой половине XI в. Эти выводы подкрепляются хронологией крупных «дружинных лагерей» региона: Выползов и Шестовицы возникают в ареале «домена» на рубеже IX–X вв. (Моця, Ситий, Скороход 2014). А город Переяславль, опорный для «Русской земли» наряду с Киевом и Черниговом, появляется, напротив, только в начале XI в. (Колибенко 2004).

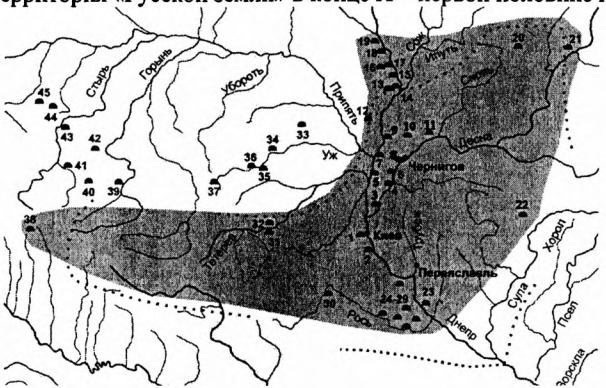
Территория «Русской земли» в начале – первой половине X в.



Территория «Русской земли» в середине X в.



Территория «Русской земли» в конце X – первой половине XI вв.



Легенда:

1 – Киев, 2 – Чернигов, 3 – Шестовицы, 4 – Гущин, 5 – Кветунь, 6 – Левинка, 7 – Седнев, 8 – Любеч, 9 – Пересаж, 10 – Табаевка, 11 – Клонов, 12 – Мохово, 13 – Микуличи, 14 – Колпень, 15 – Сенское, 16 – Заужелье, 17 – Дубовицы, 18 – Козлово-Курганье, 19 – Китаев, 20 – Леплява, 21 – Поток, 22 – Липовец, 23 – Кагарлык, 24 – Зеленки, 25 – Бурты, 26 – Краснополка, 27 – Яблоновка, 28 – Липовое, 30 – Горка Полонная, 31 – Усичи, 32 – Мокрое, 33 – Теремное, 34 – Пересопница, 35 – Белев, 36 – Старожуков, 37 – Ставок, 38 – Колоденка, 39 – Понебель, 40 – Подгорцы, 41 – Коростень, 42 – Сингаи, 43 – Андреевичи, 44 – Барды, 45 – Овруч, 46 – Коростышев, 47 – Быково. Пунктиром обозначена граница «Русской земли» по А.Н. Насонову.

Литература

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб., 1998.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев, 1984.

Колибенко А.В. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 153–158.

Макушников О.А. Между Гнёздово и Киевом: Моховский археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. Вып. 22. С. 130–138

Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3. С. 69–78.

Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель. IX–XIII вв. Киев, 1990.

Моця О.П., Ситий Ю.М., Скороход В.М. Виповзівський археологічний комплекс у світлі нових досліджень 2009–2013 р. // Міста Давньої Русі. Збірка наукових прац пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 26–37.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.

Русанова И.П. Территория древлян по археологическим памятникам // СА. 1960. № 1. С. 63–69.

Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА; № 169). С. 189–195.

Сухобоков О. Древнерусский Ромен: археология и летопись // «А се его сребро»: Збірник праць на пошану члена-корреспондента НАН України М.Ф. Котляра з нагодийого 70-річчя. Київ, 2002. С. 25–32.

Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3. С. 89–98.

Фетисов А.А. Дружинная культура Древней Руси // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 406–436.

Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2007. Вип. 11. С. 367–378.

В.С. Флёров

ХАЗАРСКИЕ ЦЕНТРЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

В корпусе нарративных источников о Хазарском каганате большое место занимают арабо-персидские сведения об Итиле как о столичном центре каганата. Недавно они скрупулезно и критически с точки зрения информативности были рассмотрены Т.М. Калининой. При некоторой неопределенности ряда сообщений она не поставила под сомнение расположение Итиля в низовьях Волги (Калинина 2014. С. 44–69) и указала на ненадежность аргументации Г.Е. Афанасьева по вопросу о хазарском домене на Нижнем Дону, отраженной в его статье о Саркеле = Левобережном Цимлянском городищ. Г.Е. Афанасьев пишет в своей статье:

> «Принадлежность Левобережного городища хазарам никогда никем не оспаривалась. Проблема заключается в другом: в какой части хазарского домена располагалась эта крепость, действительно ли она стояла на западной окраине каганата и была предназначена для отражения противника с запада, или она находилась в центре хазарского домена? От решения этого вопроса зависит и правильное понимание социального предназначения этого памятника и его первоначальных функций. Историки и археологи по-разному локализуют этническую территорию хазар. Большинство историков считают, что хазарский домен и его столица Итиль располагались в низовьях Волги. Однако многочисленные археологические экспедиции так и не смогли найти там никаких хазарских памятников. Естественно, что в среде археологического сообщества возник закономерный вопрос: где же именно располагалась этническая территория хазар. В моем представлении этническая территория хазар – это *окружность с радиусом в 175 км* с географическим центром в районе пос. Большая Орловка. Она была *смоделирована* (здесь и далее курсив мой. – *В.Ф.*) путем анализа плотности распределения в регионе подкурганных погребений хазарского времени» (Афанасьев 2011. С. 108).

Как мы видим, Г.Е. Афанасьев затронул ряд проблем, из которых нас в данном случае будет интересовать только курган Большая Орловка, новый Цимлянский комплекс в окрестностях Саркела и Правобережной Цимлянской крепости и «моделиро-

вание» центра Хазарского каганата на Нижнем Дону. Не всё в методике и построениях Афанасьева приемлемо.

1) Прежде всего, отмечу, что карта исследованных в Ростовской области курганов (не только хазарского времени) есть не что иное, как карта раскопок новостроечных экспедиций последнего пятидесятилетия. Уже это заставляет относиться к ней с большой осторожностью.

2) Очерчивание границ какой-то группы археологических памятников циркулем из произвольно взятой точки – вне критики. Нижнедонские курганы хазарского времени группировались не вокруг какого-то «центра», но вдоль течений Дона и его притоков Сала и Маныча. Автор излишне доверился гистехнологиям. Ни одна общность, историческая или археологическая, никогда не занимала площадь круга, непременно в центре которого расположен ее административный, погребальный или религиозный центр.

3) Центром круга диаметром 350 км, по Афанасьеву, стал курган Большая Орловка, в котором в 1972 г. был найден, по представлению исследователя, «самый богатый вещевой погребальный комплекс на территории исторической Хазарии» (2008. С. 168). Называть Больше-Орловский комплекс «самым богатым» – некоторое преувеличение. Вещей в нем много, около 150, но масса золота мизерна. Не менее значимы комплексы Подгорненский IV, Саловский I, Вербовый лог, Назаровская находка и др., а теперь и Цимлянский квадрат. Сегодня значение Больше-Орловского комплекса в ином – в уникальном сочетании ряда вещей, которое повторится в Цимлянском квадрате (см. ниже).

4) Если геометрическим центром очерченного Афанасьевым круга концентрации «хазарских» курганов стала Большая Орловка, то нижнедонским административным центром назначена Семикаракорская крепость в 55 км от нее. Цитирую: «Напрашивается вывод о том, что Семикаракорское городище в большей степени соответствует информации византийских источников о расположении Саркела, чем Левобережное, но он требует отдельного глубокого исследования» (Там же. С. 111), которое и не было проведено. Данный вывод Г.Е. Афанасьева соответствует его представлению о том, что Итиль не мог быть центром

хазарского домена, а поиски его в дельте Волги бесперспективны. Размеры Семикаракорского городища – 190×230 м. Как его исследователь, не могу видеть в нем столицу Хазарии. В крайнем случае – это одна из резиденций кагана или резиденция местного владетеля.

Как бы то ни было, построение Афанасьева (не могу назвать его научной гипотезой) о связи кургана Большая Орловка и Семикаракорской крепости можно было бы принять к рассмотрению, если ли бы не одно «но». Среди прочих вещей в кургане находился солид Тиберия III Апсимара (Ильюков, Косяненко 2007). С.И. Безуглов, изучая исторические сведения и картографию местонахождений погребений с монетами Леонтия II и Тиберия III, пришел к выводу об очень коротком отрезке времени их хождения, в пределах 705–725 гг. (Безуглов 2007. С. 117). Этим временем и должен датироваться курган Большая Орловка. В таком случае он никак не может быть использован в любой связи с Семикаракорским городищем, тем более Саркелом. Семикаракорское на сегодня датировано в рамках конца VIII – первых десятилетий IX в. Курган Большая Орловка и Семикаракорское городище оказываются принадлежащими к разным этапам истории Хазарского каганата. Попутно замечу, что планы Семикаракорской крепости и Саркела, вопреки заявлению Г.Е. Афанасьева об их «типологической близости» (2011. С. 109), принципиально различны.

От слияния Сала с Доном продвинемся на 115 км выше по течению последнего к южной оконечности Цимлянского водохранилища, где расположены Левобережное и Правобережное Цимлянские городища и почти не исследованное Камышино. Первые два, как и Семикаракорское, являются крепостями.

Укажу на главное: не существовало искусственно смоделированной Г.Е. Афанасьевым «Цимлянской крепостной агломерации» (2011. С. 109). Такой она могла представляться в конце XIX в. в составе Левобережного и Правобережного городищ.

На сегодняшний день установлено раскопками, что Правобережная и Семикаракорская крепости были построены в до-саркелское время, а со строительством Саркела они были разрушены в результате, как писал М.И. Артамонов, «кровавой борьбы».

Сложнее обстоит дело с крепостью Камышиной, находящейся от Правобережной на расстоянии менее километра. Только по строительному материалу – те же белокаменные блоки, из которых возведена Правобережная, предположу, что и она относится к до-саркелскому времени. Никаких материалов, позволявших бы уточнить ее хронологию, в нашем распоряжении нет. Неизвестны очертания этой крепости, ее размеры и характеристики слоя (толщина, насыщенность).

То, что Правобережная Цимлянская крепость была разрушена в ходе штурма, установлено раскопками С.А. Плетнёвой и подтверждено моими. Штурмом была взята и Семикаракорская крепость. В обеих найдены скелеты погибших женщин и детей. Но и этого все-таки было недостаточно для их синхронизации. Теперь введен в научный оборот новый источник, подтверждающий таковую: однотипная черепица византийского в основе происхождения, найденная в обеих крепостях (Флёров 2014).

Итак, единая вневременная картина центров Нижнего Дона в хазарское время, созданная Г.Е. Афанасьевым, рассыпается.

Перейду к двум объектам, расположенным в 27 км западнее Правобережной крепости и Саркела.

Первый из них открыт в 2013 г. и назван мною *Цимлянским квадратом*. Это четырехугольник примерно 130×130 м, который можно заметить исключительно по цвету растительности и никак иначе. Это и скрывало его от археологов. О нем стало известно только по комплексу вещей, поступивших в музей г. Цимлянска. По их количеству – ок. 150–160 экз., он равен Больше-Орловскому с некоторым отличием в составе вещей, среди которых, однако, оказались и предметы больше-орловских типов и в том же сочетании. Оба комплекса одновременны. Таким образом, как и Большая Орловка, Цимлянский квадрат предшествует Семикаракорской крепости и ничем не связан со временем ее строительства.

Второй объект – *Курган Бекрень (Синий)* – усеченная пирамида с основанием 100×100 м и высотой не менее 10 м, окруженная рвом. Упоминается он как минимум с XIX в. Расположен в 100 м от Цимлянского квадрата, что ставит вопрос о связи двух объектов. Сегодня говорить о синхронности и единой культурной принадлежности этих грандиозных сооружений

возможно только на интуитивном уровне. Для кургана Бекрень необходим поиск аналогов той же конструкции, т.е. усеченной пирамиды со рвом.

Выводы:

1) Курган Большая Орловка и Цимлянский квадрат предшествуют строительству на Нижнем Дону крепостей Семикаракорской и двух Цимлянских.

2) Крепостное строительство в регионе расслаивается на этапы: а) ранний – в составе разноплановых Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей и б) поздний, представленный Левобережной Цимлянской = Саркелом. Пока это только схема, которая будет уточняться не одно десятилетие.

3) Крупные поселения, соответствующие описаниям Итиля, на Нижнем Дону к настоящему времени неизвестны.

Литература

Афанасьев Г.Е. [Рец. на кн.:] *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – первая четверть X в.). Харьков, 2006 // РА. 2008. № 3.

Афанасьев Г.Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. 2011. №3.

Безуглов С.И. О монете из Большой Орловки (к оценке датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона. М., 2007.

Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Там же.

Калинина Т.М. Хазария по данным восточных источников // *Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.

Флёров В.С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Там же.

В.Ю. Франчук

ИНОПЛЕМЕННИКИ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РУСИ XII в.

В конце XI в. границы Древнерусского государства все чаще стали нарушать беспокойные соседи – племена тюркских кочев-

ников. Постоянные набеги половцев, как их называют летописи, доставляли много неприятностей славянскому населению, вынужденному жить в постоянной готовности к обороне. Отличались склонностью к дружественным отношениям с русичами лишь расселенные в Поросье племена торков, печенегов, берендеев и ковуев, известные под общим названием «черные клобуки». Черные клобуки принимали активное участие в политической жизни Киевского княжества. Являясь важной военной силой, они наряду с киевскими боярами определяли результаты соперничества претендентов на княжение в стольном городе Руси. Вероятно, совместные действия и личные контакты способствовали вхождению отдельных лиц из числа черных клобуков в ряды киевского боярства, из которого формировалась правящая элита древнерусского государства. Однако прямые свидетельства этого процесса в известных ныне источниках отсутствуют. Только учет всех деталей, имеющихся в их текстах, позволяет выявить косвенные доказательства вхождения принявших христианство иноплеменников в структуры государственной власти Древней Руси.

В этом плане интересно рассмотреть жизненный путь киевского тысяцкого Лазаря. Это лицо в должности тысяцкого упоминается в Киевской летописи под 1146 г. Имя Лазаря стоит здесь рядом с именами княжича Владимира, брата Изяслава Мстиславича, и митрополита Клима Смолятича: «В то же время Изяславъ посла Киеву къ брату своему Володимеру, того бо бяшеть оставилъ Изяславъ в Киевѣ, и къ митрополиту Климови, и къ Лазореви тысячкому» (Летопись 1871. С. 245).

По христианскому имени судить об этнической принадлежности Лазаря нет оснований. Однако в этом случае имеются свидетельства иного порядка. Под 1142 г. в Киевской летописи сохранилась запись о его участии в походе черных клобуков совместно с русскими воинами в качестве командующего: «Бьющимъ же ся имъ у Переяславля, и посла Всеволодъ Лазоря Саковьскаго с печенѣгы и с вои Вячьславу в помочь» (Там же. С. 222). Кроме упоминания черных клобуков, в этой записи неславянское происхождение Лазаря подтверждает его прозвище «Саковьскыи», производное от названия населенного пункта Саковъ (Франчук 2012. С. 75–76). Здесь, по свидетельству ПВЛ

под 1101 г., проживали кочевники, сохранявшие нейтралитет в отношении и русичей и половцев: «Томь же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всѣх князии ко всеи братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: "Да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова". И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275). Из летописного текста также следует, что до получения должности тысяцкого Лазарь участвовал в заговоре киевских бояр против Игоря Ольговича – представителя черниговского княжеского клана. Летопись фиксирует имена трех руководителей заговора, очевидно, принадлежавших к высшим кругам киевской знати: «Началници же быша свѣту злому тому, о нихъ же переже рекохомъ Улѣбъ тысячкои же, Иванъ Воитишичь и Лазорь Соковьскыи» (Летопись 1871. С. 231).

При вторичном упоминании прозвища Лазаря в Киевской летописи оно, как можно видеть, подверглось искажению: буква *о* вместо *а* полностью меняет его смысл. Однако произошла эта замена неумышленно, когда для переписчика связь прозвища «Саковьскыи» и поселения черных клобуков уже не имела значения. Подтверждает это предположение тот факт, что в более позднем, чем Ипатьевский, Хлебниковском списке Киевской летописи сохранилось первичное написание прозвища Лазаря (Староруські… літописи 1990. С. 145). Это свидетельство имеет важное значение и при решении до сих пор актуального вопроса о подлинности сведений, которые представлены лишь в «Истории Российской» В.Н. Татищева. В последней по времени основательной монографии А.П. Толочко полностью солидаризируется с положениями С.Л. Пештича, высказанными еще в 1961 г. По мнению Толочко, в распоряжении Татищева действительно были две летописи Хлебниковского типа: одна – несомненно, Ермолаевский список (Голицынский манускрипт), другая – более соответствующая Хлебниковскому списку (Раскольничий манускрипт) (Толочко 2005. С. 169).

Однако и в первой редакции «Истории Российской» (Татищев 1995. С. 202), и во второй (Татищев 1963. С. 163) написание прозвища Лазаря Саковского, несомненно, ближе к Ипатьевскому списку, чем к Хлебниковскому. Между тем сопоставление

текста «Истории Российской» с данными, которые отразились в близком к Ипатьевской летописи тексте «Хронографа», составленного около 1681 г. Пантелеймоном Кохановским, позволили В.А. Кучкину, с одной стороны, объяснить появление ряда «татищевских сведений». С другой – ученый убедительно доказал, что в руках Татищева был не Ермолаевский список Ипатьевской летописи и не более поздняя его копия, а совершенно другой текст, в котором отразился протограф Ермолаевского списка, откорректированный по другим источникам (Кучкин 1971. С. 250). Анализируя работу Татищева над текстом рассказа о походе князя Игоря на половцев в 1185 г., Л.И. Сазонова, как и В.А. Кучкин, пришла к выводу, что известный ныне Ермолаевский список российский историк не использовал (Сазонова 1970. С. 31–32).

На наш взгляд, версия о происхождении киевского тысяцкого Лазаря Саковского из одного из племен черных клобуков достаточно обоснована. Определить же этническую принадлежность черниговского воеводы Ольстина Олексича значительно сложнее. Участник похода князя Игоря на половцев в 1185 г., он, как и Лазарь, в понимании книжника, описавшего руководителей похода, стоит в одном ряду с представителями княжеского семейства: «В то же время Святославичь Игорь, внук Олговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ поимя со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего изъ Рыльска, и Володимѣра сына своего ис Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговьскими» (Летопись 1871. С. 430–431).

В этом описании князья получают характеристику через их отношение к князю Игорю, а сам Игорь определяется как сын Святослава и внук Олега. Видимо, в этом случае летописец имел в виду читателей, недостаточно знавших тонкости родственных связей черниговского княжеского дома. Что касается Ольстина, то его христианское отчество и христианское имя деда представляют его как христианина. Однако должность руководителя отряда ковуев позволяет думать, что он был выходцем из этого племени. Ковуи как одно из тюркских племен, входивших в состав черных клобуков, были хорошо известны в Руси XII в. В

летописях это название встречается неоднократно. Однако лишь в рассказе о походе князя Игоря ковуи определяются прилагательным черниговские. Можно думать, что летописец таким образом выделяет это племя в особый разряд. Это тем более вероятно, что и редкое имя Ольстин позволяет отождествить черниговского воеводу с рязанским боярином-думцем рязанского князя Глеба. В Лаврентьевской летописи довольно подробно говорится как о печальной судьбе самого рязанского князя, умершего в заточении, так и о судьбе его советников, перенесших с ним и позор поражения, и тягости жизни в плену. После освобождения из плена один из них оставил на стене киевской Софии благодарственную запись-обращение к Богу. Открывший эту запись С.А. Высоцкий (1976. С. 59–60) и уточнивший его прочтение А.А. Зализняк (Янин, Зализняк, Гиппиус 2004. С. 256–257) пришли к выводу, что писавший на стене текст Дѣдилець был касогом – выходцем из Тмутаракани.

В числе рязанских пленников-думцев Глеба Лаврентьевская летопись упоминает, кроме Дѣдильца, еще и Ольстина (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 384). Можно предположить, что освобожденный из плена Ольстин поступил на службу к черниговскому князю, который доверил ему свой полк, состояший из ковуев, о чем говорится в рассказе о походе 1185 г.: «И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимѣрь и другии полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве, а третии полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князии выведени» (Летопись 1871. С. 431).

Этническая принадлежность черниговских ковуев, служивших в отряде самого Ярослава Всеволодича, а также и их командира Ольстина Олексича, ранее разделившего судьбу касога Дѣдильца, не совсем ясна. По свидетельству ПВЛ, в 1022 г. черниговский князь Мстислав Володимирич, брат Ярослава Мудрого, победил предводителя касогов Редедю. Были взяты в плен жена и дети, а также воинственные соратники касожского князя. По-видимому, обращение с пленниками не было особенно жестоким, т.к. вскоре касоги уже принимали участие в военных походах Мстислава (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147). За прошедшие с того времени более 150 лет многие касоги стали христианами, одна-

ко сохранили память о своей родине. К потомкам касогов, предполагаем, могли принадлежать и черниговские ковуи и воевода Ольстин Олексич. Как кажется, именно лояльное отношение князей Рюриковичей к покоренному населению, создание условий для освоения им новой территории способствовали вхождению отдельных выходцев из различных этнических образований в состав властных структур Древнерусского государства.

Литература

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.

Кучкин В.А. К спорам о В.Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971.

Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

Сазонова Л.И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. 1970. Т. 25.

Староруські київські і галицько-волинські літописи: Острозький список (Хлєбниковський) і список Четвертинського (Погодінський). Harvard, 1990.

Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3.

Татищев В.Н. История Российская. М., 1995. Т. 4.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.

Франчук В.Ю. Следы предшественников славян в древнерусской топонимике // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. VII чтения памяти академика О.Н. Трубачева: Мат-лы. Киев; М.; Феодосия, 2012.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2001 гг.). М., 2004.

А.А. Фролов

«БЕЖЕЦКИЙ РЯД» И «ОБОНЕЖСКИЙ РЯД» В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ КНЯЗЕЙ И НОВГОРОДА XIII в.*

Одно из ранних свидетельств того, что финансовое положение князя в Новгородской земле было обеспечено сборами со значительных территорий, – Устав князя Святослава Ольговича

1137 г., сохранившийся в виде приписки к Синодальной кормчей 1280-х годов (Янин 1977. С. 80–90). Он содержит подробное описание территориальной структуры новгородского Заволочья, с которого князь собирал дань и судебные пошлины. В Уставе регулируется вопрос о выплате новгородскому владыке десятины с княжеских доходов по рекам Сухоне, Онеге, Северной Двине, Пинеге. Текст Устава содержит две интерполяции, озаглавленные: «А се Обонезьскыи ряд» и «А се Бежичьскыи ряд». Это перечни пунктов в Обонежье и Бежичах (14 и 6 соответственно), с которых князем также отчислялась церковная десятина.

А.Н. Насонов рассматривал запись об «Обонежском ряде» как синхронную остальному тексту Устава (1951. С. 94), А.А. Зимин (Памятники 1953. С. 120), а за ним Я.Н. Щапов (1972. С. 162–163) и В.Л. Янин отнесли появление интерполяций к более позднему времени (XIII в.). В.Л. Янин полагает, что особые права князя в Заволочье были ликвидированы в связи с разделением Новгородской земли на метрополию и периферию и с формированием на периферии, в зоне соприкосновения владений новгородцев с землями Владимирского великого княжества, пояса «волостей новгородских» или так называемой «системы совладений», куда новгородский князь доступа не имел. В качестве компенсации, по Янину, новгородский князь и получил территорию в Обонежье и вокруг Бежиц.

Перечень пограничных территорий содержится во всех новгородско-княжеских соглашениях, начиная с древнейшего (1264 г., по В.Л. Янину): «А се волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, а держати ти свои тивунъ на половине, а но[в]городець на половине въ всеи волости Волоцьскои; а в Торожку, княже, держати тивунъ на своей чясти, а новгородець на своей чясти... А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости дьржати мужи новгородьскыми; а даръ от нихъ имати» (ГВНП. № 1–3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26, 77; исключение составляют московские варианты договоров 1456 и 1471 гг.: Там же. № 23, 27; Янин 1991. С. 142–189).

Поскольку Бежичи и Городецко, с которых начинается перечисление пунктов «Бежецкого ряда», одновременно являются составной частью «системы совладений», смысл передачи Бе-

жецких земель под суд новгородского князя в качестве компенсации за Заволочье остается непонятным. Кроме того, тема особых прав князя в Заволочье неоднократно всплывает в новгородско-княжеских отношениях и после возникновения «Бежецкого ряда»: фраза «а за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца» была вписана в готовый текст первого проекта договора 1264 г. (Янин 1991. С. 142–146). Правда, во втором проекте того же договора и в соглашении 1268 г. этот пункт уже отсутствует. В двух проектах 1305–1307 гг. соглашения с Михаилом Ярославичем новгородская сторона сформулировала этот пункт таким образом: «А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати новгородца; а тобе серебро емати»; «А за Волокъ ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю» (ГВНП. № 6–7). Тем самым, князю предлагалось передать новгородцу некий свой доход в Заволочье на правах откупа.

Новгородцам, впрочем, не удалось отстоять данную позицию на переговорах. В подписанном в 1307 г. договоре формулировка другая: «А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву носаду по пошлине; а опять ехати туды же на Новъгородъ; а съ Низу ти не слати; такоже и въ Бежице. А что пошлинъ князю въ Новгородьскои волости, того вы мене не таити въ всехъ волостьхъ» (Там же. № 9, 10). Последняя фраза оттеняет ту исключительность, которую играют Заволочье и Бежичи в данной системе: только с них новгородцы физически не могут утаить от князя пошлин (поскольку он собирает их своими людьми), а в остальных волостях новгородцы обязуются их не утаивать. Аналогичная формулировка включена в договор 1371 г. с князем Михаилом Александровичем (Там же. № 15). Формулировка договора 1327 г. с князем Александром Михайловичем лаконична, но свидетельствует, что «старина» включает и право князя на суд: «А за Волокъ ездити судьи, како пошло по Новгородьскои пошлине» (Там же. № 14). Таким образом, в системе княжеских прерогатив Бежичи представляют не альтернативу Заволочью, а дополнение к нему. Их объединяет общая судьба в XIII–XIV вв.

В какой же связи находился режим, определенный «Бежецким рядом», с «системой совладений»? По-видимому, ни в какой, и для дальнейшего изучения прерогатив новгородского

князя важно зафиксировать это обстоятельство. В буферной зоне режим «волостей новгородских» регулировал отношения Новгорода и владимирских князей. В совершенно параллельном измерении находились отношения Новгорода со своим князем – даже если в этом качестве выступал великий князь Владимирский. Поэтому структурно статья о дани в Заволочье и Бежичах в договорах с князьями отделена от списка «волостей новгородских». Установление по периферии Новгородской земли «системы совладений» в принципе не могло поглотить режима, установленного «Бежецким рядом».

И свидетельства того, что режим «Обонежского ряда» и «Бежецкого ряда» сохранялся вплоть до потери Новгородом независимости, действительно, есть. Согласно новгородско-княжеским соглашениям XIII–XV вв., право на дань у князя в Новгородской земле отсутствовало. Вместо дани князь получал от волостей дар. Право суда князь имел в самом Новгороде и в новгородских пригородах – совместно с посадником. Право проездного суда князя распространялось лишь на ограниченный круг территорий, что видно и из формулировок соглашений: «А куда пошл[о] судии твоему ездити по волости, ехат[и и]мъ межень по Петрове [д]ни» (ГВНП. № 1); «А судье слати на Петровъ день, тако пошло» (Там же. № 3); «А судиямъ твоимъ ездити по волости, куда пошло, лете съ Петрова дни, по пошлине» (Там же. № 7).

Эта формулировка отсутствует только в одном из проектов соглашения 1264 г., зато здесь имеется другая: «А судъ, княже, отдалъ Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обонижаномъ на 3 лета, судье не слати» (Там же. № 2). Из этого следует, что в остальных договорах округами, «куда пошло» слать судей, являются только Обонежье и Бежичи. Можно догадываться, что передача суда обонежанам и бежичанам осуществлялась «на возмездной основе», т.е. на основе откупа.

О живучести режима, зафиксированного «Обонежским рядом», свидетельствует откупная грамота, выданная великокняжеским наместником в Новгороде на обонежский суд в 1460 г. Территория суда в точности соответствует территории «Обонежского ряда» (Там же. № 93; Янин 1991. С. 184). Функционирование проездного княжеского суда в районе «Бежецкого ряда»

еще в 1380-х годах, помимо отмечавшегося уже упоминания Бежичей в договорах 1307 и 1371 гг., подтверждается его реликтовым упоминанием в актах XV в. на село Присеки (Назаров 1989. С. 84–92), т.е. в непосредственной близости от Городецко «Бежецкого ряда».

Если бы прерогативы князя в пунктах «Бежецкого ряда» могли быть поглощены «системой совладений», то захват Москвой всей территории Бежецкого Верха (это произошло, вероятно, в первой половине XV в.) привел бы к их аннулированию. Вместо этого утраченные князем прерогативы новгородцы компенсировали ему выделением другого района в пределах «внутренней зоны» Новгородчины – в Водской земле (московский проект договора 1456 г.: «А в Водцскую землю слати княземъ великимъ ежегодъ, по старине»; московский проект договора 1471 г. – ГВНП. № 23, 27).

Я.Н. Щапов датировал оформление «Обонежского ряда» и «Бежецкого ряда» 1263–1264 гг. (1972. С. 164), А.В. Куза – 1230 г. (1975. С. 160–161), В.Л. Янин – периодом между 1137 и 1225 гг. (2001. С. 78). *Terminus ante quem* уточняется берестяной грамотой № 222 (не позднее 1217 г. по В.Л. Янину. – Янин, Зализняк 1993. С. 182–185), которая сообщает о конфликте с участием представителей колбягов (этнической группы, населявшей Обонежье) и предполагает разрешить его с помощью княжеского чиновника – детского.

Договорное оформление «режима совладений» С.А. Шаров-Делоне датировал временем до 1218 г. – на том основании, что великие князья Владимирские (Всеволодовичи) представляли в этих соглашениях интересы и ростовских Константиновичей, хотя после смерти в 1218 г. Константина Всеволодовича владельческие права Всеволодовичей и Константиновичей окончательно разделились (Шаров-Делоне 2005. С. 36). Если верны эти наблюдения, то и «Обонежский ряд», и «Бежецкий ряд», и «система совладений» документально оформляются не позже 1217–1218 гг.

Почти все топонимы «Бежецкого ряда» локализованы. Маркированная ими территория лишь наполовину попадает в пределы Бежецкого Верха, известного по источникам XVI–XVII вв., т.е. в пределы территории, включенной в «систему совладений»

XIII в. во «внешней зоне» Новгородской земли (Бежичи, Городец Палец, Мелеча, Шипино, Егна).

Вторая половина территории «Бежецкого ряда» оказалась в границах Бежецкой пятины Новгородской земли, возникшей на рубеже 1470–1480-х годов на землях новгородской метрополии. В середине XIII в. земли будущей Бежецкой пятины в целом соответствовали, по-видимому, Бежецкой «волости», известной «Уставу о мостех» середины XIII в. Таким образом, «Бежецкий ряд» явно игнорирует границу между «внутренней» и «внешней» зонами Новгородской земли, что указывает на его более древнее происхождение в сравнении с «системой совладений».

Примечание

* Работа выполнена по проекту «Трансграничные взаимодействия и контактные зоны: античный и средневековый опыт» (рук. И.Г. Коновалова) программы Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Источники и литература

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201.

Назаров В.Д. О проездном суде наместников в средневековой Руси // ДГ, 1987 год. М., 1989. С. 84–92.

Памятники русского права. Вып. 2 / Сост. А.А. Зимин. М., 1953.

Шаров-Делоне С.А. К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Ст. и мат-лы. М., 2005. С. 33–47.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

А.А. Хлевов

ЛАДЬЕВИДНЫЕ КАМЕННЫЕ КЛАДКИ И ГЕОГРАФИЯ РАННЕГО ПОЛИТОГЕНЕЗА СКАНДИНАВИИ

Среди древностей бронзового века Северной Европы одно из наиболее заметных мест принадлежит артефактам, так или иначе связанным с образом корабля. В частности, явственно выделяются три устойчивые группы таких артефактов: наскальные изображения ладей; ладьи, гравированные на бронзовых бритвах; каменные выкладки в форме контура корабля. Сам по себе факт популярности корабельных мотивов достаточно естественен и обусловлен неординарной ролью мореходства и судостроения в традиционной культуре данного региона. Что касается трех упомянутых групп, то их локализация достаточно отчетливо отражает определенные социально-политические константы, характеризующие ситуацию в Скандинавии и на побережье Балтики в конце II – I тыс. до н.э.

Бронзовые бритвы с изображениями кораблей (Sprockhoff 1954. S. 57; Kaul 1998. P. 47), ставшие одним из наиболее узнаваемых символов северного бронзового века в целом, связаны преимущественно с погребальной традицией и выступают как часть инвентарного комплекса, сопровождавшего в последний путь социальную элиту. Впрочем, нет никаких оснований усомниться в том, что они одновременно столь же успешно были важной частью повседневной бытовой культуры этой элиты. Количество подобных находок довольно ограниченно и в целом соответствует ориентировочным оценкам численности представителей вождеской прослойки, вытекающим из экономической географии региона и демографических реконструкций.

Петроглифы с изображениями ладьи (Burenhult 1973. S. 115; Kristiansen 2010. P. 103) весьма многочисленны и широко распространены в Северной Европе. Известно не менее 2000 локусов, каждый из которых представляет комплекс, как правило, содержащий несколько изображений кораблей. Весьма частый мотив – солярные и селенарные символы, сопровождающие эти ладьи или являющиеся частью самого корабля (солнечные круги

на штевнях и «лунницы», установленные на палубе и напоминающие паруса). Не менее обычны изображения воинов – членов экипажа; нередко корабли явно сходятся в морском сражении. Общим местом является представление об этих петроглифах как о культовых объектах, хотя конкретная интерпретация данных культовых практик или их реконструкция весьма дискуссионны. Прямая связь петроглифов с погребальным культом также проблематична, хотя некоторые из них и расположены в географическом контексте погребальных памятников.

Каменные выкладки в форме контуров корабля, часто, очевидно, подчеркивающие конструктивные особенности конкретных типов ладей, достаточно многочисленны. Так, на о-ве Готланд их ок. 200, на о-ве Борнхольм – 23, на Аландах – 37, в Латвии – 11, в Эстонии – 3; еще несколько сотен расположены в ряде прибрежных областей континентальной Швеции, на острове Эланд, и небольшое количество – в зоне Датских проливов (Wehlin 2013. S. 210–216). Назначение этих памятников также вызывает дискуссии. С рядом из них связаны погребения, однако далеко не со всеми. В основном высказывались мысли о ритуальном и поминальном характере подобных конструкций, о маркировании ими мест регулярных торжищ (Capelle 1986; Randsborg 1993), об использовании их в роли своего рода «клубов» командами кораблей (опять же в социально-ритуальных целях). Мы смело интерпретируем эти памятники как «места поединков, совершения молитв, жертвоприношений и возлияний, общинных пиров, проходивших словно «на борту» и «за веслами» мифического Корабля Мертвых (*Naglfar* «Эдды»), где места экипажа выделены монументальными валунами» (Лебедев 2005. С. 81). Не вызывает сомнения лишь то, что в жизни населения Скандинавии позднего бронзового и раннего железного веков – вплоть до эпохи викингов (а кладки в основном датируются X–III вв. до н.э.) – эти сооружения играли чрезвычайно важную роль.

В данном контексте наибольший интерес вызывает география распространения каменных ладей. Как правило, они организованы в группы из нескольких выкладок, количество и размер отдельных «кораблей» в которых могут существенно варьировать. Весьма вариативна и ориентация этих кладок – подмечено,

что она скорее привязана к ландшафту конкретной местности, нежели к сторонам света. Неизменными остаются несколько обстоятельств. Так, абсолютное большинство известных «ладей» привязаны к береговой линии – актуальной ныне (если регрессии в данном районе не было) или имевшей место в момент возведения кладки. Значительное число кладок возведено на берегах внутренних водоемов, имевших транспортное значение (Bradley 2006). Столь же обычна привязка кладок к коммуникационным «узлам»: полуостровам, являвшимся поворотными пунктами (север Курляндии), цепям островов (Аландский архипелаг), устьям рек (Висла, Западная Двина), протокам оз. Меларен. Сама по себе эта связь, как представляется, неопровержимо свидетельствует о значении корабельных кладок как ориентиров сезонных торжищ, равно как и социальных и культовых центров локальных вождеств. Даже в случае нахождения таких объектов за пределами Скандинавии они могут быть интерпретированы как центры очагов миграции северян, а не только как «указатели на рыночную площадь». Впрочем, в универсальном и многофункциональном характере этих кладок, исходя из уровня развития создавшего их общества, вряд ли можно усомниться.

Однако наиболее наглядным является географическое соотнесение трех упомянутых категорий «корабельных» находок. Петроглифы относительно равномерно и массово покрывают побережье Скандинавского полуострова (от района оз. Меларен по шведскому и норвежскому побережьям до Рогаланда), ряд внутренних областей полуострова (оз. Венерн, норвежский Уппланд), а также север Ютландии. Бронзовые изделия (бритвы) с изображениями кораблей достаточно узко сконцентрированы в Дании и на крайнем юге Скандинавского полуострова – преимущественно в Сконе. Что касается каменных ладей, то это явление почти исключительно балтийское (Capelle 1986. S. 6–10; Wehlin 2013. S. 135–136). География находок не оставляет сомнений в том, что происхождение данной традиции – сугубо скандинавское, а на противолежащие берега Балтики она была экспортирована в процессе миграций и экспансии.

С точки зрения привязки к социокультурным и социоисторическим реалиям рискнем предположить, что три типа памятни-

ков отражают три этапа развития северной культуры и, возможно, три круга раннего политогенеза. Так, наскальные ладьи (как яркие представители петроглифической традиции в целом) могут быть соотнесены с наиболее ранними, уходящими корнями в неолитическую культуру формами социальной организации племен Скандинавии. Бронзовый инвентарь с изображениями ладей уместно связать с политическими экспериментами раннего и высокого бронзового века, когда по обоим берегам Датских проливов («историческая», а не «географическая», Дания) возникали вождества, ярко репрезентируемое благосостояние лидеров которых базировалось на торговых связях с континентальной и Южной Европой. Собственно, именно с этой фазой политогенеза и связаны наиболее яркие визуальные образы северного бронзового века; однако реальную социальную структуру этих обществ и масштаб власти их предводителей оценить всё еще трудно.

Каменные корабельные кладки, в свою очередь, отмечают новую и весьма перспективную тенденцию. Их расположение отчетливо указывает на формирование нового культурного сообщества – балтийского. Его основные черты – сохранение приоритетной роли мореплавания, традиций судостроения и навигации; особая социальная роль прослойки корабельщиков и мореплавателей-торговцев; формирование устойчивой идентичной ритуальной практики на обширных приморских территориях, заведомо не связанных никакой единой государственной властью. Результат деятельности – освоение Балтики как внутреннего водоема и прочное проникновение в три основных транзитных транспортных «шлюза» балтийского побережья (Аланды – Финский залив, Рижский залив – Западная Двина, устье Вислы).

Очевидно, что именно с этим периодом, в основном относимым к I тыс. до н.э., уместно соотнести начало устойчивого существования Балтийской морской цивилизации (Лебедев 1986), в дальнейшем превращающейся в цивилизацию северных морей вендельского времени и эпохи викингов (Хлевов 1997; 2002. С. 320–377). Не становясь «талассократией» и в принципе не выходя на уровень государственных институтов, племенные коллективы шведского побережья от Уппланда до Халланда (главным образом руками своих конунгов и их экипажей) зало-

жили основы балтийского мультикультурного полиэтничного сообщества железного века и раннего средневековья.

Литература

Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тезисы X Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. Ч. 1. С. 158–160.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. 2-е изд. СПб., 2005.

Хлевов А.А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец староладожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 125–130.

Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв.: Дис. ... д-ра филос.наук. СПб., 2002.

Bradley R. Danish razors and Swedish rocks. Cosmology and the Bronze Age landscape // Antiquity. 2006. Vol. 80. P. 372–389.

Burenhult G. Götalands hällristningar (utom Göteborgs och Bohus län samt Dalsland). Lund, 1973.

Capelle T. Schiffssetzungen // Praehistorische Zeitschrift. 1986. Bd. 61, Heft 1.

Kaul F. Ships on bronses: A study in Bronze Age religion and iconography. Copenhagen, 1998. Vol. 2–3.

Kristiansen K. Rock art and religion: The sun journey in Indo-European mythology and Bronze Age rock art // Representations and communications: creating an archaeological matrix of late prehistoric rock art. Oxford, 2010. P. 93–115.

Randsborg K. Kivik: archaeology and iconography. København, 1993.

Sprockhoff E. Nordische bronzezeit und frühes griechentum // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1954. Bd. 1. S. 28–110.

Wehlin J. Östersjöns Skeppssättningar: Monument och mötesplatser under yngre bronsålder. Göteborg, 2013.

Р.П. Храпачевский

ГЕОГРАФИЯ «ГОСУДАРСТВ ТАТАР» В IX–XII вв. ПО ДАННЫМ КИТАЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

В качестве основных источников использованы две династийные истории – «Ляо ши» и «Цзинь ши» – и глава из сочине-

ния Ли Синь-чуаня «Цзянь-янь илай чао-е цзацзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь»). Как дополнительные материалы взяты фрагменты из других источников: династийных историй – «Цзю У-дай ши» и «Синь У-дай ши», и исторических хроник – «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зерцало, правлению помогающее») Сыма Гуана и «Да Цзинь гочжи» («История государства [династии] Великая Цзинь»).

Их сведения охватывают вторую половину IX – начало XIII в. Сами же они были написаны в X–XIV вв., но все основаны на документах и первоисточниках, современных событиям. Так, списки посольств или перечни «даней» в них – воспроизведение протокольных записей ведомств описываемых династий: дворцовое ведомство и ведомство по учету и доходам скрупулезно и точно вели подсчеты. Аналогично обстоит дело и с известиями о событиях политической истории – при дворах императоров тщательно велись ежедневные записи, которые и ложились в основу династийных историй (см.: Доронин 1986; Храпачевский 2007).

Первое упоминание в китайском нарративе о татарах относится к 842 г. Но, как выясняется, сами китайцы с татарами не контактировали – они узнали о них от киргизских послов, сообщивших, что после разгрома Уйгурского каганата в 840 г., вместе с владениями Гаочан и Бешбалык киргизам подчинились и татары. Династии Тан эти татары не были знакомы, т.к. находились на периферии «Западного края» китайской ойкумены.

В то же время, о существовании татар нам известно еще с VII в. из орхонских рунических текстов. Основные сведения о татарах того времени касаются земель на западных границах Ганьсу и в Восточном Туркестане (см.: Кляшторный 1993).

О существовании нескольких «государств татар» в дочингисово время сообщает Рашид ад-Дин: «...тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть» (Рашид ад-Дин 1952. С. 103). А «их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буирнаур» (Там же. С. 101). Таким образом, для автора «основным местом» обитания татар была крайняя восточная часть ареала их расселения. В историографии пока наиболее подробно рассмот-

рен вопрос только о так называемых «западных татарах». Как написал С.Г. Кляшторный в своей работе, подробно освещающей вопрос о «западных татарах», «вряд ли пока возможно столь же определенно локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-Дином» (Кляшторный 1993. С. 144).

Изучение китайских источников ослабляет категоричность вывода С.Г. Кляшторного. Но сам он, в той же работе, дал указания на пути исследования вопроса о восточных «татарских юртах»: он совершенно верно обратил внимание на необходимость как исследования сообщений Ли Синь-чуаня о нескольких «государствах татар», так и обязательного учета фактов перенесения китайскими авторами названия «татар» как полиэтнонима на монгольские и иные племена на границах Китая в X–XII вв. (Там же. С. 145).

С VI в. в китайских источниках появляются названия тэлэ и шато, часто принимаемые за этнонимы. Но на самом деле это искусственные китайские названия. Слово тэлэ – это вариант иероглифов, которыми записывался тюркский титул *тегин*. Таким образом, тэлэ – это перенос китайскими авторами титула правителя на название конфедерации племен. Аналогично дело обстоит с шато – в «Синь Тан шу» сказано: «Шато являются отдельным племенем западных тюрок рода чуюэ… к востоку от Пулэй есть большая пустыня, которая на китайском языке называется шато, поэтому [это племя] и называлось шатоскими туцзюэ». Как отмечает А.Г. Малявкин, происхождение названия шато – это «перенос на племя наименования среды обитания» (1989. С. 176).

В ходе борьбы тэлэ и шато с Восточнотюркским каганатом часть племен из их составов прибывала к границам танского Китая. Показательно сообщение исторического свода Сыма Гуана под 868 г., что в объединение племен шато на границе Тан входили уже и татары, и племена из бывшего объединения тэлэ, а возглавлял их всех по назначению от Тан вождь племени чуюэ. Этот процесс передвижения с запада на восток составных частей племенных конфедераций особенно ускорился в период восстания Хуан Чао (874 г.). Именно тогда фиксируется массовое появление «татар» непосредственно на границах Китая и их вторжения вглубь империи. При этом «татары» подчиняются вождям шато.

Иными словами, в начале своего передвижения на восток татары – это еще тюркские племена, мигрировавшие с запада и постепенно расселявшиеся вдоль Великой китайской стены на восток. В ходе этого процесса они или «впитывали» другие местные племена, или входили с ними в различные формы объединения. В горах Иньшань к ним присоединились рода монголоязычных шивэй и си, а потом – по мере их дальнейшего движения на восток – татары встретились с монголами. Ведь именно X в. датируется передвижение протомонголов с южного берега реки Амур на земли современной Монголии (см.: Кычанов 1980). Таким образом, на протяжении IX–X вв. происходило встречное движение «татар» и «монголов». На восточной границе «татарского юрта», т.е. в районе оз. Далай-нур, будущие монголы и столкнулись с «татарами». Там же и тогда же начались процессы их взаимодействия и взаимопроникновения – стали появляться смешанные племена, а языком их общения стал монгольский койнэ при участии тюркских наречий племен из этой «татарской» миграционной волны. В итоге это постепенно привело к созданию новой племенной конфедерации – татарской, где имя «татары» оказалось перенесенным на целый конгломерат не только тюркских, но монгольских и иных племен. Именно эту татарскую племенную конфедерацию и следует понимать под названием *цзубу*, используемом в ляоских и цзиньских текстах. Дело в том, что тибетский термин *сонгпо*, применявшийся к «западным» татарам, был воспринят киданями от тибетцев и тангутов. Им кидани стали называть уже и конфедерацию «восточных татар». А контактировавшие с ними же китайцы из Сун продолжали называть их по-прежнему «татарами», сохраняя термин времен Тан.

Здесь следует упомянуть о существующем в китайских источниках выведении происхождения «татар» и «монголов» от мохэ, а также их отождествлении друг с другом. Но это отождествление было вызвано чисто кабинетными выводами китайских авторов, призванными совместить все известные им сообщения о татарских и монгольских племенах, чтобы дать им общее название. Произошло это из-за того, что к XI–XII вв. вышеуказанный процесс создания конфедераций «татар», куда влились теперь и монгольские племена, завершался или уже был завершен.

И племена, известные по сообщениям старых сочинений как «монголы», теперь оказывались частью «татар». А протомонгольские племена севера-востока, известные еще с времен Тан как «мэнъу» и определяемые как особая часть шивэй (в цз. 212 «Цзю Тан шу» в сказано: «Их племена [еще] проживают по берегам реки Ванцзяньхэ [р. Амур. – *Р.Х.*], которая вытекает из озера Цзюйлуньбо [совр. кит. название Хулунь или монг. Далайнор. – *Р.Х.*] на северо-восточных границах тюрок, [ее] течение изгибается и течет на восток, проходя через границы "западных шивэй", далее на восток проходит через границы "больших шивэй", и еще далее на восток проходит к северу от границ "монгольских шивэй" [*мэнъу шивэй*]»), становятся известны позднейшим китайским авторам и как *мэнгу*, и как *моугэши*, и как *мангуцзы* и т.д., причем они же в разных случаях называются еще и «татарами». Отсюда и появилось желание у китайских авторов XI–XII вв. как-то отождествить их с «татарами» ранних текстов и дать единое объяснение происхождения.

Появившееся на северных и северо-восточных границах Ляо объединение «татар» было использовано киданями в качестве пограничных федератов – из них были созданы так называемые войска *дю*. После падения Ляо их унаследовала династия Цзинь. В связи с этими войсками *дю* возможно разрешение загадки, оставленной Рашид ад-Дином, – давно уже исследователи пытаются понять, кем были татары-тутукулйут: «татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулйут – самое уважаемое из [всех] татарских племен» (Рашид ад-Дин 1952. С. 103). Поскольку алчи, чаган и куин известны из «Сокровенного сказания» как монгольские племена, особенно интригует тутукулйут, о котором молчат другие источники. И это загадка – сведения Рашид ад-Дина являются весьма надежными и происходят от самих монголов, но для этого случая нет другого подтверждения. Поэтому молчание источников о «самом уважаемом» племенном объединении может означать только одно – они были известны, но под другим именем. И именно состав войск *дю* дает ключ к разгадке – упомянутые выше «татары-терат» как раз и состояли в войсках *дю*, причем и при Ляо, и при Цзинь. А слово *туткаул* мы встречаем в источниках Монгольской империи в значении ‘охрана,

пограничники'. Поэтому *тутукулйут*, являющееся множественным числом от *туткаул*, можно отождествить с войсками *дю*. Иначе говоря, это название в качестве обобщающего термина использовалось как среди «восточных татар», так и в официальных китайских текстах (в «Цзинь ши» есть цитата из указа цзиньского императора, адресованного войскам *дю* – «татарам», которые обозначены как «пограничные войска севера»).

Теперь, наконец, можно идентифицировать все шесть «государств» татар по Рашид ад-Дину – через отождествление с татарскими конфедерациями на всем протяжении их пути расселения с запада на восток. По тангутским источникам в XI–XII вв. Си Ся граничило с тремя татарскими объединениями (Кычанов 2008. С. 34–35). Два из них следут относить к «западным татарам», о которых говорилось выше. Третье, что занимало территорию от гор Алашань до гор Иньшань, – это татарское объединение, связанное с белыми татарами-онгутами и союзными им племенами тюркского и монгольского происхождения. Войска *дю* на северных и северо-восточных границах Китая можно считать еще одной восточной татарской конфедерацией. При этом она также включала различные по происхождению племена (татар-тераитов, угуров, меркитов и пр.). И временами внешние наблюдатели могли принимать ее за два разных объединения: в войнах против татар-тераитов, восставших против Ляо, широко использовались войска из тех племен татар, что остались лояльными, т.е. одни «татары» воевали против других «татар». И последней, шестой, «татарской конфедерацией» следует назвать те объединения собственно монгольских племен, что периодически и в разных конфигурациях создавали свои племенные союзы. Так что для внешнего наблюдателя на тот или иной момент времени всегда существовало какое-нибудь одно из этих объединений, носившее в китайском официозе название «монгольское государство» или просто «монголо-татары».

Библиография

а) На китайском языке

大金國志 / *Да Цзинь гочжи*, Пекин 2011, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

李心傳 建炎以來朝野雜記/ **Ли Синь-чуань** *Цзянь-янь илай чао-е цзацзи*, Пекин 2010, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

遼史 / *Ляо ши*, Пекин 2013, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

歐陽修 新五代史 / **Оуян Сю** *Синь У-дай ши*, Пекин 2002, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

司馬光 資治通鑒 / **Сыма Гуан** *Цзы-чжи тунцзянь*, Пекин 2013, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

金史 / *Цзинь ши*, Пекин 2005, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

舊唐書 / *Цзю Тан шу*, Пекин 1975, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

舊五代史 / *Цзю У-дай ши*, Пекин 2003, «Чжунхуа шуцзюй чубань».

б) На русском языке

Доронин Б.Г. Организация государственного историописания в Китае в XVII–XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1986. Вып. 9.

Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Кычанов Е.И. Тангутские (Си Ся) источники о татарах // MONGOLICA VIII. СПб., 2008.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, ч. 1.

Храпачевский Р.П. Монгольские и китайские источники XIII–XIV веков о Восточной Европе // Российские и славянские исследования. Минск, 2007. Т. 2.

Н.И. Храпунов

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ УПРАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИМИ ВЛАДЕНИЯМИ В ТАВРИКЕ

В последние годы наблюдается значительный прогресс в изучении отдельных органов власти и систем управления византийскими владениями на территории Крымского полуострова, прежде всего благодаря публикациям большого количества но-

вых источников. Так, недавно издана сводка печатей чиновников византийского Херсона (Alekseyenko 2012; рец.: Seibt 2013), за которой последовали новые публикации. Представляется, что накопленный массив нарративных, эпиграфических и сигиллографических источников позволяет обсуждать общие закономерности в эволюции администрации византийской Таврики, и в частности – влияние на нее географических условий.

Крымский полуостров делится на две неравные части: около трех четвертей его площади занимает северная равнина, сочетающая участки солончаковой полупустыни и степи, климат здесь засушливый континентальный. Ее продолжениями являются Тарханкутский полуостров на северо-западе и Керченский полуостров на востоке. В южной части Крыма находятся одноименные горы, образованные тремя параллельными грядами, которые тянутся вдоль берега моря с юго-запада на северо-восток полосой 180 × 50 км. Климат здесь характеризуется резкими колебаниями. Горы покрыты лесом, а расположенные между ними долины хорошо орошаются водными потоками и благоприятны для земледелия. Между южными обрывами Главной гряды (до 1545 м высотой) и морем тянется узкая (до 12 км шириной) полоса Южного берега Крыма с субтропическим (средиземноморским) климатом (Подгородецкий 1988. С. 10–126).

Географический фактор играл существенную роль в организации обороны и управления византийскими владениями в Таврике. Имеющиеся сведения о византийских чиновниках Таврики относятся к IV–XI вв. Бóльшую часть этого времени Крым находился на периферии императорского внимания, даже несмотря на перманентную угрозу со стороны воинственных степняков. База для организации собственных вооруженных формирований в византийском Крыму была ограничена, а сообщение с империей осуществлялось фактически только морским путем и только в теплое время года. Оказалось, что, подобно морю Средиземному, Черное море могло не только соединять, но и разъединять (ср.: Horden, Purcell 2000). Поэтому для защиты своих таврических владений византийцы были вынуждены полагаться не столько на силу, сколько на дипломатию. В Крыму существовал один ярко выраженный центр имперского влияния, от претензий на который Византия никогда нет отказывалась. Хер-

сон находился на юго-западной оконечности полуострова, в месте, откуда легко было добраться как до степи, так и до гор и Южного берега. Слово Херсон обозначало не только городской центр, но и подконтрольную ему территорию, границы которой, вероятно, не были неизменными (Храпунов 2004. С. 543–544). Далее, вглубь полуострова, находилась буферная зона гор и предгорий, прикрывавших Херсон от набегов степняков. Местное население составляли потомки христианизированных готов и аланов. Церковное и культурное влияние империи там сохранялось всегда, но поставить эти районы под военно-административный контроль удавалось лишь в периоды усиления Византийского государства. Второе направление, по которому шло имперское влияние, – вдоль Южного берега Крыма и далее на восток вплоть до города Боспора, занимавшего ключевое положение в восточной части полуострова и контролировавшего вход в Азовское море и переправу на Тамань. До постройки шоссейной дороги в середине XIX в. доступ на Южный берег по суше был затруднен из-за особенностей рельефа. Власть над ним зависела от наличия баз, обеспечивавших как размещение сухопутных гарнизонов, так и безопасность каботажного плавания. Несмотря на наличие «северо-западного» маршрута из Херсона в Константинополь, попытки создать опорные пункты в западном Крыму не предпринимались никогда, очевидно, из-за отсутствия здесь достаточной природной защиты (см.: Крым 2003. С. 10–86).

Византию не интересовала власть над степью, а сфера интересов кочевников, по-видимому, не включала Херсон: борьба разворачивалась за «буферную зону». Хотя жители последней в культурном отношении были значительно ближе к империи, они, по-видимому, не стремились стать ее подданными, предпочитая независимое существование на границе двух миров и играя на противоречиях между могущественными соседями. Та сторона, которой удавалось достигнуть перевеса, стремилась подчинить Готию и Боспор своему влиянию. Византия сделала это дважды – во второй четверти VI и в середине IX в. Расширение византийских владений в Таврике приводило к реорганизации управления, созданию нового административного округа во главе с военным «губернатором». В VI в. Херсон и Боспор по-

началу были независимыми административными единицами – их объединили под властью дуки, вероятно, в 575–578 гг. (Храпунов 2011. С. 43–44), тогда как жители юго-западного нагорья считались союзниками империи (Храпунов 2004. С. 532–533). В IX в. здесь создали фему во главе со стратигом (Alekseyenko 2012. P. 33 f.). Херсон, бывший традиционным имперским форпостом в регионе и обладавший соответствующей инфраструктурой и развитыми органами управления, становился центром новой административной системы, причем сохранялись некоторые возникшие в предшествующий период магистратуры (Храпунов 2014). Насколько можно судить, в обоих случаях фискальные полномочия передавались в ведение независимых чиновников. По археологическим данным, как в Херсоне, так и в буферной зоне и на побережье возводились или реставрировались укрепления (Крым 2003. С. 27–28, 42–45, 48, 63–64, 66). Созданная на полуострове оборонительная система напоминала восточные провинции Византии, основная угроза которым также исходила от кочевников. Здесь крепости строили также не вдоль границ, а в центре населенной территории, как убежища для населения и узлы обороны. Враг мог ограбить сельские районы, но был не в силах установить контроль над провинцией до тех пор, пока ему не покорились крепости. Осада даже самых простых укреплений представляла для кочевников серьезную проблему, особенно в условиях недостатка продовольствия, корма для скота и нападений мобильных отрядов противника (Bréhier 1949. P. 350; Whittow 1996. P. 171).

По мере ослабления империи и усиления номадов юго-западная Таврика и Боспор сначала отпадали от Византии, а затем оказывались в зависимости от очередного «варварского» государства. Ситуацию усложняли миграции оседлого или оседавшего на землю населения, в частности праболгар, хазар, адыгов (Крым 2003. С. 53–64). Переселенцы были заинтересованы в выходе к морю и развитии заморской торговли, потому среди основанных ими памятников были прибрежные, становившиеся портами, например Судак (Там же. С. 57) и Тепсень (Майко 2004) в восточном Крыму. К концу VII в. византийские владения на полуострове ограничивались Херсоном и его округой. В результате упадка имперской власти здесь сформировалась архонтия

(печати соответствующих чиновников появляются в середине следующего столетия) под управлением чиновников местного происхождения, состоявших на императорской службе, и представителей городской знати (Alekseyenko 2012. P. 17–32; Seibt 2013. S. 188–191; Храпунов 2014). Создание фемы в Таврике привело к централизации управления. Во второй половине X – первой половине XI в. начинается очередной этап дезинтеграции, отражением чего стало появление новых административных округов – сначала боспорской, а потом сугдейской фемы. Есть свидетельства того, что во второй половине XI в. империя предпринимала попытки вновь сконцентрировать власть, сначала объединив полномочия херсонского и сугдейского стратигов в одних руках, а затем создав на полуострове единый округ – катепанат Херсона и Хазарии (Алексеенко, Цепков 2012; Seibt 2013. S. 192).

По-видимому, природный фактор (удаленность от центра империи) сыграл немалую роль в формировании двух важнейших особенностей, свойственных администрации византийского Херсона: существенной роли представителей городской общины в государственном управлении (Храпунов 2014) и континуитета ряда должностей, сохранявших свои названия на протяжении столетий, дольше, чем в большинстве византийских провинций (Khrapunov 2015). Сходство природных условий Крыма и побережья Адриатики, наряду с другими факторами, привело к тому, что административное развитие византийской Таврики шло не «малоазиатскому», а по «балканскому» пути, для которого характерны нестабильность границ, наличие выраженных центров византийского влияния и аморфной периферии, а также стремление к сохранению существующих административных структур даже в условиях реформ управления (Ferluga 1976).

Литература

Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХС. 2012. Вып. 17.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.

Подгородецкий П.Д. Крым: природа. Симферополь, 1988.

Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
Храпунов Н.И. К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. 2011. Т. 70.
Храпунов Н.И. К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII–XI вв. // АДСВ. 2014. Вып. 42.
Alekseyenko N. L'Administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. P., 2012.
Bréhier L. Les institutions de l'Empire Byzantin. P., 1949.
Ferluga J. Les Îles dalmates dans l'Empire byzantin. Les limites chronologiques du thème // *Fergula J.* Byzantium on the Balkans: Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from the VIIth to the XIIth Centuries. Amsterdam, 1976. P. 115–118.
Horden P., Purcell N. The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History. Oxford; Malden, 2000.
Khrapunov N. Continuity in the Administration of Byzantine Cherson According to Seals and Other Sources // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015.
Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // Зборник радова Византолошког института. 2013. № 50.
Whittow M. The Making of the Orthodox Byzantium, 600–1025. L., 1996.

Е.А. Шинаков, В.Н. Гурьянов

О ГРАНИЦЕ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО И ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВ В XII–XIII вв.*

До сих пор наиболее подробным комплексным историко-географическим исследованием по Черниговскому княжеству является диссертация А.К. Зайцева, опубликованная в 2009 г. (Зайцев 2009). В ней отдельное внимание уделено Новгород-Северскому княжеству в составе Черниговской земли (Там же. С. 69–73, 110–123). Но границы Новгород-Северского и Черниговского княжеств, особенно с учетом существования субвассального Трубчевского княжества, не были подробно рассмотрены. Специально исследовались северо-западные границы Черниговского княжества со Смоленском и Полоцком (Мяцельскі 1994. С. 140–161; Шинаков, Миненко, Сафронов 1993. С. 20–27), границы Трубчевско-Курского княжества (Шинаков 1985.

С. 95–97; 2004. С. 253–268). Были сформулированы общие принципы реконструкции этнополитических и междукняжеских границ (Шинаков 1994. С. 41–47; Гурьянов, Шинаков 1994. С. 35–38; Шинаков, Гурьянов 1994. С. 248–274). Благодаря полевым исследованиям археологических памятников северо-запада Черниговской земли можно уточнить характер расположения поселений и локализацию некоторых населенных пунктов черниго-во-смоленско-новгород-северского пограничья (Шинаков, Мине-нко 1993. С. 40–43; Шинаков 1995. С. 158–162).

Сейчас есть возможность определить динамику формирования линии чернигово-новгород-северского пограничья и установить степень ее зависимости от тех или иных факторов государственного развития. Следует учитывать, что границы можно фиксировать только между относительно устойчивыми политическими субъектами, обладавшими хотя бы долей суверенитета, а не между временными княжескими волостями, принадлежность которых менялась после смерти каждого князя-сюзерена. В связи с этим важно установить время образования именно *Новгород-Северского княжества*, пусть и в составе Черниговского, а не только появление *Новгород-Северского стола* или *волости*.

В источниках можно выделить три принципиальные для нашей темы даты: 1097, 1151 и 1164 гг.

1097 – год образования Новгород-Северского стола для Олега Святославича по решению Любечского съезда в качестве «компенсации» за лишение его Чернигова. Вторая дата – 1151 г., когда была произведена попытка разделить Черниговскую землю между Давыдовичами и Ольговичами на черниговскую и новгород-северскую части, но при вассальном подчинении вторых первым (Зайцев 2009. С. 116). Однако заметим, что в том же 1151 г. один из Ольговичей – Святослав Всеволодович Стародубский и Сновский примкнул к черниговскому князю Изяславу Давыдовичу.

Об образовании пусть частично самостоятельного княжества с относительно устойчивыми границами можно говорить только с 1164 г., когда Святослав Всеволодович, до этого князь Новгород-Северский, овладел Черниговом почти в равной борьбе с традиционно «северской» ветвью Святославичей, в частности со

своим двоюродным братом Олегом Святославичем, до этого князем Путивльским, а затем Курским (Рапов 1977. С. 112).

Раздел прошел после переговоров, в ходе которых именно Олег уступил Святославу Чернигов, «а собе взя Новгород» и «целова крест Святослав Олегу как ему править». При этом он обязался «наделить» и братьев Олега – Игоря и Всеволода: «теми управляи» (ПСРЛ. Т. 2. Л. 187).

Были определены границы нового княжества. В частности, к нему отошел Курск, где до этого с 1161 г. сидел сын Святослава Всеволодовича, а также Олег (Рапов 1977. С. 116; ПСРЛ. Т. 2. Л. 183 об.). Но традиционная «ступенька» к новгород-северскому престолу – Стародуб – в это княжество включена не была, что вызвало последующие войны.

Восточные и *юго-восточные границы* Новгород-Северского княжества вполне определены – они совпадали с внешними границами Черниговской земли со Степью. *Юго-западные* и *западные* остаются вне нашего обзора, т.к. авторами археологически не изучались. Что касается *северо-запада* и *севера*, то здесь необходимо выделить три вопроса. Во-первых, это владельческая принадлежность территории «Вятичей», ее соотношение с «Лесной землей» – волостью Карачева и границы с Курской волостью в верховьях Оки. Во-вторых, это состав и границы Вщижского княжества, его соотношение с волостью Брянска, границы последней с волостью Трубчевска. В-третьих, это археологически идентифицируемые границы Стародубского ополья (волости) с волостью Радоща и Трубчевским опольем (волостью) и «Подесеньем» (Присудостьским опольем).

Что же касается Стародуба, то с рубежа XI–XII и до середины XII в. он трижды фактически был «ступенькой» к новгород-северскому столу: в 1096 и 1097 гг. для Олега Святославича, в 1141 и 1142 гг. для Святослава Всеволодовича, в 1155 и 1157 гг. для Святослава Всеволодовича.

Последний князь, перешедший на новгород-северский престол из Стародуба, – Святослав Всеволодович, став в 1164 г. великим князем Черниговским, не захотел оставлять Стародуб в составе Новгород-Северского княжества (или передать его новому правителю, двоюродному брату Олегу Святославичу). Хотя существует предположение, что Стародуб этого времени вхо-

дил в состав Вщижского княжества (Зайцев 2009. С. 69), никаких данных об этом нет. Во всяком случае в 1167 г. город принадлежал уже Ярославу Всеволодовичу (ПСРЛ. Т. 2. Л. 187 об.–188), до этого (в 1159 г.) – владетелю Ропеска (Там же. Л. 179), находившегося либо на южной границе Стародубской, либо на северной границе Сновской волости.

В любом случае в состав вновь созданного Новгород-Северского княжества (при условии его создания в 1164 г.) Стародуб не входил. И это вполне понятно – бывший стародубский князь Святослав Всеволодович прекрасно понимал стратегическое значение этого города при наличии практически независимого и иногда враждебного Чернигову Новгород-Северского княжества. Правители последнего, владея Стародубом, получали бы выход к смоленским границам и разрезали черниговские земли пополам, отрезая от Чернигова «Подесенье», Вщиж, Брянск и «Вятичей». До смерти в 1167 г. Святослава Владимировича Вщижского Олег Святославович мог иметь прямой «выход» к Смоленску через это полусамостоятельное княжество. Затем же желание великого князя Черниговского взять эти земли под свою руку, посадив там родного брата и одного из сыновей, вызвало первую «стародубскую» войну между Новгородом-Северским и Черниговом.

С учетом групп концентрации археологических памятников XII в. на пограничье между волостью Стародуба, совпадавшей в основном с границами одноименного ополья, «Подесеньем» (Присудостьское ополье), волостью Радоща на р. Судости и Трубчевской волостью (достоверно новгород-северской), «картина» чернигово-новгород-северского пограничья выглядит следующим образом. Судя по статье 1155 г., граница между Стародубской волостью, принадлежавшей Святославу Всеволодовичу, и волостью Радоща новгород-северских владений Святослава Ольговича проходила в районе Синина Моста, где Юрий Долгорукий вступил в земли этих князей (ПСРЛ. Т. 2. Л. 171 об.).

В этом случае археологически граница идентифицируется незаселенными, хотя и плодородными землями Погарского предополья между Сининым Мостом на западе и Посудичами, Погаром-Радощем и в целом р. Судостью на востоке. Ширина этой пограничной полосы – 10–20 км. Она возникла еще в эпоху по-

граничья между «Русской землей» и северянами в X в. (Шинаков 1994) и «возобновилась» в середине XII в. Расстояние между юго-восточной окраиной волости Стародуба и Вара-Судостьским опольем, либо входившим, как и Погарское предополье, в волость Радоща, либо составлявшим особую волость Новгород-Северского княжества, по названию в летописях не упомянутую, – 13–16 км. Это соответствует половине форсированного дневного перехода для конницы и прямой видимости с вершины вала и башен Сининской крепости на восток и наоборот – с городищ Вара-Судостьского ополья на запад (Ющенко 2002. С. 157–165). Косвенно о принадлежности крепостей Погарского предополья и Вара-Судостьского ополья именно Новгород-Северскому княжеству, а не Стародубской волости Черниговского княжества, говорит относительная неожиданность походов Олега Святославича к Стародубу в 1167 и 1174/75 гг.

На юг вплоть до Новгорода-Северского вдоль Судости, а затем Десны идет сплошная цепочка поселений без разрывов и естественных препятствий, что позволяет предполагать единую политико-административную принадлежность. С Трубчевским опольем разрыв у волости Радоща есть – 12 км. Это косвенно свидетельствует о том, что данная волость непосредственно подчинялась Новгороду-Северскому, минуя Трубчевский удел. Это подтверждается и летописным сообщением 1155 г. о возможной принадлежности Радоща Святославу Ольговичу.

Не очень четко «читается» граница между волостью Радоща и летописным «Подесеньем», никогда Новгороду-Северскому не принадлежавшим. Возможно, пограничная полоса проходила между устьем Вабли на юге и южным краем Присудостьского ополья на севере (6 км по прямой, 12 – вдоль Судости). В вопросе о расположении «Подесенья» именно в Присудостьском ополье мы согласны с Г.П. Поляковым (1988). Об этом свидетельствует сопоставление летописных статей 1156 г. (о том, что Святослав Владимирович по дороге во Вщиж из Березого «заял все городы Подесненские», принадлежавшие Изяславу Давыдовичу. – ПСРЛ. Т. 2. Л. 174), 1160 г. (о том, что также по дороге во Вщиж уже Изяслав Давыдович «повоевав» Воробийну и Росусь: Там же. Л. 181 об.), а также 1147 г. (о том, как Святослав Ольгович наряду с другими владениями Давыдовичей «заем… и до

Воробиин Подесенье»: Там же. Л. 126). Если же локализовать и Ормину в Присудостьском ополье (Шинаков, Миненко 1993. С. 41–43), то ее взаимосвязь со Вщижем (ПСРЛ. Т. 2. Л. 115 об.) также косвенно свидетельствует о локализации «Подесенья» именно здесь.

Однако на этом участке находится с. Юдиново, имеющее слои в том числе XII в. Оно расположено всего в 4 км от устья Вабли и укреплений не имеет, а расстояние между самой северной крепостью волости Радоща (Посудичи) и самой южной «подеснинской» (Баклань) – 10 км по прямой и свыше 16 км вдоль Судости – вполне достаточно для пограничья двух волостей и княжеств. В случае враждебности двух княжеств для «черниговцев» существовал и «обходной», минуя устье Вабли и Синин Мост, путь из Стародубской волости в «Подесенье»: через Рассуху (летописную Росусь, которую «повоевал» в 1160 г. Изяслав Давыдович по пути во Вщиж с юга) и Ормину (селище у с. Вормино на р. Немолодве, притоке Косты, впадающей в Судость), полученную в 1142 г. вместе со Вщижем одним из Давыдовичей, скорее всего, отцом Святослава Вщижского Владимиром.

Ранее нами высказывалась и несколько иная мысль – о том, что Владимиру Давыдовичу был отдан только Вщиж, а Ормину получил его брат Изяслав (Шинаков, Миненко 1993. С. 41). Но это уже вопрос о границах волости «Подесенье» и составе Вщижского княжества, т.е. по сути о принадлежности волости Брянска Новгород-Северскому княжеству, или о его северных границах на р. Десне, совпадающих с северной границей Трубчевской волости и ополья.

Сейчас можно применить полученные данные о границах волостей Стародуба и Радоща к пограничью волостей Брянска и Трубчевска. Границы волостей были устойчивыми, естественно сложившимися и в основном совпадали с границами физико-географических регионов (Шинаков, Гурьянов 1994), в отличие от политически обусловленных и часто менявшихся границ княжеств, которые при этом являлись все же комплексами волостей.

В связи с этим расстояние в 16 км по прямой между Брянским и Трубчевским опольями, состоящее из залесенной низменной местности с пока не обнаруженными древнерусскими

поселениями – вполне естественная граница между княжествами. Косвенно разная владельческая принадлежность Брянского и Трубчевского ополий подтверждается находкой в трех частновладельческих селах одинакового набора прибалтийских украшений и деталей одежды второй половины XII – первой половины XIII в. (Шинаков, Пискунов 2014а. С. 121–127; 2014б. С. 126–133). Их можно связать с походом «Ольговичей», которые в тот момент были связаны именно с Новгород-Северским княжеством, в Литву, описанным в летописи под 1205 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 421. Л. 245 об.).

Абсолютно четко в природно-географическом и археологическом плане «читаются» границы южной части Брянского и всего Трубчевского ополья с чернигово-вщижским «Подесеньем», сформированные до сих пор непроходимыми лесами и болотами междуречья Десны и Судости. В то же время «Подесенье» не имеет никакого физико-географического и археологического разрыва с западной, Вщижской частью Брянского ополья, составляя с ним в «поселенческом» и, скорее всего, политико-административном плане единое целое (Шинаков, Миненко 1993. С. 42). Внутри же единого в физико-географическом плане Брянского ополья, хорошо изученного археологически, существует разрыв в 10–15 км между гнездом поселений Хотылево–Гасома и Вщижской агломерацией (Шинаков 2012. С. 43, рис. 2; 2014. С. 194–198). В природно-хозяйственном и источниковом плане этот разрыв необъясним. Возможно, это свидетельство наличия не только административной границы между волостями Вщиж–«Подесенье», с одной стороны, и «Дьбрянск» («Брянеск») – с другой, но и междукняжеского чернигово-новгород-северского пограничья. Но это, как и вопрос о «черниговской» или «новгород-северской» принадлежности Карачева и «Вятичей», т.е. северной и северо-восточной границ Новгород-Северского княжества, – тема отдельного исследования.

Примечание

* Статья подготовлена на средства гранта РГНФ №15-11-32602 е(р).

Литература

Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. Внутренние пограничья Древней Руси: к постановке проблемы // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

Зайцев А.К. Черниговское княжество XI–XIII вв. Историко-географическое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

Зайцев А.К. Черниговское княжество XI–XIII вв. М., 2009.

Мяцельскі А.А. Смаленска-чарнігаўскае памежжа XII стагоддзя ў міжрэччы Дзясны і Дняпра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. № 4.

Поляков Г.П. Летописное «Подесенье» // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тезисы докл. историко-археологического семинара. Чернигов, 1988.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII вв. М., 1977.

Шинаков Е.О. На Півночі Чернігівської землі (до питання про територію Трубчевсько-Курського князівства за Всеволода Святославича) // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краезнавства, присвячена XXVII з'їзду КПРС (грудень 1985 р.). Чернігів, 1985.

Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (рубеж X–XI веков) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Київ, 1994.

Шинаков Е.А. Раскопки летописного Синина Моста и Погара // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995.

Шинаков Е.А. Радощ-Радогощь (к вопросу о возникновении городов с «блуждающими названиями») // Деснинские древности. Брянск, 2004. Вып. 3.

Шинаков Е.А. Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.

Шинаков Е.А. Древнерусские села и загородные резиденции Брянского ополья // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань. 2014. Т. 3.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Русско-радимичское пограничье середины X – середины XII вв.: природно-географический аспект // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1994. № 3.

Шинаков Е.А., Миненко В.В. Локализация Ормины и Ропеска – летописных центров Черниговской земли // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.

Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В. «Города» Чернигово-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Балтский этнический компонент населения владельческих сел середины XI – середины XIII вв. среднего Подесенья // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2013 год. Брянск, 2014. (а)

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Находки украшений балтского происхождения на древнерусских поселениях Трубчевского ополья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Науч. ежегодник. Брянск, 2014. (б)

Ющенко Н.Е. К вопросу об административном центре Варо-Судостьского ополья // Деснинские древности. Брянск, 2002. Вып. 2.

П.В. Шувалов

ПЛЕМЕНА, ОБЩИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ: К ВОПРОСУ О ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ МОДУЛЯХ

География очагов политогенеза естественным образом зависит от географической структуры размещения первобытных коллективов (территории племен), на основе которых возникают первичные государственные структуры. Понятие *племя* в русскоязычных исторических исследованиях размыто и нечетко. Традиционное определение советской этнографии («эндогамный союз экзогамных родов, объединенных во фратрии») не применимо к большинству обществ древнего мира и раннего средневековья. Теоретические положения фундаментальной работы Л.Е. Куббеля трудно применить к древнему материалу Европы в силу как специфики изучавшегося им материала, так и высокого уровня обобщения данных (Куббель 1988. С. 185). Практически же под *племенем* в русскоязычных исследованиях по европейской античности и раннему средневековью понимается любая *этническая* (ср. внеэтничную профессиональную общность йомсвикингов) *узко-региональная* (ср. славян или тюрок VII в., которых невозможно определить как «племя») группа с собственной системой единой *территориальной* (ср. визиготов и остроготов; свевов иберийских, аламаннских и северных в районе Бранден-

бурга; ни готы, ни «свевы» не могут быть классифицированы как «племена») *организации*, изначально (ср. швейцарские кантоны, не считающиеся «племенами») *свободная от прямого подчинения какой-либо развитой государственной структуре* (ср. германские герцогства X–XI вв.) и *не использующая письменного делопроизводства* (ср. античные «области» Этолию или Ахайю с «племенами» эдуев или гельветов). На теоретическом уровне рамки понятия *племя* еще более расширяются, ср. определение из БСЭ: «форма этнической общности и общественной организации, свойственная первобытно-общинному строю» (Т. 33. 1955. С. 240).

Мало что проясняет специальная работа московской исследовательницы Е.С. Голубцовой (1998. С. 11, 14–16, 49–50, 110–113), в которой автор исходит из двух ошибочных положений: что латинская и греческая терминология в принципе единообразна у всех авторов и соответственно может быть рассмотрена как некий единый терминологический массив и что нам как бы заранее известны реалии («племя», «род», «фратрия»), которые должны были стоять за этими терминами.

Очевидно, что понятие *племя* либо слишком широко, либо охватывает слишком различные явления реальной истории – и соответственно не годится для конкретных исторических исследований. Поэтому нужно разрабатывать более дробную сквозную историческую терминологию, используя параллельные разработки этнографии. Мне кажется, что имеет смысл выработать различные терминологические матрицы для мигрирующих человеческих сообществ (гельветы Цезаря, чероки в момент Дороги Слез, буры времен Великого Трека, фокейцы при переселении из Ионии) и для географически ограниченных поселенческих структур (арвернская и средневековая Овернь, маркоманнская и чешская Богемия, независимый Трансвааль, древняя Лакония), которые часто огульно воспринимаются как однотипные *племена* (ср.: племена Галлии времени Цезаря, германские племена IV в., восточнославянские племена накануне образования Древнерусского государства, древненорвежские племена к началу эпохи викингов и т.д.). При этом проводить искусственное разделение на первобытно-общинные и государственные/классовые общества нецелесообразно, т.к. граница эта далеко не всегда очевидна.

Более того, этнографический материал представляет такое разнообразие догосударственных систем, о котором исследователи древней и средневековой истории не могут и мечтать в силу ограниченности источниковой базы. Поэтому весьма продуктивным оказывается моделирование древних систем с использованием отдельных элементов современных этнографических наработок. Примером тут может служить реконструкция раннеславянского общества с использованием восточноафриканских аналогий.

Анализу племенных форм организации восточноафриканских обществ посвящена работа Н.М. Гиренко. Им сформулирована этнографическая модель, которая может послужить основой для реконструкции раннеславянского общества. Гиренко анализирует общества так называемых кочевых земледельцев, постоянно или периодически меняющих места жительства из-за быстрого истощения почв. Типологически – с точки зрения экономики, экологии, социологии и культуры – эти общества могут считаться относительно близкими раннеславянскому и таким образом предоставить исследователю раннего славянства классическую этнографическую параллель.

Методологические основы такого сравнения выводятся из теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ), разработанной Н.Н. Чебоксаровым (Чебоксаров, Чебоксарова 1985). Н.М. Гиренко была сформулирована идея типологического разнообразия племен в Восточной Африке: «В историческом процессе ни племя в целом, ни отдельный составляющий его институт не существуют в некоторой идеальной форме. Мы можем говорить о типах: а) мерцающем племени; б) стабильном сегментарном племени; в) эгалитарном иерархизированном и г) племени-вождестве» (Гиренко 1991. С. 289). На мой взгляд, раннеславянское общество, судя по имеющимся данным источников, в начале VI в., скорее всего, соответствовало одному из первых трех типов. Им свойственна «постоянная подвижность коллективов, их постоянное перераспределение», что «делало достаточно неопределенными границы культурных общностей, представлявших собой результат достаточно длительного процесса локальных перемещений, различных альянсов, значительных диффузных миграций общин и крупных линейных миграций групп и совокупностей коллективов в результате экологических катастроф, военной активности или других причин...» (Там же. С. 227). «Миграции отдельных групп с возрастной иерархией», в том

числе групп единовозрастных юношей без женщин, «как представляется... представляли собой не столько исключение, сколько правило». При этом важную роль играет инициация «во время ритуала исхода – смены поколения, когда члены новых, уже узаконенных деревень (лица брачного возраста или уже состоящие в браке) получают полностью самостоятельный статус, старшие передают им все управленческие функции, и новое поколение образует два новых племени во главе со своими новыми вождями и демонстрирует свою военную активность, организуя нападение» на соседей. «Новое поколение сменяет» старое «с интервалом около 35 лет», например, у ньякьюса в Танзании (Там же. С. 263). Экономика этих народов – в основном мотыжное подсечно-огневое земледелие и скотоводство. Все эти признаки: неопределенные границы культурных общностей, диффузные миграции, инициация во время исхода, периодичность (с интервалом в 12–22 лет между волнами) проникновений на Балканы, подсечно-огневое земледелие и скотоводство, прослеживаются или предполагаются и для славян VI–VII вв. Эта реконструируемая картина постоянного передвижения вполне подходит как объясняющая модель для раннеславянского общества периода балканской экспансии.

В дальнейшем же, по мере перехода к более стабильным формам освоения пространства, у славян начинают складываться территориальные группы, известные по данным археологии («гнезда поселений»: Тимощук 1990. С. 73–78) и письменным источникам (хории Псевдо-Маврикия, община-хотар, вервь и т.д.) и характеризуемые как *соседские общины*. Кроме того возникают и более общирные локальные археологические группы, интерпретируемые как *племенные объединения* или *склавинии* (по Г.Г. Литаврину). И только с этого момента постепенно в источниках начинают просматриваться контуры раннеславянских «племен» и «союзов племен». Фактически за несколько веков из случайного небольшого поселка одной патриархальной семьи вырастала, в результате внутренней колонизации одной долины или микрорегиона, территориально-социальная структура из нескольких сел со своим городищем-убежищем и капищем общей площадью до 100 км^2. Несколько десятков таких соседивших друг с другом структур образовывали локальную группу, которую исследователи предположительно отождествляют с тем или иным *племенем* письменных источников. Однако на самом деле таких локальных групп или сгустков поселенческих гнезд

археологически можно выделить больше, чем известных больших племен (типа вятичей, кривичей, лугиев, семнонов). Скорее тут стоит говорить о малых племенах, имена которых нам далеко не всегда известны (как у восточных славян, так и у древних германцев). При этом важно, что локальные поселенческие гнезда обладали на протяжении веков большей устойчивостью, чем объединения более высокого уровня – большие племена.

В русскоязычной исторической науке отсутствует термин, аналогичный немецкому *Gau* («область проживания племени, которая обладает однородным ландшафтом и обрамлена естественными границами», традиционно объясняемый как **ga-agwia* «das am Wasser gelegene [Land], Offenlandschaft, Ackerbaugegend, Siedlungslandschaft») и греческому νομὸς («пастбище, местопребывание, область»). Это – небольшие ландшафтно выделяющиеся области, находившиеся изначально под управлением своих вождей и обладавшие собственной системой правосудия и общим собранием представителей населения области (в средневековой Германии и эллинистическом Египте соответственно). Это – региональные объединения, условно говоря, второго снизу порядка: *деревня* (κώμη, *dorf* < **thurpa*), *группа деревень* (топархия, «сотня»), *ландшафтная область* (ном, гау/сюсла), *страна* (например, Фиваида, Тюрингия). Или, в классической Греции: кома – *малый полис* (Марафон, Елевсин, Палея), *большое полисное государство* (Афины, Лакедемон) или *койнон* (Беотия, Ахайя), *историческая область* (Фессалия, Пелопоннес, Эпир).

Такие ландшафтные историко-культурные области и складывающиеся на их основе исторические области или провинции сохраняются на протяжении веков в качестве своего рода географических модулей политогенеза и этнокультурного развития. Эти историко-географические модули первого (*Gaue*) и второго (области) порядка легко выделяются практически по всей территории Европы: фюльки Норвегии (Согн, Раумарики), области Грузии (Сванетия, Рача, Кахетия), швейцарские кантоны (Ури, Тессин), исторические провинции Франции и Нидерландов (Брабант, Фландрия, Дренте, Анжу), исторические области Финляндии (Тавастланд, Саволакс) и т.д.

Историко-географические модули формируются на раннем этапе освоения территории (земледельческой колонизации или «обретения Родины» скотоводами) и либо сохраняют традиционные границы без особых изменений, либо же удерживают только основное ландшафтное ядро в последующих столетиях

вне зависимости от смены языка, физического типа населения или государственной принадлежности. Примером могут служить французская Орлеаннэ (кельтские карнуты и римская *civitas Cenabum Aureliani*), Богемия (славянская Чехия, германские маркоманны и кельтские бойи), Черногория (иллирийские доклеаты, римская Доклея и Превалитана, славянская Дукля и Зета), Нижняя Силезия (Нижнесилезское воеводство, герцогство Силезия).

Однако не всегда историко-географические модули столь стабильны: иногда они исчезают практически бесследно. Примером тому могут служить эллинистические и армянские исторические провинции на территории современного турецкого государства: Ликаония, Галатия, Писидия, хотя некоторые из них, тем не менее, все равно продолжают свое существование в новой этно-экономической реальности, например – турецкий ил Элязыг (армянская Софена/Цопк). Причиной такого массового исчезновения обычно является одновременная смена ХКТ и господствующей части населения на обширной территории (в данном случае – с приходом сельджуков) и связанная с этим полная перестройка системы структурирования окружающего ландшафта жителями. Аналогичные процессы происходили во время новгородско-финской колонизации земель саамов (с чем связана вытянутость финских и карельских исторических провинций с юга на север) и во время освоения русскими Дикого Поля и Кавказа.

Длительная сохранность историко-географических модулей (как на уровне *Gau*, так и на уровне исторической провинции) определяется кроме *традиции* и *ХКТ* еще *природными* (горы, леса, пустоши, болота, реки, долины, водоразделы, почвы, гавани и т.п.) и *историческими* (поселенческие центры, культовые места, системы коммуникаций и укреплений) факторами. Важную, зачастую определяющую роль играет существование на протяжении долгого периода *единого коммуникационного пространства*, поддерживающего определенный уровень информационной насыщенности и уровень единообразия ценностных ориентиров. Залогом этого обычно являются регулярные собрания представителей составляющих данный модуль районов – будь то общее собрание воинов, совет знати, общий культовый праздник или суд.

Существование историко-географических модулей можно выявить и для тех регионов, для которых традиционно не посту-

лируется наличие исторических провинций. Например – для севера и центра европейской части России, где при сопоставлении административных карт различных исторических периодов легко вычленяются Смоленщина, Рязанщина, Муромская земля, Белозерье, Обонежье, Гдовщина и т.д. При этом их относительно постоянные границы видны как в раннем средневековье и в период феодальной раздробленности, так и в XIX–XX вв.

Рассмотрение всего разнообразия материала сквозь призму предложенного подхода, на мой взгляд, дает возможность избежать двух трудностей, с которыми обычно сталкивается исследователь в этой области. Во-первых, формально-географический подход во многих случаях позволяет учитывать даже крайне скудный материал, не позволяющий судить о внутренней структуре, социальной развитости, этническом характере и тому подобных чертах конкретного этносоциального организма. Во-вторых, внимание, в первую очередь, именно к формальному географическому признаку позволяет избежать дилеммы выбора

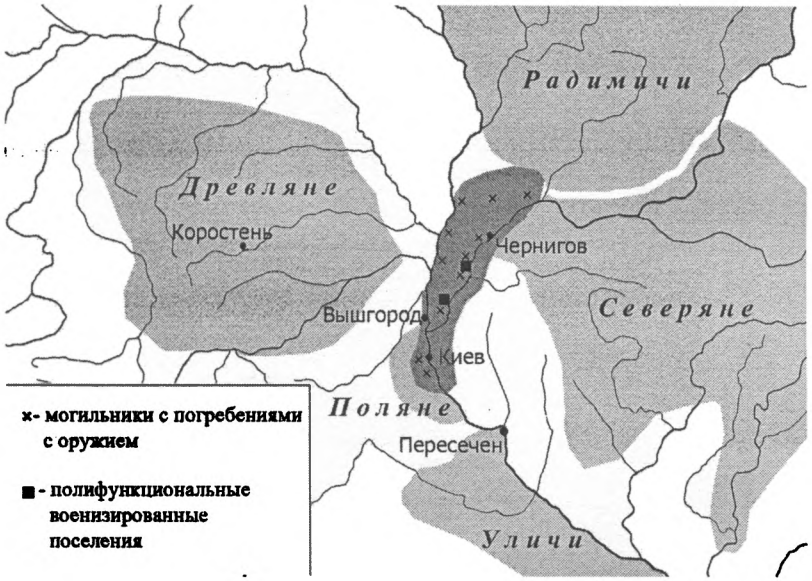
Литература

Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Л., 1991.
Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.
Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М., 1990.
Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

А.С. Щавелев

ЗАХВАТ ТЕРРИТОРИЙ СЛАВЯНСКИХ «ПЛЕМЕН» «ДЕРЖАВОЙ РЮРИКОВИЧЕЙ» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Центральная область владений Рюриковичей в начале X в. – небольшой район Поднепровья вокруг Киева (Щавелев, Фетисов 2014. С. 32–40), где «находилась резиденция архонтов Руси in corpore» (Назаренко 2009. С. 422) и откуда началась экспансия на славянские «племена» (карта 1).



В Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.), отражающей Начальный свод (НС), повествуется о завоевании первыми князьями Руси территорий *полян*, *уличей* и *древлян*. Только у этих трех племен известны захваченные «столицы»: *Киев*, *Пересечен*, *Коростень*. На севере опорой Рюриковичей были *словене* (Петров 1996). Только словене и варяги названы мужами Игоря в известии о его вокняжении в Киеве (Стефанович 2010); они выступают как почти равноправные союзники *руси* в рассказе о «парусах из паволок» (ПСРЛ. Т. 3. С. 108–109).

Такой же перечень подплатежных «Росии» земель (ὑπόφορα χώρα) «*ультины*, *дервленины* и *лензанины* и другие *склавы*» находим в главе 37 трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного (DAI-I. P. 168). Текст главы датируется 910–920-ми годами (Howard-Johnston 2000; Козлов 2012).

Н1мл. / НС	DAI. 37.40-45
Кыевъ	Ῥωσία / Κιοάβα
поляне	Λενζανῆνοι / * lędjane
у(г)личи	Οὐλτῖνοι
древляне	Δερβλενίνοι
Словене (?)	λοιποὶ Σκλάβοι

Сопоставление двух текстов позволило мне отождествить лендзян с полянами (Щавелев 2014). Поляне/лендзяне живут на Днепре, по мелким протокам гидрографической сети (ἡ λίμνη) которого они, как и кривичи, поставляют моноксилы в Киев. Λοιποὶ Σκλάβοι могли означать каких-то «остальных» славян-пактиотов, но, возможно, в рассказах информаторов фигурировали конкретно словене.

Уличи заселяли побережье Днепра южнее Киева: «по Днѣпру вънизъ»; с ними воевали Аскольд и Дир, Олег и Игорь (ПСРЛ. Т. 3. С. 106, 109–110; Т. 1. Стб. 24). Именно на Днепре, судя по летописному тексту, был размещен их «столичный» город Пересечен (Рыбаков 1950. С. 5–8). Под влиянием текста НС о переселении уличей с Днепра на Буг, их этноним и (в некоторых списках) эти гидронимы вставлены в пассаж о тиверцах на Днестре рассказа о расселении славян (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13).

У Константина Багрянородного три «хоры» древлян, уличей и лендзян сополагаются с печенежской «фемой» Иавдиертим, а Росия – с фемой Харавои. Но этот текст не может быть веским аргументом для локализации уличей и лендзян на Днестре и Буге. Во-первых, в главе 8 трактата Константина есть сообщение, что печенеги *каждое лето* перекочевывают с одного берега Днепра на другой (DAI-I. P. 56); а при таких передвижениях точная локализация фем сомнительна. Фемы перечислены географически непоследовательно. После фем, которые сополагаются с Болгарией и Туркией (перечисление идет с юга на север и с запада на восток), пропускается земля древлян, и сразу идет Росия. Древляне же, находящиеся *западнее Киева,* упоминаются после Росии вместе с остальными славянскими «хорами»: если буквально следовать DAI, то «Росию» надлежит поместить между землей турков (мадьяр) и древлянами. Перечисление славянских племен тоже, скорее, риторическое, поскольку «другие славяне», с которыми соседят печенеги на правом берегу Днепра и которые бы платили дань Росии, неизвестны.

Употребленный в тексте глагол πλησιάζω в активном залоге означает не только состояние соседства, но и «приближение», «связь», «контакт», а также включает понятия «контроля», «воздействия» (Дюно, Ариньон 1982. С. 70–71). Угроза печенегов разным народам – центральная тема первых 12-ти глав трактата.

Такое сочетание значений «соседства» и «возможности нападения» читается в главе 10: «Ὅτι οἱ Οὖζοι δύναναι πολεμεῖ τοὺς Χαζάρους, ὡς αὐτοῖς πλησιάζοντες...», – узы нападают на хазар, поскольку находятся с ними по соседству. Угроза нападением руси и печенегов отмечается в письме 921–924 гг. патриарха Николая I болгарскому царю Симеону (Nicholas I 1973. P. 158, 536–537). Поэтому в главе 37 смысловое ударение должно быть сделано не на «пограничность», а на возможность давления фемы Харавои на Росию и фемы Иавдиертим на три славянских «хоры». Так разные половецкие ханы имели контакты с разными древнерусскими землями и их князьями.

Неправдоподобна версия, что глава 37 написана *после* переселения уличей с Днепра в междуречье Буга и Днестра, где они могли бы соседствовать с печенегами. В этом случае приходится допустить, что уличи не только сохранили свою этнополитическую организацию на новом месте, но и остались подчинены киевским князьям, которые не контролировали бассейны Буга и Днестра. Смысл миграции уличей в отдаленную область при сохранении «подплатежности» Киеву остается совершенно неясным.

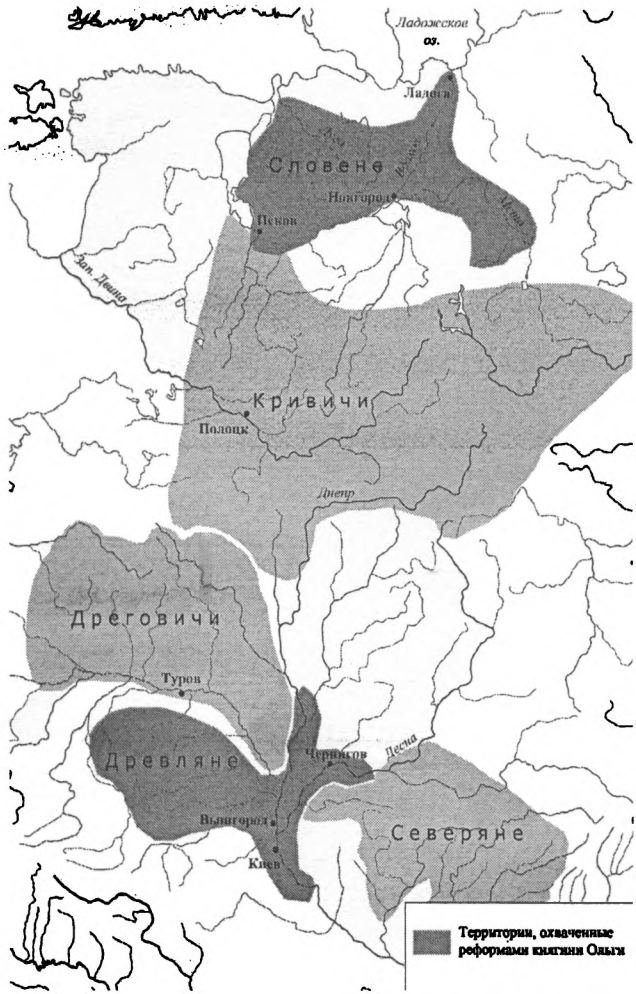
В тексте НС примечательна последовательность событий. Уличей «примучивают»: их дань получает Свенельд. Потом три года осаждается «единъ градъ» Пересечен, и только *после его взятия* уличи уходят с Днепра. Свенельд же получает дань с древлян. Обычно этот пассаж понимается в том смысле, что Свенельд получает и уличскую, и древлянскую дань, но текст можно понять и так, что Свенельд после отселения уличей, потеряв источник дохода, получает вместо него дань с древлян. Такая интерпретация объясняет возмущение «дружины Игоря»: Свенельд и его отроки не удержали уличей, но получили компенсацию.

Текст ПВЛ приписывает все завоевания, последовавшие за захватом Киева, князю Олегу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24). Олег и затем Игорь дважды покоряют древлян и возлагают на них дань, но древляне и после этого сохранили укрепленную столицу, своего князя Мала и «лучших мужей». На этом фоне «дань легкая», возложенная Олегом на северян, – явно символическая. К радимичам Олег только «посылает» запрос «кому дань даете?», о походе на них ничего не сказано. Уличи и тиверцы с ним вою-

ют. Тиверцы в ПВЛ упоминаются только как участники походов на Византию.

Кривичи фигурируют в рассказе о приходе Олега к Смоленску по пути в Киев, в НС Олег [и Игорь] «налѣзоста Днѣпрь рѣку и Смолнескъ град», в ПВЛ же еще: «прия градъ и посади мужь свои» (Там же. Т. 3. С. 107; Т. 1. Стб. 22–23). Вопрос о присоединении кривичей и дреговичей в раннем летописании не прояснен. Это, видимо, объясняется тем, что власть над кривичскими территориями устанавливалась из Пскова, Смоленска и Полоцка. В этом смысле кривичи не были объектом прямой экспансии киевских Рюриковичей, их захват и приучение к выплатам дани производили другие силы – Рогволодъ и два его сына, Туры, псковские родственники княгини Ольги. Точно так же Киев, захваченный Аскольдом и Диром, в конечном счете достался Олегу и Игорю. Легендарный рассказ об убийстве Рогволода – это и есть история присоединения основной территории кривичей (Там же. Т. 1. Стб. 75, 299–300).

К середине X в. происходит рост базовой инфраструктуры вокруг Киева и Новгорода и параллельно идет формирование системы даннических взаимоотношений с группами славян (Бахрушин 1938). Согласно главе 9 трактата «Об управлении империей» (дата составления трактата 946/48–952/59 гг.), полюдье росов охватывало территории *древлян*, *дреговичей*, *кривичей* и *северян* (DAI-I. P. 62). Территории, захваченные Рюриковичами в середине X в., в НС маркируются описанием административной деятельности княгини Ольги. На юге – это земля древлян до Киева, реки Днепр и Десна; на севере – Новгород, река Мста, Псков (ПСРЛ. Т. 3. С. 113), в ПВЛ добавлена еще река Луга (карта 2). Перед нами классический случай «сегментарной политии», у которой границы реального политического контроля гораздо у́же сферы прокламируемой «символической» власти (Southall 1988). Такие политии классифицируются как *сложные вождества* (Scalnik 2004. P. 88).



Захват территорий *северян*, *радимичей* и *вятичей* пришелся на вторую половину X в. (Григорьев, Сарачев 1999). Именно *радимичи* и *вятичи* – цель военных походов Святослава Игоревича и Владимира Святославича. К 984 г. приурочена легенда о покорении радимичей воеводой Волчий Хвост (ПСРЛ Т. 3. С. 131, 175; Т. 1. Стб. 83–84). В первой же половине этого столетия на северян и радимичей была лишь возложена дань, а вятичи вообще не фигурировали в качестве объектов экспансии.

В раннем летописании известны имена всех командующих и детали военных операций против полян, уличей, древлян, радимичей; за каждым таким эпизодом стоит прото-нарратив *о захвате конкретной территории.*

В конце X – первой трети XI в. славянские «племена» сохранили свое этносоциальное самосознание и после потери политического суверенитета. Киевский летописец отождествляет себя с *полянами* (Живов 2002. С. 170–186). Князь Олег Святославич садится на княжение «въ деревехъ» [мест. пад. мн.ч. атемат. ф. сущ. с суф. –(j)an-, т.е. «*у древлян*»], а «*един деревлянин*» показывает в 977 г. место, где погиб Олег (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 75). *Словене* фигурируют в первой статье «Русской правды» (Никольский 2004. С. 28–29), а *радимичи* везут повоз «до сего дни» в XI в. (Фетисов, Щавелев 2012). *Северяне* выступают как автономный военный контингент в 1024 г., «*северянин*» здесь же сопоставлен с *варягом* и противопоставлен «*своей дружине*» князя Мстислава Владимировича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149). *Вятичи, дреговичи* и *кривичи* сохраняют разные формы идентичности во второй половине XI – XII в. (Шинаков 2000; Лукин 2003).

Литература

Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 88–98.

Григорьев А.В. Сарачев И.Г. О времени гибели Роменской культуры // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 341–353.

Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие граница у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. Т. 43 (68). 1982. С. 64–73.

Живов В.М. Об этническом и религиозном сознании Нестора Летописца // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 170–186.

Козлов С.А. Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (DAI. Cap. 37) и проблема его источников // ВЕДС-XXIV. М., 2012. С. 113–119.

Лукин П.В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 257–285.

Назаренко А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте ранне-

средневековой истории Старого Света: Мат-лы междунар. конф. в Гос. Эрмитаже. СПб., 2009. С. 411–440.

Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.

Петров Н.И. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996.

Рыбаков Б.А. Уличи // КСИИМК. 1950 С. 3–17.

Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. СПб., 2010. Вып. 12 (22). С. 5–35.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Русь и радимичи: история взаимоотношений в X–XI вв. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2012. № 5 (13): Начала Древнерусского государства. С. 122–129 (<http://history.jes.su/s207987840000421-2-1>).

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347.

Щавелев А.С. Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι / Λενζενίνοι / *lędjane // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: Тезисы докл. и сообщ. VI Междунар. византийского семинара (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Севастополь, 2014. С. 47–49.

Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 7–53.

DAI–I – *Constantine Porphyrogenitus.* De Administrando Imperio. Washington, 1967. Vol. 1: Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsic.

Howard-Johnston J. The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. P., 2000. P. 301–336.

Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters / Greek text & Transl. by R.J.H. Jenkins & L.G. Westerink. Washington, 1973.

Scalnik P. Chiefdom: a universal political formation? // Focaal – European Journal of Anthropology. 2004. N 43 (1). P. 76–98.

Southall A. The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30, N 1. P. 52–82.

С.В. Ярцев

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ И ГРАНИЦА МЕЖДУ ХЕРСОНЕСОМ И БОСПОРОМ В КОНЦЕ II в. н.э.*

Известно, что границы античных государств Херсонеса и Боспора на различных этапах истории постоянно менялись. Во II в. н.э. под влиянием римского фактора, этот процесс получил дальнейшее развитие.

Так, в 193 г. Савромат II окончательно завоевал «сираков и скифов», а Таврику присоединил «по договору» (КБН. № 1237). Упоминание сираков в контексте со скифами, безусловно, свидетельствует о том, что речь в тексте идет о предгорном Крыме (Пуздровский 2001. С. 114), присоединение же Таврики, похоже, действительно, как считал еще В.М. Зубарь, означает раздел территории бывшей Крымской Скифии между Боспором и римским военным командованием, находившимся в Херсонесе. При этом проведенная по данным анализа античного импорта в юго-западном Крыму новая граница между Херсонесом и Боспором прошла в предгорьях по р. Альме, а на Южном берегу, возможно, по району современной Алушты (Зубарь 1998. С. 110–116) или чуть западнее. Во всяком случае, надпись Савромата II (КБН. № 955) была обнаружена в Партените, на Южном берегу Крыма, западнее Алушты. На захваченных землях, в Неаполе Скифском, разместилась резиденция боспорского наместника (Зайцев 2003. С. 45), а в юго-западном Крыму, включая Южный берег (Балаклава – Алушта), была установлена целая система римских постов и укреплений (Зубарь 2004. С. 123–143). На позднескифском городище Альма-Кермен с конца II в. н.э. (Храпунов 2004. С. 120) даже дислоцировался небольшой римский гарнизон, выделенный из состава херсонесской вексилляции (Костромичёв 2011. С. 116–119) и контролировавший плодородные земли в междуречье Качи и Альмы. С этого времени в юго-западном Крыму формируется новый экономический район, ориентированный на Херсонес. На фоне экономического подъема здесь возникают большие зерновые хранилища, получают развитие виноградарство и садоводство (Пуздровский 2001. С. 114).

В отличие от юго-западных территорий Крыма, его центральные и восточные районы в указанное время развивались под контролем Боспора. Косвенно это подтверждает появление здесь любопытных погребальных сооружений одной из групп наемников. Материал происходит с достаточно удаленных друг от друга могильников Нейзац и Белинского городища. То, что данные погребения, тип которых не был ранее известен на территории Крыма, зафиксированы на некрополе Белинского городища, вблизи северного участка Узунларского вала, может объясняться концентрацией здесь боспорских воинских контингентов перед походами на крымских скифов. Осевшая на городище, еще до событий второй половины III в. н.э., группа наемников погребала своих мертвых в особых грунтовых могилах с пазами для деревянного или каменного перекрытия в длинных стенах. Судя по выявленным остаткам богатого погребального инвентаря, группа обладала достаточно высоким социальным статусом. То обстоятельство, что данный тип погребальных сооружений выявлен, помимо Белинского городища, еще и в предгорном Крыму на могильнике Нейзац, может указывать как на направление боспорской экспансии (Храпунов 2004. С. 136; Зубарев, Ланцов, Смекалов 2014. С. 189–196), так и на стремление боспорских царей обеспечить контроль над новыми территориями.

Существуют и другие археологические источники, подтверждающие установление контроля боспорским государством над центральными и восточными районами предгорного Крыма. Так, анализ лепной керамики, проведенный В.П. Власовым, свидетельствует о целенаправленном перемещении населения, скорее всего, насильственного характера, из предгорных районов на территорию восточного Крыма (Власов 2006. С. 281). Появление поздних скифов непосредственно на боспорской территории подтверждается и материалом из раскопок Белинского городища (Зубарев, Ярцев 2012. С. 279–282).

По нашему мнению, причиной такой демаркировки границ стало изменение римской стратегии в Северном Причерноморье во II в. н.э. Более того, именно решение римлян о выравнивании здесь границ античного мира, скорее всего, и привело к гибели Крымской Скифии. Дело в том, что ядром буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье были признаны тер-

ритории собственно античных государств, вместе с прилегающими землями, занятыми исключительно зависимым варварским населением. Обеспечение охраны всей этой буферной зоны превратилось в первостепенную задачу римлян в регионе. По античным центрам были распределены воинские гарнизоны, сама же территория была значительно укреплена. Ключевым звеном этих укреплений являлась довольно сложная система защиты земель Херсонесского государства на Гераклейском и Маячном полуостровах (Зубарь 2004. С. 12–122). На территории Нижнего Подунавья также существовали оборонительные земляные фортификационные сооружения, начавшие возводиться еще при Траяне (Чеботаренко, Субботін 1992. С. 103–117). Ольвию же прикрывал целый оборонительной комплекс, первые элементы которого были созданы вообще в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. В связи с этим несомненный интерес вызывает мнение С.Б. Буйских, который предположил, что укрепления ольвийской хоры (такие как Козырка, Скелька, Дидова хата, Дарьевка на Ингульце), будучи римскими *stationes*, являлись частью единого Таврического лимеса (Буйских 1991. С. 108–117, 135 и сл.).

По мнению В.М. Зубаря, нельзя признать корректной характеристику системы городищ в Нижнем Побужье и Таврике как лимеса, ведь последний представлял собой систему укреплений исключительно собственно границ империи (Зубарь 1998. С. 106–107). Однако, хотя античные государства Северного Причерноморья действительно не входили официально в Римскую империю, стоит напомнить, что римляне относились к зависимым землям как к части империи (Перевалов 2010. С. 328). При этом, создавая оборонительные рубежи союзных государств, римляне использовали традиционные приемы военной техники (Зубарь 1998. С. 107), поэтому наличие элементов лимеса на территории государств-союзников не должно вызывать удивления (Колобов 2007. С. 194–202).

Не исключено, что главной целью этих укреплений, представлявших собой своеобразный северопричерноморский вариант «вала Адриана», являлось взятие под контроль всей прибрежной причерноморской зоны (исключая разве что участок в районе лесистой Гилеи?) и полное блокирование ее от проник-

новения враждебных варваров, в первую очередь аланов. В этом случае укрепленная сухопутная граница указанной буферной причерноморской полосы, с расположенными здесь античными центрами и интенсивным каботажным плаванием вдоль ее берегов, должна была вначале проходить по Северо-Западному Причерноморью, затем по западному побережью Крыма, где, по мнению С.Б. Ланцова, под контроль римлян во II–III вв. н.э. попали не только хора Херсонеса на Гераклейском полуострове, но и другие территории, соединенные дорогами (2003. С. 48–51), после чего, пересекая предгорный Крым, подходить к землям Боспора. Возможно, возведенные в данное время оборонительные сооружения в устье Дона (Шелов 1972. С. 13–15) и на азиатском Боспоре (КБН. № 1122; Виноградов, Горончаровский 2009. С. 275–276) также имели отношение к этой предполагаемой единой системе укреплений. Не исключено, что по плану римлян эти укрепления должны были в конечном итоге сомкнуться с объектами понтийского лимеса.

Таким образом, именно исходя из указанной римской стратегии и необходимо интерпретировать гибель Крымской Скифии, территория которой была захвачена и разделена между Херсонесом и Боспором, а поздние скифы превращены в зависимое сельскохозяйственное население этих государств.

Примечание

* Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

Литература

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.). Киев, 1991.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2009.

Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // БИ. 2006. Вып. 11. С. 163–176.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.

Зубарев В.Г, Ланцов С.Б., Смекалов С.Л. Новый участок некрополя «Белинское» // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914–1998). СПб., 2014. С. 189–196.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища «Белинское» // БИ. 2012. Вып. 26. С. 275–289.

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998.

Зубарь В.М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 73–182.

Колобов А.В. Всегда ли лимес являлся границей Римской империи? // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Саратов, 2007. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. С. 194–202.

Костромичёв Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 15–164.

Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.

Перевалов С.М. Римская стратегия на Кавказе в Каппадокийское легатство Флавия Арриана // *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., 2010. С. 302–380.

Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в.н.э.) // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. 6.

Чеботаренко Г.Ф., Субботін Л.В. «Троянові вали» у Дунай-Дністровському межиріччі (історія питання та історіографія) // Археологія Південного Заходу України. Київ, 1992. С. 103–117.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агишев Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, доц. кафедры истории Средних веков Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

Алексеенко Николай Александрович – Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne, France), канд. ист. наук, заведующий филиалом «Крепость Чембало» Нац. муз.-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)

Алимов Денис Евгеньевич – канд. ист. наук, доц. кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ

Арапов Дмитрий Юрьевич – д-р ист. наук, проф. кафедры истории России до XIX в. Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

Артамонов Юрий Александрович – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Арутюнова-Фиданян Виада Артуровна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Ауров Олег Валентинович – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории Ф-та архивного дела Историко-архивного ин-та РГГУ

Бубенок Олег Борисович – д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения им. А. Крымского НАН Украины

Вдовченков Евгений Викторович – канд. ист. наук., доц. кафедры Археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Виноградов Андрей Юрьевич – канд. ист. наук, доц. кафедры социальной истории Школы ист. наук НИУ ВШЭ

Виноградов Юрий Алексеевич – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Отдела истории античной культуры Ин-та истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Воскресенский Андрей Петрович – аспирант кафедры истории Древнего мира Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

Ганина Наталия Александровна – д-р филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии Филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой английской филологии Ин-та филологии и истории РГГУ

Гимон Тимофей Валентинович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, ст. науч. сотр. Исторического ф-та Гос. акад. ун-та гуманит. наук

Глазырина Галина Васильевна – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Григорьев Александр Вадимович – ст. науч. сотр. Музея-заповедника «Куликово поле» (Тула)

Гурьянов Валерий Николаевич – канд. ист. наук, нач. отдела организации науч. исследований Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского

Дедук Андрей Владимирович – специалист I категории РГАДА, аспирант Историко-архивного ин-та РГГУ

Джаксон Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Ермолова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории Ф-та архивного дела Историко-архивного ин-та РГГУ

Домбровски Дариуш – д-р ист. наук (doktor habilitowany), проф. Ин-та истории Ун-та Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Завойкин Алексей Андреевич – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела классической археологии Ин-та археологии РАН

Зедгенидзе Ангелина Андреевна – канд. ист. наук, доц. кафедры философии, культурологии и политологии Ф-та философии, культуры и искусства Московского гуманит. ун-та

Земляков Михаил Вячеславович – соискатель кафедры истории Средних веков Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

Измайлов Искандер Лерунович – д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та археологии Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Каинов Сергей Юрьевич – науч. сотр. Государственного исторического музея

Калинина Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Конявская Елена Леонидовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, гл. ред. науч. журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики»

Копылов Иван Александрович – канд. ист. наук, доц. кафедры истории древнего мира Ин-та восточных культур и античности РГГУ

Короленков Антон Викторович – канд. ист. наук, науч. ред. редакции журнала «Новая и новейшая история» (Академиздатцентр «Наука» РАН)

Котляр Николай Федорович – чл.-корр. НАН Украины, гл. науч. сотр. Ин-та истории Украины НАН Украины

Котышев Дмитрий Михайлович – канд. ист. наук, зам. дир. по науке Троицкого краеведческого музея (Троицк, Челябинская обл.)

Кузнецов Андрей Александрович – д-р ист. наук, проректор по учебной и воспитательной работе Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского

Кузнецова Анна Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Отдела истории средних веков Ин-та славяноведения РАН

Кузьмин Андрей Валентинович – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Рос. гос. библиотеки

Кулешов Вячеслав Сергеевич – науч. сотр. Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

Лукин Павел Владимирович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН

Масленников Александр Александрович – зав. отд. полевых исследований Ин-та археологии РАН

Матузова Вера Иванова – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Мишин Дмитрий Евгеньевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН

Могаричев Юрий Миронович – д-р ист. наук, проф. Крымского респ. ин-та постдипломного пед. образования

Молев Евгений Александрович – д-р ист. наук, проф. кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского

Науменко Валерий Евгеньевич – канд. ист. наук, доц. кафедры Истории древнего мира и средних веков Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН, проф. РГГУ

Подосинов Александр Васильевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, зав. кафедрой древних языков Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, проф. центра антиковедения РГГУ

Самонова Мария Николаевна – канд. ист. наук, ассистент кафедры довузовской подготовки и профориентации Гомельского гос. ун-та им. Франциска Скорины

Скржинская Марина Владимировна – д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та истории Украины НАН Украины

Сорочан Сергей Борисович – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Харьковского нац. ун-та им. В.Н. Каразина

Степанов Цветелин – профессор кафедры истории и теории культуры Софийского ун-та им. св. Климента Охридского (Болгария)

Столярова Любовь Викторовна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Суриков Игорь Евгеньевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Темчин Сергей Юрьевич – габилитированный д-р гуманит. наук, проф., вед. науч. сотр., зав. Отделом взаимодействия языков и культур Ин-та литовского языка (Вильнюс, Литва)

Тимохин Дмитрий Михайлович – науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН

Тишин Владимир Владимирович – аспирант Отдела истории Востока Ин-та востоковедения РАН

Тортика Александр Александрович – вед. науч. сотр. науч.-исслед. центра истории и археологии Крыма Таврической акад. Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского

Фетисов Александр Анатольевич – науч. сотр., реставратор Гос. музея искусств народа Востока.

Флёров Валерий Сергеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. группы средневековой археологии евразийских степей Ин-та археологии РАН

Франчук Вера Юрьевна – д-р филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Ин-та языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины

Фролов Алексей Анатольевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Хлевов Александр Алексеевич – д-р филос. наук, проф. Русской христианской гуманит. академии (Санкт-Петербург)

Храпачевский Роман Петрович – директор Центра по изучению военной и общей истории (Москва)

Храпунов Никита Игоревич – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Науч.-исслед. центра истории и археологии Крыма Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского

Шинаков Евгений Александрович – д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Брянского гос. ун-та им. И.Г. Петровского

Шувалов Петр Валерьевич – канд. ист. наук, доц. отделения византийской и новогреческой филологии кафедры общего языкознания, уч. секр. Византийского центра при Греческом ин-те Филологического ф-та СПбГУ

Щавелёв Алексей Сергеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН

Ярцев Сергей Владимирович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. кафедры истории и археологии Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург.
АМА – Античный мир и археология. Саратов.
АО – Археологические открытия. М.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БСЭ – Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1949–1958.
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
ВВ – Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВМЧ – Великие минеи четьи / Изд. Археогр. комиссией. СПб.; М., 1869–1916.
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ДБ – Древности Боспора. М.
ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). М.
ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
ИВКА РГГУ – Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
ИКР – История и культура Ростовской земли. Ростов.
КБН – Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1965.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской СССР. Киев.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (Киев)

НАН Украины – Национальная академия наук Украины

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПВЛ – «Повесть временных лет»

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

Т. 4, ч. 2, вып. 1: Новгородская пятая летопись. Пг., 1917.

Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004

Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

СА – Советская археология. М.

ССб – Сугдейский сборник. Киев; Судак.

САИ – Свод археологических источников. М.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СРМ – Сообщения Ростовского музея. Ростов.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.

ХС – Херсонесский сборник. Севастополь.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л.; СПб.

ЧОИДР – Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских. М.

HUB. I – Hansisches Urkundenbuch. Halle, 1876. Bd. I / Bearb. von K. Höhlbaum.

IOSPE I^2 – *Latyschev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

MGH – Monumenta Germaniae historica.

PL – Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. P.

PLRE – *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971–1992. Vol. 1–3.

SBS – Studies in Byzantine Sigillography. Washington.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Агишев С.Ю. Норвегия: одаль короля или его лен? 3
Алексеенко Н.А. Территория византийского влияния в Таврике по находкам моливдовулов имперских чиновников и придворных аристократов 9
Алимов Д.Е. Франкский дукат или славянское вождество? Хорватский политогенез в контексте каролингского «Renovatio Imperii Romani» 13
Арапов Д.Ю. Мусульманская Бухара и ее место в жизни домонгольской Центральной Азии 18
Артамонов Ю.А. Становление монастырского землевладения на Руси: волости и села 21
Арутюнова-Фиданян В.А. Модели организации лимеса: восточные границы Византийской империи (IX–XI вв.) 24
Ауров О.В. «Galliarum terra, altrix perfidiae»: приграничье в «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского 27
Бубенок О.Б. Сведения письменных источников о западной границе северокавказской Алании в X–XII вв. 31
Вдовченков Е.В. Центры власти и периферия в сарматском обществе по данным археологии 36
Виноградов А.Ю. Конец Боспора и смена эр: проблема единства территории и эпиграфическое койне в IV–XIII вв. 42
Виноградов Ю.А. Погребения элиты Боспора Киммерийского: К выделению центров концентрации и периферии 46
Воскресенский А.П. Роль скифской периферии в истории Боспорского царства второй половины IV в. до н.э. и проблема внешнеполитической ориентации Пантикапея 51
Ганина Н.А. Эволюция представлений о власти и владении на Рюгене 56

Гвоздецкая Н.Ю. Монастырь-остров как фактор политогенеза в восприятии Беды Достопочтенного (на материале «Церковной истории народа англов») 61
Гимон Т.В. «Роспись племен» («Tribal Hidage») и территориальная структура англо-саксонских королевств 65
Глазырина Г.В. «Как церковь в Скальхольте стала сильной и могущественной» 71
Григорьев А.В. Границы земли северян в X – начале XI в. 76
Дедук А.В. Чернигово-рязанское порубежье в XII–XIII вв. 80
Джаксон Т.Н. Южное пограничье Дании X–XII вв. в представлении автора «Саги о Кнютлингах» 85
Домбровски Д. Когда и зачем Даниил Романович перенес центр своего государства в Холм? Значение центров власти во взаимоотношениях между пра-вителем и обществом 91
Ермолова И.Е. Варвары на территории Римской империи 96
Завойкин А.А. Верховная власть над территорией и собственность на землю на Боспоре VI–II вв. до н.э. 101
Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: территория города и хоры (V–IV вв. до н.э.) 106
Земляков М.В. Роль римского элемента в формировании общества и государства Меровингов в конце V – начале VII в. (по материалам франкских правд) 111
Измайлов И.Л. Формирование государственной территории Волжской Булгарии X–XIII вв.: Комплексный анализ источников 116
Каинов С.Ю. К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово 121
Калинина Т.М. Пределы или границы Хазарии 125
Конявская Е.Л. Проблема стольного города в «Суздальской земле» в XII – начале XIII в. (по ранним летописям) 130

Копылов И.А. Изменения границ в епархиальной системе королевства свевов как отражение идеологических тенденций 135
Короленков А.В. Территория как фактор политогенеза у Саллюстия 140
Котляр Н.Ф. Образование Галицко-Волынского княжества (развитие территории древнерусского государства) 144
Котышев Д.М. «Русская земля» в X–XII вв.: центр и периферия 149
Кузнецов А.А. Рязанская идентичность в противостоянии владимирской экспансии 1206–1212 гг. 154
Кузнецова А.М. Формирование государственной территории Венгерского королевства в X–XI вв. 159
Кузьмин А.В. Территориальные изменения в левобережном Поочье в XIII – начале XV в. (на примере Козельска, Брыни, Серенска, Мосальска и Перемышля на Оке) 162
Кулешов Вяч.С. Раннесредневековое славяно-финское пограничье в памятниках лексики 168
Лукин П.В. Территориальные обозначения и коллективная идентичность в Новгороде XII–XIII вв. по данным ранних грамот 175
Масленников А.А. Границы и пограничья античного Боспора в эпоху эллинизма 181
Матузова В.И. Формирование административно-территориальной системы государства Тевтонского ордена в Пруссии 185
Мельникова Е.А. Договоры о границах (Англо-Саксонская Англия и Скандинавия) 189
Мишин Д.Е. К вопросу о границах государства Лахмидов 196
Могаричев Ю.М. К вопросу о херсонских владениях на азиатском Боспоре 201
Молев Е.А. Территориальное и государственное формирование Боспора в VI в. до н.э. 205
Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII вв. 212

Петрухин В.Я. Саркел и Бертинские анналы: хазарское начало русской истории? 216
Подосинов А.В. Страбон о границах территории Боспорского царства 222
Самонова М.Н. Скандинавский фактор в образовании Полоцкого и Туровского княжеств 228
Скржинская М.В. Формы защиты территории Ольвийского государства в V–I вв. до н.э. 233
Сорочан С.Б. К проблеме локализации Фул и «народа фульского» 238
Степанов Цв. Территориально-административное развитие средневековой Болгарии (VII–XIII вв.) 243
Столярова Л.В. Ростовская земля как часть Древнерусского государства (IX–XIII вв.) 248
Суриков И.Е. Территориальный фактор политогенеза в различных регионах античного греческого мира (попытка сравнительного анализа) 254
Темчин С.Ю. Сирийская фраза «парехъ мари» в граффито XI в. новгородской Софии и церковнославянский перевод Иеронимова Жития Илариона Великого 259
Тимохин Д.М. К вопросу о границах хорезмийского государства Джалал ад-Дина Манкбурны на Южном Кавказе (1225–1231 гг.) 264
Тишин В.В. К прочтению древнетюркской рунической надписи из Койтубека (в контексте проблем землепользования у кочевников древнетюркского времени) 268
Тортика А.А. Центры Хазарского каганата на ранних этапах его истории 273
Фетисов А.А. Формирование «домена» Рюриковичей («Русской земли») по археологическим данным 278
Флёров В.С. Хазарские центры на Нижнем Дону 284
Франчук В.Ю. Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. 288
Фролов А.А. «Бежецкий ряд» и «Обонежский ряд» в системе отношений князей и Новгорода XIII в. 293

Хлевов А.А. Ладьевидные каменные кладки и география раннего политогенеза Скандинавии 299
Храпачевский Р.П. География «государств татар» в IX–XII вв. по данным китайских средневековых источников 303
Храпунов Н.И. О некоторых закономерностях управления византийскими владениями в Таврике 309
Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О границе Новгород-Северского и Черниговского княжеств в XII–XIII вв. 314
Шувалов П.В. Племена, общины и исторические области: к вопросу об историко-географических модулях 322
Щавелев А.С. Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. 328
Ярцев С.В. Крымская Скифия и граница между Херсонесом и Боспором в конце II в. н.э. 336
Сведения об авторах 341
Список принятых сокращений 346
Оглавление 349

Научное издание
Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА

XXVII Чтения
Памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

ISBN 978-5-94067-432-0

Л.Р.ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 30.03.2015
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Объем– 21,13 п.л. Тираж 150 экз.

ИВИ РАН: Москва, Ленинский пр., д. 32 а